

УЧЕНИЕ МАРКСА

XXI ВЕК

Марксизм и современность
●
Мировой финансовый кризис

К 190-летию со дня рождения

Ответственный редактор
доктор философских наук, профессор
Д. В. Джохадзе

URSS
МОСКВА

Редакционная коллегия:

В. А. Ацюковский, Г. А. Багатурян, Г. Ю. Беляев, Ф. И. Биншток, И. М. Братишев,
А. В. Бузгалин, А. И. Бусел, М. И. Воейков, Е. Н. Герасимов, И. А. Гобозов, С. И. Гончарук,
А. А. Горелов, В. А. Гребенщиков, В. С. Гриценко, Л. А. Гриффен, Д. В. Джохадзе,
А. Т. Дробан, В. Д. Жирнов, В. А. Иванов, Н. И. Капченко, В. И. Катков, Ф. Н. Клоцков,
А. Д. Колганов, Р. И. Косолапов, М. Е. Котельников, В. С. Марков, Т. В. Наумова, В. В. Орлов,
Е. В. Осичнюк, А. В. Островский, Н. Н. Пименов, Ю. К. Плетников, П. А. Покрытан,
А. П. Проскурин, В. С. Семенов, Е. Ф. Солопов, Н. В. Сычев, Л. С. Чернова, Т. И. Яброва

Учение Маркса. XXI век: Марксизм и современность. Мировой финансовый кризис. (К 190-летию со дня рождения) / Отв. ред. Д. В. Джохадзе.

М.: КРАСАНД, 2010. — 376 с.

Вниманию читателей предлагается коллективное монографическое исследование, которое включает в себя доклады и выступления в дискуссиях участников международной научно-практической конференции «Учение Карла Маркса в XXI веке», состоявшейся 25–26 апреля 2008 года на научно-организационной базе открытого академического теоретического семинара «Марковские чтения» Института философии РАН совместно с общероссийскими общественными организациями «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО) и «СОЮЗ», а также международным журналом «Марксизм и современность» (Киев). Составленные на основе богатых достоверных эмпирических данных, их тщательного анализа, соответствующих теоретических обобщений и логических заключений, материалы настоящего исследования освещают научно-обоснованные подходы ученых-марксистов и марксистов-обществоведов ведущих академических и вузовских центров России и ближнего зарубежья по самому широкому кругу охватываемых проблем прошедшей конференции.

Данный сборник содержит первую часть материалов. Вторая часть включена в книгу «Учение Маркса. XXI век: Капитал. Формации. Противоречия» (М.: URSS, 2010).

Книга адресована научным работникам, преподавателям гуманитарных дисциплин, аспирантам и студентам, а также всем интересующимся научным подходом к учению Карла Маркса, аутентичному марксизму в целом.

Рецензент:

зав. кафедрой философских, социальных и исторических наук Московской государственной академии физической культуры, д-р соц. наук, проф. *Ю. А. Фомин*

Рекомендовано к печати Ученым советом Межведомственного научно-учебного центра комплексных проблем национальной политики РАН 10 марта 2010 года

Издательство «КРАСАНД». 121096, Москва, ул. 2-я Филевская, 7, корп. 6.

Формат 60×90/16. Печ. л. 23,5. Зак. № 3684.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-396-00216-6

© КРАСАНД, 2010

И имя его, и дело переживут века!

Ф. Энгельс

Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни.

В. И. Ленин

Содержание

Сведения об авторах	6
Марксизм и современность	8
<i>Д. В. Джохадзе</i> Прощания с Марксом и аутентичным марксизмом не произошло.....	8
<i>Р. И. Косолапов</i> Маркс современен всегда	44
<i>Е. Ф. Солопов</i> Философия Карла Маркса: вехи развития	79
<i>Ф. И. Биншток</i> Карл Маркс сегодня	89
<i>Н. И. Капченко</i> История — поле и объект политико-идеологических баталий.....	105
<i>В. С. Марков</i> Вечная молодость марксизма.....	129
<i>В. И. Катков</i> Диктатура пролетариата — сущность марксистского учения в контексте современности.....	144
<i>Р. А. Бурханов</i> Логика и методология «Науки логики» Г. В. Ф. Гегеля и «Плана шести книг» главного экономического труда К. Маркса: гениальные предвидения будущего глобального общества.....	147
<i>Р. С. Осин</i> Классовая борьба: теория и современность.....	165
<i>В. В. Денисов</i> Гуманистическая парадигма марксизма	189
<i>В. Х. Беленький</i> Идеи К. Маркса об активности народных масс и развитие России.....	197

В. С. Гриценко

Марксистская диалектика и концепция
единого закономерного мирового процесса214

Н. Н. Пименов

Марксовская идея коммунизма — вечная идея
справедливости и гуманизма.....226

В. Н. Горлов

«Красный май» 1958 года: особенности
социально-политической активности молодежи Франции229

И. А. Гобозов

Легко ли быть марксистом?235

В. А. Иванов

Идеологические мифы как средство опровержения марксизма240

Г. Ю. Беляев

Марксизм как символ научной рациональности в эпоху глобализма263

В. А. Гребеничиков

О перспективных направлениях развития марксизма278

Мировой финансовый кризис287

Ф. Н. Клоцвог, Л. С. Чернова

Мировой экономический кризис — предвестник конца капитализма.....287

И. М. Братищев

Современный мировой финансовый коллапс — следствие
глобализации противоречий «нового» империализма.....294

А. В. Бузгалин, А. Д. Колганов

Первый мировой экономический кризис XXI века: причины,
программы преодоления, сценарии посткризисного развития
(марксистский анализ)306

П. А. Покрытан

Современные экономические кризисы и «антикризисное управление»342

А. А. Горелов

Мировые экономические кризисы XX и XXI веков и их причины355

Программа Международной научно-практической

конференции «Учение Маркса в XXI веке»365

Сведения об авторах

Беленький В. Х. — доктор философских наук, профессор Сибирского федерального университета.

Беляев Г. Ю. — кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Института теории и истории педагогики РАО.

Биншток Ф. И. — кандидат экономических наук, доцент.

Братишев И. М. — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, проректор Международного славянского института.

Бузгалин А. В. — доктор экономических наук, проф. МГУ им. М. В. Ломоносова, директор Института социэкономки (МФЮА).

Бурханов Р. А. — доктор философских наук, профессор.

Гобозов И. А. — доктор философских наук, академик РАЕН, проф. МГУ им. М. В. Ломоносова.

Горелов А. А. — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Горлов В. Н. — доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета.

Гребенщиков В. А. — кандидат исторических наук (пенсионер).

Гриценко В. С. — студент Пермского государственного университета.

Денисов В. В. — доктор философских наук, профессор Института философии РАН.

Джохадзе Д. В. — доктор философских наук, профессор, руководитель открытого академического теоретического семинара «Марксовские чтения» ИФ РАН, председатель юбилейной международной научно-практической конференции «Учение Маркса в XXI веке», посвященной 190-летию со дня рождения Карла Маркса.

- Иванов В. А.** — доктор философских наук, профессор Ярославской государственной сельскохозяйственной академии.
- Капченко Н. И.** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и международных отношений РАН.
- Катков В. И.** — член редколлегии «Экономической и философской газеты».
- Клоцвог Ф. Н.** — доктор экономических наук, профессор, зав. лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.
- Колганов А. Д.** — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор Института социэкономки (МФЮА).
- Косолапов Р. И.** — доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Марков В. С.** — кандидат философских наук, зам. председателя Международного союза славянских журналистов.
- Осин Р. С.** — студент 4-го курса юридического факультета Московского гуманитарного университета, член президиума общероссийской общественной организации «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО).
- Пименов Н. Н.** — студент 5-го курса Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова.
- Покрытан П. А.** — доктор экономических наук, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Солопов Е. Ф.** — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского городского педагогического университета.
- Чернова Л. С.** — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Марксизм и современность

Д. В. Джохадзе

Прощания с Марксом и аутентичным марксизмом не произошло

Под таким девизом 25–26 апреля 2008 г. в Институте философии РАН прошла, организованная на базе постоянно действующего ежемесячного открытого академического теоретического семинара «Марксовские чтения» представительная юбилейная международная научно-практическая конференция, посвященная 190-летию со дня рождения Карла Маркса. В ней приняли участие 257 ученых-марксистов и марксистов-гуманитариев из России, других стран Содружества (СНГ), а также дальнего зарубежья.

После почти 20-летнего периода идейного разброда и шатаний в России, других странах СНГ, да и во всем мире, возникла особая заинтересованность к учению Маркса, о чем, как известно, свидетельствуют представительные европейские международные социологические опросы через Интернет, радио и телевидение, проводившиеся на стыке веков. Маркс везде занял ведущее место. Нечего и говорить о том чрезмерно возросшем интересе Марксом, который наблюдается в настоящее время в связи с мировым глобальным экономическим кризисом. И это понятно, ибо марксов идеал единого бесклассового и бесконфликтного человечества, свободного

от всякой эксплуатации и построенного на принципах гуманизма, приоритете общечеловеческих ценностей, дружбе и взаимопомощи всех народов, свободе личности, равноправии, справедливости и благосостоянии народов, востребован современностью. Весь современный мир, в сущности, развивается по Марксу.

Одним из главных, причем ложных ориентиров общественнознания в постсоветского времени была и пока все еще остается ненаучная, публицистически-ангажированная политиканствующая критика марксизма. Вчерашние титулованные «марксисты» и самые непроходимые чинуши от науки, а также часть партноменклатурщиков (для них великое учение в прошлом имело лишь ритуальное значение, являлось скорее показной демонстрацией их лояльности к партии и государству, нежели выражением подлинно гражданской или научной позиции), разглагольствующие о якобы устарелости или даже крахе марксизма, — суть не более как худшая разновидность старого оппортунизма, политического и этического релятивизма. Объективный ход новейшей истории показывает, что не марксизм устарел, а устарели их бернштейнские социал-демократические «поправки» к нему и его буржуазно-либеральная «критика», ведущиеся с тупым упрямством, к тому же без учета богатых эмпирических данных теории и практики социального развития современного мирового. Для сравнительного в этом отношении анализа первых лет XX и XXI вв. весьма показательны слова Ленина из Предисловия к русскому переводу писем Маркса к Л. Кутельману: «Ни в одной стране в мире нет в данную минуту такого глубокого революционного кризиса, как в России, — и ни в одной стране нет „марксистов“ (принижающих и вульгаризирующих марксизм), которые бы так скептически, филистерски относились к революции» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 373*). Как видим, история повторяется, и специфические черты этого повтора налицо: теоретическая безграмотность «оппонентов» Маркса и марксизма, их политическая ангажированность и софистическая болтливость.

В данных условиях, по мнению участников конференции, особое значение приобретает теоретическая борьба за чистоту аутентичного марксизма.

Многие основополагающие положения классиков марксизма в постсоветское время подвергаются бернштейншанской и в целом социал-демократической экспертизе, часть марксистов, насилуя себя, пытаются «ревизовать» собственные взгляды. В целях опровержения Маркса реанимируется и пропагандируется социал-демократическая фикция о якобы в корне изменившейся природе капитализма как обществе «всеобщего благоденствия и согласия», «народном капитализме», «гуманном», «постиндустриальном», капитализме с «человеческим лицом» и т. п. с целью классовой кастрации рабочего класса и фальсификации Новейшей истории. Наиболее полно в отечественной литературе они нашли отражение в трудах по-

следних десяти лет академика Т. И. Ойзермана (см. напр. «Марксизм и утопизм». М., 2003 г. «Оправдание ревизионизма». М., 2005 г.), в которых «главный марксист» советского периода существенно пересматривает свои прежние взгляды почти по всем основополагающим принципам теории Маркса и марксизма вообще, старательно исправляет допущенные в СССР собственные «ошибки» посредством т. н. «самокритики марксизма», «оправдания ревизионизма» и т. п. На основе этой «самокритики» и такого рода «оправдания» академик проделал достаточно трудоемкую, но в целом легкую работу: везде где в своих работах в прежние времена с профессорским усердием он оценивал теорию Маркса и марксизм на отлично и провозглашал себя его неперменным приверженцем, в постсоветское время выставляет им в лучшем случае удовлетворительно, не всегда корректно подвергает их малоаргументированной критике. В этом широкомасштабном концептуальном пересмотре оценок марксизму особенно досталось Ленину, которому повсеместно сетуя выставляет двойку. Концептуальный и проблемный анализ социал-демократической критики классиков марксизма, в том числе, «самокритики марксизма» и «оправдания ревизионизма» дана в книгах, вышедших под нашей редакцией: «Конец предистории человечества: социализм как альтернатива капитализму». Омск, 2004 г., в двухтомнике «Марксизм и будущее цивилизации» (М., 2006 г.), посвященного 60-летию Победы великого советского народа в Великой Отечественной войне, а также в новом издании «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса (М., 2007 г.) — с комментариями, примечаниями и научными статьями, посвященного 160-летию «Манифеста», 90-летию Великой Октябрьской социалистической революции, возрождению международного Движения неприсоединения, Фиделю Кастро и Уго Чавесу, вышедших под моей со вмето с проф. Г. А. Багатурией редакцией на базе открытого академического теоретического семинара «Марковские чтения».

Участники конференции аргументировано доказывали, что утверждение современных антимарксистов всех мастей о крахе марксизма и марксизма-ленинизма — антидиалектично, ибо поступательное развитие основополагающих идей Маркса, в частности, о социализме и перспективах его дальнейшего развития в XXI в. — налицо, факты упрямы: если в XIX в. теория социализма толко превратилась из утопии в науку, то XX в. в лице СССР и мировой системы социализма был ознаменован началом практического возникновения и развития социализма уже как определенной общественно-экономической формации. Можно предполагать, а для этого существуют объективные предпосылки, что XXI век будет принадлежать социализму. В противоборстве со старым миром Парижская коммуна просуществовала 72 дня, временно отошедший советский социализм — 72 года, социализм успешно развивается во Вьетнаме, Китае, Корее,

на Кубе, а Венесуэла и Боливия, прочно ставшие на путь социализма. В этом плане характерна общая тенденция развития современного латиноамериканского континента, других стран третьего мира в целом. Современное «Самоотрицание» капитализма делает социализм привлекательным. Весь третий мир тяготеет к социализму. Идеи социализма по-прежнему живут в сердцах и умах народов третьего мира, всех стран СНГ и являются мощным фактором социального движения современности, а значит подтверждением живучести учения Маркса. Следовательно, здесь по имманентной логике развития современного мирового сообщества налицо не крах марксизма, а его историческая неустрашимость и даже прогресс.

Более того, объективные процессы, происходящие в природе и в мировом сообществе диктуют в XXI веке принять альтернативу: «социализм или варварство». При стремительно истощающихся источниках жизни, жестокой борьбе США и НАТО по наведению т. н. «нового мирового порядка» и обладанию мировыми ресурсами, а также наличию периодически повторяющихся экономических кризисов, глобальных проблем современности и т. п., становятся совершенно очевидными преимущества социализма и его планомерного хозяйствования перед хозяйствованием капиталистическим. И это понятно, т. к. длительные крупномасштабные государственно-террористические войны США и НАТО, анархия цен, нестабильность рынка и рыночного соперничества, императив «товарного фетишизма» (когда чем больше удовлетворяется желание в предметах потребления и роскоши, тем оно становится ненасытнее) способствуют безмерному, нерациональному и нерегулируемому расходованию природного богатства и человеческих сил. В силу сказанного само существование капитализма в XXI в. становится весьма опасным для человечества. Положение Маркса о том, что «вся соль буржуазного общества состоит как раз в том, что в нем а priori не существует никакого сознательного регулирования производства. Разумное и естественное необходимое прокладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 32. С. 461), не только не устарело, но представляется весьма актуальным. Предвидение Марксом и Энгельсом еще в «Манифесте» о нарастающей хищнической природы капитализма и отсюда диалектический вывод о том, что «капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. С. 773) — для нас, аутентичных марксистов, имеет чрезвычайно важное практически-теоретическое и даже методологическое значение. Следовательно социализм есть не теоретическая абстракция, как это заявляют приверженцы «реформаторского» мышления, а категорический императив современности, неизбежное следствие исторического развития мирового сообщества.

Среди вопросов, обсуждавшихся на конференции при анализе марксистской концепции всемирно-исторического процесса, важнейшим была теория социальных революций. Понятие «революция», ввиду узкого ее понимания (ее приравнивают лишь с насильственным свержением власти и ее оккупацией), у критиков классиков марксизма сегодня получило отрицательное семантическое звучание. Между тем, Маркс, Энгельс и Ленин, вкладывая в это понятие широкий научный категориальный смысл, не были сторонниками теории фатальной неизбежности социальных революций: «когда нет реакционного насилия, против которого надо бороться, то не может быть и речи о каком-либо революционном насилии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 38. С. 419). По мнению Маркса насильственные революции в истории хотя и совершаются народными массами, но в действительности не ими подготовляются, а, как правило, навязываются извне, причем так, что больше всего именно «противники коммунистов из всех сил работают на революцию» (Там же. Т. 4. С. 331). По-прежнему в силе остается и марксистское положение о том, что революции, являющиеся отражением причинно-следственных связей общественной жизни, «нельзя делать предумышленно и по произволу» и что они (революции) в истории человечества «всегда и везде являлись необходимым следствием назревших обстоятельств, возникновение и развитие которых совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов» (Там же. Т. 1. С. 371).

Не выдерживает также критики мнение об устарелости марксистской теории революционной борьбы пролетариата, что современные «критики» марксизма поверхностно объясняют «исчезновением» пролетариата времен Маркса как класса, с одной стороны, а с другой — трансформацией современного рабочего класса в некое среднее более обеспеченное, чем во времена Маркса, сословие, экономическое положение которого якобы «демонстрирует ошибочность представлений Маркса о возрастающей нищете рабочего класса» (см. С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. Экономика. М. 2002. С. 756). Это неверное понимание закона абсолютного обнищания рабочего класса, сформулированного еще в «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и, нашедшего специальное исследование в «Капитале» Маркса, впервые высказанное Э. Бернштейном (см. Э. Бернштейн. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901 г.), повторяется, без учета современной пролетаризации академиком Т. И. Ойзерманом (см. его «Марксизм и утопизм». М., 2003. С. 8), и не только им. Это, давно потрепанное временем положение (как, впрочем, и другие положения) немецкого социал-демократа, из конъюнктурных соображений часто эксплуатируется и другими критиками марксизма как зарубежными, так и отечественными, которые, однако, не удосужились диалектически вникнуть в данную проблему. Они игнорируют, что прогрессирующее превращение части прибавочной стоимости в постоянно увеличивающийся

капитал, рождает прогрессирующее обнищание пролетариата, которое, однако, исторически относительно.

Непонимание марксовского положения о прогрессирующем обнищании пролетариата — плод недиалектического осмысления сформулированного в «Капитале» Маркса закона об относительном и абсолютном обнищании пролетариата, который нисколько не потерял своей актуальности. Подтверждением этого как раз и является то, что, по данным ООН, 2/3 населения современного «демократического», «гуманного» и «просвещенного» мира живет в бедности и за чертой бедности. Кто же они, если не пролетарии? Более того — они люмпен пролетарии. Причем, если обнищание пролетариата в современном мире носит характер относительный, то постоянно увеличивающееся отставание его экономического и духовно-культурного положения — характер абсолютный. Разрыв в экономическом положении между фараоном и рабом во сто и тысячу раз меньше, чем между современным рабочим и миллионерами, миллиардерами и олигархами. Нечего и говорить о той, общей тенденции пополнения рядов пролетариата из всех эксплуатируемых классов, сословий и прослоек современного мирового сообщества, которую Маркс и Энгельс в «Манифесте» называют процессом «рекрутирования пролетариата из всех классов населения» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. С. 431).

Международные источники (такие, например, как Всемирный банк, годовичные доклады генсека ООН и т. п.) подтверждают растущую пролетаризацию народов, которую нельзя списать лишь на слаборазвитые страны. Она характерна и для США, где, например, в 1999 г. ниже уровня бедности жили 11,8 % населения (см. The World Almanac 2002, N.-Y., p.388). И это в стране, которая, имея лишь 4 % населения мира, потребляет более 40 % мировых ресурсов. Бедность и нищета современном мире, который буквально переполнен богатством — это позор нынешнего «народного» и «гуманного» капитализма «всеобщего благоденствия», современного человечества в целом. Не замечать же растущую пролетаризацию народов — аморально.

Современный капитализм, что еще предвещали в «Манифесте» Маркс и Энгельс, выработал технически сложную и юридически весьма изощренную систему эксплуатации человека человеком, государства государством, одной нации другой, одних народов другими, континента континентом, систему транснационального выкачивания прибавочного труда из стран третьего мира и слаборазвитых стран Азии, Африки и Латинской Америки, которая «поставила в зависимость Восток от Запада» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. С. 428). Один из многочисленных способов эксплуатации и пролетаризации народов других стран это — неэквивалентный обмен товарами и услугами. Известно, что только в 2000 г. мир платил США товарную дань в 436 млрд. долларов, покрывая своими постав-

ками отрицательный торговый баланс США (см. The Economist LND. March 18–2, 2006. P. 98). Здесь же следует вспомнить, что Россия за 2005 г. имела крупнейший в мире положительный торговый баланс на сумму в 124 млрд. долларов (см. там же), что, конечно, принесло большую прибыль США и Европе в обмен на зеленые долларовые бумажки, которые к тому же, не имеют национального эквивалента в золоте.

Так не справедливо ли будет обратиться к руководителям, парламентариям, господам академикам, господам политикам и прочим вельможам-конъюнктурщикам — сторонникам современного капитализма «с человеческим лицом»: к какому классу, если не к пролетариату, отнести эту огромную армию голодающих в современном переполненном богатством мире?

Марксистско-ленинское решение проблем наций и национальных отношений в СССР — бесценный вклад в теории и практики марксизма, в мировой культуре. Напомним хотя бы одну, но характерную деталь: подводя итоги двадцатого столетия, ЮНЕСКО отметило, что за этот век в мире прекратило существовать 20 % языков, а значит народностей. В Российской империи проживали представители 165 национальностей, говорившие на 122 языках. В СССР не было утеряно ни одного из этих языков и народностей, что, безусловно, является одним из исторических достижений марксистско-ленинской национальной политики, проводившейся в СССР. Напомнить об этом более чем уместно, ибо мы все теперь на практике убедились и продолжаем убеждаться в том, что искушение национализмом — сильнейшее из всех искушений. Нас, увы, скосили — и продолжают скашивать в постсоветское время — именно на национальной основе; методично навязывают нам сознание национальной и религиозной обособленности, дабы загнать исторически породнившиеся народы бывшего СССР в их «национальные пещеры». Как раз то, о чем мечтал в свое время Гитлер. Тем не менее, национальной проблемы, как таковой, как не существовало среди самих народов СССР, так и нет ее в настоящее время. Другое, конечно, дело что она действительно существует среди тех, кто с самозабвением гложет кости на кладбищах — оголтелых политиканов и буржуазных СМИ — разносчиков смуты как в форме иносказательной, так и в прямой.

В ответ им мы, марксисты-ленинцы, думаем, что реинтеграция и интеграция народов постсоветских республик — категорический императив современности, и они должны стать приоритетным направлением деятельности правительств, как России, так и других стран СНГ, обществоведов СНГ в том числе. В этом вопросе заслуживают внимания выступления на разных уровнях В. В. Путина и Д. А. Медведева, подчеркивавших, что отношения России со странами Содружества (СНГ) станет государственно-значимым приоритетным направлением. С целью теоретических разработок и практических рекомендаций в этой социально весьма важ-

ной области необходимо создать в Институте философии РАН «Сектор наций и национальных отношений народов СНГ», тем более что ныне функционирующий в ИФ РАН открытый академический теоретический семинар «Марковские чтения», вплотную занимается проблемами реинтеграции и интеграции народов СНГ. Что же касается национального и религиозного позерства, практически занявших в странах СНГ место марксистской национальной политики, то они, как правило, безрезультатны. Евросоюзу и другим союзническим объединениям Запада, куда нас на их условиях настойчиво толкают, мы должны предпочесть испытанный историей наш собственный СОЮЗ. Все народы бывшего СССР, русский народ прежде всего, в непростых условиях сложившегося исторического момента, сравнимого разве только с Отечественными войнами 1812 и 1941–45 гг., подвергаются сегодня жестокому испытанию на свою национальную прочность, несущим каркасом которой всегда в истории был интернационализм. От этого испытания во многом зависит, будет ли приостановлен распад России, станет ли вновь великий русский народ государство образующим становым хребтом народов постсоветских республик. Отсюда вывод: разработка проблем теории и практики марксистского учения по национальному вопросу, наиболее соответствующего менталитету русской нации, россиян и народов бывшего союза в целом и его практическое применение должно быть сегодня одним из приоритетных направлений деятельности отечественных обществоведов, философов — в особенности.

Одна из главных проблем, решение которой, по мнению многих выступающих на научно-практической конференции, посвященной 190-летию со дня рождения Карла Маркса, не терпит отлагательства — это крайне низкий, по сравнению с прошлым, уровень теоретико-познавательного мышления студенческой и аспирантской молодежи, являющийся прямым следствием не только современной «теоретической» и политической борьбы против марксизма, как правило, ведущихся без знания аутентичного марксизма, но и административной ликвидации его организационных основ: повсеместной отмены преподавания самостоятельного курса марксизма, марксистско-ленинских дисциплин и соответствующих кафедр в вузах, а в академических институтах — профилирующих научных структур и подразделений, охватившей как Россию, так и постсоветские республики сразу после вероломного разрушения СССР.

Небезынтересно посмотреть, как эта смена идеологического ориентира коснулась организационной структуры всех вузов, академических институтов и других культурно-просветительских учреждений России и других стран СНГ, в которых на стыке 80-х и 90-х гг. на волне т. н. «деидеологизации» и отмены Союза были ликвидированы или переформатированы и предметно переориентированы неугодные новой идеологии тра-

диционные кафедры, отделы и специализированные сектора марксистского профиля. Разве это не последствие шумной кампании за т. н. «деидеологизацию» в стране? В результате во всех странах Содружества Независимых Государств (СНГ) заметно снизилась познавательная значимость и культурно-образовательная роль гуманитарных наук в обществе, что отрицательно отразилось на уровень теоретического мышления студенческой и аспирантской молодежи, а также на качество как преподавания, так и научных исследований в области общественных наук. Но мы уверены в том, что полевание, наметившееся в современном мире обязательно заставить всех, в том числе, идеологических лакеев всевозможного пошиба, менять свою позицию. Именно о них метко сказал Ленин: «Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его переодеваться марксистами» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 3).

Решение о создании нами в 1997 г. (на базе «Группы комплексных проблем национальной политики» при дирекции ИФ РАН) постоянно действующего в ИФ РАН ежемесячного открытого академического теоретического семинара «Марковские чтения» объективно отвечало желанию довольно широкого круга академических и вузовских марксистов стран СНГ, чтобы хоть как-нибудь компенсировать вышеупомянутое организационное «очищение» от марксистской проблематики, сохранить ее хотя бы в усеченном размере. Семинар эту свою задачу в основном выполнил. Теоретический семинар «Марковские чтения» безусловно стимулировал всех, кто так ли иначе хотел вернуться к проблематике марксизма. Об этом, например, свидетельствует простой, но значительный факт: если с 1990 г. в ИФ РАН не было издано ни одной книги по марксизму, то с 1998 г. стали регулярно выходить работы согласно программы академического теоретического семинара «Марковских чтений» или под ее непосредственным влиянием. О научно-организационной, научной и научно-просветительской работе семинара «Марковские чтения» см. в моей кн. «Открытому академическому теоретическому семинару „Марковские чтения“ 10 лет». М., 2008 г., выход которой был приурочен к началу юбилейной международной научно-практической конференции «Учение Маркса в XXI веке», посвященной 190-летию со дня рождения Карла Маркса.

Чтобы там сегодня ни говорили и писали о Марксе, пророческие слова Ф. Энгельса, произнесенные им на могиле великого Маркса о том что: «И имя его и дело переживут века!» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 352) — сбываются сегодня. Мы же — марксисты смотрим вместе с великими Платоном, Гегелем и Марксом на современных софистов, теоретический уровень которых неимоверно ниже софистов античных, как на комедиантов и шутов при дворе истории, ведущих ржавыми саблями беспредметное «словесное фехтование», о которых, однажды говоря о «Вольтере классической древности» — Лукиане, Маркс писал: «История действует

основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия. Богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме смертельно ранены в „Прикованном Прометее“ Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в „Беседах“ Лукиана. Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. С. 418). Капитализм как в России, так и других странах СНГ, будучи однажды смертельно ранен Великой Октябрьской революцией, в постсоветское время ему, вероятно, придется еще раз умереть в комической форме.

* * *

В истории человечества рождалось множество значительных общественных теорий, философских систем и религиозных мировоззрений, но ни одна из них по широте распространности учения, охвата и глубине анализа явлений природы, общества и человеческого мышления, а главное, преобразовательной силе не может сравниться с учением Маркса и аутентичным марксизмом в целом. В постсоветское время, понятно, все чаще ставят вопрос о марксизме как об, якобы, отжившем свои век учении. Между тем, судя по выходящей отечественной и зарубежной обществоведческой литературе (в том числе предвзято-критической «марксологической» и «неомарксистской»), а также общественно-политическим процессам в современном мире, интерес к марксизму в постсоветское время не только не угас, как это предсказывали «демократические» эксперты, но находится на подъеме. Об этом, например, в определенной степени свидетельствует также бесперебойная с 1997 г. работа постояннодействующего ежемесячного открытого академического теоретического семинара «Марксовские чтения» Института философии РАН, на организационной основе которого прошли в контексте аутентичного марксизма более 140 семинарских заседаний на актуальные темы современного мирового развития, а также проведенные на базе данного ежемесячного семинара следующие годовичные московские, всероссийские и международные научно-практические конференции:

1. «Карл Маркс и современная философия» — 23.04.1998 г.
2. «Теория и практика марксизма (история, современность, перспективы)» — 27.04.2000 г.
3. «Марксизм-ленинизм в XXI веке и перспективы развития России» — 26–27.04.2001 г.
4. «Марксизм, обществоведческая мысль современности и социалистические тенденции развития человечества в XXI веке» — 24–26.04.2002 г.

5. «Конец предыстории человечества: социализм как альтернатива капитализму» — 27–29.05.2003 г.
6. «Международное коммунистическое и левое движение в условиях империалистической глобализации» — 27–29.04.2004 г.
7. «Эпоха И. В. Сталина: от прошлого — к будущему социализма» — 18–19.12.2004 г.
8. «Великой Победе Советского Народа — великое продолжение». (К 60-летию Победы Советского Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) — 31.03.2005 г.
9. «Реинтеграция братских народов постсоветских республик — категорический императив современности» (посвященная 90-летию Великой Октябрьской социалистической революции и Великому Советскому Нарodu) — 7–9.11.2007 г.
10. «Учение Маркса в XXI веке» (посвященная 190-летию со дня рождения Карла Маркса) — 25–26.04. 2008 г.
11. Научно-практическая конференция, на взаимосвязанные темы: «Всемирно-историческое значение Победы Советского Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и современность», «Русский язык — язык Победы, объективная основа культурно-исторической интеграции народов СССР (ныне СНГ)», «Кавказский языковый союз как естественно-исторический результат развития языков народов Кавказа» — 24.04.2009 г., «Время о роли масс и личности в истории» — 25 декабря 2009 г., посвященная 130-летию со дня рождения И. В. Сталина, «Международное значение Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» — 30.04.2010 г.

Концептуально-аналитический обзор работы теоретического семинара «Марксовские чтения» см. в моей кн. «Академическому теоретическому семинару „Марксовские чтения“ 10 лет». М., 2008 г. Завершены редакторская работа над коллективными монографическими работами — в которые вошли материалы двух одноименных международных научно-практических конференций: «Учение Карла Маркса в XXI веке. (К 190-летию со дня рождения)» и «Реинтеграция братских и равноправных народов Содружества Независимых Народов (СНГ) — категорический императив современности».

В настоящее время оргкомитет готовит проведение в ИФ РАН международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы Великого Советского Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Важнейшим событием стала научно-практическая конференция «Учение Маркса в XXI веке», посвященная 190-летию со дня рождения Карла Маркса, отдельные материалы которой представлены в данном издании, многие же выступления были опубликованы в виде развернутых статей в

«Экономической и философской газете», в международный теоретический журнал «Марксизм и современность» (Киев) и т. п. сразу после завершения конференции. Она явилась логическим продолжением серии вышеупомянутых научно-практических конференций и ежемесячных теоретических семинаров «Марковские чтения».

Среди участников — представители различных поколений академических институтов и вузов страны, студенты и аспиранты. Один из главных итогов прошедшей конференции заключается в том, что, вопреки явно предвзятым и ненаучным прогнозам об окончательном крахе марксизма, она доказала, что «прощание» с Марксом и аутентичным марксизмом, с идеями социализма и коммунизма, героической историей народов СССР не произошло и не произойдет никогда. Более того, участники конференции обратили внимание руководство РАН и АН других стран СНГ, а также министерства образования этих стран на необходимость восстановления в академических гуманитарных институтах плановой научно-исследовательской работы в области марксизма-ленинизма, а также возобновления преподавания в вузах в полном объеме самостоятельного курса марксизма как безальтернативного учения, могущего реально возглавить идейно-культурное, политическое и народно-хозяйственное объединение народов СНГ с целью возрождения былого могущества нашего отечества, борьбу против транснациональной эксплуатации народов средне и слабо развитых стран и сдерживания американско-НАТО-го агрессивного плана по наведению на Земле т. н. «нового мирового порядка», а по сути беспорядка, методами военно-государственного терроризма.

Примечательная черта прошедшей конференции в том, что точки зрения ее участников, не обязательно совпадавшие, дают всестороннее научное представление о каждой рассматриваемой проблеме. При всем многообразии взглядов и научных позиций на конференции господствовал дух толерантности, терпимости и взаимного уважения.

Конференция безусловно содействовала серьезной теоретико-познавательной проработке большого круга проблем, связанных с новым пониманием теории и практики аутентичного марксизма. Она дала возможность уточнить позиции марксистов, представленные на конференции по важнейшим аспектам современного мирового развития, сотрудничества в области экономики и культурного взаимодействия; ее участники высказали ряд важных идей, а также сделали множество практических предложений, направленных на перспективное решение стоящих сегодня перед мировым сообществом сложных проблем.

Целенаправленная работа конференции во многом была определена сугубо академическим методом ее подготовки — заблаговременным опубликованием оргкомитетом в теоретических журналах и СМИ «Информационного сообщения» — подробного проблемного проекта-проспекта

будущей конференции, выпуском книги академическому теоретическому семинару «Марксовские чтения, 10 лет» с выработанной концепцией конференции. Объединенный оргкомитет конференции главную свою задачу видел прежде всего в организации научного диалога ее участников с целью максимально объективного и разностороннего проблемного анализа меняющейся постсоветской мировой социально-экономической и политической обстановки, выработке ряда ориентирующих практически-теоретических общих выводов и частных заключений по актуальным проблемам современного внутригосударственного и мирового общественного развития.

Работа конференции показала, что события постсоветского периода нуждаются в тщательном, именно марксистском, обобщении, как своего рода необходимой предпосылки, для определения стратегических ориентиров будущего движения отечественного (союзного) и мирового сообщества. В докладах и выступлениях аргументировано обосновывалось, что без восстановления (с учетом исторических реалий) по всему пространству бывшего союза марксистско-ленинских идейно-теоретических ориентиров нашего общества и его исторически выработанных прогрессивных культурно-нравственных и интернациональных ценностей, всегда служивших основой всех наших совместных исторических достижений, невозможен выход народов СНГ из нынешнего глобального кризиса.

Высокая степень дискурсивности конференции во многом была определена основными докладами на пленарных заседаниях и прениями вокруг них. Как доклады, так и выступления отличали широта охвата тематики, профессиональный проблемный анализ исследуемых вопросов, недогматический подход (за редким исключением), отсутствие предвзятости и некомпетентности в оценках концептуальных проблем теории и практики марксизма-ленинизма, острых проблем современности, не уходя при этом в политиканство.

Большинство докладчиков и диспутантов, при всем разнообразии их точек зрения, сошлись во мнении, что вопреки жесткому критицизму, которому подверглась марксистская мысль, особенно за последние 15 лет, аутентичный марксизм сегодня по-прежнему сохраняет свое значение и популярность. Участники конференции дали аргументированное обоснование марксизма в целом как философии наиболее верно отражающей мировое развитие в XX и XXI вв., что, по их мнению, подтверждается уже тем, что современная эпоха безусловно остается эпохой перехода от капитализма к социализму. Что же касается временного поражения социализма, то выступавшие по разному, но в духе творческого марксизма отвечали, что при общем поступательном развитии человечества к социализму и коммунизму — «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» (В. И. Ленин).

География участников конференции свидетельствует, что интерес к Марксу и марксизму-ленинизму наших обществоведов вовсе не исчез, как об этом софистически твердят вчерашние его рьяные схоластические поклонники. И это неудивительно. Новейшая история объективно доказала, что под знаменем марксизма-ленинизма СССР за сравнительно короткий исторический период достиг феноменальных успехов во всех областях человеческой деятельности; тогда как явочная отмена этого учения привела к спонтанному развалу СССР, а народное хозяйство республик бывшего союза, их культурное строительство и военную безопасность как следствие, — к банкротству, к многолетней социальной стагнации, выхода из которой не видно.

Оргкомитет позитивно воспринял решение близких по духу общественных организации, движений и объединений РФ (Всероссийской общественной организации «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО), Всероссийского общественно-политического движения «Союз», «За возрождение Отечественной науки», Фонд «Альтернатива» и др. организаций левого направления) принять активное участие в конференции, способной, как нам представляется, внести свою лепту в дело духовного и мировоззренческого единения всех народов бывшего СССР. На конференции доминировала мысль о том, что без марксистски ясной теории нет и не может быть в России и СНГ ясной и прогрессивной социальной практики.

Конференция наглядно показала, что вопреки досужим предсказаниям нынешних политиканствующих софистов, судя по имманентной логике современной истории, марксизм и советский социализм, вовсе не сошли с исторической авансцены. Более того, как никогда раньше, как нашими, так и зарубежными марксистами реально осознается потребность критически-творческого освоения марксизма и разработки его положений с учетом данных Новейшей истории. И это понятно, ибо многие основополагающие положения марксизма по-прежнему актуальны особенно сегодня, когда США и НАТО форсируют наведение на планете т. н. «нового мирового порядка» методами международного терроризма, информационной блокады, транснационального гегемонизма и т. п. По мнению участников конференции, именно этим непреходящим ценностям марксизма в состоянии сегодня спасти противоречивый, раздираемые классовыми антагонизмами страны СНГ и в целом мир. Не случайно, что в результате международного социологического опроса, проведенного радио Би-би-си в конце XX столетия, Маркс был объявлен «человеком тысячелетия».

Совершенно естественно, что марксистское учение не только не могло восприниматься однозначно, но напротив, отношение к нему всегда было и остается вместе со всем миром в высшей степени противоречиво, а методы борьбы с ним — многообразны. Так, при изучении теоретического

наследия К. Маркса исследователи (зачастую догматические марксисты), особенно антимарксистские, в большинстве своем исходили только из его экономического учения, или видели в нем просто революционно-социологическую теорию, оставляя в тени или вовсе исключая диалектико-материалистическую философскую концепцию мыслителя. Это глубоко ошибочное понимание учения Маркса, как нам представляется, обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых — сознательным сужением теории аутентичного марксизма, ограничением его рамками политической экономии или искусством организации революционного движения масс и во-вторых — неспособностью или нежеланием усматривать в этом учении определяющую его философскую основу. Между тем, какой части этого многогранного учения не коснись, на передний план в нем всегда выступает именно диалектико-материалистическая философская предопределенность, так как Маркс стремился везде и во всем исследовать именно существенные теоретико-познавательные определения проблем природы, общества и человеческого мышления, их онтологические, гносеологические и логико-диалектические обоснования. Например, «Капитал» Маркса — это не просто политическая экономия как таковая, а историческое и историко-философское, по существу, произведение, в котором дается именно диалектическое исследование всей истории докапиталистических и капиталистических обществ, их теоретико-познавательное и понятийно-категориальное осмысление. «Капитал» Маркса есть применение прежде всего философско-диалектического понимания истории к эпохе капитализма, к истории человечества в целом. Следовательно, марксовский философский историзм доказывает, что как раз из истории, ставшей тогда в силу ее исключительно узкоэмпирического понимания наименее научной, и должна была произойти новая наука о человеке и освобождении человека — историософия, а не просто эмпирическая история.

Участники конференции коснулись специально критики марксизма, ведущейся сегодня в форме антисоветизма и антикоммунизма как у нас, так и в зарубежной печати и электронных СМИ. На основе сопоставительного рассмотрения богатого историко-философского эмпирического материала по истории марксизма, участники конференции доказывали неразрывность марксизма-ленинизма как единого учения. По их мнению, не выдерживает никакой критики ненаучная, более чем шаткая «позиция» т. н. «стыдливых марксистов», требующих устранить понятие «ленинизм» из определения логически цельного учения «Марксизм-ленинизм». Марксизм по-прежнему живет в сердцах и думах миллионов людей и является самым важным социальным движением нашей эпохи. *Отсюда активизация разных форм антимарксизма, в том числе попытки развенчать ленинизм путем противопоставления его догматическому марксизму, чтобы объявить их антиподами. Это измышление антимарк-*

систов и уподобившихся им некоторых «стыдливых марксистов» зиждется, в частности, на такие лжеаргументации, как: Маркс-де был теоретик-детерминист, а Ленин — практик-волюнтарист; Маркс будто бы не придавал значения политической борьбе, возлагая надежду на автоматическое действие законов общественного развития и предпочитал «дождаться исторической закономерности», тогда как Ленин якобы ограничивался лишь политической борьбой, грубо старался методом волевого насилия ускорить ход исторического развития; Маркс-де был сторонником демократии, а Ленин — приверженцем диктатуры; теория Маркса будто бы рассчитана лишь для стран развитого капитализма, а ленинизм — это учение, пригодное исключительно для отсталых стран; марксизм-де — это наука, а ленинизм — это идеология грубого насилия. По мнению западных политологов, «Ленин придал марксистскому учению волюнтаристское направление»; ленинизм противопоставляется марксизму как «детерминизм силы» «экономическому детерминизму», всячески разглагольствуют о близости Ленина не к Марксу, а к «волюнтаристской якобинской и бланкистской политической традиции, подвергавшейся, как известно, справедливой критике со стороны Маркса». Противники марксизма-ленинизма всячески стараются, чтобы обосновать тезис об автоматическом действии законов общественного развития с тем, чтобы провести потом свое контрположение о том, что якобы Ленин «заменил исторический детерминизм Маркса революционным активизмом и произвел субъективистскую модификацию марксистской теории». Также не выдерживает никакой критики более чем шаткая «позиция» тех же «стыдливых марксистов», требующих устранить слово «ленинизм» из цельного определения «марксизм-ленинизм». На основе этих и множества других противопоставлений Ленина с Марксом Ленинизм обвиняется в «грандиозном отступлении от коренных принципов марксизма» и т. д. и т. п.

Подобное частичное, так сказать, социал-демократическое дозированное «признание» марксизма с тем, чтобы развенчать Ленина есть нечто иное, как софистический прием для дальнейшего отрицания марксизма как уже безнадежно устаревшего учения. Между тем, текстуально-концептуальный анализ трудов классиков марксизма, не говоря уже об анализе временно-пространственном и социально-историческом, свидетельствует то, что Ленин творчески развил марксизм в условиях проявления и изучения новых закономерностей общественного развития. Противопоставления Ленинизма марксизму имеет классовый и политический смысл. Марксизм-ленинизм, как единое учение, был и остается актуальным пока, на земле будет иметь место социальное расслоение, скопление огромных богатств на одном полюсе и нищета, бесправие, безработица и голод на другом полюсе общества, пока будет существовать основное

противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения результатов общественного труда.

Находившиеся в течение всего XX века в центре теоретической дискуссии обществоведов проблемы теории и практики марксизма-ленинизма приобрели особую актуальность и социально значимую остроту именно в наше время. Поэтому, считают участники данного форума друзей Маркса, сегодня, как никогда раньше, важно дать марксизму-ленинизму и международному социалистическому и коммунистическому движению объективную оценку, проанализировать их современное состояние в свете исторического опыта XX века и прогнозов развития в веке наступившем. Непредвзятый теоретико-познавательный анализ жесткого, даже сверхжесткого в целом голословного идеологического и политического критицизма, которому подвергся марксизм, особенно за последнее десятилетие, а также исследование степени объективности и необъективности этого критицизма имело принципиальное значение в работе прошедшей конференции по Марксу. Верно, что в этом деле важен учет всех мнений, в том числе антимарксистских, встреч и дискуссий с носителями которых не следует избегать.

Расхожему нигилистическому мнению об «окончательном крахе» марксизма на конференции аргументировано противопоставлялся марксистский диалектический подход, способный выявить поступательное движение социализма в Новой и Новейшей истории. Если отдельные разрозненные идеи социализма и коммунизма, возникшие еще задолго до Маркса, впервые превратились из утопии в науку в XIX веке в трудах Маркса и Энгельса, то XX век (в лице теоретической и практической деятельности Ленина, его соратников и всех народов СССР) ознаменовался началом реального превращения теории социализма в историческую действительность. Всемирная революция, в широком смысле ее понимания, ведущая к равенству всех народов нашей планеты и к уничтожению всякой эксплуатации, методично пробивает себе путь несмотря на временные застои, отступления и даже поражения. Что же касается современного капитализма, то, правильность диалектического вывода классиков марксизма о том, например, что «капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание», наглядно, по мнению докладчиков и выступавших, подтверждается сегодня политикой США и государств-членов НАТО, в частности, проводимыми ими (в особенности после 11 сентября 2001 г.) трансконтинентальными государственно военно-террористическими акциями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что идеи социализма живут в сердцах и умах людей не только советского поколения, но также сотен миллионов людей планеты и являются мощным фактором социального движения современности, о чем красноречиво свидетельствуют принципиальные противоречия между капиталом и тру-

дом, непрекращающиеся забастовки и разного рода протестные манифестаций народов современного мира. Многие из участников конференции были единодушны в своих доказательствах относительно того, что по логике исторического процесса XXI век принадлежит социализму, на базе которого только и возможно решение глобальных проблем современности.

С целью исследования субъективных и объективных причин спонтанного развала СССР диспутанты на основе сравнительно-сопоставительного и описательного методов и метода исторических параллелей и аналогий попытались дать ответ на вопрос, был ли отказ от советского социализма историческим благом для наших народов и революционным прогрессом, как об этом голословно твердят, или, наоборот, контрреволюционным движением вспять, историческим регрессом, своего рода политической, экономической и социокультурной инволюцией? В большинстве своем участники конференции склонялись ко второму варианту ответа, что, впрочем, понятно.

Одной из важнейших концептуальных задач прошедшей конференции было обсуждение проблем диалектики теории и практики марксизма-ленинизма, в частности, исследование того, в чем заключается причина частичного «несоответствия» теории марксизма его практике — в самой теории, или в практике, или в том и другом одновременно. Смысл работы конференции отчасти заключался и в том, чтобы противопоставить огульному, конъюнктурному и субъективному критицизму марксизма взвешенный и непредвзятый научный, именно марксистский подход, в том числе марксистскую «самокритику». Однако самокритика не означало самобичевание.

Предметом специального внимания участников конференции стали проблемы религии и религиозного сознания в постсоветском обществе, взаимоотношения государства с церковью, отсутствие в РФ и странах СНГ адекватной нашим обществам идеологии, место которой в постсоветское время заняло в основном религиозное мировоззрение в его феодально-теократическом варианте. Марксистский научный рационализм оказался заменен религиозно-метафизическим иррационализмом и мистицизмом. Если же мы обратимся к иным типам верований, стимулируемым религиозным сознанием, то попадем в сферу еще более темного и невежественного царства, где господствуют оккультизм, астрология, магия, «ремесло» колдовства и гадания и т. п. шарлатанства — все то, что в постсоветское время получило чрезвычайно широкое распространение. Ставился вопрос почему церковные иерархи «не замечают», что в эпоху постсоветского теизма в стране процветает жестокость и, увы, терпимость к жестокости, нищета и всеобщее падение нравов; тогда как в эпоху советского атеизма, с его в целом терпимым отношением ко всякой религии, не было ничего подобного, процветала наука, культура, экономика была на подъеме, дети и престарелые были наиболее привилегированной частью нашего общества,

а СССР был одной из сверхдержав. Выступавшие справедливо отмечали, что марксизм-ленинизм ведет идейную, точнее, теоретико-познавательную (основанную на науке) борьбу против религии и религиозного сознания, *но никогда против свободы совести, вероисповедания и конструктивного взаимодействия государства и церкви*, хотя в этой области имело место и отдельные нарушения. Следовательно, критика религиозного сознания античными мыслителями, европейскими просветителями, утопическими социалистами и многими учеными сегодня, по мнению участников конференции, по-прежнему актуальна, ибо «критика религии — предпосылка всякой другой критики» (Маркс). Еще в своей докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» Маркс обратил внимание на то, что Человек Эпикура не преклоняется не только перед общественными силами, но даже перед законами природы: «Не следует насильствовать природу, следует повиноваться ей, а мы будем повиноваться ей, необходимые желания исполняя, а также естественные, если они не вредят, а вредные сурово подавляя»¹. Маркс развил дальше эпикурейское понимание свободы человека и научной критики религиозного сознания. Также как атом своим «самопроизвольным отклонением» уклоняется от прямолинейного движения, так и, по мнению Эпикура, человек своей свободой и осознанной необходимостью отрицает всякий фатализм и угнетающее давление неосознанной необходимости со стороны как природы, так и общества.

На конференции касались также других причин крайне низкого уровня постсоветского теоретического мышления, за состояние которого несет прямую ответственность наша интеллигенция — гуманитарная в особенности. История не терпит надругательства над собой, она, как видим, жестоко мстит за это всем, в том числе большей части конъюнктурной «интеллигенции», которая всячески извращает и фальсифицирует, не гнушаясь заборной бранью, отечественную историю в целом и историю СССР в частности, поносит выдающихся людей страны советов, толкает теоретическое мышление в нездоровый скептицизм, теизм, «интеллектуальную» софистику «без берегов», пещерный агрессивный прагматизм и политическое торгашество взглядами, погрузивших часть нашего общества, особенно молодежь, в «растерянное скептическое, а то и антимыслительное оцепенение», методично скрывающих существо современных социальных проблем списыванием всех зол исключительно на день вчерашний, т. е. на историю. Плоский антиисторизм, фальсификация исторического прошлого и настоящего, субъективизм и вертлявое делячество известной части «интеллигенции», о которых критически говорилось на конференции

¹ См.: Материалисты Древней Греции (собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура). М., 1955. С. 220.

по Марксу, действительно пагубно сказались и продолжают сказываться на теоретико-мировоззренческом уровне наших граждан, их нравственной ответственности перед отечеством и социальном критицизме.

Выступавшие положительно оценили академически выверенную справедливую научную критику «интеллигибельных» искажателей и фальсификаторов истории, данную членом оргкомитета академического теоретического семинара «Марковские чтения» проф. В. А. Сапрыкиным еще в «Экономической и философской газете» (№№ 376 и 377 2002 г), а также в его фундаментальных монографиях последних лет.

В данном сборнике также произведена републикация некоторых работ известных авторов прошлых лет, не утратившие, в чем легко сможет убедиться читатель, свою актуальность.

В концептуальном отношении правильном методологическом направлении академического теоретического семинара «Марковские чтения» говорит и внимание, которое в последнее время проявляется руководством России к непредвзятому научному изучению истории. Напомним, что с этой целью 19 мая 2009 г. Президент России Д. А. Медведев подписал *Указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»*.

Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Положение о Комиссии

1. Настоящим Положением определяется порядок деятельности Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (далее — Комиссия).
2. Комиссия в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, а также настоящим Положением.
3. Положение о Комиссии и её состав утверждаются Президентом Российской Федерации.
4. Основными задачами Комиссии являются:
 - а) обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации, и подготовка соответствующих докладов Президенту Российской Федерации;
 - б) выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России;

- в) подготовка предложений Президенту Российской Федерации по осуществлению мер, направленных на противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, наносящих ущерб интересам России;
 - г) рассмотрение предложений и координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций по вопросам противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России;
 - д) выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России и по нейтрализации их возможных негативных последствий.
5. Комиссия для решения возложенных на неё основных задач имеет право:
- а) запрашивать и получать в установленном порядке необходимые материалы от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций;
 - б) создавать рабочие группы по вопросам, входящим в компетенцию Комиссии, из числа представителей государственных органов, организаций, учёных и специалистов;
 - в) приглашать на свои заседания представителей федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций.
6. Члены Комиссии принимают участие в её работе на общественных началах.
7. Заседания Комиссии проводятся не реже двух раз в год.
8. Организационно-техническое, информационное и документационное обеспечение деятельности Комиссии осуществляется Министерством образования и науки Российской Федерации.

Состав Комиссии:

Нарышкин С. Е.	Руководитель Администрации Президента Российской Федерации (председатель Комиссии);
Калина И. И.	заместитель Министра образования и науки Российской Федерации (заместитель председателя Комиссии);
Сирош И. И.	помощник Руководителя Администрации Президента Российской Федерации (заместитель председателя Комиссии);

- Демидов И. И. начальник департамента Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике (ответственный секретарь Комиссии);
- Алханов А. Д. заместитель Министра юстиции Российской Федерации;
- Бусыгин А. Е. заместитель Министра культуры Российской Федерации;
- Бутко Е. Я. заместитель руководителя Рособразования;
- Винокуров С. Ю. начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами;
- Дергачев В. В. заместитель директора ФСТЭК России, ответственный секретарь Межведомственной комиссии по защите государственной тайны;
- Затулин К. Ф. первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками (по согласованию);
- Зимаков В. А. начальник службы СВР России;
- Камболов М. А. заместитель руководителя Роснауки;
- Козлов В. П. руководитель Росархива;
- Макаров Н. Е. Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации — первый заместитель Министра обороны Российской Федерации;
- Марков С. А. заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций (по согласованию);
- Назаренко В. П. заместитель начальника Управления Президента Российской Федерации по внешней политике;
- Нарочницкая Н. А. президент Фонда изучения исторической перспективы (по согласованию);
- Повалко А. Б. заместитель руководителя Росмолодежи;
- Романченко А. Ю. заместитель руководителя Роспечати;
- Сахаров А. Н. директор Института российской истории Российской академии наук (по согласованию);

Сванидзе Н. К.	Председатель Комиссии по межнациональным отношениям и свободе совести Общественной палаты Российской Федерации (по согласованию);
Соболев В. А.	заместитель Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации;
Титов В. Г.	заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации;
Торшин А. П.	первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (по согласованию);
Христофоров В. С.	начальник управления ФСБ России;
Чубарьян А. О.	директор Института всеобщей истории Российской академии наук (по согласованию);
Шабанов Я. В.	начальник Референтуры Президента Российской Федерации;
Шипов С. В.	директор департамента Минрегионразвития России.

Заметим, что после опубликования данного Указа Президента РФ были проведены специальные заседания «Марковских чтений», на которых обсуждались основополагающие проблемы Указа и принимались соответствующие рекомендации. Эта высшей степенны полезная работа и впредь будет продолжена на заседаниях нашего теоретического семинара.

Среди прочих значимых целей, которые ставилились на конференции были попытки достижения не догматического, а действительно практически-теоретического и идейного единства марксистов-обществоведов, всех прогрессивных сил современного левого общественного движения как в России, так и в дугих странах СНГ. Кажется, теперь мы все крепко, наконец, усвоили простую, но важную истину, что недооценка теоретико-познавательного и идейного значения аутентичного марксизма-ленинизма и забвение его мировоззренческих и нравственных ориентиров напрочь лишили все народы бывшего союза общих целей борьбы за лучшую жизнь и достойные формы индивидуального, коллективного и государственного бытия.

Значение прошедшего форума ученых марксистов и марксистов-обществоведов заключается также в поиске совместных с СНГ путей выхода России из глобального экономического и социального кризиса, в выявлении и осмыслении социалистических перспектив совместного развития в наступившем столетии; в исследовании роли культурно-исторического наследия прошлого наших народов в становлении и развитии обновленно-

го, с учетом советского, восточноевропейского, вьетнамского, китайского, корейского и кубинского опытов строительства социализма; в исследовании путей и перспектив воссоздания и развития отечественного (союзного) народного хозяйства, оборонительного, научно-технического и образовательного потенциала; в восстановлении на новом уровне союзного (в рамках СНГ) государства, способного вывести как Россию, так и все республики бывшего СССР из длительной социально-экономической стагнации.

На конференции с беспокойством были отмечены, что в постсоветское время стало крайне затруднительным интеллектуальное общение и взаимодействие ученых республик бывшего Союза. Возникшие в эпоху СССР различного рода межреспубликанские формы содружества ученых полностью утрачены. Ничего нового пока взамен не создано. Между тем, по мнению участников конференции, западный интеллектуальный рынок систематически обогащается драгоценным «капиталом» — специалистами из России и других стран СНГ, вынужденными продавать свои знания за бесценок. Что же касается разного рода предпринимателей и «благотворителей» от науки, вроде Дж. Сороса и ему подобных, целенаправленно занимающихся информационным вымогательством взамен на финансирование мизерного количества научно-исследовательских работ из огромного числа проектов, представленных на конкурсах, то результатом их деятельности оказывается вовсе не укрепление и процветание нашей науки, а скорее наоборот — ее подспудное оскудение и разорение. Ушли в прошлое широко практиковавшиеся в эпоху СССР весьма полезные общесоюзные и межреспубликанские (межвузовские, межакадемические и межотраслевые) научно-практические конференции, симпозиумы, коллоквиумы и т. п. многочисленные мероприятия, на которых докладывались результаты научно-исследовательских достижений, устанавливались научные связи, вырабатывались индивидуальные и коллективные поисковые программы дальнейших исследований. Системы аспирантуры, ординатуры и докторантуры из-за экономических и других преград стали взаимно недоступными. Из-за центробежных течений и сиюминутных прагматических интересов в республиках СНГ вместо русского языка форсированно изучается английский, что объективно лишает народы бывшего СССР языковой почвы реинтеграции.

Все отмеченное отрицательно отражается на состоянии нашей академической, вузовской и отраслевой науки, гуманитарной в особенности. Между тем, именно гуманитарная интеллигенция ответственна за состояние теоретического мышления народа и выработку общих теоретико-познавательных, мировоззренческих, идеологических, нравственных, этико-политических и культурно-исторических ориентиров жизнедеятельности государства и нации, укрепление основ национально-культурного са-

моопределения, единства государственного самосознания многонациональной и поликонфессиональной страны.

Большинство из участников научно-практической конференции по Марксу дали аргументированную критику современных социал-демократических и буржуазных попыток лишить марксизм-ленинизм его фундаментальных теоретических оснований. Так, на базе анализа большого эмпирического материала на конференции было дано марксистское и немарксистское понимание классовой борьбы применительно к современному миру; оценка разного рода форм и видов (революционных, экономических, политических, «контр-культурных», террористических и пр.) протестных движений трудящихся различных стран мира против национальных правительств и национальной буржуазии, а также против современной империалистической глобалистики, транснациональных корпораций, неоколониализма и т. п.; в выступлениях подчеркивалась необходимость проявления трудящимися России и СНГ солидарности с мировыми протестными движениями. На основе анализа большого современного эмпирического материала участники конференции показали, что глобализация и монополизация классовой эксплуатации подавляющего большинства народов Планеты развитыми капиталистическими странами во главе с США, входящими во всевозможные «элитарные» и «кастовые» политические, экономические, промышленно-финансовые и банковские союзы, капиталы которых участвуют в различного рода транснациональных корпоративных объединениях, поддерживаемых широко разветвленной сетью электронных СМИ, круглосуточно ведущих информационную войну по всему миру, — дает правительствам и бизнесэлитам этих стран возможность не только наживаться за счет дешевой рабочей силы и природных ресурсов стран «третьего мира», но и обеспечивать относительно «сбалансированное» спокойствие и обманчивое благополучие своих собственных граждан, время от времени сбивая их протестную политическую активность подачками с пиршественного стола транснациональной эксплуатации.

Как можно убедиться из выступлений в большинстве из них, явно или имплицитно, присутствовала мысль о том, что классики марксизма не несут «личной ответственности» за теоретический и идеологический догматизм, в котором в последствии было «уличено» их учение. Участники конференции коснулись некоторых парадигмальных аспектов этой проблемы, на которые, по их мнению, как бы предупреждая возможные в будущем ложные интерпретации учения, обращали внимание еще сами классики марксизма. Вот некоторые из них: так, например, К. Маркс был категорически против того, чтобы его теорию общественного развития превращали в догматическую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы независимо их исторических условий, места и времени, в которых они оказываются, понимали ее как

всеобъемлющую «надисторичную» историко-философскую теорию, которую можно было использовать как универсальную отмычку для всех конкретных случаев общественного развития². Следовательно, классики марксизма не только никогда не утверждали изначальную предопределенность и фатальность социалистической революции, но в различных странах и при определенных условиях они, как известно, даже допускали переход власти мирным путем³. В отдельных выступлениях, в связи с этим, было предпринято аргументированное доказательство того, что нет ничего неестественного в том, если ниспровержение существующих противоестественных общественных отношений и политических систем произойдет методами насильственных, как об этом, кстати, говорится и во Всеобщей Декларации Прав Человека ООН. Говорилось также о диалектическом сочетании в классовой борьбе мирных и насильственных методов. На конференции подвергся критике буржуазный парламентаризм и социал-демократический способ парламентской «борьбы» и т. п.

Далее. «Для многих, — писал Энгельс, — ...слово „материалистическое“ является простой фразой, которой называют все, что угодно, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, то есть приклеивают этот ярлык и считают, что этим вопрос решен. Однако наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения... Но, — продолжает Энгельс, — фразы об историческом материализме (ведь можно *все* превратить в фразу) служат только для того, чтобы как можно скорее систематизировать и привести в порядок свои собственные, относительно весьма скудные исторические познания (экономическая история ведь еще в пеленках) и затем возомнить себя великими»⁴. В. И. Ленин писал: «Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как во имя „исторического материализма“ рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 58). Слова Энгельса о том, что «у материалистического понимания истории имеется... множество таких друзей, для которых оно служит предлогом, чтобы *не* изучать историю»⁵, — звучат сегодня вполне актуально.

Участники конференций подвергали солидному теоретическому анализу четко обозначившийся в последние десятилетия процесс трансфор-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 120.

³ См.: Там же. Соч. Т. 13. Ч. II. С. 669.

⁴ Там же. С. 371.

⁵ Там же. С. 370.

мации всей системы эксплуатации современного капитализма из внутри-национального в интер-(транс-) национальное образование, когда в орбиту неокOLONиальной эксплуатации целенаправленно вбираются государства со слаборазвитой экономикой, страны Востока (в том числе Россия и республики бывшего СССР), Азии, Африки и Южной Америки, а нашумевшая «концепция» т. н. «свободы человека» и «прав человека» *предстает перед нами по существу не чем иным, как оправданием единственного права — права евро-американской буржуазии свободно грабить весь остальной мир, развязывать безнаказанно войны, расширять агрессивный военный блок НАТО и наводить везде т. н. «новый мировой порядок».* Весь мир видит, что капитализм в постсоветское время целиком с точки зрения жестокости эксплуатации вернулся к векам минувшим. Причем так, что Запад, руководимый США И НАТО в целом предстают в облики господина, а Ближний Восток, Африка и Латинская Америка (т. е. весь третий мир) в роли раба. И это понятно, т. к. если в эпоху биполярного мира капитализм перед лицом СССР и мировой системы социализма всячески как-то стремился делать гримасы и ужимки, носил маску, то теперь он смело бросил эту маску и предстал перед всем миром в своей сущности — как жестокий (к тому же изощренный) эксплуататор давно минувших времен. Одной из задач марксистов — сорвать с капитализма маску государства всеобщего благоденствия и умиротворения классов, дать в связи с этим марксистскую научную критику т. н. «социальным амортизаторам» современного капитализма (как якобы «государства покровителя», «социального государства», «государства всеобщего благоденствия» и т. п.), каковыми, в частности, являются, например, всевозможные трансферы, разные виды «социальной помощи», в том числе, благотворительность, пособия по безработице и пр., необходимые средства на которые для своих неимущих и обездоленных граждан отстегиваются из общей транснациональной награбленной суммы.

На прошедшей международной научно-практической конференции, посвященной Марксу, была дана принципиальная характеристика современной эпохи; был специально проанализирован марксовское понимание процесса современной глобалистики и его сущностные черты, противоречивый характер глобалистики в свете современных экономических кризисов, экономические и политические последствия глобалистики, сущность общественного движения против капиталистической глобализации. Участники конференций интерпретировали глобализацию как последний этап капитализма и начало постепенного перехода человечества в социализм; XXI в., по их мнению, это — век интенсивного самоотрицания капитализма, век постепенного наступления мирового социализма.

Участники юбилейной конференции сосредоточивали внимание на одной из ключевых проблемно-тематических рубрик марксистской кон-

цепции — учении об исторических перспективах (далеких и обозримых) и закономерностях развития человечества, его социалистическом и коммунистическом будущем, с учетом новейшей критики и самокритики марксистской теории на этот счет. Среди аргументов преимуществ социализма перед капитализмом, помимо прочего, они дали философский анализ данных современной науки, свидетельствующих о том, что перегрузка биосферы Земли и антропогенная нагрузка на природу в целом в два и более раз превышает допустимый уровень: так, современная экологическая ситуация на планете (особенно критический объем выброса парниковых газов развитыми капстранами) характеризуется антропогенным изменением фундаментальных основ жизнедеятельности современного состава живого вещества биосферы — планетарных биосферных констант — физико-химических показателей, как-то: температура, влажности и химического состава атмосферного воздуха, радиационного фона и т. д. Эти изменения сказываются на экологических условиях существования всех людей и предотвращение угрозы глобального экологического кризиса — дело всего планетарного Социума. Однако, отмечалось на конференции, этому рациональному движению современного человечества мешает, и впредь будет мешать, капитализм.

Между тем, по мнению участников форума марксистов, предлагаемый адептами «золотого миллиарда» путь преодоления экологического кризиса через сокращение народонаселения развивающихся стран и замораживания уровня их благосостояния, естественно, вызовет обострение социальных противоречий, но ориентации на растущие потребности общества массового потребления, в конечном счете, не решит экологические проблемы. Выход из сложившейся ситуации видится в консолидации человечества для преодоления экологического кризиса на основе идеи коллективного выживания и бытия Социума, а следовательно, на осуществлении принципов социалистического и коммунистического императива бытия всех ради всех и каждого. Объективные процессы в природе и в мировом сообществе диктуют в XXI веке принять альтернативу — «Солидарность или смерть», «капитализм или варварство». Если здесь вспомнить еще и о других проблемах современности, например, голоде и нищете ряда регионов земного шара, демографическом дисбалансе, болезнях века и кризисных проблемах т. н. современного глобального капитализма, то становятся совершенно очевидными преимущества социалистического планомерного хозяйствования перед хозяйствованием капиталистическим, при котором анархия цен, постоянная нестабильность рынка и рыночного соперничества, императив «товарного фетишизма» (когда чем больше удовлетворяется желание в предметах потребления и роскоши, тем оно становится ненасытнее) способствуют безмерному, неразумному и нерегулируемому расходованию природного богатства и человеческих сил, что не только амо-

рально, но является тормозом развития современного человечества, а в эпоху термоядерного оружия и истощения природных ресурсов, представляет угрозу его физическому выживанию.

И, в самом деле, повторим, «Вся соль буржуазного общества, — писал Маркс, — состоит как раз в том, что в нем а priori не существует никакого сознательного общественного регулирования производства. Разумное и естественное необходимое прокладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее»⁶. Сказанного уже достаточно, чтобы заметить, что XXI век объективно принадлежит социализму, при котором сумасшедшая рыночная конкуренция с ее погоней за удовлетворением безмерных потребительских запросов и нужд уступит место планомерному и *самодостаточному* развитию во всех сферах человеческой жизнедеятельности и *самодостаточному* удовлетворению всех потребностей общества. Социализм есть не теоретическая абстракция, как часто заявляют некоторые приверженцы т. н. «перестроечного» и «реформаторского» мышления, а закономерный результат экономического и политического развития капитализма, неизбежное следствие исторического развития в целом, которое, кстати, с такой же необходимостью рождает то социалистическое и коммунистическое равноправие людей, которое сегодня, подменяясь понятием «уровнировка» (подброшенным нам западными политологами), критикуется и отвергается как якобы предполагающее упразднение всякого индивидуального стимула и заинтересованности в обществе.

Говоря о имеющем ныне среди т. н. «демократов» хождение представлении недостатках и некотором «утопизме» советского социализма, выступившие аргументировано, а не голословно, их опровергали. Резюмировать выступления участников конференций по данному кругу проблем кратко можно так: социализм по существу можно интерпретировать как рождение новой эры и это рождение не могло, конечно, быть безболезненным, ибо «социализм есть выход из дикости» (Маркс), переход человечества из его предыстории в действительную историю и этот переход не мог быть всесторонне завершенным и полным. Этот переход не может не сопровождаться временными остановками и даже поражениями. Уместно вспомнить как метко об этом писал Ф. Энгельс: «Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей, и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием *мира животных*. Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфици-

⁶Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 461.

чески биологическом отношении подняло производство вообще. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной. От нее начинается новая историческая эпоха, в которой сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор»⁷.

На конференции поднимался блок проблем относительно связи философии и естествознания. На форуме марксистов обсуждалась проблема объективных условий исторической необходимости воссоздания на новом уровне, с учетом современных реалий, союзного государства с единым народно-хозяйственным и оборонным комплексом и *восстановления мирового равновесия и мироустройства*, сложившегося после Второй мировой войны, форсированный процесс пересмотра которого со стороны США и НАТО стал возможным лишь после развала СССР и системы социализма. Участники прошедшей конференции ученых-марксистов и марксистов-гуманитариев дали положительную оценку наметившейся тенденции объединения Белоруссии, России в единое государство как объективной основы начала исторического процесса реинтеграции всех республик бывшего СССР. Участники конференции справедливо увидели в марксизме-ленинизме самую верную теоретическую и мировоззренческую основу такого объединения исторически породнившихся братских народов бывшего СССР.

На конференциях профессионально критиковалось расхожее утверждение о якобы имевшем место новом этапе прогрессирующего развития современного капитализма. Одним из важнейших направлений в работе форума марксистов было исследование кризиса современного монополистического капитализма, исследование геополитического и геостратегического равновесия между Западом и Востоком, возможностей сдерживания транснациональной эксплуатации (государствами «золотого миллиарда») стран «второго» и «третьего» мира и противодействия планам США и НАТО по наведению т. н. «нового мирового порядка», их «передовому присутствию» и «гуманитарному вмешательству» в дела национальных государств, наступлению на права и прерогативы ООН и пр.; самоотрицание и самопоглощение капитализма были предметом специального анализа как в отдельных докладах, так и выступлениях по ним.

В докладах и выступлениях участников конференций был дан марксистский политэкономический анализ деятельности Международного валютного фонда, Всемирного банка, Мирового банка реконструкции и развития, Всемирной торговой организации и прочих институтов-проводников международных финансовых махинаций, транснациональной эксплуатации народов слаборазвитых государств и капиталистической сверхпотребительской гонки; теоретический анализ последствий этой деятель-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С.359.

ности. На форуме марксистов прозвучала жесткая критика процесса интернационализации капитала, обострения конкуренции между транснациональными корпорациями и отмечена необходимость объединения левых сил в борьбе против интернационального капитала, приватизации и долларизации мирового хозяйства. Они критически оценили повсеместный практически-теоретический и организационный разброд в мировом (в том числе российском) коммунистическом движении, вырождение многих компартий в социал-демократические или даже прямо пробуржуазные, многие из которых скорее предпочитают сотрудничать с буржуазными властями, чем между собой. Участники Конференции справедливо увидели в марксизме-ленинизме теоретическую основу интернационального объединения в коммунистическом и левом движении.

На конференции обсуждалась и проблема развития России в XXI веке. Исходя из высокой оценки Марксом русской общины (как наиболее «соответствующем направлению исторического процесса»), где «общая собственность на землю образует естественную основу коллективного производства и присвоения...», и «чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция» — (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Т. 19. С. 408–410), выступившие на основе богатого историко-философского фактического материала дали марксистское научное обоснование социалистического пути развития России, ближайших перспектив возрождения ее интегрирующей и стабилизирующей роли в содружестве народов бывшего СССР. Специально обсуждалось демографическое настоящее России, и задачи, стоящие перед ее обществом, права человека в постсоветской России и в других странах СНГ.

Вопреки княжески-удельным интересам национальной буржуазии стран СНГ, всячески противостоящим к интеграционным процессам наших народов, на конференции заинтересованно обсуждались проблемы поиска совместных с СНГ путей выхода России из глобального экономического и социального кризиса, выявления и осмысления возрождения, с учетом новых исторических данных, социализма и перспектив совместного развития в наступившем столетии; исследования роли культурно-исторического наследия прошлого наших народов в становлении и развитии обновленного, с учетом советского опыта, социализма; исследования путей и перспектив воссоздания и развития отечественного (союзного) народного хозяйства, научно-технического и образовательного потенциала, его приращения в XXI веке;

Одна из центральных тем прошедших конференций — это марксизм-ленинизм и национальный вопрос современности, значение развития положительного опыта национальной политики бывшего СССР, анализ национальных и религиозных конфликтов, основные причины (экономические, политические, социокультурные, религиозные и др.) межэтнических конфликтов в современном мире и пути их решения. В выступлениях получили аргументированную критику попытки СНГ-кой буржуазии и их

СМИ реаминировать шовинизм и этнические противоречия давно минувших лет против интернационализма Советского. Итоговые выводы свелись к следующему: национальной проблемы, по существу, как не было, так и нет ни в России, ни среди народов республик бывшего СССР. Понятно, однако, что она, как всегда в истории, активно навязывается нашим народам лжедемократами — безответственными политиками и буржуазными СМИ — разносчиками национализма, религиозного фундаментализма и всякой другой социальной смуты как в иносказательной и лжепатриотической, так и в прямой форме, с целью маскировки классовой сущности эксплуатации своего народа. В приведенных словах Маркса в адрес немецкой буржуазии на конференции прозвучала характеристика социальной сущности скороиспеченной буржуазии, с самого начала злонамеренного разрушения СССР изменившей своему народу: «...без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами; ...напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом; ...без инициативы; ...окаянный старик, осужденный но то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа...»⁸.

На конференциях было констатирувано, что в результате непомерно возросшего в однополюсном мире экономического и политического гегемонизма США и НАТО и их противостояния на этой почве странам «второго» и «третьего мира», человечество вступило в XXI веке в этап устойчивой непредсказуемости политического терроризма и американо-натовского «супернеоколониализма», забывая, что «навсегда миновало то время, когда один народ мог претендовать на руководство всеми остальными» (Ф. Энгельс). В связи с этим была подвергнута убедительной критике американо-натовская концепция «борьбы» с международным терроризмом, дающая США и НАТО без мандата ООН карт-бланш для долгосрочного неоколониалистского вмешательства в дела других стран. Участники конференций выразили свое несогласие с наметившейся тенденцией упрощенной интерпретации явления, называемого «международным терроризмом», якобы являющегося лишь результатом преступных деяний одиночек или групп людей — больных психически ненормальных фанатиков. Терроризм и международный терроризм как акт отчаяния, всегда в истории был и, так или иначе, остается одним из ярких проявлений классовой борьбы, которая в постсоветское время окончательно трансформировалась из национальной в транснациональную, приняв форму жесткой эксплуатации государствами «золотого миллиарда» стран «второго» и «третьего мира». В принятых на конференции рекомендациях ее участники, в частности, предлагают мировому сообществу: «ООН при-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 116–117.

знать, наконец, что причины, порождающие экстремальные формы политической борьбы и международного терроризма — это прежде всего социально-экономическое неравенство и неравноправие стран „золотого миллиарда“ и народов всего остального мира, что в период после II мировой войны именно США и НАТО, приняв неокOLONиальную концепцию вмешательства в дела других стран, минуя ООН, стимулировали новые формы внутригосударственного и международного терроризма, сделав, в результате этого, и самих себя его мишенью», ... «Созвать под эгидой ООН международную научно-практическую конференцию ученых, общественников, глав всех государств, представителей мировых экономических, торгово-экономических и финансовых организаций, а также глав всех ведущих религиозных конфессий для целенаправленного изучения глобальных (особенно социально-экономических) проблем современного человечества с целью *принятия экстренных мер по добровольному изменению несправедливого социально-экономического курса современного мира, выработке практически-теоретически обоснованной комплексной Планетарной Программы начала первого в истории человечества безнасильного мирового процесса выравнивания (путем справедливого перераспределения общемирового богатства, отмены всех форм национальной и транснациональной эксплуатации и т. п.) недопустимого социально-экономического и народно-хозяйственного разрыва между государствами и народами, их населяющими*. Констатировать, что тех миллионов и миллиардов долларов, которые сегодня США и НАТО ежедневно щедро бросают в топку спровоцированных ими же локальных войн, на ведение подрывной деятельности и поддержку всех форм терроризма (в том числе международного), вполне достаточно для реализации данной программы». В этом случае мы, марксисты (а в свое время и Маркс) первыми признали бы марксистскую теорию социалистической революции, которая отвергает в ужас буржуазии и эксплуататоров всех мастей, устаревшей.

Бросалось в глаза, что на конференциях чаще всего затрагивалась марксистская критика политических, экономических и социальных последствий «капитализации», «теологизации», «демократизации», «децентрализации», «деидеологизации» и «десоветизации» государственной и общественной жизни России и других стран СНГ, а также сущность буржуазной и социал-демократической апологии этих для народов России и стран СНГ трагических последствий.

На конференциях марксистов были заслушаны проблемно-аналитические доклады, посвященные анализу развития социализма с вьетнамской, китайской, корейской и кубинской спецификой, в основе строительства социализма которых лежит теория и практика марксизма-ленинизма.

Вместе с тем, следует заметить, что на конференциях не все проблемы получили всестороннее обсуждение. Так, недостаточно полно была рас-

крыта актуальная проблема войны и мира, прогнозирование геополитики разных государств, международные последствия дальнейшего расширения НАТО на Восток (за счет присоединения к альянсу стран соцлагеря и республик бывшего СССР) и последствия возможного выхода США из Договора по ПРО-72. Между тем, весь мир поставлен перед свершившимся фактом — группового вступления в НАТО стран Восточной Европы, что ничего хорошего не сулит народам этих стран.

Не получилось, как хотелось, продолжения дискуссии, начатой еще на предыдущей конференции, об оценке научно-практического значения нового полного (122 томного, в 240 книгах) собрания сочинений теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала «МЭГА», издающегося ныне в Германии Международным Фондом Маркса и Энгельса (центр Фонда — Амстердам) на языке оригинала (председатель научной редакции доктор филос. наук, проф. МГУ Г. А. Багатурян), хотя обоснование о настоятельной необходимости его перевода на русский язык и языки народов СНГ, прозвучало в выступлениях.

Мало внимания было уделено марксистскому анализу теории и практики современной социал-демократии, т. н. «третьего пути» развития современного человечества, рассмотрению, назовем, «российского варианта» социал-демократии. Между тем отношение «аутентичного» марксизма к различным, и в первую очередь двум основным версиям теории и практики социализма — коммунистической и социал-демократической, под явным противостоянием которых прошло XX столетие, безусловно представляет актуальнейшую проблему и ее надо специально исследовать. В некоторых выступлениях были элементы догматического и софистического подходов, уклон к политиканству, которые, кстати, немедленно получали соответствующую негативную оценку со стороны участников конференции.

В заключение на конференциях были приняты ряд резолюций, рекомендаций и обращений теоретического и практического содержания, многие из которых регулярно публиковались в «Экономической и философской газете», а также опубликованы в коллективных сборниках материалов ежемесячных теоретических семинаров и годовых научно-практических конференций, прошедших на базе «Марксовских чтений». Они адресованы представителям мировой марксистской и обществоведческой мысли, а также прогрессивной общественности всего мира, обращая их внимание на глобальные противоречия современности, затрагивающие сами основы существования человечества. Для их решения, в частности, предлагается: ООН рассмотреть вопрос о насущной необходимости роспуска НАТО как органа, давно уже ставшего рудиментом современности, особенно после роспуска Варшавского Договора; США и странам, входящим в НАТО приостановить на добровольной основе наведение в мире т. н. «нового мирового порядка», методами военно-государственного терроризма, транснацио-

нальной эксплуатации государствами «золотого миллиарда» народов слаборазвитых стран, долларизации экономики этих стран; руководителям стран СНГ рекомендуется приостановить приватизацию по всему постсоветскому пространству (как противоестественного процесса, когда огромные богатства, созданные народом, все больше переходят в руки тех, кто их не создавал), чтобы затем планомерно вести деприватизацию и дедолларизацию ограбленных республик бывшего союза. С целью приостановки разрушительных социальных тенденций в республиках бывшего союза и эффективного противостояния геополитическим притязаниям США и НАТО Президентам и главам правительств СНГ рекомендуется собраться в Беловежской пуще для денонсации Беловежского Договора и объявления референдума (опроса населения) по вопросу о восстановлении союзного государства с учетом современных исторических реалий. Мы не знаем будет ли наше предложение воспринято должным образом, но знаем точно, альтернативы ему нет, а если есть, то это — активное продвижение на всем постсоветском пространстве американо-натовского т. н. «нового мирового порядка», который, кстати, уже давно на марше с целью поглощения каждой республики бывшего союза в отдельности.

Все прошедшие заседания открытого теоретического семинара «Марковские чтения» (их более 130) и на их организационной базе годовые, международные научно-практические конференций показали, что мораторий на марксистскую мысль невозможен. Маркс современен всегда, а марксизм-ленинизм актуален как противоядие новейшим тенденциям транснациональной эксплуатации и классовой борьбы, «американизации» мира — попыткам установления т. н. «нового мирового порядка», созданию «глобального сверхобщества» (как централизованной системы принудительного управления человечеством), возвышающегося как «надстройка» над национально-государственными образованиями и фактически подчиняющего последние в основных аспектах их жизнедеятельности.

В заключение, от имени оргкомитета открытого академического теоретического семинара «Марковские чтения» и его общественного совета благодарим широкий актив ученых-марксистов и марксистов-обществоведов всех республик временно исчезнувшего СССР, стран социализма — Вьетнама, Китая, КНДР, Кубы, Венесуэлы, Боливии, делегацию греческих марксистов, марксистов-коммунистов из европейских стран (Бельгии, Венгрии, Испании, Франции, Югославии), а также всех соучредителей мероприятий «Марковских чтений» за их активное и плодотворное участие в подготовке и проведении наших теоретических семинаров и научно-практических конференций. Как доказывал великий Аристотель, а ему вторили «Аристотели Нового времени» — Гегель и Маркс, «труднее всего — начало», но раз начало положено, пол дела сделано. Хотелось бы, чтобы это

относилось и деятельности «Марксовских чтений» в научно-критическом осмыслении и развитии аутентичного марксизма.

Ощутимая потребность народов в свободе, чаще абстрактной, кажущейся, а не социально-действительной, реальной, сегодня заставила часть общества встать в оппозицию против многих авторитетов, в том числе и марксизма. Однако идеи и методы, какими они руководствуются, дабы уйти от старого, свидетельствуют как раз о том, как трудно отказаться от господства «идолов театра» (Ф. Бэкон). Между тем, сегодня, когда зачастую без научной аргументации пытаются представить Марксизм безнадежно устаревшим и обанкротившимся, величественный облик самых творцов учения — Маркса, Энгельса и Ленина, остается по-прежнему значимым, ибо ничто в истории человечества и науки не пропадает бесследно. Сегодня, в условиях трансконтинентального капитализма, претендующего на мировое господство, — классики марксизма по-прежнему напоминают о себе. Перефразируя изречение Аристотеля о философии⁹, можно сказать, что все другие науки, возможно, и более необходимы, нежели марксизм-ленинизм, но лучше — нет ни одной. Маркс, Энгельс и Ленин и сегодня остаются живым воплощением легендарного Прометея, борца за человеческую свободу, равноправие, братства и справедливость. Классики марксизма стоят терпения всемирной истории, медленный, но неуклонный ход которой полностью подтверждает их немеркнувшие идеи о прогрессивной сменяемости социально-политических и экономических укладов жизни, о восходящем развитии всемирной истории, справедливости борьбы народов против всякой эксплуатации человека человеком. Капитализм, как последний бастион исторического порока человечества — эксплуатации, сам создает своих могильщиков. Современными марксистскими лозунгами являются: «Народы всего мира, объединяйтесь против империалистического капитализма, наведения США т. н. „нового мирового порядка“ и расширения НАТО!»; «Социализм или варварство»; «Вперед к Марксу»!

⁹ См.: *Аристотель. Метафизика*. Кн. I, 2. 983а-10.

Маркс современен всегда

Ниже следует статья, написанная мною в связи со столетием кончины Карла Маркса и опубликованная в № 7 журнала «Коммунист» за 1983 год.

Обращение к этой архивной вещи спустя четверть века объясняется тем, что во всех существенных моментах она полностью подтверждена последующим бурным и зигзагообразным течением истории. Единственное, чего в ней недостает, — это предсказания краха «советского социализма», который, как и его европейские союзники, мог потерпеть поражение только в результате обеспеченного М. С. Горбачевым (при подкованной инициативной роли А. Н. Яковлева) паралича его *интеллектуального* центра. «Для гибели СССР не было никаких объективных причин, — как-то заявил Г. А. Зюганов. — Здесь основную роль сыграли субъективные факторы» (Завтра столицы. 2009. Октябрь. С.4). И это, в общем, правильно.

Как свидетель и участник событий утверждаю, что в партии после брежневской поры создавались и уже имелись в наличии предпосылки для здоровой модернизации советской общественной системы. Они мыслились в русле перехода от раннего социализма к бесклассовому социалистическому обществу, поощрения нарождающихся новых форм предкоммунистического общежития, образование и развитие которых тормозилось как заскорузлыми догматиками, так и прокапиталистическими элементами, питавшимися стихийно разрастающимся сектором «теневой» экономики. Этот подход разделяла вслед за Ю. В. Андроповым ведущая «тройка» политиков начала 1980-х гг., то есть К. У. Черненко, Д. Ф. Устинов и А. А. Громыко. Однако быстрый уход из жизни большинства из них (три года — три генсека) predetermined негативный поворот процесса. За этими смертями последовала неоднократная кадровая перетряска в верхах, нарушение структурной и персональной стабильности и преемственности руководства, подмена идейно грамотных кадров либо незрелыми, либо буржуазно-бюрократически, рыночно-прагматически настроенными «выдвиженцами». Совершившийся отход аппарата КПСС от ее «природной» социальной базы в лице рабочего класса, работников производительного (физического и умственного) труда, с одной стороны и отчуждение последних от *своей* по происхождению и предназначению партии — с дру-

гой. Утрата КПСС роли органа самосознания рабочего класса, людей труда, неготовность ее защитить себя, а трудящихся — защитить ее — таковы причины того, что роспуск многомиллионной партии, основанной Лениным, удался — и безнаказанно — одному пустоголовому прощелцу.

Центральный стратегический вопрос момента объективно выглядел так: либо выход к концу XX века на параметры бесклассовой трудовой ассоциации, либо регенерация буржуазного строя с соответствующим восстановлением классовых антагонизмов; либо достижение социальной однородности общества, либо его дрейф, причем в ритме «ускорения», в сторону крутой социальной дифференциации, то есть возврат к противопоставлению кучки богатых массе бедных за счет незаконного присвоения первыми достояния всех; либо достижение, наконец, социального равенства, либо, наоборот, реставрации социального неравенства во всем его отвратительном эксплуататорском облики; либо выдвижение Советского Союза в лидеры прогресса на планете, либо растерзание его во имя спасения империалистических держав в условиях нарастания нового этапа общего кризиса капитализма. Этот вопрос в КПСС не был всесторонне осмыслен, а потом и был скрыт. Результат, выразившийся в распаде союзного советского государства, миллионах смертей, метаний и личных трагедий, последовал неотвратимо. Это была цена, которую пришлось заплатить за фактический отказ партии служить духовным, научно-оптимистическим и нравственно-политическим авангардом народа.

«Рабочему классу и рабочему движению противопоказаны иллюзии в отношении перспективы, — отмечалось в статье 1983 г. — Отсутствие политической трезвости и реализма, провозглашение заведомо неосуществимых лозунгов и наигранное бодрчество в пропаганде пагубно сказывается на его просвещении. Ведь и без того превращение рабочего класса из „класса в себе“ в „класс для себя“ в условиях неутрахающей идеологической борьбы — процесс весьма неравномерный, знающий приливы и отливы, взлеты и падения в зависимости от способности противостоять проискам буржуазии, ее все более изощренным методам манипулирования сознанием масс» (К. Маркс и современность. М., 1983. С.154). Как видим, в партии об опасности знали заранее. И только централизация власти в нечистых руках не позволила ее избежать. Семидесятилетний социалистический эксперимент в нашей стране, долго служившей главной базой и уникальным источником революционного опыта во всем мире, усилиями реакции внутренней и внешней, был провален. Но ей рано радоваться. Социализм на Земле уже сумел укорениться в обоих полушариях. Новый этап общего кризиса капитализма жертвой СССР-России был лишь отсрочен и теперь вернулся. Генеральная направленность глобального исторического процесса, несмотря на скачки и изломы, не переменялась. Мы же продолжаем учиться на собственных ошибках, как всегда надежно опираясь на нашего Маркса.

«Читающий, если не усвоишь, — перечти, переждав.
Суждение не случайно, и листы упадут во времени.
Но зима — только вестник весны» (Живая Этика. Избранное. М., 1992. С.3).

Р. Косолапов.
Ноябрь, 2009.

* * *

Творение Маркса, которое само по себе как научное достижение представляет собой гигантское целое, превосходит непосредственные требования классовой борьбы пролетариата, во имя чего оно, собственно, было создано. Как своим тщательным, завершённым анализом капиталистической экономики, так и историческим методом исследования с неизмеримо широкой сферой его применения Маркс дал намного больше, чем это было необходимо для практических нужд классовой борьбы.

Роза Люксембург

Маркс неисчерпаемо глубок и неизменно злободневен.

Идейное наследие Маркса не подвержено старению. У Маркса всегда найдется слово, сказанное будто сегодня.

Маркс и сейчас в передовых рядах действующих борцов за социальное переустройство мира.

...В каких бы словосочетаниях — этих или же бесчисленном множестве иных — мы ни выражали непреходящую свежесть, вечную современность мысли Маркса, их всегда желательно подкреплять достоверным, точным, обстоятельным, конкретным изложением марксистских истин.

Во-первых, нужно добиваться того, чтобы, несмотря на растущий поток всевозможной информации, постоянно росло число читающих *самого* Маркса, а не только популярные пересказы его.

Во-вторых, не следует недооценивать тот факт, что исключительная методологическая мощь марксова гения оказалась тем тараном, перед которым, несмотря на десятилетия упорных контратак, не смогли устоять ни крепостные стены буржуазной апологетики, ни башни позитивистской схоластики. Его могучее влияние по-своему испытала на себе и буржуазная общественная наука. Теперь в почтительном отношении к Марксу-исследователю сплошь и рядом расписываются также те, кто люто ненавидит Маркса-революционера. На Западе появилось немало мнимо объек-

тивных авторов, остающихся верными трезорами капиталистического класса, но охотно подпевающих «на публике» хору, который славословит великого автора «Капитала». Мотивы этих субъектов могут быть разными, но лейтмотив их речей состоит в том, чтобы потопить бунтарскую суть марксизма в похвалах и комплиментах и понадежнее запрятать его основателя в... музей мадам Тюссо.

Есть тут и еще один побочный эффект. Комплимент идеолога реакции как поцелуй Иуды. Он и делается подчас с умыслом создать превратное впечатление, вызвать кривотолки о том, в чей адрес направлен. Вот почему никогда не лишне вновь повторить стихи Лессинга, которые Ленин цитировал применительно к Марксу: «Кто не хвалит Клопштока? Но станет ли его каждый читать? Нет. Мы хотим, чтобы нас меньше почитали, но зато прилежнее читали!»¹

Уже стало традицией: чтобы мысленно представить себе ту поворотную роль, которую Маркс сыграл в истории человеческого духа, прибегать к образу Прометея. Пример этого мифологического героя, похитившего у богов огонь для людей, приобщившего их к материальному свету и теплу как залог света и тепла душевного и пострадавшего за это, вдохновлял Маркса. И все же то, что сделал сам Маркс, величественнее сказаний древних греков о Прометее. Маркс дал пролетариату, народам, человечеству то, что не мог дать ни Прометей, ни какой-либо иной герой, — точное знание о самих себе, а тем самым об условиях своего освобождения. То, чего нельзя было ни у кого заимствовать, чего не было ранее и что следовало *создать заново*. Во всей предшествующей истории нет ничего такого, что можно было бы даже сопоставить с творением Маркса. «Философия, которую Маркс дал рабочему классу, — переворот в истории общественной мысли, — говорится в статье Ю. В. Андропова „Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР“. — Человечество не ведало о самом себе и малой доли того, что оно узнало благодаря марксизму. Учение Маркса, представленное в органической целостности диалектического и исторического материализма, политической экономии, теории научного коммунизма, явило собой подлинную революцию в мировоззрении и одновременно осветило дорогу глубочайшим революциям социальным»².

Здание марксизма грандиозно. И вряд ли можно стать грамотным марксистом, прочитав какую-то одну, пусть и талантливо сочиненную книжку. Неизбежная судьба марксизма — его систематическое, повседневное изучение все большим числом людей, непрекращающееся живое функционирование в революционно-созидательной практике масс, посто-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 131.

² См.: Карл Маркс и современность. С. 4.

янное обогащение на основе накапливающегося научного и жизненного материала. Именно это и есть его реальное бытие, несовместимое с каким бы то ни было догматизмом.

Иногда нам, коммунистам, говорят: «Разве правильно сейчас, в конце двадцатого века, следовать доктрине, сформулированной более столетия назад?» Но по сути ничего не предлагают (да и не могут предложить!) в качестве полноценной альтернативы. «Аргумент от возраста» марксизма, как правило, является основным в устах тех, кто хотел бы соблазнить человечество беготней за бабочками-однодневками всякого рода легковесных концепций, которые без устали плодит буржуазная общественная мысль, за тем, что Ленин называл безжизненным модным. Но разве «возраст» истины может сказываться на ее достоинстве? Не происходит ли наоборот: чем больше подтверждается истина действительностью, тем она ценнее. Марксисты отнюдь не цепляются за всевозможные частности в учении Маркса, естественно подверженные временной эрозии, не настаивают на чисто событийных оценках, ушедших в прошлое вместе с породившими их ситуациями. В то же время они хорошо знают силу марксистского диалектико-материалистического метода и на деле убедились, что этот метод — главнейшее духовное завоевание человечества за всю его многотысячелетнюю историю. А каков метод — такова в принципе и теория.

Чтобы показать актуальность марксова учения, совсем не обязательно выискивать какие-то новые или же не до конца прочитанные его страницы. Лучше, думается, пойти другим, более знакомым, но всегда новым путем — еще раз высветить те положения, которые, кажется, всем известны и вместе с тем сохраняют свою неопровержимость и злободневность. А чтобы еще больше сузить предмет данной статьи, назовем три грани марксизма, которые будут в ней рассматриваться и которые являются для него представительными.

Что это за грани?

Во-первых, марксова концепция отчуждения и эксплуатации человека человеком, представляющая собой научный приговор капитализму.

Во-вторых, марксово учение о всемирно-исторической миссии рабочего класса — общественной силы, призванной привести этот приговор в исполнение и возглавить создание нового общества.

В-третьих, жизненность идей Маркса, их научная эффективность при анализе уже сложившегося и вполне упрочившегося социализма как общественной системы.

Прежде чем приступить к изложению первого из поставленных вопросов, напомним известную мысль Энгельса о том, что марксизм нашел ключ к пониманию всей истории общества в истории развития труда³.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 317.

Труд, простейшими моментами которого, по Марксу, являются целесообразная деятельность, средства труда и предмет труда, представляет собой воздействие работника на вещество природы с целью придания ему нужной человеку формы. В труде человек так или иначе обнаруживает и развивает свою натуру. По изделию можно судить о мастере, ибо он частично «объективировал» самого себя, вложив нечто от своего внутреннего «я» во внешний предмет. Эта отдача, «переливание» субъективных способностей в объект, превращение их из внутренне присущих субъекту в свойства внешнего предмета выражает общую особенность труда. Иначе просто невозможно приспособление предмета к человеческим потребностям. В свою очередь, потребление созданного продукта, возврат работнику того, что он в процессе труда передал объекту, является обратным присвоением человеком своих «сущностных сил», питает вновь и вновь повторяемое утверждение его как субъекта производства. Этот процесс носит характер освоения, «субъективирования» предмета, которое само выступает как важная предпосылка «объективирования». В жизни наблюдаются теснейшее их переплетение, взаимное проникновение и обусловленность.

Будучи тесно связаны и предполагая друг друга, названные звенья человеческой деятельности вместе с тем различны и порой разделены в пространстве и времени.

Акт «объективирования» субъекта в труде может быть отщеплен, оторван от акта освоения, «субъективирования» продукта труда. Именно эта особенность труда — объективное разграничение изготовления и потребления, отдачи и освоения — и позволяет задерживать возврат производителю его изделия в частнособственническом обществе.

«Объективирование» человеком своих способностей в процессе труда (отношение «субъект — объект») есть и будет до тех пор, пока существует общественное производство. Что касается изъятия материального воплощения, сгустка труда, его продукта в пользу нетрудящегося — а именно это и есть *социальное отчуждение* в отношениях между людьми, — то оно возникло на определенном этапе развития общества и носит преходящий, временный, хотя и очень длительный характер.

В условиях первобытной общины, которая располагала крайне примитивными орудиями и производила лишь столько, что едва хватало для поддержания существования входивших в нее людей, не могло быть и речи об отчуждении продуктов труда. Слабость развития производительных сил, низкий уровень производительности труда, ограниченность практики, незнание социальных и природных закономерностей делали человека всецело зависимым от природы. Кроме этой зависимости существовала жесткая зависимость от самой общины. А она являла собой далеко не свободное объединение всесторонне развитых индивидов. Это был коллектив слабых и беззащитных в одиночку существ, которые только в союзе могли обре-

тать минимальную силу для борьбы с природой за свое существование. Отчуждения не существовало просто потому, что нечего и некому было отчуждать.

Частная собственность и рабовладение возникают на базе более высокой производительности труда, позволившей обеспечить некоторый избыток продукта над минимумом жизненных средств. Этот-то избыток и стал отчуждаемым продуктом. Причем группа лиц (консолидирующаяся в эксплуататорский класс) изымает в свою пользу имущество потому, что делает своей собственностью людей, трудящихся, уподобив их орудиям труда. Аналогичное положение сохраняется и при феодализме. Отличие состоит только в том, что здесь крестьянин находится в личной зависимости от феодала как придаток к являющейся его собственностью земле и средствам ее обработки.

В условиях капиталистического производства работник выходит из личной зависимости и уже не может быть чьей-либо собственностью. Вместе с тем он лишается средств производства. Он получает личную свободу, но без ее материального базиса, свободу, которая оказывается иллюзорной, так как сохраняется экономическая зависимость от владельца средств и предметов труда. Вновь и вновь поступая в распоряжение не производителя-трудящегося, а собственника средств производства, продукт труда «противостоит труду как некое *чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя*»⁴. При этом «осуществление труда... его превращение в действительность выступает как *выключение рабочего из действительности*, опредмечивание выступает как *утрата предмета и закабаление предметом*...»⁵.

То, что производит рабочий, отнюдь не уменьшает, а, напротив, умножает господствующую над ним и порабащую его силу. Как писал Маркс в первоначальном варианте «Капитала», «ударение ставится не на *опредмеченности* [*овеществленности*], а на *отчужденности* [*Entfremdet-, Entäußert-, Veräußertsein*], на принадлежности огромного предметного могущества, которое сам общественный труд противопоставил себе как один из своих моментов, — на принадлежности этого могущества не рабочему, а персонифицированным условиям производства, т. е. капиталу»⁶. Продукт труда — вещь, созданная руками человека, — начинает господствовать над человеком. «...Чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя»⁷, тем беднее материально и духовно становится он сам.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 88.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 347.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 88.

Еще до Октябрьской революции Ленин, пользуясь данными обследования фабрик и заводов России, подсчитал соотношение прибыли капиталиста и заработной платы пролетария. Число рабочих тогда составляло 2,25 миллиона человек, сумма их заработков — 555,7 миллиона рублей в год. Средняя годовая заработная плата держалась на уровне 246 рублей (20 рублей 50 копеек в месяц). Прибыль капиталистов достигала 568,7 миллиона рублей в год. Таким образом, каждый рабочий приносил капиталисту по 252 рубля, то есть больше, чем получал. «Отсюда следует, — писал Ленин, — что рабочий *меньшую половину* дня работает на себя, а *большую половину дня* — на капиталиста»⁸.

Куда более резкие контрасты наблюдаются в наше время. Если в середине XIX века американский рабочий около 3/5 времени работал на себя, а 2/5 — на капиталиста, то столетие спустя уже 2/3 времени рабочий работал на производство прибавочной стоимости и лишь 1/3 — на себя. За третью четверть XX века абсолютный разрыв между средним предпринимательским доходом и средней заработной платой вырос в США в 3 раза, во Франции — в 6 раз, в Японии — в 10 раз. Степень эксплуатации особенно усиливалась в тех отраслях, где ошутимее сказывается влияние научно-технической революции и выше доля квалифицированных работников. *Создавая какую-то относительно небольшую базу своего личного благосостояния, пролетарий одновременно создает в лучшем случае такую же (но, как правило, превосходящую ее) экономическую базу его эксплуатации.*

После первой и особенно после второй мировой войны во внутренней жизни экономически развитых капиталистических стран произошли заметные перемены. Положительной стороной научно-технического прогресса вместе с могучим влиянием мировой социалистической системы, важным следствием усиления экономической, политической и идеологической борьбы пролетариата, ощутившего в государственно-организованном социализме свою надежную опору, явилось то, что эксплуататоры в ряде индустриальных держав Запада начали переставать посягать на минимум жизненных средств занятого рабочего. Известное повышение материального достатка трудящихся в его абсолютном выражении дало повод пропаганде монополий уже в который раз затеять шумный разговор об «опровержении» марксовской теории эксплуатации рабочего класса. Такого рода утверждения строятся на констатации лишь того банального факта, что условия капиталистического производства в последних десятилетиях XX века не те, какими они были, когда их анализировал Маркс. Повторяется старая история, о которой наши противники предпочитают не вспоминать, — осуществляется подобие атаки, предпринятой после смерти Энгельса ревизионистом номер один Бернштейном на марксизм, на «теорию обнищания», которая подается в извращенно-утрированном виде.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 25.

Возьмем теперешнее положение в «пограничных областях» капитализма в географическом смысле, то есть странах, являющихся объектом эксплуатации со стороны развитых империалистических государств и транснациональных корпораций. Несмотря на падение колониальной системы, капитал здесь по-прежнему бесцеремонен и не отказывается от традиционных методов извлечения прибыли. Освободившиеся страны, по сути, остаются на положении сырьевой базы империализма. Сырьем, извлеченным из недр Азии, Африки и Латинской Америки, на 90 процентов снабжается Япония, на 75 — Западная Европа. При втрое большем по сравнению с капиталистическими странами населении молодые государства производят в 6 раз меньше, а в расчете на душу населения в 15–16 раз меньше промышленной продукции. В среднем заработная плата рабочих определенной квалификации в Азии в 10 раз ниже заработной платы таких же рабочих в США.

В отличие от развивающегося мира механизм обнищания в экономически развитых капиталистических странах стал сложнее и потаеннее. Достигнутые здесь довольно высокие показатели среднедушевого потребления позволяют искусно маскировать тот факт, что «растет нищета не в физическом, а в социальном смысле, т. е. в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс»⁹.

Повышение в развитых странах капитала в результате научно-технического прогресса (под давлением организованной борьбы пролетариата и развития социализма в ряде стран) обеспеченности наемных работников по сравнению с довоенным уровнем — факт общеизвестный. Однако нельзя не видеть, что за этот же период несоизмеримо с улучшением материального положения трудящихся выросли доходы капиталистических монополий. Уже из одного этого сопоставления следуют вполне определенные выводы. Первый (и самый простой) из них — это усиление степени эксплуатации наемного персонала фабрик и заводов, поскольку доля общественного богатства, присваиваемая капиталистами, может возрастать только по данной причине.

Наряду со старыми, традиционными методами эксплуатации появились и новые, возникновение которых, в свою очередь, породило и новые формы обнищания трудящихся масс.

Прогрессирующее применение в производстве достижений науки и техники естественно приводит к быстрому росту удельного веса умственных операций, к известной «интеллектуализации» труда. При капитализме это означает, что объектом эксплуатации постепенно все больше становятся не только и не столько физические, сколько умственные способ-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 208.

ности работника. Выявление этого нового источника прибыли существенно обогащает марксистское представление о механизме капиталистического угнетения масс и отчуждения труда.

С одной стороны, повышаются роль и вес работников умственного труда (интеллигенции) как объекта эксплуатации. Это означает, что в сферу эксплуатации всасывается труд все новых групп участников производства. С другой стороны, в то же самое время возрастает возможность все более широкого применения в промышленно развитых капиталистических странах форм социального порабощения, основанных на «переориентации» эксплуатации, прежде изнурявшей главным образом мускулы рабочих, на менее заметное для рабочих, но более продуктивное для эксплуататоров изнурение нервной системы.

«Открыв» в возрастающей эксплуатации умственной энергии работников новый, более эффективный источник извлечения прибылей, капитализм убеждается в невыгодности для себя урезывания потребления ими продуктов, удовлетворяющих физические и самые элементарные культурные потребности. Более того: поскольку при современной технике значительно больше прибыли «выжимается» из квалификации, чем из физической силы, хозяева монополий предпочитают иметь дело с сытым, а нередко и полунинтеллигентным рабочим. И все это при сохранении, а то и углублении «привычных» язв капитализма — массовой безработицы, принимающей хронический характер, бездомности, недоедания, нищеты в прямом смысле слова, зияющей на фоне витринной роскоши буржуазного мира.

В иных случаях буржуазия, исходя из своих эгоистических интересов, может даже быть заинтересованной в росте удовлетворения стандартизованных потребностей масс.

В то же время *за пределами этих стандартов остаются вновь возникшие потребности*, быстро растущие в связи с общим ростом образования и *научно-технической революцией*. Выигрыш капитал получает, когда оценивает увеличивающуюся экономическую «отдачу» новых способностей, всеми средствами (в том числе идеологическими) замораживая представление о потребностях.

Как не исчезает эксплуатация, так не исчезает и ограничение потребления трудящихся. Но теперь оно направлено в первую очередь на ограничение *социального* развития эксплуатируемых, в то время как последнее становится необходимым следствием и условием успешного хода современного производства. Лишь отсутствие пока *прямых количественных* измерителей степени удовлетворения социальных потребностей позволяет буржуазии скрывать «тайну» эксплуатации образца второй половины XX века. Этим же пользуются буржуазные пропагандисты, которые часто толкуют о якобы больших возможностях капитализма в повышении жизненного уровня, исходя только из сравнения *физических объемов* продук-

тов, потребляемых в индустриально развитых державах Запада и в некоторых социалистических государствах. Такая социальная демагогия отвлекает внимание значительной части населения капиталистических стран от *возрастающего социально-культурного недопотребления трудящихся*, заслоняет факт значительного *отставания развития личности* каждого от возможностей, *которые уже созданы* для этого современным производством.

Включение ныне в стоимость рабочей силы значительных средств на покрытие широкого круга новых социально-культурных потребностей, не удовлетворяемых капитализмом, свидетельствует о необходимости изменения понятия «социальная нищета». *Капитализм сегодня в некоторых странах может избежать наживы на явном недоедании масс, хотя и в этом отношении едва ли им может быть упущен подходящий случай. Но он все более и более предпочитает наживаться на их хроническом духовном голодании. Изменилась лишь форма отчуждения — суть осталась прежней.*

Не хлебом единым жив человек. Эта древняя истина необыкновенно свежо звучит сегодня. Помимо определенной степени обеспеченности, современное состояние производительных сил предполагает высокий культурно-технический уровень работника производства. Потребности, удовлетворению которых препятствовал капитализм век назад, и потребности, за счет неудовлетворения которых он наживается сегодня, различаются между собой происхождением, формой, предметами, на которые они направлены, но одинаково жизненно важны для личности, *если она остается на уровне современного культурно-исторического развития.* Изменение формы и направленности эксплуатации ни в коей мере не колеблет марксистскую концепцию отчуждения труда, а, напротив, подтверждает ее новыми фактами.

Капиталистическое производство в условиях научно-технической революции создает огромную массу лиц, занимающих пролетарское положение и одновременно являющихся работниками умственного труда. Выжимая из их интеллектуальных сил все большую прибавочную стоимость, оно в то же время объективно создает огромный и все расширяющийся мир духовных потребностей, которые отныне не являются более привилегией ограниченного и буржуазного в своей основе меньшинства, а становятся целью и смыслом жизни новой многочисленной армии эксплуатируемых. Расширяется фронт протеста и борьбы против буржуазной общественной системы, которая, вызвав новые потребности, в то же время не создает условий для их удовлетворения большинством населения. Ведь непосредственная цель капиталистической формы производства — увеличение стоимости — не совпадает с абсолютной целью производства — созданием предметов для удовлетворения человеческих потребностей. *Кризис буржуазного способа производства становится также кризисом духовного производства.* Неудовлетворенность и протест охватывают работников не только физического, но и умственного труда. Основное про-

творение капитализма становится не только в принципе, но и практически все более универсальным.

Разве не является насущной материальной человеческой потребностью, принципиально не удовлетворимой при буржуазном строе, потребность в свободном труде-творчестве, для реализации которой уже в рамках современного капиталистического производства под влиянием научно-технической революции созревают производственно-технические условия? На очереди дня создание для этого социальных условий, прежде всего уничтожение эксплуатации, а это возможно только с победой социализма.

В постоянном отчуждении продуктов труда, основных результатов, сгустков человеческой деятельности, Маркс видел превращение самой этой деятельности в не принадлежащий человеку процесс, в непрекращающееся «самоотчуждение» процесса труда. «Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — *принудительный труд*. Это не удовлетворение потребности в труде, а только *средство* для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребности в труде»¹⁰. Принадлежа не рабочему, а капиталисту, деятельность рабочего перестает быть его самодеятельностью, «она есть утрата рабочим самого себя»¹¹. Поэтому *эксплуататорский строй объективно культивирует отношение к труду как к чуждой, недостойной человека обязанности*. Отвращение к труду на эксплуататора переносится порой на всякий труд. Обратной стороной материального отчуждения продукта и процесса труда становится нравственное отчуждение работника от труда.

Производственная жизнь, говорит Маркс, есть особый вид жизнедеятельности, присущий только человеческому роду, особая родовая жизнь человека в качестве общественного существа. Отчуждение труда поэтому означает отчуждение родовой жизни, общественного начала, а принудительный его характер делает истинно человеческую форму жизнедеятельности средством поддержания физического существования. Эксплуатация опустошает человека, делает его чуждым своей собственной сущности — труду. Жизнедеятельность человека, его труд теряют самостоятельное значение и ценность, если не сулят непосредственного утилитарного результата. Тем самым закрепляется зависимость человека в основном от его физических (по своему происхождению — животных) потребностей.

«Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущно-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 90–91.

¹¹ Там же. С. 91.

сти, — утверждает Маркс, — является *отчуждение человека от человека*. Когда человек противостоит самому себе, то ему противостоит *другой человек*. То, что можно сказать об отношении человека к своему труду, к продукту своего труда и к самому себе, то же можно сказать и об отношении человека к другому человеку, а также к труду и к предмету труда другого человека»¹².

Воспроизводство основы отчуждения современным капитализмом и одновременная эволюция буржуазного общества напластовывают одно на другое все новые и новые противоречия. Нормой жизни стало экономическое средостение между индивидами. Отчуждение весьма многолико. Оно между старыми и молодыми, образованными и полуграмотными, мужьями и женами, белыми и «цветными», работающими и учащимися, лицами творческого и нетворческого труда, менеджерами и живыми роботами, гражданскими и военными, «голубыми» и «ястребами» и т. д. и т. п. Этим его многообразием умело пользуется правящая элита. «Лечение» ею язв буржуазного общества сводится к двум способам: с одной стороны, к местному наркозу, обезболиванию крошечной экономической инъекцией или психологической обработкой; с другой — к иглоукалыванию, привлечению внимания общественности к тем участкам пораженного организма, которые менее всего связаны с причиной поражения. Зачем? Чтобы избежать серьезной операции.

Вначале может показаться, что факт отчуждения труда пагубно сказывается только на трудящихся, что эксплуататоры, присваивающие продукт, тем самым обогащаются и имеют все возможности для совершенствования себя как личности. Однако диалектика процесса такова, что основа благосостояния имущих классов — отчужденный труд — есть вместе с тем сила, уродующая и обесчеловечивающая их самих.

Если пролетарии, отрицательно относящиеся к труду на эксплуататоров, все-таки осуществляют свою человеческую природу в процессе производства полезных предметов, то буржуа выступают преимущественно в роли потребителей плодов чужого труда. В строгом смысле слова это не человеческая, а животная деятельность, хотя и возникшая на базе общественного производства и получившая определенную общественную форму. Понятно, что это тоже «потеря человеком самого себя». «Рабочий здесь с самого начала стоит выше, чем капиталист, постольку, поскольку последний уходит корнями в этот процесс отчуждения и находит в нем свое абсолютное удовлетворение, между тем как рабочий в качестве его жертвы с самого начала восстает против него и воспринимает его как процесс порабощения»¹³.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 94.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 47.

Поскольку капиталисту приходилось выполнять функции надсмотрщика и руководителя производственного процесса, его деятельность получала некоторое содержание, однако сам процесс труда выступал лишь в роли средства увеличения стоимости. «Самовозрастание капитала — создание прибавочной стоимости — есть, следовательно, определяющая, господствующая и всепоглощающая цель капиталиста, абсолютный импульс [Trieb] и содержание его деятельности, фактически оно есть лишь рационализированный импульс и цель собирателя сокровищ, совершенно убогое и абстрактное содержание, которое принуждает капиталиста, на одной стороне, выступать в рабских условиях капиталистического отношения совершенно так же, как рабочего, хотя и, с другой стороны, — на противоположном полюсе»¹⁴. Капиталист тоже не свободен в проявлении творческих человеческих потенций.

Из этих бесспорных констатации, однако, не вытекает, что в ликвидации отчуждения будто бы одинаково заинтересованы все классы. Подобную позицию усердно проповедуют идеологи буржуазии и правого оппортунизма с целью лишить рабочих классовой целеустремленности, дезорганизовать политическую борьбу трудящихся масс. Класс эксплуататоров не только не испытывает потребности в освобождении, но всеми силами противится этому, а потому осуществить социалистическую революцию, уничтожить основы отчуждения труда и всех разновидностей социального отчуждения в состоянии только революционный пролетариат.

В середине 40-х гг. XIX в. Маркс и Энгельс «выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного *пролетарского социализма* или коммунизма (марксизма)»¹⁵ Уже в «Манифесте Коммунистической партии», появившемся в феврале 1848 г., было «с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»¹⁶. С той поры вопрос об исторической миссии рабочего класса находится в центре внимания общественных наук и политической практики, и актуальность его не убывает.

Пролетариат — особый класс, не знающий себе равных в истории и обладающий *двумя* основными чертами, которые определяют все остальные.

Прежде всего он *неимущ*, то есть лишен средств производства и постоянно нуждается в средствах существования. Естественно, что по объ-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 47.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 48.

¹⁶ Там же.

ективному своему состоянию, если оно четко им осознается, пролетариат не может не быть противником эксплуататорской частной собственности и любой основанной на ней социальной системы, кровно заинтересованным в коренном изменении своего общественного и материального положения. «У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, — констатирует „Манифест Коммунистической партии“, — они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность»¹⁷.

Именно этим объясняется категорическое неприятие классово сознательным рабочим всех не имеющих общечеловеческого содержания традиций частнособственнического общества, решительность, последовательность, непримиримость, радикализм в борьбе против каких-либо форм неравенства, угнетения, эксплуатации, материальной нужды и духовной нищеты. Именно эта истина выражена в уникальных по емкости содержания заключительных словах первого программного документа творческого марксизма: «Пусть господствующие классы содрогнутся перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир»¹⁸.

Мы были бы, конечно, не правы, если бы стали утверждать, что перечисленные качества всецело присущи одному лишь пролетариату. Неимущими, лишенными даже права на распоряжение собственной личностью были *рабы*. В подобном же положении — правда, при наличии частичной хозяйственной самостоятельности — находились *крепостные крестьяне*. Но почему их восстания, иногда колебавшие троны и приводившие к гибели огромные империи, никогда не имели ясно выраженной положительной и тем более научной программы, но приводили к созданию нового строя? Почему идейным знаменем крупнейших крестьянских движений были либо взгляды, заимствованные у других классов (например, в России так называемый крестьянский царизм), либо приспособленная к нуждам момента религия, либо — в лучшем случае — утопический социализм?

В основном по двум причинам. Во-первых, социальное рабство большинством трудящихся до капитализма не воспринималось как *необходимая принадлежность* данного общественного строя. Его проявления чаще всего ставились в зависимость от *личных* качеств рабовладельца или крепостника. Лишь подрыв устоев патриархального хозяйства, разрыв связи работника с определенным местом и определенным эксплуататором, известное обобществление, а значит, и *обнажение* эксплуатации, которые производит капитализм, создают условия для понимания частнособственнических отношений как враждебной трудящимся *системы*, для действительно прочного объединения, консолидации пролетариев как неимущих.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 434.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 459.

Во-вторых, мало быть неимущим. «Маркс неоднократно указывал на одно изречение Сисмонди, имеющее громадное значение, — писал Ленин. — Пролетарии древнего мира, гласит это изречение, жили на счет общества. Современное общество живет на счет пролетариев. Класс неимущих, но не трудящихся, не способен ниспровергнуть эксплуататоров. Только содержащий все общество класс пролетариев в силах произвести социальную революцию»¹⁹. Такие неимущие или малоимущие трудящиеся, как рабы или мелкие производители, обладают гигантскими революционными потенциями, но они не в состоянии *переделать* классово антагонистический строй. И дело здесь не в невежестве рабов или в связанности мелких хозяев мизерной частной собственностью, хотя это тоже факторы немаловажные: суть в том, *что ни те, ни другие принципиально не могут быть инициаторами строительства нового общества, так как не представляют соответствующего последнему типу организации труда.*

Рабочий класс не только лишен средств производства, не только страдает от необеспеченности существования, — это объясняет многое, но вряд ли объяснит основное, — он первый из эксплуатируемых трудящихся классов благодаря принципиально новому характеру его производственной деятельности в условиях капитализма выступает в роли *субъекта (созидателя) передовых общественных отношений*. Это класс-коллективист, сила организующаяся и организующая по самому своему положению в современном машинном производстве. Такова вторая его существенная черта.

Докапиталистические способы производства, при всех огромных различиях между ними, основывались на рутинной технике, на относительно малоэффективных орудиях индивидуального пользования, ограничивавших возможности как развития, так и применения естественных и технических наук. Независимо от типа собственности (общинной или частной) и формы организации труда (совместного или индивидуального) работники были разобщены *технологически*. С утверждением частной собственности в качестве господствующего экономического отношения *технологическое обособление работников подкрепилось обособлением социальным*, экономические условия производства породили и закрепили отчужденность во взаимоотношениях людей.

Качественные перемены в этот порядок вносит только капитализм. Возникая как результат высшего развития частнособственнических отношений, он вместе с тем не может не менять организацию труда. Уже в мануфактуре, собирающей под одной крышей какое-то число специализированных рабочих, она приобретает совместный характер. Технологическое разобщение окончательно подрывается внедрением машин, превращением производства в систему взаимодействующих механизмов, в кото-

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 69.

рую сам человек включен лишь в качестве некоей обезличенной детали. Средства и предметы труда, объединяющего единым процессом и в одних помещениях десятки, сотни, тысячи работников, в организационном и технологическом отношении становятся *общественными*. Развивается противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения средств производства и его результатов.

Производственный процесс, отнимающий у рабочего лучшую часть времени, силы, способности, душу, формирует его как звено, как момент функционирования рабочей силы коллектива. На предприятии он взаимодействует с другими рабочими как единичный элемент общего технологического процесса, как случайно-индивидуальное воплощение его *необходимости*. Формирование трудовой психологии рабочего происходит под непосредственным непрерывным воздействием все более рационально — с учетом новейших достижений научно-технической мысли — организуемого, укрупняющегося производства, дисциплинирующего и прививающего способность к дисциплине также и вне сферы непосредственного труда.

С этой организационно-производственной стороной жизнедеятельности работника конкурирует сторона экономически-бытовая. Вне стен предприятия, дома, в сфере удовлетворения личных потребностей пролетарий предоставлен самому себе. Преобладающее влияние в этой области на него оказывает не железная организация крупного машинного производства, а разъедающая сознание анархия частнособственнических *имущественных отношений*, влияние буржуазной или мелкобуржуазной среды. По неумолимой логике буржуазных общественных отношений человек ощущает свободу только в быту. Сознание рабочего раздваивается, он часто не знает, можно ли считать частью жизни труд, но и не вполне уверен, что жизнь — это еда, сон, развлечения... Процесс труда формирует в нем коллективиста, процесс присвоения — индивидуалиста. *Победить должна его пролетарская природа.*

Сознание безысходности положения в пределах господствующей при капитализме системы производственно-экономических отношений питает в рабочем классе склонность к преобразованиям, усиливает его стремление внести свой исторический вклад в непрерывный процесс изменения и совершенствования форм общественной жизни. Приученный современной технологией к коллективному труду, разгадавший суть вековой эксплуатации человека человеком, обнаруживший лучшую в современных условиях подготовленность к организованной борьбе, пролетариат является «интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем»²⁰ тех превращений, которые связаны с начавшимся при капитализме процессом всестороннего обобществления труда и которые могут

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 73.

быть доведены до конца лишь такими формами общественного устройства, как социализм и коммунизм.

Вся богатейшая история рабочего движения может быть представлена как сложный, противоречивый, полный стремительных сдвигов и подчас неожиданных поворотов, но неуклонно нарастающий процесс превращения пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя», осуществления им своей всемирно-исторической миссии.

Оба эти термина принадлежат Марксу и Энгельсу, которые емко обозначали ими разные стадии зрелости рабочего класса. Как «класс в себе» он выступает, когда не обрел еще классового самосознания (или же — такое тоже случается — в силу каких-то причин временно его утратил), ведет растительный образ жизни, довольствуясь экономической борьбой за частичное улучшение своего положения в качестве слоя эксплуатируемых наемных работников либо участвуя в политической борьбе под эгидой классово чуждых ему социальных сил.

Напротив, как «класс для себя» пролетариат уже четко отграничивает собственные интересы от интересов других классов общества, способен распознавать своих реальных и потенциальных противников и союзников, достаточно образован, чтобы понимать свое положение авангарда социального прогресса в современную эпоху, усвоил принципы собственной научной революционной идеологии — марксизма-ленинизма и умеет применять их на практике. Обязательным условием того, чтобы пролетариат стал и оставался «классом для себя», является, по Ленину, *соединение научного социализма с рабочим движением*, поднятие стихийной активности до уровня сознательной организованности, связанное с формированием самостоятельных политических рабочих партий, их неустанная и систематическая идейно-политическая и организаторская работа в массах.

После свершения социалистической революции рабочий класс перестает быть неимущим классом, *сменяя отрицательное экономическое единство на базе необеспеченности существования*, характерное для эксплуатируемого пролетариата капиталистических стран, *положительным экономическим единством на базе общественной собственности на средства, предметы и продукты труда*. Рабочий класс социалистических стран отрицает себя как *пролетариат* в национальных рамках, но остается частью мирового пролетариата. Нельзя согласиться с теми, кто, исходя из факта замены частной собственности собственностью общественной, по сути, оспаривает наличие у рабочего класса социалистической страны ряда существенных *общепролетарских* черт. Во-первых, превращение пролетариата в коллективного собственника средств производства не делает ни одного рабочего их персональным владельцем, более того, такая возможность постепенно исключается и для представителей других слоев населения, поскольку единственным источником всех личных доходов

становится личный труд, а важнейшим принципом общества — «кто не работает, тот не ест». Во-вторых, рабочий класс социалистических стран в начале социалистического строительства *один* наследует крупнокапиталистическое организационно — техническое объединение, передовую городскую культуру, совокупность технических и технологических отношений крупного машинного производства, которые он развивает и распространяет на базе общественной собственности и научно-технического прогресса.

Ошибка, характерная для догматиков, — недооценка роли рабочего класса как *субъекта* начавшегося при капитализме процесса *обобществления труда*, которое должно носить и экономический и технологический характер. Она вытекает из неправомерного отождествления интересов, возможностей и исторических ролей пролетариата и других трудящихся классов, выступающих его союзниками. В ниспровергающем господство крупного капитала *экономическом* обобществлении в современную эпоху заинтересовано *большинство* неимущих (или близких им) слоев, — *технологически* обобществить производство, наладить новые *организационные* отношения, учет материальных ресурсов и контроль за их использованием, внедрить в производство плановое начало, создать *научную* систему управления экономически обобществленным хозяйством в состоянии только рабочий класс.

Анализируя советский опыт реализации идеи «Манифеста Коммунистической партии» об организации пролетариата как господствующего класса, Ленин отмечал два основополагающих момента: взяв власть в свои руки, рабочий класс держит, сохраняет и укрепляет ее, как всякий класс, *во-первых*, изменением отношения к собственности и, *во-вторых*, новой конституцией²¹.

Общеизвестно, что исторически начальными актами Октябрьской революции явилась передача всей полноты государственной власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и обращение к народам и правительствам воюющих стран с предложением заключить справедливый, демократический мир. Это были акты политического, *надстроечного* характера, что послужило в ходе известных дискуссий 50-х гг. по проблеме базиса и надстройки поводом для заявлений о возникновении и существовании в течение нескольких месяцев — до национализации промышленности в 1918 г. — одной лишь пролетарской надстройки без... соответствующего базиса. О том, что вторым — после Декрета о мире — законодательным документом Советской власти был Декрет о земле, если и не забывали, то высказывались в том смысле, что объявленная им национализация земли — это еще не социалистическая, а общедемократическая мера, осуществимая и в рамках буржуазного государства. Утверждать

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 270.

подобное значило неправомерно отождествлять социальное содержание сходных по форме мер, проводимых различными классами, с неодинаковыми, более того, противоположными интересами.

Напомним, что Ленин считал эту меру не только самым радикальным актом ликвидации феодально-крепостнических пережитков, но и средством создания *наиболее гибкого* строя для перехода к социализму в земледелии²².

Он, как вспоминает М. В. Фофанова, был глубоко озабочен тем, чтобы найти в крестьянских наказах «маленькую заручку», которая позволила бы содержащуюся в них эсеровскую идею социализации перекроить затем на большевистский лад. Такой «заручкой» явилось требование передать крупные высококультурные земледельческие и животноводческие хозяйства, как не подлежащие разделу, в исключительное пользование государства или общин. Это требование и позволяло наметить еще до обобществления индустрии реальный путь к созданию социалистического сектора в сельском хозяйстве²³.

Таким образом, положение рабочего класса как господствующего стало упрочиваться не только в политической, но и в экономической сфере, в сфере отношений собственности практически в первый день Советской власти (Декрет о земле был предложен II Всероссийскому съезду Советов 25-го и принят 26 октября 1917 г.)

Пролетариат пользуется завоеванной политической властью не для того, чтобы самому превратиться в класс, возвышающийся над другими и их порабащующий, а лишь для того, чтобы положить конец всякому классовому господству, всякому порабощению. Он не стремится увековечивать завоеванное положение в обществе. Советский рабочий класс за всю историю своего существования делал все для распространения этого положения, по мере созревания необходимых материальных и духовных предпосылок, на другие слои ассоциированных трудящихся.

В наши дни советский рабочий класс — это 2/3 занятого населения страны, гигантский человеческий массив, спаянный коллективистским характером технологии и организации труда в индустрии и общественной собственностью на средства производства, — большинство трудового народа. Это могучий отряд трудящихся, 4/5 которых составляют люди со средним (полным и неполным) и высшим образованием, причем 2/3 его нового пополнения — юноши и девушки, получившие подготовку в системе профессионально-технического обучения. Это такая категория работников социалистического производства, труд которой все больше наполняется интеллектуальным содержанием. Для современного рабочего типичным становится совмещение функций физического и умственного

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 326.

²³ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, Т. 3, Кн. 1. С. 336.

труда, что кладет конец еще бытующему (в том числе и среди части ученых) предрассудку, будто рабочий класс должен быть целиком и полностью связан с выполнением операций, требующих главным образом мускульных усилий. Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не допускали столь зауженной трактовки вопроса. А рабочий класс СССР всем своим бытием, своими свершениями на рубежах пятилеток утверждает себя как активного проводника научно-технической революции, выступает наряду с колхозным крестьянством и народной интеллигенцией носителем интеллектуального потенциала советского общества.

Как известно, на XXVI съезде КПСС количественные и качественные изменения в составе и положении рабочего класса рассматривались для обоснования новых моментов в сближении всех классов и социальных групп советского общества. «Это — объективный, но отнюдь не стихийный процесс, — отмечалось на съезде. — Важную роль играет в нем социальная политика партии и государства. Наша цель — создание общества, в котором не будет деления людей на классы. И можно сказать определенно: мы постепенно, но уверенно продвигаемся к этой великой цели»²⁴.

Оценивая опыт развития нашего общества за последние десятилетия, XXVI съезд КПСС выдвинул положение о том, что *становление бесклассовой социальной структуры в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма*. Отсюда следует, что молодое бесклассовое общество явится на первых порах (сколь долго, определить сейчас невозможно) пока что не коммунистическим, а *социалистическим*. Однако его бесклассовость не означает, что это общество окажется социально бесструктурным. Преодоление классовых различий еще не равнозначно полной социальной однородности, а ее достижение зависит от ликвидации сектора ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда, постепенного преодоления общественно значимых различий между людьми преимущественно физического и преимущественно умственного, монотонного и творческого, организаторского и исполнительского труда. Эти остатки старого разделения труда еще долго будут воздействовать на социальную структуру и в бесклассовом социалистическом обществе. По-видимому, в ней относительно большее значение должны приобрести квалификационные различия между людьми, а сама она, можно предположить, будет иметь как бы *ячеистый* характер: ведь усилится влияние различного рода социалистических трудовых коллективов и массовых объединений граждан, спланируемых и возглавляемых партийными организациями. Нет сомнения, что роль последних как концентрированных выразителей и продолжателей всемирно-исторической миссии рабочего класса должна возрастать. При этом было бы односторонним истолковывать построение бес-

²⁴ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 52.

классового социалистического общества как исчезновение только рабочего класса или же лишь слияние его с колхозным крестьянством. Речь идет о более широком процессе массового, коммунистического по своей направленности, перевоплощения *всех* без исключения социальных групп трудящихся, об историческом сдвиге, органически связанном с претворением в жизнь не каких-либо иных, а именно пролетарских идеалов.

Рабочему классу и рабочему движению противопоказаны иллюзии в отношении перспективы. Отсутствие политической трезвости и реализма, провозглашение заведомо неосуществимых лозунгов и наигнанное бодрчество в пропаганде пагубно сказываются на его просвещении. Ведь и без того превращение рабочего класса из «класса в себе» в «класс для себя» в условиях неутраченной идеологической борьбы — процесс весьма неравномерный, знающий приливы и отливы, взлеты и падения в зависимости от способности противостоять проискам буржуазии, ее все более изощренным методам манипулирования сознанием масс.

Наши классовые противники, говорилось на XXVI съезде КПСС, учатся на своих поражениях. Один из уроков, который они извлекли из краха «моделей» контрреволюции в Венгрии 1956 г. и в Чехословакии 1968 г., состоит в том, что без существенного воздействия на рабочий класс, без обработки его в антисоциалистическом духе и хотя бы частичной дезориентации никому не добиться ослабления народной власти. Этим во многом объясняется линия поведения врагов социализма в Польше, которые, воспользовавшись крупными ошибками и злоупотреблениями бывшего польского руководства, лицемерно встали на «защиту» интересов рабочих, противопоставляя их своей же классовой партии, системе диктатуры пролетариата в целом, демагогически ставя знак равенства между народно-демократическим государством как «работодателем» и работодателем-капиталистом.

Неправда ли, очень похоже на позу «защитника» прав человека, которую еще недавно усердно репетировал разбойничий американский империализм? Налицо явное намерение возвратить рабочий класс страны, вынужденный в тяжелой обстановке иметь дело со сложнейшими перипетиями переходного периода от капитализма к социализму, из состояния «класса для себя» в прежнее, давно превзойденное рабское состояние «класса в себе».

Кризисные явления в Польше еще не изжиты. Лишь будущим историкам удастся проанализировать все извивы столь многослойного драматического хода событий. Однако уже теперь общепризнано, что снижение уровня классового самосознания части польских рабочих произошло в силу ряда обстоятельств, в том числе не только крайней слабости идейно-политической работы в массах, но и совершенной бездоказательности и утопичности поставленной прежним польским руководством цели на 70-е

годы — построения развитого социалистического общества до окончательного разрешения исторического вопроса «кто кого?» в пользу людей труда. Польские события со всей убедительностью вновь показали, насколько важно теоретическое осмысление этапов становления и развития нового социального строя. Осмысление по Марксу и никак иначе.

Гениальные прозрения Маркса, данный в его трудах ясный и сжатый очерк основ будущего общественного устройства явились бесценным вкладом в пролетарскую философию социального оптимизма. Они выдержали всестороннее испытание в горниле Великого Октября и последующих социалистических революций, в практике созидания нового общества в Советском Союзе и других братских странах.

Поистине всемирно-историческое значение имеет постановка Марксом вопроса о том, какой вид примет политическая организация общества, когда к власти придет рабочий класс.

Какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе, спрашивает он, или же какие тогда останутся общественные функции, аналогичные теперешним государственным функциям?

Ответ, который, по Марксу, может быть дан только научно, он формулирует в духе своего тезиса: свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, всецело подчиненный обществу. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе, — пишет Маркс. — Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»²⁵.

Как показывает практика социалистического строительства, именно диктатура рабочего класса обеспечивает радикальную замену эксплуататорской государственной машины новыми органами власти, которые всецело ставятся на службу интересам трудящихся. И именно диктатура рабочего класса — по мере перехода различных слоев общества на социалистические позиции, становления его социально-политического и идейного единства — создает предпосылки для преобразования пролетарской государственности и демократии во всенародную.

Открытие необходимости переходного периода от старого общества к новому и определение классовой природы соответствующего этому периоду государства уже само по себе было выдающимся научным достижением. Однако Маркс идет еще дальше и дает куда более отдаленный социальный прогноз. По ленинским словам, он применяет теорию развития и к будущему обществу на основании того, что оно *происходит* из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, кото-

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.66. С. 27.

рая *рождена* капитализмом. «У Маркса, — подчеркивает Ленин, — нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естественный поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»²⁶.

Научное проникновение в сущность идущего на смену капитализму социального строя, впервые предоставляющего каждому человеку реальную возможность возвыситься из обособленного «частного лица» в полноправного члена общества, позволило Марксу сквозь толщу десятилетий безошибочно определить ряд его общезначимых черт. Вот некоторые из них:

- превращение средств труда в достояние всего общества;
- непосредственное включение индивидуального труда в совокупный коллективный труд и прямое признание его обществом;
- коллективное присвоение совокупного общественного продукта;
- постоянное сохранение в руках общества и неподверженность индивидуальному распределению той части произведенного продукта, которая необходима для возмещения сношенных и израсходованных средств производства и его расширения, а также для создания резервного или страхового фонда;
- выделение из той части продукта, которая идет на потребительские нужды, издержек управления и общественных фондов, предназначенных для совместного удовлетворения потребностей (образование, здравоохранение, коммунально-бытовое обслуживание и пр.), для содержания нетрудоспособных и т. д.; уже после Маркса практика показала также необходимость известных расходов для обеспечения надежной обороны социализма от империалистической агрессии, от попыток экспорта контрреволюции;
- распределение по труду в зависимости от его количества и качества;
- сохранение при индивидуальном распределении того же принципа, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на такое же количество труда в другой;
- сохранение в силу неравенства способностей отдельных людей, их квалификации, индивидуальной производительности труда и пр. также известного неравенства в материальной обеспеченности. При социализме это «неравное право для неравного труда» играет позитивную роль, поскольку общество располагает пока относительно ограниченными производительными силами и потребительскими ресур-

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 85.

сами и вынуждено активно формировать новое отношение к труду и общественной собственности, пуская в ход различные рычаги как морального, так и материального стимулирования.

Рассматривая вопрос о предпосылках, при которых такое право перестанет быть необходимым, Маркс обосновывает необходимость первой и второй фаз коммунистической формации и дает развернутую характеристику коммунизма. «На высшей фазе коммунистического общества, — пишет он, — после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»²⁷

Это классическое рассуждение великого учителя пролетариата положено в основу определения коммунизма, данного в Программе Коммунистической партии Советского Союза. Социальная действительность XX века наглядно показывает, насколько Маркс был прав.

В свое время Ленин подверг сокрушительной критике буржуазные приемы «опровержения» марксизма, состоящие в том, чтобы в массе частных подробностей и надуманных «уточнений» топить политико-экономическую суть дела. В это же русло влились усилия новоявленных вулгаризаторов и эклектиков, тщетно доказывавших, что-де марксово предвидение будущего «не сбывается», потому что его исходная предпосылка — крупная машинная индустрия — проходит сейчас иную фазу своего развития, чем во второй половине XIX века. Не следует, однако, забывать, что эволюция промышленности от фабрично-заводского производства тех времен, когда жил Маркс, к конвейерно-поточной, а затем и частично автоматизированной стадии, равно как и развертывающаяся теперь научно-техническая революция, так или иначе предсказаны в трудах основоположников научного коммунизма. Лишь некомпетентность или же предвзятость позволяли усмотреть в этих процессах некий «противовес» экономическому закону движения современного общества — все более быстрому и многогранному прогрессу обобществления труда, которое Ленин вслед за Марксом называл главной материальной основой неизбежного наступления социализма²⁸.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 20.

²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 73.

Наскоки на марксово предвидение существенных черт нового общества иногда аргументировались тем, что в нем якобы признается социализм лишь с единой, общенародной (государственной) формой общественной собственности и не учитывается возможность возникновения другой ее формы — кооперативно-групповой. Но это неправда. Например, в своей знаменитой «Критике Готской программы» Маркс выражает положительное отношение к современным ему рабочим кооперативным товариществам, поскольку те свидетельствуют о борьбе трудящихся за переворот в буржуазных условиях производства. «А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство, — писал Энгельс А. Бебелю в январе 1886 г., — в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом»²⁹.

Представление Маркса о социализме пытались также пересматривать, ссылаясь на его известное высказывание о том, что право в новом обществе не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие³⁰. При этом указывали на якобы несовместимость того, что говорил Маркс, с наличием при социализме двух классов — рабочего класса и кооперированного крестьянства, а также социального слоя — интеллигенции. Однако здесь мы имеем дело отнюдь не с «уязвимостью» марксовской позиции, а с тем, что новый строй, как и любой другой, может анализироваться и в более развитом и в менее развитом состоянии. Кстати, как раз на этой возможности строят многие свои спекуляции и правые и «левые» ревизионисты.

Зачастую Маркс рассматривал социализм, достигший «готовых форм», «законченный социализм» (Ленин) и имел на это все основания. Совсем иначе он подходил к делу при рассмотрении во многих своих произведениях отдельных проблем становления нового общества. Именно это различие имел в виду Ленин, когда предупреждал об опасности в начале социалистического строительства «затеряться» в частных зигзагах и изломах истории. Важно, говорил Ленин, «сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму, которая нам, естественно, представляется прямой, и мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец, — в жизни она никогда прямой не будет, она будет неве-

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 361.

³⁰ См.: Там же. Т. 19. С. 19.

роятно сложной...»³¹. В решении задач такого «прямого», перспективного ориентирования партии, рабочего класса, трудящихся масс под углом зрения глубинных закономерностей исторического развития, общих принципов социалистического и коммунистического строительства теоретический очерк социализма, представленный Марксом, например, в «Капитале» и в «Критике Готской программы», всегда играл и впредь будет играть незаменимую, исключительную роль.

Ходячими приемами буржуазной критики научного коммунизма служат тенденциозное сопоставление теоретических положений Маркса с реальным социализмом, попытки противопоставить марксово предвидение теории и практике ленинизма. Так, известный антикоммунист Ф. Фейто в своей книжке «Ленинское наследие. Введение в историю мирового коммунизма» без обиняков утверждал, что большевики якобы порвали с «первоначальной марксистской моделью развития...» В близком направлении шли также странные «изыскания» с целью «доказать», будто бы Ленин после Октября создал «другую модель» социализма, нежели Маркс. На что бы ни ссылались авторы подобных ошибочных концепций, жизнь, практика решительно опрокидывали их.

В работе «Государство и революция» Ленин писал о «Критике Готской программы», в которой наиболее полно изложены марксовы представления о социализме, что ее полемическая часть первоначально, так сказать, затенила положительное содержание. В наши дни затенить это содержание не позволяет сама социалистическая действительность. *Марксов труд оказывается — и чем дальше, тем во все возрастающей мере — удивительно современным в главном — в соответствии его выводов обозначившимся контурам общества, осуществляющего постепенный переход к коммунизму.* Прежде всего в нашей стране ускоренными темпами продолжается совершенствование производственных отношений товарищеского сотрудничества и взаимопомощи. Оно проявляется в дальнейшей концентрации социалистической индустрии, создании производственных и научно-производственных объединений, в прогрессирующей межхозяйственной кооперации на селе и агропромышленной интеграции. Речь идет о решении не только текущих организационно-хозяйственных задач, но и проблемы принципиальной — о дальнейшем сближении государственной и колхозно-кооперативной собственности. Иначе говоря, о подходе к тому самому уровню экономического обобществления средств производства, о котором писал Маркс.

Не менее характерная черта, связанная с успешным стиранием существенных различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом, — новое, качественно более высокое сплочение социалистиче-

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 47.

ского общества, ведущую роль в котором играет рабочий класс, вокруг Коммунистической партии, образование новой исторической общности людей — советского народа. При этом активно стали проявляться общие, не зависящие от социальных и национальных различий черты поведения, характера, мировоззрения советских людей, а союз рабочего класса и крестьянства, всегда составлявший основу социалистического строя, получил свое продолжение в тесном идейно-политическом единстве этих классов и интеллигенции, давно и уверенно стоящей на позициях социализма. Прочный союз всех трудящихся, работников физического и умственного труда, союз рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции стал реальным фактом социалистической действительности.

Более века коммунисты мира располагают «Критикой Готской программы» — этой хартией научного коммунизма, намечающей в обобщенном виде, без преувеличения, практически все основные целевые установки нашего движения. И поныне она никого не оставляет равнодушным. Одни воспринимают это произведение как грандиозный, осуществляемый усилиями многих народов социально-экономический проект будущего человеческого общежития, в котором на научных принципах создаются оптимальные условия для развития свободной личности. Другие, напротив, видят в нем отражение угрожающей альтернативы своему мещанскому благополучию, частнособственническим, эксплуататорским порядкам, проявляют корыстную заинтересованность в том, чтобы внушить возможно большему числу людей превратное мнение о наследии Маркса как о литературной реликвии, принадлежащей прошлому. Классовая идеологическая борьба вокруг его идей сейчас, пожалуй, еще острее, чем в момент их появления.

Иногда можно было услышать мнение, будто Маркс и Энгельс мыслили себе коммунизм как строй, «одинаково» организованный в обеих фазах своего развития. Но это мнение — плод недоразумения. Как можно называть одинаковыми организацию производства, допускающую наличие наряду с государственными также кооперативных хозяйств, и организацию, основанную только на общенародном владении средствами производства; организацию хозяйственной жизни, опирающуюся на распределение по труду и тем самым предполагающую необходимость контроля над мерой труда и мерой потребления, и такую, которая уже осуществляет распределение по потребностям и перестала нуждаться в подобном контроле; организацию государственную (при социализме) и организацию безгосударственную, самоуправленческую (если снята угроза реставрации капитализма извне), как должно быть при коммунизме?

Переход от первой организаций ко второй среди своих материально-производственных предпосылок имеет многократное увеличение интеллектуального, творческого содержания труда основного производственно-

го персонала. Вместе с тем он невозможен без достижения в ходе развития крупной промышленности такого положения, когда «созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству»³².

Миф о якобы одинаковой организации социализма и коммунизма полностью развеивается при рассмотрении проблемы социального равенства. Известно, что социализм представляет собой такое, еще несовершенное коммунистическое общество, «которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту „несправедливость“, что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления „по работе“ (а не по потребностям)»³³. «Таким образом, — пишет Ленин, — в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) „буржуазное право“ отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства»³⁴. Конечно, эта «мера» не остается неизменной. Упрочение социализма и формирование коммунистических общественных отношений неизбежно ведут к тому, что ее границы становятся все шире. Исторически качественный скачок, подготавливаемый всем предшествующим развитием, в конце концов приведет также к отмене названных правовых регуляторов и по отношению к предметам потребления. Это лишь иное выражение перехода к коммунизму, который хотя бы только в силу указанного изменения должен быть организован существенно иначе, чем социализм.

Какую бы из качественных черт, разделяющих социализм и коммунизм, мы ни взяли, дело упирается также в свойства человека, в идейный, культурный и нравственный уровень масс, который *как уровень именно масс* выступает в роли объективного фактора нашего развития. От того, насколько человек сориентирован на коммунистический прогресс, зависит и то, как будут «срабатывать» создаваемые им материальные предпосылки коммунизма. Формирование нового человека, овладевшего научным, марксистско-ленинским мировоззрением и навыками управления общественными делами, обладающего высокой общей и профессиональной куль-

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. II. С. 213.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 93.

³⁴ Там же. С. 94.

турой, развитой потребностью в творческом труде и умением разумно пользоваться благами социализма и коммунизма, — задача многих лет. Решение ее различными поколениями строителей нового общества имеет свои особенности и специфические черты, но для всех действительно одно требование эпохи, ведущее свое начало от третьего марковского тезиса о Фейербахе: *личность имеет все меньше оснований считать себя пассивным продуктом обстоятельств и ее развитие может быть рационально понято лишь в свете революционной практики — как совпадение изменения обстоятельств и активной человеческой деятельности.*

Социализм как первая фаза коммунизма есть, по Марксу и Энгельсу, начало действительно коллективной жизни народов в противоположность тем «суррогатам коллективности», той иллюзорной общности, которыми довольствовались люди в условиях частнособственнического строя. Объективными основаниями тому служат:

- техника, технология и организация современного машинного производства, предопределяющие необходимость совместного труда больших масс людей, его непрерывность и напряженный ритм;
- коллективное, общественное присвоение средств, предметов и продуктов труда, определение доли каждого работника в сумме материальных и духовных благ в непосредственной связи с размерами и качеством личного трудового вклада;
- проведение на практике принципов социалистического уклада жизни прежде всего рабочим классом — заинтересованным массовым носителем коллективистских начал, трудовой морали и духа коллективного сотрудничества.

Разумеется, социалистическое общество пока еще не избавлено полностью от индивидуалистических, мещанских пережитков — они подчас довольно заметно дают знать о себе. Однако это не изменяет сути социализма как подлинно коллективистского строя, закрепляющего это свое сущностное свойство во всей системе общественных отношений и институтов, типе культуры, нормах нравственности и права.

Сосредоточивая внимание на экономических признаках социализма как исходных и основных, КПСС отнюдь не считает возможным ограничиваться ими. О развитой общественной системе, учил Маркс, вообще нельзя судить более или менее исчерпывающим образом, опираясь лишь на один фактор, как бы ни был он важен сам по себе, и нельзя именно потому, что это — система. Необходим анализ и других условий зрелости нового строя, помимо экономических. Но следовало бы решительно выступить против их неупорядоченного с точки зрения материалистического детерминизма изображения, против проявлений вкусовщины и субъективизма при их вычленении и характеристике.

Ныне советским обществоведам представляется весьма плодотворным и вместе с тем требующим больших дополнительных изысканий путь, который указывал Маркс, говоря о формировании всякой новой общественной системы. «Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой... органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система, в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»³⁵.

В общественной системе социализма, перерастающей в целостность, ядром которой является обобществленное хозяйство, все больше дает о себе знать закономерное взаимное соответствие между ее частями и элементами, постепенно распространяемое на широкую гамму отношений производства (технично-технологических, организационно-управленческих и экономических), вообще на весь ансамбль общественных отношений: производственных, социально-политических и нравственно-правовых, материальных и идеологических. *Именно стадия превращения нашей системы в целостность и есть этап развитого социализма.* При этом все элементы жизненного уклада общества перестраиваются на присущих ему коллективистских началах тем последовательнее и полнее, чем последовательнее и полнее осуществляются принципы социализма во всех сферах общественной жизни.

Процесс превращения социализма в целостность вызывает к жизни настоятельное требование комплексно, с учетом всех сколько-нибудь значимых условий, подходить к решению любой теоретической и практической задачи, настойчиво добиваться органического дополнения хозяйственного планирования социальным, предвидеть воспитательные, морально-политические последствия принимаемых административных решений, все более настойчиво исходить из ориентации на человеческий фактор во всех сферах производства и культуры.

Развитие социализма сопровождается постоянным выявлением и наращиванием его преимуществ по сравнению с частнособственническим строем. Естественным и необходимым представляется стремление народов социалистических стран превзойти капитализм по всем основным показателям уровня экономики и культуры, и успехи, достигнутые в этих областях, очевидны: высокие устойчивые темпы долговременного экономического

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 229.

роста, стабильная занятость, планомерно осуществляемый неуклонный подъем народного благосостояния, беспрепятственный доступ масс к духовным ценностям, гарантии прав и свобод личности, наиболее полно отраженные в новой Конституции СССР. Даже при сравнительно меньшем пока производственном потенциале социалистический строй в комплексе материальных и духовных благ, социальных возможностей и перспектив в состоянии дать трудящимся больше, чем капитализм. В то же время наращивание количественных результатов и состязание в повышении качества предметов потребления не должны заслонять главное — содержательную характеристику сложившегося социалистического образа жизни, его социально-психологический климат, синтетическое представление об условиях труда и быта человека, его внутреннем мире и взаимоотношениях с другими людьми, которые (условия) при капитализме порождают упадочно-пессимистические тенденции, а при социализме, напротив, питают социальный оптимизм.

Обратимся хотя бы к такому факту, как ликвидация эксплуатации человека человеком в социалистических странах. Не подлежит никакому сомнению его громадное благотворное воздействие на формирование творческого и нравственного облика граждан нового мира. Ведь им незнакомо то, постоянно давящее, деформирующее психику чувство, которое вызывают экономический, политический и национальный гнет и дискриминация — неизбежные компоненты повседневного бытия масс в эксплуататорском обществе.

Никто не вправе замалчивать то, что цена, которую относительно обеспеченные слои трудящихся высокоразвитых в промышленном отношении стран капитала вынуждены платить за достигнутый материальный достаток, лишь частично может быть выражена в денежных единицах; к ней следовало бы прибавить не поддающиеся количественному определению *социальный стресс и хроническое социально-культурное недопотребление*. Именно в таком широком и единственно правильном сопоставлении двух систем социализм демонстрирует (и чем дальше, тем больше будет демонстрировать) свои неоспоримые преимущества.

В самом абстрактном виде любая человеческая общность — будь это все общество, поколение, нация, класс — обладает, с одной стороны, *производительной* способностью, то есть определенной совокупностью средств и предметов труда, навыков и умений, энергетическими мощностями и т. п., а с другой — исторически обусловленной способностью *потребительной*. Характернейшая черта эксплуататорского, классово антагонистического общества — противопоставление этих способностей друг другу и закрепление производственных обязанностей в основном за неимущими, а возможностей пользоваться потребительскими благами — по преимуществу за собственниками средств производства. Тем самым уста-

навливается мера потребностей, которая угнетенному классу диктует определяемые интересами эксплуататоров нормы и формы потребления, вначале примитивно-аскетические, затем программируемые вездесущей рекламой, а господствующему классу предоставляет неограниченный простор для роскоши и изощрения во все новых видах наслаждений.

Социализм как общественный строй людей труда ликвидирует указанное противоречие, поскольку уничтожает эксплуатацию вообще. Но это не означает, что перестает быть актуальной проблема потребностей. Напротив, именно теперь каждый получает возможность их удовлетворения в меру возможностей общественного производства и личного творческого вклада в общий труд ассоциации. Теперь этим вкладом всецело определяются личное благосостояние и достоинство, и тут опять-таки срывается Марксов принцип целостности органической общественной системы, ибо все социальные явления и процессы в конечном счете должны быть увязаны и согласованы между собой.

В новом обществе полный простор получает открытый Лениным *закон возвышения потребностей*³⁶ согласно которому по мере покрытия разумно понятых необходимых «потребностей существования» относительно расширяется спектр духовных, социально-культурных, творческих потребностей, причем действие этого закона приводит в конечном итоге к тому, что первой потребностью личности становится потребность в содержательном общественно полезном труде. А это означает, что для нового человека труд приобретает социальное свойство *потребительной ценности*. Тем самым подтверждается одно из важнейших открытий Маркса.

В наших условиях совершенно неприемлемыми выглядят копирование схемы развития потребностей, типичной для капиталистического общества, заимствование буржуазных потребительских стандартов, деформирующих нравственный облик отдельных людей, живущих при социализме, но ведущих несоциалистический образ жизни. «Мы располагаем большими материальными и духовными возможностями для все более полного развития личности и будем наращивать их впредь, — говорилось на XXVI съезде КПСС. — Но важно вместе с тем, чтобы каждый человек умел ими разумно пользоваться. А это, в конечном счете, зависит от того, каковы интересы, потребности личности. Вот почему в их активном, целенаправленном формировании наша партия видит одну из важных задач социальной политики»³⁷.

Тот великий исторический вызов в борьбе за человека, который бросил миру капитала социализм, наши классовые противники пытаются разменять на мелкую монету узкопотребительских интересов и «ценно-

³⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 101.

³⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. С. 63.

стей». Социалистическое общество, естественно, уделяет все большее внимание задаче удовлетворения постоянно растущих материальных запросов советских людей, но мыслит поле соревнования двух систем намного масштабнее и шире.

Уместно будет вспомнить здесь высказывания замечательного советского педагога А. С. Макаренко, который считал, что самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — сила и красота — определяется исключительно по типу его отношения к перспективе. Речь, например, может идти о простейшем удовлетворении ближайшей потребности — обеде, посещении кино, покупке обновки. Это тоже перспектива, но самая близкая, и человек, всецело определяющий ею свое поведение, представляется самым слабым. «Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и ее настоящей ценности, — писал педагог. — Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, — заключал он, — тем человек красивее и выше»³⁸.

Одно из самых ярких достижений нового общества — присущее советским людям ощущение неразрывной связи личных перспектив с перспективами своей Отчизны, социалистического содружества, дела социального и национального освобождения народов, прогресса всего человечества. Это и есть возвышающая личность активная жизненная позиция, выработку которой XXV съезд КПСС определил как задачу нравственного воспитания. Такая позиция устойчива лишь на базе научного, марксистско-ленинского мировоззрения, интернационалистских убеждений, питающих свои корни в нашем социалистическом бытии.

«Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути»³⁹, — утверждал А. С. Макаренко. Этот «философский камень» оптимистического восприятия жизни найден научным коммунизмом и испытан социалистическим строем. Им быстро овладевает добросовестно изучающий наследие Маркса. Ничего подобного не в состоянии дать человеку капиталистическое общество, где личность закупорена в колбу индивидуалистических интересов. Где общий кризис частнособственнической системы выражается, кроме всего прочего, в утрате социальных и национальных целей, в патологии безбудущности. Где человека, не принадлежащего к классу эксплуататоров, чего бы он лично ни достиг в жизни, неотступно преследует тень неуверенности в завтрашнем дне.

Коллектив, чьи ближайшие и отдаленные перспективы были для Маркса перспективами личными, называется *человечеством*. Но к этому

³⁸ Макаренко А. С. Педагогические сочинения. М.—Л., 1948. С. 179.

³⁹ Там же.

коллективу он не относился абстрактно, со всеядной и всепрощающей любовью, которую иногда выдают за гуманность. Маркс как человек партии выделял в человечестве его передовую часть, тот драгоценный концентрат человечности, который единственно способен избавить род людской от социального и национального порабощения, — борющийся революционный пролетариат. Без понимания этой истины нельзя понять и того, почему он определял коммунизм как реальный гуманизм.

Маркс, нераздельно с которым должны изучаться Энгельс и Ленин, для нас главный воспитатель перспективных путей. Твердо стоя на реальной почве современности, он весь был обращен в завтрашний день, о нем мечтал, для него жил, за него боролся. «Поздравляю тебя... — писал он дочери Женни, узнав о рождении внука, 29 апреля 1881 г. — „Женская половина“ нашей семьи надеялась, что „новый пришелец“ увеличит собой „лучшую половину“ человеческого рода; я же, со своей стороны, предпочитаю „мужской“ пол для детей, рождающихся в этот поворотный момент истории. Перед нами — самый революционный период, какой когда-либо приходилось переживать человечеству. Плохо теперь быть „стариком“ и иметь возможность лишь предвидеть, вместо того чтобы видеть самому»⁴⁰.

Маркс знал, что ему не доведется дожить до начала новой, коммунистической общественно-экономической формации, наступление которой он предсказал. Время его жизни было отделено от нее рядом десятилетий. Однако предвидение Маркса оказалось высочайшей пробы. Оно не уступает достоверной научной констатации уже свершившегося факта и продолжает успешно и неустанно работать на его последователей и революцию.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 153.

Философия Карла Маркса: вехи развития

1. 5 мая 2008 г. исполнилось 190 лет со дня рождения К. Маркса. Действующий уже 12 лет теоретический семинар «Марксовские чтения» (рук. проф. Д. В. Джохадзе) провел в связи с этим в Институте философии РАН конференцию «Учение К. Маркса и современность». Особую роль в становлении и развитии марксизма играла философия, проблемы которой важны и сейчас.

2. В современной философии господствует односторонний плюрализм — поддерживаются и распространяются какие угодно философские учения, но только не марксистская философия. Диалектика и материализм сейчас в загоне, популяризируются квазинаучные и религиозные мировоззренческие представления, даже откровенная мистика. Активно используется идея конвергенции противоположных концепций, но на практике таким способом наука подавляется религией, материализм — идеализмом, диалектика — метафизикой. Особенно третируется материалистическая теория отражения. Показательно в этом отношении позиция так называемых конструктивистов. На основе того, что современные государства проводят активную политику по изменению общественной жизни людей, включая трансформацию производственных (экономических) отношений, ускоренное преобразование наций и этносов, всего общественного бытия, делается вывод, что не общественное бытие определяет общественное сознание, а наоборот, сознание людей определяет их бытие. Современные «конструктивисты» не замечают того, что они вовсе не оригинальны, что они повторяют старых идеалистов в односторонней и поверхностной трактовке целенаправленной, сознательной деятельности людей. Главное же, современные конструктивисты-идеалисты не замечают, что именно К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» уже 165 лет назад показал теоретическую несостоятельность идеалистической трактовки общественной деятельности людей. Возвращаться к идеализму в этих вопросах после фило-

софских работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, советских авторов — значит проявлять элементарную научную безграмотность.

3. С учетом всех реалий современной жизни очевидна актуальность защиты и дальнейшего развития марксистской философии. Однако нынешние марксисты (их, к сожалению, немного) недооценивают значение этой задачи и не используют для ее выполнения даже те весьма ограниченные возможности, которые все-таки пока имеются. Сказываются и недоработки нашей философской теории, накопившиеся с давних пор. Требуется тщательно проанализировать все наследие марксистской философии, начиная с самих ее истоков, которыми являются «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса и «Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса.

4. В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс исследовал основы мировоззрения, раскрыв сам *способ взаимосвязи субъекта и объекта, человеческого общества и природы, их действительное единство*, охватив благодаря этому предмет мировоззрения (и философии) в его *целостности*, во всей полноте, а не в отдельных частях. Это значит, что он установил единство диалектики и материализма действительно в общем виде, позволяющем распространить диалектико-материалистический подход на все стороны этой взаимосвязи — на природу, общество, материальную и духовную деятельность людей. В процессе синтеза диалектики и материализма К. Маркс и Ф. Энгельс создали принципиально новый материализм (диалектический) и принципиально новую диалектику (материалистическую), т. е. принципиально новое философское учение. Причем ведущим в этом процессе было открытие материалистического понимания общества. Но сделать это удалось только благодаря диалектическому подходу к обществу. Специально об этом К. Маркс сказал в процессе работы над «Капиталом»: «Чтобы исследовать связь между духовным... и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать само это материальное производство не как всеобщую категорию, а в *определенной исторической форме*. Так, например, капиталистическому способу производства соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу производства, если само материальное производство не брать в его *специфической исторической форме*, то невозможно понять характерные особенности соответствующего ему духовного производства и взаимодействия обоих. Дальше пошlostей тогда не уйдешь... Далее: из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяется как тем, так и другим. Следовательно, этим же определяется и

характер их духовного производства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26 Ч. 1. С. 279).

Показательно, что с материальным и духовным производством К. Маркс связывает не только структуру общества, но и отношение людей к природе, отмечая при этом, что их государственный строй и духовное производство определяются и структурой общества, и отношением его к природе. Выходит, что К. Маркс даже государственный строй связывает (через материальное производство) с тем, как люди относятся к природе. Данный вывод стал особенно значимым на рубеже XX и XXI веков в связи с глобальным характером экологических проблем, с практической постановкой задачи перехода от стихийно развивающихся биосферы и техносферы к сознательно создаваемой ноосфере (сфере разума).

Как видим, и в процессе работы над «Капиталом» К. Маркс продолжает начатые в «Тезисах о Фейербахе» размышления о способе взаимосвязи общества и природы. Для ответа на поставленные вопросы очень важным оказался отказ от точки зрения *пассивного созерцания* действительности и замены ее точкой зрения *активной деятельности* человека. Вот почему первый тезис К. Маркса о Фейербахе фактически повторяется последним тезисом, суть которого не в том, чтобы философы буквально перешли от объяснения мира к его изменению, а в том, что объяснить, понять мир можно только в том случае, когда мы рассматриваем его в постоянном изменении. Следует подчеркнуть, что отказаться от созерцательной точки зрения не так просто и легко, как может показаться первоначально. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство и современных людей представляют мир на уровне созерцания, т. е. недиалектически.

5. Ф. Энгельс уточнил понимание созданной К. Марксом и им самим новой философии, ее принципов, законов и категорий, показал методологическое значение их для познания природы, общества и человеческого мышления. Главный вывод из работ Ф. Энгельса для понимания философии: это наука, представляющая мировоззрение на уровне всеобщих законов бытия и мышления. С этой точки зрения, какое-либо учение приближается к собственно философскому знанию в той мере, в какой оно проявляет триединство: насколько оно выражает *мировоззрение*, насколько оно удовлетворяет требованию быть знанием о *всеобщем* и насколько оно *научно* — насколько его содержание соответствует существующему научному знанию. В последние годы своей жизни Ф. Энгельс уделил особое внимание разъяснению того, что общественное сознание, будучи в своей сущности *отражением* общественного бытия, оказывает *обратное сильное воздействие* на породившее его бытие, что нельзя упрощать связь сознания и бытия, сводить ее только к одной стороне — зависимости сознания от бытия, забывая противоположную сторону. Эта часть энгельсов-

ского философского наследия, как и подчеркивание того, что философия есть просто мировоззрение, представляющее в обобщенном виде существующее научное знание, проверяемое и подтверждаемое им, исключительно актуально и сейчас.

6. Существенно важно, что К. Маркс и Ф. Энгельс не только по содержанию вернули философию с небес на землю, но и по языку. От заумной философской терминологии они перешли к изложению сложнейших философских проблем на простом человеческом языке. Этого не скажешь, к сожалению, о современных философских сочинениях, написанных похоже, не для раскрытия и объяснения истины, а для ее зашифровки. Вместо первоначального, домонополистического капитализма, например, теперь говорят об обществе модерна, а о современном, монополистическом, империалистическом, по В. И. Ленину, капитализме пишут о постмодернистском обществе. Одной из причин искусственно усложненного изложения современных философских сочинений является упомянутое выше их мистическое, иррациональное содержание.

7. Крайне актуально для нашего времени ленинское философское наследие. Современное состояние философской мысли аналогично тому, что происходило 100 лет назад, в начале XX в. Реагируя на увлечения мистикой и религией, на отказ от материализма, оправдываемый, якобы, новейшими открытиями физики, В. И. Ленин написал тогда книгу «Материализм и эмпириокритицизм», в которой не только защитил но и развил дальше философский материализм, углубляя его взаимосвязь с диалектикой. Он осуществил тщательную проработку фундаментальных философских категорий — материи, сознания, истины, практики; высказал плодотворные идеи отражения как всеобщего свойства материи и качественной неисчерпаемости материи применительно в физике электрона; углубил трактовку основного вопроса философии; установил гносеологические причины философского кризиса начала XX века. В написанных несколько позже «Философских тетрадах» В. И. Ленин существенно продвинул разработку теории диалектики. Работы В. И. Ленина многое дают для понимания истинной сути диалектики, предостерегают от подмены ее софистикой, эклектикой и догматизмом, требуют конкретно-исторического подхода к анализу прошлого и современности. В. И. Ленин не был узким профессионалом в философии, знатоком частных фактов ее истории и второстепенных оттенков тех или иных философских учений. Но он несомненно был выдающимся философом-мыслителем, решившим ряд самых фундаментальных проблем философской теории, углубляя их понимание и расширяя возможности ее дальнейшего развития.

8. Советские философы много сделали по мировоззренческому и методологическому осмыслению и обобщению достижений науки XX в., детально проанализировали философские законы и категории. Особенно надо выделить достижения в разработке ленинской идеи отражения как всеобщего свойства материи. Благодаря взаимодействию диалектико-материалистической философии с физиологией, психологией, кибернетикой, теорией информации и другими науками изучены и осмыслены на философском уровне обобщения проявления активности отражения в психике животных и человеческом сознании. Огромное значение имеет учение выдающегося советского физиолога П. К. Анохина об *опережающем отражении* — о способности живых организмов к «преднастройке» к будущим событиям на основе своих поведенческих программ, которые сформировались в результате действия на живые организмы многократно повторяющихся в жесткой последовательности факторов. Следует отметить заслуги в разработке теории отражения советского философа Б. С. Украинцева. На наш взгляд, перспективными для развития теории отражения являются исследования виртуальных реальностей. О них много пишут, но на трактовку их с позиции теории отражения обычно не обращают внимания (см. об этом: Солопов П. Е. Виртуалистика и философия. М., 2000; Солопов Е. Ф. Философия. М., 2004. С.249–254). Применительно к обществу серьезный вклад в развитие теории отражения внес югославский философ Л. Живкович в книге «Теория социального отражения» (М., 1969). Он подробно проанализировал не только отражение экономического базиса надстройкой, но и взаимное отражение одних частей надстройки в других: отражение политики и права в морали, религии, искусстве и философии; отражение религии в искусстве и философии; отражение, морали и искусства — в науке, политике и религии, и т. д. Л. Живкович убедительно показывает, что учет всего многообразия прямых и обратных связей между разными уровнями и формами общественного бытия и общественного сознания, их активного воздействия друг на друга укрепляет, а не отменяет фундаментальное положение исторического материализма. В главном, основном, не однообразно, весьма сложным образом, так или иначе, но все-таки именно общественное бытие определяет общественное сознание, а не наоборот. Самостоятельность сознания значительна, но в любом случае *относительна, ограничена* общей зависимостью от бытия. Сущность такой самостоятельности хорошо отражает формулировка К. Маркса: «внутренняя зависимость и внешняя самостоятельность». Основой здесь выступает именно внутренняя зависимость, а самостоятельность — лишь внешним проявлением этой зависимости в той или иной форме. Объективный ход общественных событий жестоко наказывает за попытки не считаться с зависимостью сознания от бытия кризисами, революциями и контрреволюциями, которые восстанавливают нарушенную связь насильственно (см.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч.1. С.334; Живкович Л. Указ. соч. С.165–169). Так случилось с преждевременным введением прямого продуктообмена в период военного коммунизма в Советской России, с заявлением, что в 1980 г. мы будем жить при коммунизме, с предложением считать брежневский социализм развитым. А на самом деле советское общество в это время становилось все более мещанским, буржуазным по духу и поэтому все более разлагающимся, приближающимся к своему концу. Не будет «переворачивания» соотношения общественного бытия и общественного сознания и в будущем. И при коммунизме обогащение духовного содержания жизни людей будет достижимым лишь в той мере, в какой это позволит будущее общественное бытие, лишь в той мере, в какой общественное сознание будет соответствовать своей объективной основе.

9. В заключение остановимся на проблеме теоретически обоснованного способа изложения материалистической диалектики. Создав качественно новое философское учение, К. Маркс и Ф. Энгельс не оставили после себя такого изложения его, которое можно было бы считать диалектико-материалистическим эквивалентом «Науки логики» Гегеля. К. Маркс имел намерение написать свою «Диалектику» после завершения «Капитала», но жизнь его оборвалась ранее. В. И. Ленин, обратившись к этой проблеме через несколько десятилетий, сделал вывод, что материалистическую диалектику следует излагать по методу «Капитала» Маркса, обратив особое внимание на соотношение общего и отдельного. События 1917 г. отвлекли его от этой теоретической проблемы. Советские философы активно занимались анализом гегелевской системы идеалистической диалектики и логики «Капитала» Маркса. Важное значение имели исследования метода восхождения от абстрактного к конкретному. К сожалению, на этом пункте и застряло большинство исследователей проблемы. Казалось бы, главное внимание после достигнутого следовало уделить анализу предмета философии, но этого не получилось. И основная причина тому — одностороннее понимание философии лишь как гносеологии и логики, отказ от права и обязанности философии быть онтологией, учением о самом бытии, а не только о сознании и познании человека. Автор не раз, начиная с 1971 г. обращал внимание на необоснованность и тупиковый характер такого ограниченного понимания философии. Думается, что одностороннее гносеологическое понимание сущности философии явилось причинной и того, что даже такой глубокий исследователь, как Э. В. Ильенков, знаток диалектической методологии «Капитала» Маркса, и тот не сумел применить ее к систематической разработке теории материалистической диалектики. Фактически он и не пытался это сделать.

На наш взгляд, решение рассматриваемой проблемы состоит в следующем. Предметом философии как особой формы выражения мировоз-

зрения является совокупное отношение человеческого общества к материи как всеобщей субстанции, а исходной генетической и структурной «клеточкой» этого предмета надо считать *отношение всеобщего и отдельного*. Это надо пояснить подробнее. Философское познание любого единичного объекта достигается путем анализа его взаимосвязи со всеобщим. Для изложения же философского мировоззрения надо осуществить систематический анализ отношения ко всеобщему не какого угодно отдельного объекта, а именно и только человеческого общества. Далее надо установить, как именно анализировать это отношение, с чего начинать и как двигаться дальше. Ответ дает опыт изложения «Капитала» К. Маркса. Начать надо с анализа элементарной клеточки указанного отношения. И мир в целом (*всеобщее*), и общество (особо интересующее философию *отдельное*) — сложнейшие системы. Их надо упростить. Имея задачей дать всестороннюю характеристику отношения человеческого общества ко всей материи как всеобщей субстанции-системе, материалистическая диалектика должна вначале рассмотреть данное отношение на уровне отношении к материи всякого другого ее проявления, на уровне отражения человеческого общества со стороны его тождества всем другим относительно отдельным проявлениям всеобщей субстанции. Это и значит, что вначале предмет диалектики должен рассматриваться непосредственно как отношение всеобщего и отдельного.

Развернутый анализ отношения «отдельное — всеобщее» дает учение о бытии вообще (онтологию) и вместе с тем учение об объективной (объектной) диалектике, принципы, законы и категории которой в равной мере характеризуют и природу, и общество, и мышление. Основной вывод диалектической онтологии: мир един в его самообусловленности (он сам весь есть самопричина, вечная субстанция) и самоизменении как общем способе его существования. Мир на этом этапе философского рассмотрения предстает практически только как природа и как объект, еще не ставший субъектом.

Следуя далее по пути восхождения от абстрактного к конкретному, философия переходит к описанию бытия, развитие которого превратило его уже в субстанцию-субъект. Дополнительно к общим законам бытия как объекта появляются новые его законы, тоже общие, но более конкретные, более богатые содержанием, отражающие его общие особенности уже в качестве субъекта (точнее объекта-субъекта). На этом этапе философия уже сталкивается с обществом, но пока рассматривает его на уровне отдельного человека как индивидуального субъекта практики и познания. Общество как целостная система здесь учитывается лишь как предпосылка познания отдельных людей — исходных элементов общества. Второй раздел философского знания — антропология и гносеология. Здесь рассматриваются проблемы происхождения человека и общества, труда, языка и мышления, а главное — их функционирование на уровне

уже сформировавшегося, готового человека и готового общества. Именно в этом разделе философия непосредственно анализирует соотношение бытия и мышления и разделяется на материализм и идеализм. Объектная диалектика перерастает здесь в субъектную и тоже разделяется на идеалистическую и материалистическую диалектику. Обобщение всей истории человеческого познания, опирающего на материальную, практическую деятельность людей, на наиболее достоверные данные науки, убеждает в истинности материализма и материалистической диалектики, обосновывающих вывод, что мир в целом, бытие вообще есть не просто диалектически развертывающийся процесс, но именно движущаяся и развивающаяся материя, поднявшаяся с возникновением человека и общества до осознания себя в качестве самоотражающейся, чувствующей и мыслящей субстанции-субъекта. Основной вывод гносеологии: мир един в его материальности.

Учение о человеке, его труде, сознании и познании (антропология и гносеология) перерастает, в свою очередь, в учение об обществе и человеке в их целостном бытии, в совокупности всех общественных отношений. Соотношение материи и сознания здесь раскрывается более конкретно как соотношение общественного бытия и общественного сознания, а материализм в понимании природы перерастает в материалистическое понимание общества. Благодаря этому философский материализм превращается действительно в общее учение, охватывающее не только природу, но общество. Делая вывод об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, материализм становится не только более широким по сфере своего действия, но и более глубоким, вскрывающим всю сложность взаимоотношения материи и сознания, в частности, в полной мере учитывающим активную, творческую (к сожалению, не только созидательную, но и разрушительную) роль человеческого сознания, его сильнейшее обратное воздействие на материальную жизнь людей всего общества.

Исторически распространение материализма с познания природы на познание общества выступило как переход от метафизического материализма к историческому и вместе с тем к диалектическому материализму, но не как переход от диалектического материализма к историческому. Создание исторического материализма явилось не выходом за рамки материализма вообще, а развитием, совершенствованием формы выражения материалистической точки зрения в процессе распространения ее с познания природы как одной части предмета философии на познание общества как другую часть того же предмета. Поэтому и в логическом плане мы должны рассматривать диалектический и исторический материализм не как два разных вида материализма, связанных внешним переходом от одного к другому, а как один-единственный, диалектический по своему существу, материализм, включающий в себя в качестве своих внутренних частей диалектико-материалистическое учение о всеобщих законах природы и

диалектико-материалистическое же учение о всеобщих законах общества и его сознания, которое и называется историческим материализмом.

Как в реальной истории человеческой мысли не было перехода от диалектического материализма к историческому, а был переход от непоследовательно материалистического понимания природы к последовательно материалистическому и вместе с тем диалектическому пониманию общества (и такому же пониманию природы), так и в логическом плане мы должны говорить о переходе не от диалектического материализма к историческому, а от диалектико-материалистического учения о природе к диалектико-материалистическому же учению об обществе. Исторический материализм есть не что-то самостоятельное по отношению к философскому материализму в целом, а его внутренняя часть. Исторический материализм — это философское учение о наиболее общих законах исторического развития человеческого общества и его сознания. В этом смысле исторический материализм действительно является философией истории. Но это не значит, что диалектический материализм есть только «философия природы». Диалектический материализм внутренне включает в себя и то, и другое, отражая в системе своих категорий развитие природы, общества и человеческого сознания, их единство, выражающееся как в их тождестве, так и в их отличии друг от друга.

Предлагаемый подход позволяет показать в явном виде внутреннюю включенность исторического материализма в диалектический материализм и представить материалистическую диалектику в полном объеме ее содержания, включающем и онтологию, и гносеологию, и философское понимание общества. Ф. Энгельс постоянно призывал овладевать диалектикой как главным средством развития способностей человека к теоретическому мышлению. Но что значит овладеть диалектикой? Каков объем диалектического знания в самой философии? Может быть, достаточно знать ядро диалектики — закон единства и борьбы противоположностей, или три основных закона диалектики, или группу тех категорий диалектики, которые в равной мере применимы и к бытию вообще, и к обществу, и к мышлению? Обычно указанным объемом знаний и ограничиваются в суждениях о диалектике, оставляя в стороне диалектику процесса познания и особенно диалектику общественного бытия и общественного сознания. Но это большое заблуждение, резко обедняющее диалектику. С одним этим багажом не опровергнуть идеализм и религию с ее идеей Бога (о диалектической теории в полном объеме ее содержания (см.: *Солопов Е. Ф.* Философия. М., 2004).

Даже великий Гегель, наметивший контуры полного объема диалектической логики (собственно философской теории диалектики) и вполне четко и понятно изложивший объективную диалектику, по условиям своего времени и личного мировоззренческого образования и воспитания все-таки остался идеа-

листом и теистом. И это неразрывно связано с тем, что ему не удалось все-таки раскрыть объективную сущность человеческого сознания, диалектику познания в его связи с материальной практикой и особенно диалектику общества. Именно поэтому Гегель и не преодолел идеализм и религию, хотя и ставил философию выше религии. Опровержение идеализма и бытия Бога дается лишь доказательством действительного единства мира, обеспечиваемого, по Ф. Энгельсу, его материальностью, «а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания» (*Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 20. С. 43*). Пожалуй, вместо «естествознания» здесь следовало бы сказать «всего научного познания», поскольку для материалистического понимания мира важны знания не только о природе, но и о человеке, и обществе, и человеческом мышлении, сознании в целом. Только включая в материалистическую диалектику Маркса и Энгельса антропологию, гносеологию и философское учение об обществе, можно убедительно, без искусственных натяжек показать ее действительное отличие от идеалистической диалектики Гегеля.

Сравнивая структуру обсуждаемого способа изложения материалистической диалектики со структурой «Логики» Гегеля, можно сказать следующее. Ее раздел «Бытие» фактически сохраняется, но здесь он охватывает и вопросы «Сущности», включая всю объектную диалектику. В философии все бытие рассматривается на уровне сущности, гегелевское разделение бытия и сущности несостоятельно. Вместо «Понятия» в «Логике» Гегеля здесь дается «Человек как познающий и практически действующий индивид», «Сознание и познание» и «Общество и человек в их целостном бытии». Вспомним, что «Учение о понятии» Гегеля включает наряду с разделом «Субъективность» (главы: Понятие. Суждение. Умозаключение) разделы «Объективность» (главы: Механизм. Химизм. Телеология) и «Идея» (главы: Жизнь. Идея познания. Абсолютная идея), т. е. включает темы, относящиеся не только к мышлению и познанию, но и к природе и практической жизни общества.

Предлагаемая структура философского знания четко соответствует пониманию философии как обобщенного, логически проработанного воззрения на природу (бытие вообще), сознание и познание человека как индивидуального субъекта, человека и общества в их целостном бытии, в совокупности всех общественных связей и отношений между людьми. Здесь дается действительно теоретически обоснованный целостный курс философии, раскрывающий логически закономерный переход от общедиалектической характеристики бытия к непосредственно материалистическому его пониманию (восхождение от абстрактного к конкретному), отражая объективные процессы развития бытия вообще (природы) до уровня мыслящего бытия, т. е. человека и общества в целом.

Карл Маркс сегодня

Со дня смерти Карла Маркса прошло более 125 лет. И все это время и в нашей, и в других странах происходит изучение трудов, творческого наследия Карла Маркса, осмысление содержания и исторической роли его учения для науки и общества в целом.

Известно, как высоко оценивали и оценивают сегодня российские ученые, общественные деятели (прежде всего марксисты!) сделанное Марксом.

76 лет назад к пятидесятилетию со дня смерти Маркса в нашей стране вышла книга — «Карлу Марксу Академия наук СССР» (1).

Книга отразила взгляды отечественной научной общественности того времени на роль учения Карла Маркса. В ней были представлены работы около трех десятков представителей общественных и естественных наук, в том числе и целого ряда ученых, которые, по словам редакции сборника, еще только идут «по пути своего идейного развития в сторону пролетарской идеологии, с разными степенями приближения к ней». Книга, по нашему мнению, не потеряла своего значения для сегодняшнего дня.

Сборник открывался статьей М. Горького «Маркс и культура», в которой рассматривается, в частности, вопрос о роли религии и церкви в обществе и значении работ Маркса, посвященных этой теме. Отметим, что эта тема, к сожалению, в настоящее время становится в нашей стране все более и более актуальной. Её актуальность сегодня вызвана крайне агрессивной политикой церкви, направленной на насаждение религии (при поддержке органов государственной власти) во многие государственные учреждения — в армию, учебные организации, на радио, телевидение и т. д. К этому следует добавить и полное изгнание с экрана телевизоров и из других средств массовой информации пропаганды научного атеизма. (Все это, заметим в скобках, нельзя рассматривать иначе, как нарушение действующей Конституции РФ, которая провозгласила Российскую Федерацию светским государством).

В статье М. Горького отмечается, что со времени изобретения Гуттенберга церковь стала использовать книгу в качестве мощного орудия «защиты собственности и проповеди индивидуализма». По словам Горького, церковь говорит о «милосердии» и «человеколюбии» даже в то время, «когда бесчеловечный цинизм классового общества отвратительно обнажен до глубочайших его корней» (2). Далее Горький в своей статье пишет,

что церковь «является самой преступной из всех организаций буржуазии, ибо она наиболее активно способствовала и способствует — удушению свободной мысли, порабощению воли к жизни, к творчеству» (3).

Раскрывая роль Маркса в борьбе с религией, Горький совершенно справедливо отмечает: «Карл Маркс — самый мощный и непобедимый враг церкви ... Непобедим он потому, что его учение воспринято и воспринимается миллионами трудового народа». И Горький продолжает: «Первый и самый мощный из всех когда-либо живших, мыслителей, Маркс показал миру грандиозное значение труда в истории культуры, показал его всепобеждающую силу и обосновал историческую необходимость власти пролетариата и революционного преобразования жизни социально интересам большинства, интересам трудового народа» (4).

Вслед за небольшой статьей М. Горького в сборнике опубликована фундаментальная работа Н. Бухарина: «Учение Маркса и его историческое значение». В ней рассмотрены, главным образом, философские проблемы марксизма. Автор приходит к выводу, что «Маркс является творцом величайшего философского синтеза, перед которым все новейшие и моднейшие философские построения не идут ни в какое сравнение» (5). Статья содержит следующую характеристику учения Маркса: «Если брать теперь всю теорию Маркса в целом, это грандиозное здание, начиная от теории познания, общих законов материалистической диалектики, и кончая учением о переходном периоде, то нетрудно прийти к заключению, что такого научно-философского синтеза мир не знал» (6).

Но, несомненно, первая роль в раскрытии научного содержания учения Карла Маркса, значения этого учения для рабочего класса, трудящихся и всего человечества принадлежит В. И. Ленину.

Ленин писал, что гениальность Маркса «состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила» (7).

Рассматривая источники и составные части марксизма, Ленин указывал, что «величайшим завоеванием научной мысли явился исторический материализм Маркса» (8). С позиций исторического материализма вся человеческая история представляет собой процесс последовательной смены исторических формаций на основе взаимодействия экономического строя общества и политической надстройки. Главный труд Маркса, посвященный изучению современного ему экономического строя общества, — «Капитал» содержит учение о прибавочной стоимости, которое, по словам Ленина, является «краеугольным камнем экономической теории Маркса» (9).

Ленинское понимание значения учения К. Маркса было выражено им, в частности, в широко известной лапидарной формуле: «Учение Маркса всесильно, потому, что оно верно» (10).

Именно в таком русле учение Карла Маркса рассматривалось советскими обществоведами на протяжении последующих десятилетий.

О том, в каком ключе писали о Марксе наши ученые четверть века назад (в связи со столетием со дня смерти Маркса), свидетельствуют, в частности, названия их статей, опубликованных в сборнике «Карл Маркс и современность» (11): «Учение Маркса живет и побеждает» (М. В. Зимянин); «К. Маркс и диалектика нашей эпохи» (Н. Н. Федосеев); «Маркс современен всегда» (Р. И. Косолапов); «Карл Маркс и всемирно-исторический процесс освобождения человека» (В. В. Загладин, С. М. Меньшиков, И. Т. Фролов); «Великий революционный переворот в развитии общественной мысли» (Т. И. Ойзерман) (11). При этом, естественно, авторы любых работ в соответствующих областях обществензнания (философы, историки и др.) всегда опирались на фундаментальные положения Маркса и, в частности, на его «философию истории». И советские историки, и советские философы — все, занимавшиеся изучением и пропагандой марксизма, справедливо считали, что истинность марксизма (правильность ленинской формулы) подтверждается всем ходом исторического процесса и, в частности, победой Великой Октябрьской революции, возникновением и успешным развитием мировой социалистической системы.

Как известно, согласно К. Марксу, исторический процесс представляет собой последовательную смену общественно — экономических формаций, т. е. переход от более низкой формации к более высокой. Формационная теория исторического процесса является неотъемлемой частью исторического материализма. Характеризуя исторический материализм Карла Маркса, Ленин писал: «Хаос и произвол, царивший до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий...» (12).

Вклад Маркса в науку всегда высоко оценивался не только отечественными, но и зарубежными учеными (и не обязательно марксистами!).

Вот что написали в своей книге два известных американских экономистов — Роберт Хейлбронер и Лестер Туроу:

«...как революционер в мышлении Маркс был, возможно, самым удачливым из когда-либо живших возмутителем умов. Только великие религиозные деятели Христос, Магомет и Будда могут конкурировать с его влиянием...»

Маркс был, безусловно, гением, человеком, изменившим характер нашего мышления об обществе (во всех аспектах, как историческом и социологическом, так и экономическом) столь же радикально, как Платон изменил характер мышления философского, а Фрейд — психологического. Очень немногие экономисты сегодня прорабатывают всю необъятную массу работ Маркса, но, так или иначе, его воздействие затронуло большинство из нас, даже если мы не отдаем себе в этом отчета. Мы обязаны

Марксу фундаментальной идеей о том, что капитализм — развивающаяся система, вышедшая из конкретного исторического прошлого и медленно, неравномерно движущаяся к иной, неясно различимой форме общества (13).

Лауреат Нобелевской премии, американский экономист (русского происхождения) — Василий Леонтьев, рассматривая научные достижения К. Маркса, писал: «Как бы ни были важны при современном возрождении интереса к достижениям Маркса..., частные аспекты экономической теории скрываются в тени его блестящего анализа долговременных тенденций развития капиталистической системы. Результаты выглядят поистине впечатляющими. Увеличение концентрации богатства, быстрое сокращение числа мелких и средних предприятий, постепенное уменьшение конкуренции, ...неуменьшающаяся амплитуда регулярно повторяющихся деловых циклов — выдающийся ряд сбывшихся прогнозов, которым современная экономическая наука со всем ее сложным аппаратом противопоставить ничего не может» (14).

Известный историк экономической мысли Марк Блауг, характеризуя судьбу учения Маркса, писал: «Маркс подвергался переоценке, пересматривался, опровергался, его хоронили тысячекратно, но он сопротивляется всякий раз, когда его пытаются отослать в интеллектуальное прошлое. Хорошо это или плохо, но его идеи стали составной частью того мира представлений, в рамках которого мы все мыслим. Сейчас никто не ратует за Адама Смита или Риккардо, но по-прежнему поднимается кровавое давление, как только Маркс становится предметом исследования». Однако и это еще недостаточно характеризует сделанное Марксом, и М. Блауг продолжает: «Маркс создал систему, которая охватила все социальные науки, и когда мы рассматриваем экономическую теорию К. Маркса как таковую, мы поступаем несправедливо по отношению к его философским, социологическим и историческим идеям». И здесь на первый план выдвигается указанное выше открытие К. Маркса, о формационном историческом процессе.

И еще одно совершенно справедливое, на наш взгляд, замечание Блауга, характеризующее учение Карла Маркса: «... надо иметь довольно слабые умственные способности, чтобы не увлечься героической попыткой Маркса дать обобщенное и систематизированное толкование „законов движения“ капитализма» (15).

Об этом же писал другой (также всемирно-известный) экономист — Йозеф Шумпетер: «Взгляд Маркса, ...проникал через случайную нерегулярность поверхностных явлений и устремлялся вглубь — к грандиозной логике исторического процесса. Здесь страстность сочеталась с аналитическим порывом. Итог его попытки сформулировать эту логику, так называемая „экономическая интерпретация истории“, несомненно, является одним из величайших открытий современной социологии, совершенных каким-либо исследователем» (16).

Следует отметить, что высокая оценка научных заслуг Карла Маркса имеет место не только в научных работах многих зарубежных экономистов, но и отражена в издаваемых ими учебниках, предназначенных для высших учебных заведений. Вот, что, например, написано в одном широко известном американском учебнике по экономике: «Карл Маркс (1818–1883) был наиболее влиятельным среди всех когда-либо живших экономистов» (17).

Как уже отмечалось, в Советском Союзе учение Маркса не только признавалось всеми учеными, не только преподавалось во всех высших учебных заведениях, но и всегда защищалось от нападок зарубежных недоброжелателей марксизма.

Однако положение коренным образом изменилось в период так называемой «перестройки». Целый ряд экономистов (обладающих высшими научными регалиями), прежде пропагандировавших учение Карла Маркса, защищавших это учение от недобросовестных критиков или неправильных трактовок, начали отказываться от фундаментальных положений марксизма.

В январе 1990 г. в газете «Правда» член — корреспондент АН СССР В. Медведев выступил с большой статьей «Ядро перестроечных процессов». Статья была опубликована в порядке обсуждения проекта Платформы ЦК КПСС и имела подзаголовок: «К вопросу о преобразовании отношений собственности» (18). В начале статьи Медведев пишет, что «преобразование отношений собственности ...имеют поворотное значение для экономической реформы, да и развития экономического развития страны в целом». С этим нельзя не согласиться, но в чем должно заключаться «преобразование»?

Медведев начинает с того, что приводит широко известный отрывок из 1 тома «Капитала» Маркса: «...Капиталистическая частная собственность — есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры; на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» (19). Медведев данный отрывок интерпретирует следующим образом: «Как видим, К. Маркс недвусмысленно трактует социалистическое обобществление как восстановление индивидуальной собственности...» (20).

Здесь Медведев проявляет либо дремучую неграмотность, либо ... нежелание сказать правду. Ведь его трактовка полностью совпадает с той, которую дал этому отрывку в свое время Дюринг и которую высмеял Ф. Энгельс! Энгельс по этому поводу писал: «Для всякого, кто понимает немецкий язык, это означает, что общественная собственность простирается на землю и другие средства производства, а индивидуальная собственность — на остальные продукты» (21).

Приведя отрывок из «Капитала», Медведев делает такое глубоко-мысленное замечание: «Наверное, не меня одного чтение этого пассажа несколько смущало: почему индивидуальная собственность? Но как раз в этом, по-видимому, и заложен глубокий смысл» (22).

Об этом «смысле» хорошо написал Ф. Энгельс: «Собственность в одно и то же время и индивидуальная и общественная, — эта туманная уродливость, эта нелепица..., эта путаница, эта глубокомысленная диалектическая загадка ...является продуктам свободного творчества и воображения г-на Дюринга...» (23).

Зачем понадобилось Медведеву следовать трактовке Дюринга? Ответ один — он хотел показать, что не нужна нам государственная собственность, а восстановление индивидуальной (частной!) собственности на средства производства якобы вовсе не противоречит марксизму. После этого становится понятен смысл предлагаемого им «преобразования»! Далее он пишет, что государственная собственность не решила проблемы ликвидации отчужденности человека от средств производства, что она не должна абсолютизироваться, что она в определенных границах допустима и т. д. и т. п.

Зная последующий ход событий, нетрудно увидеть во всех этих словах попытку подготовить общество к отказу от движения по пути, указанному Марксом...

Другим направлением отхода от учения Маркса стало отрицание его «философии истории», отказ от теории общественно-экономических формаций.

В 1991 г. на страницах журнала Института мировой экономики и международных отношений появилась редакционная статья, в которой было объявлено, что в проводимых этим институтом исследованиях делается поворот в сторону «цивилизационных аспектов человеческого развития» и что якобы «длительное игнорирование цивилизационных аспектов развития человеческого общества нанесло огромный ущерб и нашей науке, и нашей социальной практике» — (24). Опубликованная статья явилось сигналом для нападков на формационный подход. После её появления многие наши ученые, как по команде, начали утверждать, что формационный подход является недостаточным, что от него следует отказаться, и даже, что якобы нет существенных различий между разными формациями.

В 1992 г. член-корреспондент РАН В. Медведев в журнале. «Вопросы экономики» выступил со статьей «Экономическая теория перед лицом коренного обновления» (25). К какому же «коренному обновлению» призывал Медведев? Во-первых, он объявил, что разразился глубокий кризис «той модели социализма, ...исток которой восходят к марксизму» (26). Причины кризиса, таким образом, он связывал не с отклонениями от марксизма, а с самим учением Маркса... Во-вторых, он утверждал, что в нынешних условиях необходимо «глубокое научное переосмысление мар-

ксизма» и разъяснял, что речь идет «о критическом прочтении некоторых исходных постулатов и методологических основ марксизма и его экономического учения...» (27). Всякому человеку, понимающему русский язык, совершенно ясно, что призыв Медведева к «научному переосмыслению марксизма», «критическому прочтению» того, что Медведев называл «исходными постулатами и методологическими основами марксизма», в данном контексте означал не что иное, как — полный отказ от учения Маркса!

Приведем еще два положения, сформулированные в статье Медведева и характеризующие искажение им действительности и его отход от марксизма. Во-первых, по мнению Медведева, в мире «на смену расколу, конфронтации приходит „сотрудничество, взаимозависимость, целостность“» (28). Во-вторых, он предлагает «вернуться в лоно мировой экономической мысли, преодолеть отчужденное отношение к западным теориям, школам, которые раньше клеймились как буржуазно-апологетические, а на самом деле давали ответ на многие насущные вопросы экономического развития»; упрекает политическую экономию социализма в том, что она «полностью строилась по схеме коренной противоположности социалистических производственных отношений капиталистическим» (29). Иными словами, он отрицал наличие коренной противоположности двух названных систем.

В заключение отметим, что в этой же статье Медведев совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечал, что в последнее время у нас стало модным опровержение марксизма и среди тех, кто «подвизаются на этом поприще», немало и таких, кто вчера «прославляли его, а сегодня яростно опровергают» (30). Жаль только, что, в известной мере, эти слова нельзя не отнести и к самому Медведеву!

Позднее в том же журнале появилась новая статья В. А. Медведева — «Некоторые размышления о новой парадигме экономической теории» (31), в которой он призвал отказаться от использования категорий: «капитализм» и «социализм». Таким образом, «новая парадигма» Медведева, означала полный разрыв с формационной теорией Маркса...

По этому же пути пошел и академик Л. И. Абалкин, опубликовавший в этом же журнале статью, в которой утверждалось, что необходим «отказ от стремления понять и описать мир исключительно с помощью парных категорий: добро и зло, война и мир, капитализм и социализм» (32).

В статье Л. Абалкина содержался отказ еще от одного важнейшего положения теории Маркса — положения о формах собственности на средства производства как основы каждой общественно-экономической формации. Так, Абалкин утверждал, что нет смысла «продолжать до хрипоты спор о преимуществах общественной или частной собственности», что, якобы, уже произошло «принципиальное снятие их противостояния».

Этим самым был продолжен курс по существу, на полный разрыв с учением Маркса — (учения, заметим в скобках, пропагандистами и защитниками которого, были на протяжении всей своей предыдущей научной карьеры оба автора).

Но призывы Абалкина не обращать внимания на формы собственности («продолжать до хрипоты спор о преимуществах общественной или частной собственности») на средства производства противоречили не только учению Маркса, но и взглядам большинства серьезных буржуазных экономистов. Сошлемся на высказывание одного из ведущих представителей буржуазной экономической науки — лауреата Нобелевской премии Милтона Фридмана, который писал, что тип собственности, установленный в обществе, определяет характер хозяйственного механизма. «Если вся собственность, — писал он, — последовательно обобществлена и все цены централизованы, не остается места для механизма, который может воспроизводить функции капиталистического предприятия» (33).

Призыв Абалкина не придавать значения формам собственности, поскольку уже «произошло принципиальное снятие их противостояния», противоречил не только науке, но и общественной практике. Если формы собственности не имеют значения, то зачем понадобилось проводить в нашей стране приватизацию, превращать государственную собственность в частную?

Оценивая предложенные В. Медведевым и Л. Абалкиным «новые парадигмы», отрицающие формационную теорию К. Маркса, нельзя не отметить, что в соответствующих работах этих авторов полностью отсутствовали какие-либо теоретические обоснования выдвигаемых ими положений, сколько-нибудь значимые аргументы в их защиту.

К этому следует, по нашему мнению, добавить, что обе статьи (В. Медведева, и Л. Абалкина) были написаны и опубликованы в период, когда принимались законы, возрождающие в нашей стране институт частной собственности на средства производства. В частности, уже был принят «Закон о собственности в СССР» (от 6 марта 1990 г.), который содержал раздел II: «Собственность граждан СССР» (В скобках заметим, что слова «собственность граждан СССР», как видно из содержания этого документа, были не чем иным, как попыткой замаскировать тот факт, что указанным законом вводилось право частной собственности на средства производства.) В Законе же о собственности в РСФСР, принятом 24.12.1990 г., соответствующий раздел носил гораздо более откровенное название — «Право частной собственности в РСФСР». Оба автора имели непосредственное отношение к тем властным структурам, которые принимали решения о переходе к системе экономических отношений, в корне отличающихся от провозглашенных Октябрьской революцией и просуществовавших в нашей стране в течение семи десятилетий. Иными словами, оба автора имели непосредственное отношение к принятию высшими власт-

ными органами судьбоносных решений, главным содержанием которых была реставрация капитализма в нашей стране. (В. Медведев был, членом Политбюро ЦК КПСС; Л. Абалкин — зам председателя Правительства.) Все это говорит о том, что их предложения о переходе к «новой парадигме» невозможно рассматривать в качестве какой-то новой теории; никакого отношения к науке они не имели, а были лишь попыткой создать «идеологическое обеспечение» реставрации капиталистических отношений в нашем обществе.

Отход от важнейших положений учения Маркса можно обнаружить и в более ранних работах некоторых советских ученых...

Как известно, вопросу о собственности на средства производства примыкает и другой — о характере социалистической экономики и соотношении плана и рынка при социализме. Напомним, что еще в ходе дискуссии, предшествовавшей проведению хозяйственной реформы 1965 г., некоторыми экономистами стали выдвигаться такие идеи о соотношении плана и рынка, которые противоречили и накопленному опыту социалистического строительства, и учению Маркса.

Так, уже известный в то время кандидат экономических наук (ставший позже помощником Горбачева по экономическим вопросам и академиком) — Н. Я. Петраков объявил: «Главным показателем эффективности производственной деятельности предприятия признана прибыль. Это можно считать уже не предметом, а результатом дискуссии» (34). Известно, что прибыль является «главным показателем эффективности» в условиях капитализма. Выдавать этот показатель за критерий эффективности социалистической экономики — значит тянуть общество назад — от социализма к капитализму. Но дальше больше — пять лет спустя Петраков писал: «Предприятия, стремясь к максимуму чистой прибыли, заключают хозяйственные договоры, с поставщиками и потребителями. Хозяйственный договор выступает как основа производственного плана предприятия. Предприятие информирует вышестоящий орган о составлении плана и выдвигает в случае необходимости предложения о дополнительном финансировании своей деятельности...» По мнению автора, при такой схеме «Государственные органы будут непосредственно утверждать лишь объем поступлений денежных средств в казну» (35).

Реализация такого порядка была бы полным отказом от директивного планирования, от плановой экономики, от социализма. В дальнейшем, (в 1990 г.) Петраков следующим образом развивал свои идеи о совершенствовании нашей экономики: «Начинать надо с монополизации рынка и оздоровления финансов... нам нужна программа разгосударствления собственности.

Прежде всего, мы должны перевести государственную промышленность на акционерные формы... Владельцами акций могут быть и само государство, и банки, и кооперативы, и, разумеется, частные лица». И далее:

«...Продавать акции предприятия могут и должны не только в своем трудовом коллективе, но и вне его. Иначе не получим рынка ценных бумаг, который своевременно обеспечивает перелив капиталов в наиболее эффективные отрасли экономики» (36).

Таковы были предложения о переводе народного хозяйства на рельсы рыночной экономики. (В скобках заметим, что термин «рыночная экономика» появился в связи с тем, что капиталистическая экономика в глазах широких кругов общества себя дискредитировала. Именно поэтому для ее обозначения стали использоваться определенные эвфемизмы: «рыночная экономика», «рынок». Но прошло определенное время, и стыдливое покрывало было отброшено. Капитализм нашими экономистами — сторонниками «рыночной экономики» стал снова называться капитализмом.)

В то самое время, как у нас некоторые видные ученые экономисты принялись защищать курс экономической политики, противоречащий теории Маркса, появились данные о том, как высоко оцениваются научные заслуги Карла Маркса за рубежом. В нашей печати уже упоминался тот факт, что — на исходе XX столетия по результатам голосования в интернете, проведенного британской корпорацией «BBC», Маркс занял первое место, возглавив список выдающихся мыслителей второго тысячелетия. Позади Маркса оказались Альберт Эйнштейн, Исаак Ньютон, Чарльз Дарвин, Иммануил Кант и др.

На фоне результатов этого опроса жалкими выглядят предпринимаемые в нашей стране попытки преуменьшить значение учения Карла Маркса, исключить изучение его работ из программ высших учебных заведений. Сегодня немногие из студентов наших вузов знакомы с «Манифестом коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, не говоря уже о «Капитале». (Нельзя не отметить, что такое отношение к произведениям классиков марксизма противоречит традициям русской культуры. Напомним, что русский перевод первого тома «Капитала» был первым переводом на иностранный язык этого произведения, а российские революционеры самым тщательным образом изучали (и даже переписывали от руки!) это произведение.)

Сегодня ситуация в стране изменилась и, помимо исключения работ К. Маркса из списка литературы, обязательной для изучения студентами всех специальностей, имеет место и другое — появилась литература, в которой учение Маркса подвергается всевозможным нападкам, «опровержению». К литературе такого рода следует, несомненно, отнести вышедшую недавно в свет книгу Виктора Кирсанова, носящую отталкивающее название (37). Конечно, книгу с таким названием, да с аннотацией, в которой утверждается, что «пали чары марксизма, наложенные на россиян Плехановым, Лениным и другими...», можно было бы не открывать. Но книга отражает позицию некоторых авторов-антимарксистов, и появление

такой книги характеризует наше время. Еще одно обстоятельство — по количеству страниц (свыше 540), по числу цитируемых источников, (в том числе и Маркса, Энгельса и Ленина!), по объему приводимых исторических документов, книга может произвести впечатление чего-то очень серьезного. Поэтому, на наш взгляд, стоит остановиться на позиции её автора.

Автор книги (Кирсанов) причисляет себя к сторонникам народников, которые считали, что Россия может перейти к социализму через общину, минуя капитализм. Поэтому он отвергает формационную теорию Маркса, утверждая, что она непригодна для России.

Рассматривая взгляды Маркса (и Ленина) на русскую общину, Кирсанов использует известное письмо Веры Засулич к Марксу, а также все варианты ответного письма Маркса. Как известно, в своем обращении к Марксу Вера Засулич просила, в частности, ответить действительно ли «в силу исторической неизбежности, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства» (38). При этом она просила дать ответ, который она могла бы опубликовать. Маркс очень серьезно отнесся к просьбе В. Засулич. По словам Ф. Энгельса, Маркс отличался исключительной, даже излишней научной добросовестностью. Этим объясняется тот факт, что Маркс медлил с ответом и, прежде чем ответить, подготовил четыре варианта (наброска) ответа, а в посланном ответе написал: «Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования ответ» (39). Но позиция Маркса совершенно ясна — судьбу русской общины он связывал с перспективой русской революции (в первом наброске ответа Маркс пишет: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция» (40). Но Кирсанова такой ответ не устраивает, и он пытается поставить под сомнение (или даже опровергнуть!) учение Маркса об общественно-экономических формациях. Вопреки фактам, он даже утверждает, что Маркс и Энгельс отказались от своих воззрений и перешли на точку зрения народников: «Аргументы народников были столь убедительными, а российская действительность ...так далеко ушла вперед к социализму, (это в 60-е годы 19 века! — Ф. Б.), что Маркс был вынужден пересмотреть свою точку зрения ...» (41). Кирсанов пишет, что Маркс «изучив русский язык и российскую действительность, приходит к выводу о возможности строительства социализма в России, минуя капитализм...» (42). В другом месте Кирсанов пишет, о Марксе, «Будучи разбит наголову, он стал отрешиваться от собственного детища, которое до сих пор лелеял и холил» (43). Или «Пока народники не открыли Марксу глаза на непригодность его философско-исторической теории (схемы) применительно к России, он и не помышлял отказываться от неё» (44).

Но и на этом Кирсанов не останавливается. Он пишет, что и Ленин под влиянием народников также изменил свои взгляды на русскую общину. Наконец, он утверждает, что неправильная оценка общины стала причиной

падения социализма в нашей стране и других европейских странах. Как пишет Кирсанов, в результате «нерешенности данного спора» пришедшие к власти большевики якобы «...оставили после себя „мину замедленного действия“, которая дала о себе знать в конце 80-х — начале 90-х гг.» (45). Более того, он предсказывает поражение социализма в других странах: «Другим социалистическим странам, таким как Китай, Куба, Монголия и т. д., видимо, еще предстоит испытать на себе взрывы своих мин...» (46). И все это в результате якобы ошибочной позиции Маркса и Энгельса, а также их учеников — Ленина и других марксистов по вопросу о судьбе русской общины. Как с помощью этой общины можно построить социализм, минуя капитализм, Кирсанов не разъясняет. Зато обоснование своей позиции, аргументы в ее защиту он заменяет совершенно недопустимыми выпадами в адрес Карла Маркса, Фридриха Энгельса и их русских учеников (Ленина и др.): «Будь Маркс и Энгельс правдивее и честнее...» (47) и т. п.

Правда, книга Кирсанова содержит некоторые оценки, с которыми можно согласиться. Так, он пишет: «...народ остался и без социалистической собственности, и без советской власти, и без Советского Союза, а те, кто радели за него, т. е. современные демократы, во главе с Ельциным, Гайдаром и Чубайсом, вернули ему эксплуататорские оковы, разбитые им в Октябре 1917 года, наделив его свободой жалкого существования и правом умирать голодной смертью, а себе, присвоив все блага» (48). Но книгу в целом невозможно оценить иначе, как пример выступления антимарксиста «постперестроечного разлива».

Выше уже отмечалось, что сторонники учения Карла Маркса — коммунисты всегда видели подтверждение истинности учения основателя научного коммунизма в фактах победы Великой Октябрьской социалистической революции, бесспорных успехах Советского Союза в развитии экономики и культуры, в возникновении и успехах мировой социалистической системы. Практика — критерий истины!

А как повлиял на восприятие обществом учения Маркса тот трагический факт, что исчезли и первое в мире социалистическое государство — Советский Союз, и мировая социалистическая система? Конечно, некоторыми даже интеллигентными людьми в нашей стране все эти факты были восприняты как крушение коммунистической идеи, как доказательство незыблемости, вечности капитализма. Такому восприятию содействовала, конечно, и официальная антикоммунистическая пропаганда. Но так воспринимаются факты лишь в том случае, если ограничиться рассмотрением того, что лежит на поверхности явлений. Если же оценить происшедшее с более глубоких позиций, то нельзя не прийти к противоположному выводу. Переход от социализма к капитализму (т. е. совершившийся у нас формационный регресс) привел к целому ряду крайне негативных последствий. Выше уже упоминалось, что произошел резкий спад промышлен-

ного производства (гораздо более глубокий, чем в Америке во время кризиса 1929 года). За пять лет объем промышленного производства сократился более чем в два раза. Произошло также колоссальное разрушение производительных сил страны: уникальные промышленные предприятия, обладавшие прогрессивным (автоматическим и другим) оборудованием, самыми передовыми технологическими процессами, прекратили свое существование — превратились в торговые площадки. Ценнейшее оборудование было демонтировано и отправлено на переплавку. Утерянными оказались и квалифицированные кадры, подготовка которых требует длительного времени. Особенно пострадало машиностроение — так, большинство станкостроительных заводов прекратило свое существование, а выпуск металлорежущих станков сократился на 95 %.

Вряд ли в мировой истории можно найти еще хоть один пример разрушения производительных сил в мирное время в таких масштабах.

Резко возросла дифференциация населения по уровню доходов — разрыв между доходами богатых и бедных.

Увеличилась преступность. Достаточно, например, взглянуть на расклеенные объявления или на предложения, размещаемые в интернете, чтобы убедиться в том, что Россия превратилась в криминальную страну — продаются дипломы любых вузов, аттестаты, справки о прохождении техосмотра автомобилей, водительские права, трудовые книжки; за деньги можно получить больничный лист, трудовую книжку с любыми в ней записями.

Снизился жизненный уровень большинства населения, ухудшилось питание населения. Сократилось, например, душевое потребление мяса, но зато увеличилось потребление хлеба, картофеля. Дефицит некоторых продуктов питания на полках магазинов, (на что до сих пор ссылаются противники советской власти), действительно, был ликвидирован. Но это произошло в результате сокращения потребления этих продуктов из-за снижения реальных доходов населения.

Снизился уровень образования и медицинского обслуживания. Сократилась прогнозируемая продолжительность жизни (для мужчин она в настоящее время составляет 59 лет, и по этому показателю мы занимаем 178 место из 226 стран). Неуверенность в завтрашнем дне приводит к росту самоубийств. Мы находимся на втором месте по числу самоубийств среди мужчин и на шестом (из 80 стран) — среди женщин.

В России происходит снижение численности населения (из-за высокой смертности и низкой рождаемости).

Возвращаясь к экономике, отметим, что в жизнь страны вернулись периодические экономические кризисы, которых не было в нашей стране на протяжении всего периода существования советской власти и которые являются неотъемлемой чертой капитализма.

Формационный регресс вызвал не только разрушение производительных сил, снижение жизненного уровня населения, но обернулся и моральной деградацией общества (49). Об этом свидетельствует, в частности, распространение всевозможных суеверий (В газетах даются объявления об услугах гадалок, о «приворотах» и. т. п.). А ректор МГУ — Виктор Садовничий объявил, что «церкви, храмы, синагоги, мечети служат делу воспитания, и альтернативой им являются бездуховность, безнравственность, насилие....» (50). Неужели он считает, что без религии невозможно воспитание нравственности, духовности, а все атеисты — бездуховны и безнравственны? Помнит ли он, как осуществлялось воспитание в советское время на основе «Морального кодекса коммунизма» (в свое время признанного даже Церковью!).

Известно, что между моралью и религией существует противоречие, на что указывал Маркс. Называя имена «героев мысли в области морали» — Канта, Фихте, Спинозы, он писал, что «все эти моралисты исходят из принципиального противоречия между моралью и религией, ибо мораль зиждется на автономии человеческого духа, религия же — на его гетерономии» (51).

Невозможно не видеть, что все указанные выше трагические для нашей страны, ее народа события (разрушение производительных сил, падение производства, деградация морали и культуры, снижение численности населения и др.), возникшие при разрушении социализма и возврате к капитализму, лишь подтверждают истинность учения Карла Маркса.

На основе этих фактов нельзя не сделать вывода: сегодня стране *требуется возврат на путь, указанный Марксом.*

И последнее: несколько строк, посвященных сформировавшемуся в сознании советских людей — наших современников образу Маркса. О Марксе имеется большое число воспоминаний, которые в советское время многократно издавались. Однако, нельзя пройти мимо одного документа (приведенного в книге правнука Маркса — Робера-Жана Лонге, вышедшей в Советском Союзе в 1983 году). В книге цитируется письмо философа и публициста Мозеса Гесса. Вскоре после знакомства с Марксом Гесс писал Бертольдту Ауэрбаху: «...Будь готов познакомиться с величайшим, быть может единственным из ныне живущих настоящим философом ...Доктор Маркс...нанесет последний удар средневековой религии и политике, в нем сочетаются глубочайшая философская серьезность с тончайшим остроумием; представь себе соединенными в одной личности Руссо, Вальтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля — я говорю соединенными, а не механически смешанными, — и ты будешь иметь представление о докторе Марксе» (52).

Марксу в то время было...23 года! А написавший процитированные строки Гесс не был каким-нибудь восторженным юнцом — он был на 10 лет

старше Маркса, и о философии знал не понаслышке — имел опубликованные работы, им, в частности, была уже выпущена собственная книга по философии объемом около двадцати печатных листов.

Карл Маркс, как совершенно правильно писал и теперь пишет проф. Р. И. Косолапов, современен всегда.

Примечания

1. Карлу Марксу Академия наук СССР. Памяти Карла Маркса. Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти. Издательство Академии наук СССР 1933.
2. Там же. С. 5.
3. Там же.
4. Там же. С. 6.
5. Там же. С. 19.
6. Там же. С. 97.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.
8. Там же. С. 44.
9. Там же. С. 45.
10. Там же. С. 43.
11. Карл Маркс и современность. М., Политиздат, 1983 г.
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 44.
13. Хайлбронер Роберт, Тарроу Лестер. Экономика для всех. С. 35–37.
14. Леонтьев В. Экономические эссе. М., 1990. С. 106.
15. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 207;
16. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М. «Экономика», 1995. С. 41.
17. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономикс. М., 1993. С. 752.
18. Правда, 19.02.1990 г.
19. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, Т. 23. С. 773.
20. Правда, 19.02.1990 г.
21. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, Т. 20. С. 134.
22. Правда, 19.02.1990 г.
23. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, Т. 20. С. 135.
24. См. Мировая экономика и международные отношения, 1991, № 5.
25. См. Вопросы экономики. 1992. № 2 (В. Медведев «Экономическая теория перед лицом коренного обновления»). С 80–81.
26. Там же. С. 80.
27. Там же. С. 81.
28. Там же. С. 80.
29. Там же. С. 80, 84.
30. Там же. С. 80.
31. Вопросы экономики, 1993, № 11.
32. Там же. В. Медведев. «Некоторые размышления о новой парадигме экономической теории»; Л. Абалкин. Экономические теории на пути к новой парадигме.

33. Вопросы экономики. 1989. № 12. С. 141–142.
34. *Петраков Н. Я.* Некоторые аспекты дискуссии об экономических методах хозяйствования. М., 1966. С. 26.
35. *Петраков Н. Я.* Хозяйственная реформа, план и экономическая самостоятельность. М., 1971. С. 43–44.
36. Трудный поворот к рынку. М. 1990. С. 10, 13. 23.
37. *Кирсанов В.* Единороссы — новые народники, или Почему Ленин должен быть вынесен из мавзолея. М.: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитский. М., 2010.
38. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 576.
39. Там же. С. 250.
40. Там же. С. 410.
41. *Виктор Кирсанов.* «Единороссы — новые народники, или Почему Ленин должен быть вынесен из Мавзолея» М. Издательство содружество А. Богатых и Э. Ракитский. М., 2010. С. 93.
42. Там же.
43. Там же. С. 91.
44. Там же. С. 98.
45. Там же. С. 61.
46. Там же.
47. Там же, С. 123.
48. Там же. С. 177–178.
49. Советская правда. № 2. 16–31 января. Ф. Ильичев. «Формационный регресс — моральная деградация».
50. См. «Газету для семейного чтения» 10 апреля 2009 года.
51. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 1, С. 13.
52. *Лонге Робер Жан.* Карл Маркс — мой прадед. М., Прогресс, 1983. С. 75.

История — поле и объект политико-идеологических баталий

История как наука всегда была полем и объектом непрекращающихся политических и идеологических баталий. Причины этого настолько очевидны и лежат на поверхности, что нет резона обосновывать данное положение. Можно лишь отметить, что в основе интерпретации важнейших исторических событий лежали и лежат глубокие государственные и политические интересы тех, кто стоит в данное время у руля государственного управления. Однако толкование исторических событий, их глобальная оценка отражают отнюдь не только, а подчас и не столько интересы господствующих в данном государстве сил. Более существенное, на мой взгляд, играет фактор преемственности, как один из основополагающих элементов всей истории развития государства. Без учета этого фактора в принципе невозможно создание сколько-нибудь обоснованной и достоверной концепции исторического развития любого государства.

В наше время в России развернулась широкая дискуссия по проблемам теоретико-познавательного анализа отечественной истории. Что ж, такая дискуссия давно назрела, ибо она тесно и органически увязана с выработкой дальнейших направлений как внутренней, так и внешней политики страны. Отличительной чертой этой дискуссии является непосредственное и активное участие в ней первых лиц Российской Федерации. Это придает ей большую значимость и далеко расширяет ее масштабы. В дальнейшем я еще коснусь конкретных аспектов ведущейся дискуссии. Здесь же хочу подчеркнуть то, что премьер Путин счел необходимым непосредственно высказаться по некоторым актуальным вопросам баталий на фронте толкования исторических фактов, непосредственно затрагивающих интересы России. Резонанс был внушительным, о чем свидетельствует то обстоятельство, что ее участниками стали главы государств и правительств ряда стран, не говоря уже о СМИ.

С рядом положений, сформулированных главой правительства РФ, можно спорить, но нельзя не согласиться с тем, что он сказал по вопросу

объективного истолкования истории и некоторых ее важных страниц. «Историческое полотно — это не дешевая репродукция, которую можно халтурно подретушировать. По желанию заказчика — убрать то, что не нравится, или изменить тон, добавив светлых или темных красок. К сожалению, с подобными примерами перелицовки прошлого нередко приходится сталкиваться в наши дни. Мы видим попытки переписать историю под нужды сиюминутной политической конъюнктуры. В некоторых странах зашли еще дальше — героизируют нацистских пособников, ставят в один ряд жертв и палачей, освободителей и оккупантов»¹.

Необходимость создания достоверной, объективной, основанной на фактах и на добросовестном их толковании исторической концепции, подчеркивается сейчас многими российскими историками самых различных политических убеждений. Кажется, что простые истины становятся в последнее время доступными не только для понимания, но и для определенной степени сближения различных политических сил. В данном случае долгосрочные интересы государства приобретают доминирующее значение. И — это отрадный факт, который можно только приветствовать.

Сказанное мною отнюдь не значит, что рьяные либеральные историки, которые видели и видят свою задачу в том, чтобы очернить все советское прошлое, а заодно в превратном свете представить всю предысторию второй мировой войны, поставив в один ряд фашистскую Германию и Советский Союз, Гитлера и Сталина, пойдут на пересмотр своих концепций. Ожидать этого от них было бы верхом наивности. Однако это не снимает с серьезных историков обязанности постоянно вести объективное исследование событий той поры и подвергать глубокому критическому анализу взгляды так называемых либерально настроенных российских историков. Эта — задача первостепенной важности и она должны быть в эпицентре российской исторической науки. Здесь неуместны иллюзии и надежды на то, что некоторый крен в сторону большей объективности со стороны властей, способен существенным образом повлиять на позицию указанных историков. Но, тем не менее, некоторый прогресс в направлении более серьезного и более объективного подхода к оценке нашей истории все-таки начинает кое-где проглядывать.

Хочу сослаться на точку зрения историка Р. Медведева, многие концепции которого я отнюдь не разделяю. Но мне импонирует, что он вполне резонно констатируя, что создать единую историю Европы или Великой Отечественной войны, абсолютно приемлемую для любой страны, невозможно, но невозможно также создать и какую-то изолированную историю. Еще более актуально его высказывание о необходимости учета и использования советского исторического опыта. На вопрос корреспондента

¹ Новые Известия. 2 сентября 2009 г.

та «Русского журнала»: *Насколько важен советский опыт для современной России? Вообще эта тема всего советского, нужно ли ее вообще обсуждать?* Р. Медведев ответил: «Советский опыт очень важен. Собственно, другой опыт у нас вообще отсутствует. Есть, конечно, российский опыт XIX в., но никто тогда не жил и никто этого опыта не знает. Мы его знаем только по Пушкину, Достоевскому и Толстому. Поэтому мы просто вынуждены опираться на советский опыт. Советский опыт высшего образования, советский опыт среднего образования, советский опыт исторического образования. Надо его как-то реформировать, но другого опыта у нас просто нет»².

Еще один момент заслуживает того, чтобы на нем специально остановиться: я имею в виду объективность. Быть беспристрастным любой автор, особенно пишущий на острые политические и исторические темы, просто не может. В любом случае, при любых стараниях всегда будут проглядывать его собственные пристрастия, симпатии и антипатии, порой злорадство и даже ненависть. Предвзятость может выражаться не только в тенденциозной оценке фактов, но и в самом их подборе автором, в том, что выгодные для его концептуального подхода материалы он будет использовать, а невыгодные просто игнорировать. Поэтому апеллировать к так называемой объективности в оценке того или иного крупного исторического события — дело бесперспективное. Но определенные политические или идейные пристрастия не должны вредить достоверности изложения событий и фактов, их оценке в соответствии с исторической реальностью. Путь к истине не загораживают всякого рода чувства, будь то любовь или ненависть, они лишь накладывают на поиски этой истины своеобразную печать. Главное — это достоверность, без которой сам процесс поиска истины превращается в простой фарс или же сознательное надувательство. Такое толкование принципа объективности, возможно, и покажется кому-то недопустимым в интерпретации событий, приведших ко второй мировой войне, в частности к советско-германским отношениям предвоенного периода. Однако я еще раз хочу подчеркнуть, что полной объективности, личной самоустраненности автора от того, что он пишет, не бывает.

Именно с этих позиций я и попытаюсь проанализировать некоторые теоретико-познавательные аспекты отечественной истории и ключевые моменты, приведшие к началу второй мировой войны. Конечно, мое выступление неизбежно будет носить в отдельных случаях фрагментарный характер и страдать отсутствием необходимой документальной базы. Однако я все же постараюсь не обойти ключевые аспекты рассматриваемых проблем.

² Русский Журнал. 3 сентября 2009 г. Электронная версия.

Следует затронуть еще один методологический аспект. Речь идет о ретроспективном анализе. Разумеется, ретроспективный подход вполне правомерен для анализа той или иной ситуации, для рассмотрения вариантов различного рода действий в сложившихся тогда обстоятельствах. Но он малопродуктивен для исторической оценки, поскольку в его основе как бы заложен элемент сослагательного наклонения. Но история — это не грамматика, и в ней сослагательное наклонение следует использовать крайне осторожно, отдавая отчет в том, что исторический ход событий был таким, каким он остался в жизни. Ведь нельзя же всерьез воспринимать довольно распространенный афоризм, что «история — это предвидение наоборот». История, хотя и не такая же точная наука, как, скажем физика, химия и т. д., но тем не менее она все же наука, а не сумма выводов и оценок, которые даются отдельными представителями этой самой науки.

Рассматривая поставленные выше проблемы, нельзя обойти вопрос о Сталине и его роли в этот критический для нашей страны период. Было бы грубой примитивизацией всю проблему сводить к попыткам в тенденциозном свете представить деятельность Сталина в предвоенные и военные годы. Дело, конечно, не в одном Сталине, хотя и в нем тоже. Историки и политические пропагандисты горбачевского безвременья и постперестроечной поры, всячески разоблачая действительные и мнимые преступления и ошибки Сталина, преследовали и более масштабную цель. Она состояла и до сих пор состоит в том, чтобы заново переписать историю и по всем параметрам опорочить советский общественный строй — социализм. В нем они усматривают главную причину всех проблем, с которыми сталкивалась наша страна на протяжении многих десятилетий советской власти. Концентрируя удар против Сталина, они бьют одновременно по двум целям — по социализму как общественному строю и по Сталину как наиболее видному и авторитетному представителю и олицетворению существовавшего строя. И это — отнюдь не какая-то историческая новация: любой победивший новый режим, как правило, всячески охаивает прежний, приписывая ему все, что только можно приписать. При этом переходя даже пределы элементарной логики и здравого смысла. Особенно тогда, когда новому режиму нечем похвастаться.

Разумеется, эта фундаментальная мысль разными учеными и пропагандистами преподносится под различным соусом и с отнюдь не одинаковой научно-документальной аргументацией. Опубликовано немало работ, в которых историки, давая свою интерпретацию рассматриваемым нами событиям, призывают взглянуть на них с планетарных высот (а почему не с еще более масштабных — например, космических?). «Только при планетарном подходе можно восстановить погрязшие сталинизмом профессионализм, честь и достоинство историка и гражданина, его ответственность перед обществом. Этот подход не означает равнодушия к добру и

злу, отречения от принадлежности к той или иной социальной группе. Но он обязывает ученых всегда служить истине, даже если это и противоречит чьим-то сиюминутным интересам», — патетически пишут А. Мерцалов и Л. Мерцалова³.

В сущности позицию, выраженную в данном высказывании, трудно оспорить. Однако одних клятв в приверженности истине и исторической правде, призывы внимать голосу совести и отличать добро от зла, — всего этого недостаточно. По крайней мере, под мощной защитой провозглашенных этических норм цитировавшие выше авторы явно тенденциозно трактуют многие события тех лет и выносят безапелляционные вердикты. В приложении к историческому материалу их вердикты чем-то смахивают на приговоры суда инквизиции.

Оставляя для дальнейшего более обстоятельного рассмотрения некоторые из принципиально важных моментов, касающихся прежде всего методологии подхода к оценке событий той поры, считаю необходимым хотя бы в самом конспективном виде затронуть еще одну важную проблему. От того, как интерпретировать ее, как применять при анализе того или иного события, в принципе зависит, по существу, все: и направленность выводов, и концепция самого автора. Иными словами, дух и характер всего исследования.

Речь идет о моральных аспектах, а говоря шире — о роли и месте морально-этических норм при подходе не столько к событиям, сколько к мотивам, которыми руководствовалось советское руководство в проведении своего внешнеполитического курса. Исследователи либерального толка на каждом шагу пытаются уличить советских лидеров того времени, и прежде всего Сталина, в попрании элементарных норм морали, беззастенчивом цинизме, который стал будто бы определяющей чертой как его политического мышления, так и его конкретных внешнеполитических действий. Я специально выделяю сферу внешней политики, поскольку именно она в этот период находилась в эпицентре всей его деятельности.

Современные либеральные критики, усматривающие во всей политике Советского Союза, как и в его целостной политической философии, небрежение к морали и нравственности, явно используют двойные стандарты, коль речь заходит о Сталине. В данном случае речь идет о соотношении морали и политики, а точнее, о том, всегда ли может политика реализма оставаться моральной. Этот аспект убедительно раскрыл покойный ныне историк В. Кожин в своей хорошо аргументированной и отличающейся глубиной книге по истории Советской России. Позволю себе привести довольно обширный отрывок из его книги, который относится к рассматриваемому периоду.

³ Мерцалов А., Мерцалова Л. Сталинизм и война. М. 1998. С. 31.

«Мы не прочь, — сказал генсек в самом тесном кругу (Ворошилов, Молотов, генсек Исполкома Коминтерна Георгий Димитров), — чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран...» Ныне доктор исторических наук М. М. Наринский, цитируя эти суждения, комментирует: «Говоря о политике Советского Союза, Сталин цинично (выделено мною — В. К) заметил: „Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались“».

Прежде всего следует внимательно вдуматься в эпитет «цинично», ибо по одной этой детали можно ясно понять существо нынешней «либеральной» историографии войны. В словах Сталина выражено типичнейшее и даже элементарнейшее отношение государственного деятеля какой-либо страны к войне, разразившейся между соперниками этой страны. Так, 23 июня 1941 г. сенатор и будущий президент США Гарри Трумэн заявил не в узком кругу (как Сталин), а корреспонденту популярнейшей «Нью-Йорк таймс»: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше!»⁴

Пусть читатель меня простит, но я не могу ограничиться приведенным выше пассажем. Для большей убедительности позволю сослаться также на мнение столь крупного и уважаемого не только на Западе политика, каким был У. Черчилль. Он в своих мемуарах посчитал необходимым также коснуться вопроса о месте и роли морали в политике. Его точку зрения современные российские либеральные исследователи едва ли рискнут поставить под сомнение, а тем более упрекать его в цинизме.

Итак, Черчилль писал: «Нагорная проповедь — последнее слово христианской этики. Все уважают квакеров. Однако министры принимают на себя ответственность за управление государствами на иных условиях.

Их первый долг — поддерживать такие отношения с другими государствами, чтобы избегать столкновений и войны и сторониться агрессии в какой бы то ни было форме, будь то в националистических или идеологических целях. Однако безопасность государства, жизнь и свобода сограждан, которым они обязаны своим положением, позволяют и требуют не отказываться от применения силы в качестве последнего средства или когда возникает окончательное и твердое убеждение в ее необходимости. Если обстоятельства этого требуют, нужно применить силу. А если это так, то силу нужно применить в наиболее благоприятных для этого условиях. Нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелее и ее труднее будет выиграть. Таковы мучительные дилеммы, с которыми человечество так часто сталкивалось

⁴ Кожин В. Россия. Век XX (1939–1964). М., 2002. С. 24–25.

на протяжении своей истории. Окончательный приговор в таких случаях может произнести только история в соответствии с фактами, которые были известны сторонам в момент события, а также с теми фактами, которые выяснились позже»⁵.

Если под углом зрения, высказанного Черчиллем, подойти к оценке предвоенной политики СССР, то вряд ли здесь уместны такие громко звучащие эпитеты, как циничная, аморальная, преступная и т. п., которые всегда находятся в арсенале тенденциозных оценщиков внешнеполитических акций Советского Союза и его поведения в сфере международных отношений.

Заранее хочу оговориться — было бы в корне неверно любые акции Советского Союза, и Сталина прежде всего, в предвоенных условиях квалифицировать только в качестве единственно возможных, разумных и продиктованных реальной обстановкой той эпохи. В его действиях наличествуют не только продуманные на широкую историческую перспективу действия, но и серьезные ошибки как стратегического, так и тактического порядка. Впрочем, в политике, как и в жизни, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Но в приложении к внешней политике ничегонеделание также относится к разряду ошибок самого серьезного плана. Особенно это касается ситуации предвоенной, когда требуется предпринимать действия самого широкого масштаба, от эффективности которых зачастую зависят судьбы не только самого политика, но и страны, руководимой им. С точки зрения этого критерия Сталин, как показывают убедительные факты, не сидел сложа руки и не наблюдал пассивно, в какую сторону подует ветер истории. Он стремился вести государственный корабль таким курсом, чтобы ветер истории не только не мешал его продвижению к цели, но и всячески способствовал этому.

Нелишне будет подчеркнуть и такой момент. Как ни пытались государства и правительства, лидеры стран и их высокопоставленные чиновники в предвоенный период сохранить свои замыслы и даже действия в тайне, добиться этого было трудно, если вообще говоря возможно. Ведь ареной, на которой разворачивались все акты мировой драмы, был весь мир. Народы с самым пристальным вниманием, затаив дыхание, следили за развитием событий, от исхода которых зависели их настоящее и будущее. Часто они не были в состоянии оказать должного влияния на ход событий, участниками которых их сделала сама судьба. Но это касается лишь тех или иных процессов и событий. Общий же поток исторического процесса, в том числе и в ходе второй мировой войны, конечно же, определяли народы. Они сами творили свою историю, порой жестоко расплачиваясь за свои иллюзии и заблуждения.

⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Книга первая. Тома 1–2. М. 1991. С. 145–146.

И еще одно замечание: хотелось бы выделить главную мысль. Цель и основной смысл внешнеполитической стратегии и тактики Советской России в два последних предвоенных года целиком и полностью определялись стремлением выиграть время, чтобы лучше подготовить страну к неизбежному военному противостоянию с Германией и ее союзниками. Выигрыш времени выступал как залог будущей победы. Время же бежало неумолимо, уменьшаясь как шагреновая кожа. Именно фактором борьбы за выигрыш времени определялись кажущиеся для прямолинейно мыслящих людей все повороты и зигзаги сталинской внешней политики, начиная с весны 1939 г. до зловещего июня 1941 года.

Один из довольно компетентных биографов Сталина И. Дойчер верно уловил этот факт, без учета которого трудно понять, а тем более достаточно убедительно объяснить поведение Сталина на внешнеполитической арене тех лет. В написанной им политической биографии Сталина мы читаем:

«Сталин, подобно Александру I в период войны с Наполеоном, стремился к тому, чтобы сделать время своим главным союзником. О том, что сам Сталин надеялся на передышку подобной продолжительности, свидетельствует почти каждый шаг, предпринятый им, до тех пор пока Гитлер не рассеял все его иллюзии в июне 1941 года. То, что он мало верил в победу Гитлера, более чем определено. Теперь его цель состояла в том, чтобы сохранить состояние мира, и прежде всего выиграть время, и еще раз время, с тем, чтобы реализовать свои экономические планы, создать могущество России и потом бросить это могущество на весы, когда все другие воюющие страны будут находиться на последнем издыхании»⁶.

И если в нарушение высказанного ранее скептицизма в отношении того, что «история — это предвидение наоборот» — в качестве угла политического зрения взять метод ретроспективы, то мне представляется бесспорным, что Сталину, хотя и не в той мере, как ему хотелось, удалось выиграть время и оттянуть срок неотвратимой схватки с гитлеровской Германией. Это явилось главным достижением сталинской политики, достижением явно перевешивающим многие издержки, сопряженные с борьбой за выигрыш времени. Ибо время в тот период играло большую роль, чем пространство. Впрочем, как мы скоро убедимся, Сталин боролся не только за выигрыш времени, но и за увеличение пространства. Последнее, в свою очередь, также могло быть — так и случилось на деле — трансформировано во время. Пространство и время были органически связаны друг с другом — расширяя пространство страны, Сталин тем самым выигрывал и время для укрепления способности страны выдержать натиск противника, мнившего себя не только покорителем Европы, но и будущим властителем мира.

⁶ *Deutscher Isaac. Stalin. L. 1966. P. 430.*

Международная ситуация в конце 30-х гг. напоминала собой проснувшийся вулкан, готовый исторгнуть из себя испепеляющую лаву невиданных размеров. Мир, фактически уже вступивший пока еще в локальные по своим масштабам конфликты, жил в ожидании чего-то более опасного, более катастрофического. Гнетущее ожидание неизвестности охватило народы многих стран. Естественно, что Советский Союз в такой ситуации также не мог чувствовать себя спокойно. На авансцене мировой политики бал правила политика невмешательства, а точнее говоря, политика фактического поощрения агрессоров. Зловещая тень политического Мюнхена нависла над Европой. Если отбросить все экивоки и назвать вещи своими именами, то в сущности тогда вопрос стоял о том, чтобы канализировать агрессивные устремления Германии и ее союзников по Антикоминтерновскому пакту — Италии и Японии — против Советского Союза. Что касается так называемых западных демократий, то они, сами не помышляя о выступлении против Советского Союза, всячески давали понять, что Советская Россия с ее большевистским режимом приходится им не по душе и что, таким образом, СССР в определенном смысле должен оказаться в положении, называемом положением между молотом и наковальней.

Для любого мало-мальски думающего политика никакого секрета не представляло то, что мюнхенское соглашение не было случайным, оно не могло восприниматься в качестве некоего доброго жеста Англии и Франции в сторону Германии, а тем более как попытка чуть-чуть сгладить роковые последствия Версальской системы. Это был своего рода аванс, даваемый Гитлеру в расчете на то, что он направит свои взоры в сторону Востока, т. е. против Советской России.

Это была не слишком тонкая политическая игра, чтобы ее нельзя было разгадать. Тем более, что наиболее прозорливые западноевропейские политики, как, например, У. Черчилль, с самого начала мюнхенского сговора открыто осудили сделку с Гитлером. При этом они указывали на неизбежные роковые последствия сделанного шага. Выступая в палате общин после подписания мюнхенских соглашений, У. Черчилль на всю страну заявил: «...Народ должен знать правду. Он должен знать, что нашей обороной недопустимо пренебрегали и что она полна недостатков. Он должен знать, что мы без войны потерпели поражение, последствия которого мы будем испытывать очень долго. Он должен знать, что мы пережили ужасный этап нашей истории, когда было нарушено все равновесие Европы и когда на время западным демократиям вынесен ужасный приговор: „Тебя взвесили и нашли легковесным“. И не думайте, что это конец. Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горечи, которую мы будем пить год за годом, если

только мы не встаем, как встарь, на защиту свободы, вновь обретя могучим усилием девственное здоровье и воинственную энергию»⁷.

Трудно что-либо добавить к словам Черчилля. Это, действительно, было только начало расплаты — расплаты за близорукую политику, расплата за стремление канализировать гитлеровскую агрессию против Советской России, за стремление оказаться в положении третьего радующегося. Ведь расчет был не просто наивным, но и коварным.

К началу предвоенного периода Сталин преодолел узкоклассовые рамки анализа ключевых мировых проблем и совершил не то что переход на принципиально новые исходные позиции, но дополнил, а порой и полностью заменил классовые критерии геополитическими критериями. Последние оказались более емкими, больше отвечали реальностям международной жизни, давали возможность под широким углом зрения и с разных сторон подходить к решению стоявших задач. Разумеется, сталинская геополитика существенным образом отличалась от классической геополитики, у одного из разработчиков которой Хаусхофера германский фюрер позаимствовал многие идейки откровенно расистского толка. В сталинском понимании геополитика (хотя он сам и не применял этот термин, по крайней мере публично) предполагала объективный учет всех факторов международной жизни. Причем чисто классовые критерии не должны были заслонять, а тем более искажать реальное видение всей мировой панорамы, как она складывалась в тот или иной исторический отрезок времени. Признаком перехода от старых большевистских представлений может служить хотя бы тот факт, что он фактически поставил под сомнение прежний постулат, согласно которому большая война может привести к революции в странах, вовлеченных в нее.

Важно затронуть еще один чрезвычайно важный аспект международных отношений той поры. Речь идет о переговорах западных держав с Советским Союзом.

Может быть, я слишком часто цитирую Черчилля, но полагаю, что его слова звучат более убедительно, чем мои собственные рассуждения. Поэтому отправным пунктом для освещения вопроса об англо-франко-советских переговорах о принятии реальных мер для противодействия набравшей силу политике агрессии со стороны Германии я выбрал следующую принципиальную оценку, данную У. Черчиллем. Он писал: «Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: „Хорошо. Давайте троим объединимся и сломаем Гитлеру шею“, или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил, Сталин бы понял, и история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти не могла. 4 мая я комментировал положение следующим

⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Книга первая. Тома 1–2. М. 1991. С. 149.

образом: „Самое главное — нельзя терять времени. Прошло уже десять или двенадцать дней с тех пор, как было сделано русское предложение, английский народ, который, пожертвовав достойным, глубоко укоренившимся обычаем, принял теперь принцип воинской повинности, имеет право совместно с Французской Республикой призвать Польшу не ставить препятствий на пути к достижению общей цели. Нужно не только согласиться на полное сотрудничество России, но и включить в союз три Прибалтийских государства — Литву, Латвию и Эстонию. Этим трем государствам с воинственными народами, которые располагают совместно армиями, насчитывающими, вероятно, двадцать дивизий мужественных солдат, абсолютно необходима дружественная Россия, которая дала бы им оружие и оказала другую помощь. Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без активного содействия России. Россия глубоко заинтересована в том, чтобы помешать замыслам Гитлера в Восточной Европе. Пока еще может существовать возможность сплотить все государства и народы от Балтики до Черного моря в единый прочный фронт против нового преступления или вторжения“⁸.

Полагаю, что точка зрения такой авторитетной в данном случае фигуры, как У. Черчилль, заслуживает большего доверия, чем многочисленные писания историков и публицистов нашего времени. Действительно, без всяких оговорок он подчеркнул, что Сталин пошел бы на союз с западными демократическими державами, если бы они проявили сами такую же готовность. Начатые в апреле 1939 г. по предложению Англии и Франции переговоры в Москве призваны были выработать условия такого союза для противодействия гитлеровской экспансии. Уже сам факт совместного предложения Англии и Франции о переговорах с Москвой достаточно явно свидетельствовал о том, что настроения общественного мнения в этих странах, а также в других государствах Европы, которые ощущали себя будущими очередными жертвами гитлеровской агрессии, претерпели серьезные изменения.

Москва внесла конкретные и эффективные предложения по обузданию вероятной агрессии Гитлера. Эти предложения хорошо известны. Что же касается того, будто Сталин ставил на одну доску демократические государства Запада и фашистскую Германию, то это — явная подтасовка. Именно в марте 1939 г., а также многократно ранее, он подчеркивал существование двух лагерей, двух международных реальностей — блока фашистских государств и неагрессивных демократических стран. Беда здесь не в близорукости Сталина — он не страдал такой опасной для политика болезнью — а в том, что эти самые демократические страны своими уступками Гитлеру, а также своим стремлением направить острие его

⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Книга первая. Тома 1–2. С. 165.

агрессивных устремлений на Восток, не говоря уже о почти зоологической ненависти к большевистскому режиму, — всем этим они фактически не оставили Сталину реального выбора. А он не мог допустить, чтобы страна оказалась между молотом и наковальней и, таким образом, подвергла себя смертельной опасности. В этих условиях Сталин был вынужден внести определенные коррективы во внешнеполитический курс страны.

В качестве одного из аргументов в пользу точки зрения, которую я защищаю, сошлюсь на биографа Сталина А. Улама. Конечно, главный, политический акцент в этой оценке, на мой взгляд, тенденциозен и отражает господствующие в западной историографии концепции относительно пакта между Германией и Советской Россией. Однако все остальное, и прежде всего дань, которую он отдает Сталину как стратегу и тактику, заслуживает внимания. А. Улам пишет: «Шаги Сталина в промежутке между Мюнхеном и советско-германским пактом являют собой классический образец того, как искусная (и, конечно, беспринципная) дипломатия может изменить ход мировой истории. Некоторые из предпосылок, на которых базировалась эта политика, оказались ошибочными. Но что касается самой техники обведения вокруг пальцев противостоящих сторон, в умении создавать и использовать возможности, то она должна быть оценена как мастерская.» И далее: «Сталин играл умно. В большой игре, касавшейся судьбы мира, невероятно, чтобы кто-нибудь другой мог бы заслужить столь высоких оценок со стороны Талейрана или Бисмарка»⁹.

Таковы в самых общих чертах некоторые существенные моменты, проливающие свет на практическое осуществление Сталиным своей внешнеполитической концепции. В этой концепции в тот период на первый план выдвинулась задача выиграть время. Все остальное было производным от выполнения этой жизненно важной для Советской России цели. В истории многих стран встречались такие моменты, когда фактор времени определял будущее страны. Для Советской России таким моментом и явились 1939–1941 годы. Именно этот фактор явился решающим аргументом, который толкнул Москву на заключение пакта с гитлеровской Германией. Разумеется, имелись и другие сопутствующие соображения, в силу которых состоялось это соглашение. Но главное — фактор времени. Если мы хоть на минуту выпустим из поля зрения указанное обстоятельство, то неизбежно будем обречены на одностороннюю трактовку данного исторического события, на повторение тривиальных оценок, которые на протяжении многих лет вдалбливаются в общественное сознание.

Подчеркивая решающего значения выигрыша времени в геополитической стратегии Москвы, я тем самым не пытаюсь преуменьшить значение и место других факторов, формировавших позицию Советской России по

⁹ *Ulam Adam B. Stalin. The man and his era. N.-Y. 1973. P. 499–505.*

актуальным проблемам того исторического периода. Единственно верный подход — это комплексный подход, в котором в должной мере учитываются как долгосрочные, так и краткосрочные цели проводившегося курса.

Думается, что требуется одна существенная оговорка, без которой моя позиция как автора, может быть неверно истолкована. При освещении вопроса о пакте я не становлюсь на точку зрения, будто все действия и мотивы Сталина были правильны и полностью обоснованы. Что им не было допущено сколько-нибудь серьезных ошибок в сфере взаимоотношений с гитлеровской Германией. Утверждать это — значило бы закрывать глаза на многие факты довольно серьезных просчетов и стратегических промахов вождя, связанных с развитием советско-германских отношений в 1939–1941 годы. Тем более, что они сказались самым драматическим образом в начальный период Великой Отечественной войны. Главный вопрос здесь заключается в том, чтобы правильно, в соответствии с реально существовавшей тогда ситуацией, выносить оценки и делать выводы, соблюдая при этом чувство исторической меры и ответственности.

Что касается западных исследователей, то здесь четко обнаруживаются два главных направления. Одни пытались и пытаются объективно разобраться во всей совокупности чрезвычайно сложных событий того времени и, не упрощая картину, дать такую оценку пакту, который бы отражал не заранее заданные параметры выводов и обобщений, а давал бы честный и объективный ответ на вопрос, что побудило Сталина пойти на этот шаг и насколько он был продиктован беспристрастным анализом сложившейся ситуации, а не только стремлением Сталина найти себе союзника в лице Гитлера для продвижения в жизнь своих внешнеполитических целей.

Другие, следуя проторенными путями пресловутой советологии, безоговорочно осуждают данный шаг Сталина, относят его к откровенным попыткам нанести удар в спину западным демократиям. Иными словами, они всеми способами стремятся доказать, что Сталин и его политика играли роль локомотива, двигавшего Европу ко второй мировой войне. При этом вне поля их внимания остаются предвоенные шаги западной дипломатии, своими близорукими действиями фактически открывшими зеленый свет для гитлеровской агрессии. Конечно, предвоенная политика западных демократий не берется ими под безоговорочную защиту, ибо это было прямым беспределом в исследовании прошлого. Высказываются поэтому отдельные критические замечания и в адрес западной политики того времени. Однако все это делается как бы мимоходом, без должной и крайне важной для уяснения смысла происходившего тогда критической оценки.

Мне уже приходилось отмечать сложность и противоречивость международной обстановке той поры. В ней хорошо разобраться и выбрать верные ориентиры было не так-то просто. Даже Троцкий, претендовавший на то, что является блестящим прогнозистом развития мировых событий в

широкой исторической перспективе, в статье «Загадка СССР», написанной в 1939 г., публично признал, что характерная черта нынешней мировой обстановки состоит в том, что никто не верит слову другого и даже своему собственному слову. «Любой договор предполагает минимум взаимного доверия, тем более — военный союз. Между тем условия англо-советских переговоров слишком ясно показывают, что такого доверия нет. Это вовсе не вопрос абстрактной морали; просто нынешнее объективное положение мировых держав, которым стало слишком тесно рядом друг с другом на земном шаре, исключает возможность последовательной политики, которую можно предвидеть заранее и на которую можно опираться. Каждое правительство пытается застраховать себя, по крайней мере, на два случая. Отсюда ужасающая двойственность мировой политики, фальшь и конвульсивность. Чем неотвратимее и трагичнее вырисовывается общий прогноз: человечество идет с закрытыми глазами к новой катастрофе, — тем труднее становятся частные прогнозы: что сделает Англия или Германия завтра? На чьей стороне будет Польша? Какую позицию займет Москва?»¹⁰

Гитлер самым внимательным образом следил за ходом трехсторонних переговоров. Его, конечно, серьезно беспокоила перспектива достижения договоренности между СССР, Англией и Францией, которая могла стать непреодолимым препятствием на пути реализации его агрессивных планов. Кстати, эти планы нашли емкое отражение в песенке, которую вскоре распевали во всем третьем рейхе: «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра весь мир». Однако, хорошо усвоив уроки Мюнхена, фашистский фюрер полагал, что вся затея организовать единый фронт борьбы против него с участием в нем, наряду с Англией и Францией, Советской России — не более чем большая игра, обреченная на неотвратимое банкротство. Червячки сомнений, конечно, у него все же оставались, поэтому он, решил совершить крутой поворот в своих отношениях с Советским Союзом. Он отдавал себе отчет в том, что ситуация в связи с бесплодностью англо-франко-советских переговоров открывает перед ним уникальную возможность сделать Москве такие предложения, которые она согласится принять, учитывая реально сложившуюся ситуацию. Идя на такой шаг, фюрер, конечно, исходил из того, что своего рода примирение с большевистским режимом — всего лишь тактический шаг, не отменяющий главных целей и постулатов его политики, о которых он заявлял как в своей книге «Майн кампф», так и в многочисленных выступлениях перед германскими генералами и промышленными заправилками.

Но Москва не спешила откликаться на неоднократные предложения Гитлера и проявляла сдержанность, все еще надеясь, что западные державы осознают всю глубину опасности, исходящей от фашистской Германии.

¹⁰ См.: «Бюллетень оппозиции». 1939г. № 79–80 (Электронная версия).

Тогда Гитлер решается лично обратиться к Сталину с посланием, чтобы ускорить процесс, который мог затянуться и, таким образом, нарушить четко спланированную по срокам операцию против Польши. Конечно, он шел на определенный риск, не будучи уверенным полностью в положительном ответе Москвы. Но в данном случае он поставил на карту весь свой вес и авторитет, чтобы таким путем «уломать» слишком упрямого и неуступчивого советского лидера.

Ответ, с нетерпением ожидавшийся фюрером, последовал в тот же самый день. Сталин направил рейхсканцлеру Германии следующее лаконичное, но вполне исчерпывающее послание:

«Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру.

Благодарю за письмо (имеется в виду письмо Гитлера — Н. К.).

Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

И. Сталин.»¹¹

Итак, крупная политическая игра подошла к своему кульминационному пункту. Оставалось лишь договориться по конкретным вопросам и подписать соответствующие документы. Поскольку детали этих переговоров и их итоги достаточно подробно освещены, я не стану затрагивать их. Более логично остановиться на мотивации сторон при заключении договора о ненападении и секретных приложениях к ним.

Для Гитлера пакт был необходим, чтобы обезопасить себя от всяких случайностей в виду намеченной им польской кампании. Он стремился гарантировать себе свободу действий, не опасаясь, что Москва может в силу причин, не поддающихся точному учету, выступить против его агрессии.

Тогда еще не было известно, что еще 11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил план «Вайс» — директиву о подготовке нападения на Польшу. Этот план предусматривал «уничтожение военной мощи Польши и создание на Востоке обстановки, соответствующей потребностям обороны страны. Вольный город Данциг будет объявлен германской территорией сразу же после начала конфликта...

¹¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 303.

После начала войны изоляция Польши может быть осуществлена в еще большей степени, если удастся начать военные действия нанесением неожиданных сильных ударов и добиться быстрых успехов...

Задачей германских вооруженных сил является уничтожение польских вооруженных сил. Для этого желательно и необходимо подготовить неожиданное нападение. Тайная или открытая всеобщая мобилизация будет объявлена в возможно более поздний срок, в день, предшествующий нападению»¹².

Из приведенного документа со всей очевидностью явствует, что все попытки поляков возложить значительную часть вины за последний раздел Польши на Советский Союз, лишены реальных оснований. Более того, если бы не СССР, то участь Польши была бы еще более трагичной, а кроме того, германские войска оказались бы гораздо ближе к непосредственным границам Советского Союза. Трудно гадать, к каким последствиям это привело бы в начале войны. Так что обвинения со стороны некоторых нынешних польских лидеров России в проведении геноцида в отношении поляков звучат не просто как клевета, но и как кощунственное оскорбление. Неизвестно, что бы испытали поляки, если бы события развивались по гитлеровским сценариям.

Но вернемся к событиям тех лет, в частности, в мотивам сторон при заключении пакта о ненападении.

Потенциального соперника и будущего главного врага фюрер таким способом хотел сделать если не союзником, то, по крайней мере, нейтральной силой, от которой не могла исходить угроза его непосредственным планам. Хотя Гитлер и не особенно верил, что западные демократии во имя защиты Польши способны вступить с ним в войну (он слишком понадеялся на повторение мюнхенского варианта), такой возможности он отнюдь не исключал. И в данной военно-политической конфигурации нейтрализация Советской России представлялась ему в качестве абсолютно необходимо предпосылки для реализации его геополитических расчетов не только, связанных с польской кампанией, но и с более перспективными планами завоевания «жизненного пространства».

Заключая пакт с Гитлером, Сталин знал, с кем в действительности он имеет дело. Западные державы Гитлер не рассматривал в качестве своих смертельных врагов, хотя и ставил своей задачей непременно сокрушить Францию, и тем самым возратить долг за капитуляцию в Компьене. С Англией Гитлер стремился найти общий язык, нейтрализовав ее посредством дачи гарантий о неприкосновенности Британской империи. Первое ему удалось, второе нет. И простой анализ отвечает на вопрос: почему не удалось? В Лондоне неплохо знали о грандиозных завоевательных планах германско-

¹² Там же. Т. 1. С. 376.

го фюрера, но рассчитывали, что здравый смысл и элементарные расчеты убедят его в том, что война против Англии будет сопряжена с непредсказуемыми последствиями, поскольку последняя имела в лице США не только потенциального, но и реального союзника. А бросить вызов всему миру — на такое не мог решиться даже такой авантюрный политик, как Гитлер.

Помимо военно-стратегических и политических преимуществ, пакт нужен был Гитлеру и по соображениям экономического плана, ибо он рассчитывал получать от Советской России сырье, продовольствие и другие товары, необходимые рейху для проведения своей стратегии завоевания «жизненного пространства». Но в том, что Гитлер получил от пакта больше, чем Сталин, можно серьезно усомниться, поскольку автор в качестве критерия берет не всю совокупность фактов, а лишь некоторые из них. И все же определенные дивиденды фюрер имел от этого — вещь неоспоримая, иначе он не пошел бы на заключение договора и приложенных к нему секретных дополнений. Если говорить фигурально, то Гитлер выиграл в тактическом плане, а Сталин в стратегическом — и это было гораздо весомее.

В определенной мере такому выводу созвучна и общая оценка пакту, которую дает немецкая исследовательница И. Фляйшхауэр, которая пишет в своей книге о пакте следующее: «Гитлер совершил ошибку, решив мерить Сталина своим собственным аршином. Он соблазнял его новыми территориями и подвижками границ, тогда как Сталин жаждал экономического развития собственной страны и стабильности существующих границ. Сталин добивался политической безопасности, Гитлер же предлагал ему идти на безрассудный риск. В какой мере Сталин осознавал в каждый отдельный момент это фундаментальное несовпадение предпосылок, остается неизвестным. Но в том, что предложения Гитлера имели целью создать опасное предполье, он, несомненно, отдавал себе отчет. Отсюда его сверхосторожность и сдержанность, его настойчивые намеки на злокозненность германских намерений и его непременное условие, чтобы предложения немецкой стороны давались ему для изучения. И это в разнообразных формах запечатлено в документах обеих сторон».¹³

Как оценить заключение пакта с точки зрения внешнеполитической концепции Сталина? Какие конкретные результаты были получены Советской Россией, решившейся на столь радикальный шаг?

Перечислим ряд наиболее фундаментальных выгод, которые не только объясняют необходимость, но, я бы сказал, историческую неизбежность пакта с Германией.

¹³ Фляйшхауэр Ингеборг. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М. 1991. С. 352–353.

Во-первых, Сталину удалось выиграть время и фактически отсрочить гитлеровскую агрессию почти на два года. Кто рассуждает о том, будто в тот период фюрер и не собирался нападать на Советский Союз, в сущности говоря, исходят из гипотетических предположений, а не из фактов. Никто в то время не знал, какой разворот могли принять события, если бы Москва отклонила предложение Германии. Вслед за молниеносным разгромом Польши Гитлер (и этого нельзя исключать как якобы фантастическую возможность) мог непосредственно приступить к реализации стратегического плана агрессии против СССР. Потребность в сырьевых ресурсах, нефти, продовольствии, определенных дефицитных товаров и т. д., которые он надеялся получить от России, могла, несомненно, ускорить осуществление агрессивных замыслов в отношении СССР. Тем более, что какого-либо противодействия в данном случае от западных демократий он едва ли встретил бы. Так что выигрыш времени является, на мой взгляд, самым существенным в перечне выгод, на которые рассчитывал советский вождь.

Во-вторых, если бы (представим себе такую возможность) Советской России удалось добиться хотя бы минимума взаимопонимания с западными демократиями и подписать соответствующее соглашение о противодействии гитлеровской агрессии, то Советский Союз после нападения Гитлера на Польшу вынужден был вступить в войну с Германией. А степень готовности Советской России в военном отношении в тот периода была, несомненно, ниже, чем два года спустя. При этом надо взять в расчет то обстоятельство, что Япония могла открыть второй фронт против Советского Союза. Вспомним, что именно в это время как раз и развертывались события в районе Халхин-Гола. Поэтому нельзя исключить как нечто невероятное реальную в тех условиях войну на два фронта, чего так опасался Сталин и предотвращению такой возможности в действительность он посвящал свое внимание. В свете этого не вызывает удивление и определенное недовольство договором со стороны Токио, поскольку Гитлер заключил его без согласования с Японией. Таким образом, был вбит, хотя и небольшой, но весьма ощутимый клин, в Антикоминтерновский пакт.

Что же касается возможного поведения западных демократий в лице прежде всего Англии и Франции, то на этот счет можно строить только всякого рода гипотезы. По крайней мере, в их интересах было военное противостояние Германии и Советской России, которые, ослабляя друг друга, открывали для западных демократий новые перспективы не только в Европе, но и в мире в целом. Некоторые достаточно объективные западные историки признают, что заключив 23 августа 1939 г. советско-нацистский пакт о ненападении, Сталин избежал втягивания в войну против Германии. Военная неподготовленность сделала бы войну в 1939 г. более катастрофической для России, чем в 1941 г. У Сталина в 1939 г., конечно, не было

желания спасти западные демократии. Он стремился защитить Россию¹⁴. Подобная мысль прямо или косвенно проглядывает в статьях и книгах тех западных исследователей, которые стараются в своих оценках исходить из реальных фактов, а не идеологических предубеждений. Суммируя, можно сказать — сложность и запутанность всей международной ситуации в то время не позволяет с достаточной долей уверенности предсказать вероятный ход развития мировых событий в случае отказа Сталина от подписания пакта.

В-третьих, подписание пакта способствовало усилению безопасности Советского Союза, поскольку сам пакт и секретные дополнения к нему давали известные гарантии безопасности. Германия обязалась в соответствии с договором воздерживаться в отношении СССР «от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения... как отдельно, так и совместно с другими державами», а также консультироваться с ним при решении вопросов, которые могли затронуть его интересы. Кроме того, рейх соглашался не распространять свою военно-политическую активность на польские территории восточнее оговоренных в протоколе границ и на прибалтийские государства севернее литовско-латвийской границы. А эти районы на западных границах СССР являлись в силу географических и геополитических соображений естественной зоной безопасности Советской России. Если мыслить широкими геополитическими категориями, то одной из важных целей Сталина была не столько ликвидация и аннексия ряда восточноевропейских стран, а установление предела распространению германской экспансии на восток. Беда и историческая вина этих восточноевропейских стран (Польши, Латвии, Эстонии и Литвы) состояла в том, что они фактически поддерживали антисоветскую гитлеровскую политику, а это коренным образом нарушало интересы Советской России. Их правители оказались недальновидными, полагая, что антисоветизм послужит им своего рода гарантийным полисом от поглощения их Германией. Поэтому, сели отбросить эмоции и исходить из голых фактов и руководствоваться исключительно холодным здравым смыслом (как и поступал Сталин), то неотвратимой перспективой для этих стран была аннексия их гитлеровской Германией и продвижение благодаря этому плацдарма для нападения на СССР далеко на Восток. В этом смысле разграничение сфер влияния между Германией и СССР определенно отвечало долгосрочным интересам нашей страны и являло собой, пусть и вызывающий явные осуждения с морально-этической точек зрения, но объективно неизбежный шаг. Было бы политической наивностью, граничащей с идиотизмом, блюдя верность нормам международного права, допустить захват этих стран фашистским рейхом. В таком случае, конечно,

¹⁴ См.: Страницы истории советского общества. Люди, проблемы, факты. М., 1989. С. 269.

мы должны были бы торжествовать не столько победу справедливости, сколько победу фашистской экспансии. На эту тему можно много рассуждать, клеймя Сталина за сделку с Гитлером и включение части Польши и прибалтийские страны в сферу влияния СССР, но это в сущности, позиция скорее моралистов, нежели реалистов. Это — позиция, начисто игнорирующая сложившееся тогда реальное положение дел.

В-четвертых, заключение пакта о ненападении стало весьма ощутимым ударом по идее создания единого антисоветского фронта. Фактически были похоронены надежды апологетов мюнхенской политики объединить Германию, Англию и Францию в реализации прожектов, нацеленных своим острием против Советской России. А то, что поборников дальнейшего проведения в жизнь мюнхенского курса было не так уж мало в правящих кругах западных демократий, сомневаться не приходится. Понадобились суровые, даже трагические, исторические уроки, чтобы в западных демократиях осознали всю гибельность политики поощрения гитлеровской агрессии и всю бесперспективность попыток канализировать ее на Восток. И одна из важных исторических заслуг Сталина как раз и состоит в том, что он сумел в столь сложной международной обстановке выбрать пути наиболее эффективной защиты национальных интересов страны.

В-пятых, Сталин исходил из того, что заключение пакта о ненападении внесет серьезный разлад в стран поборников создания единого фронта борьбы против СССР. То обстоятельство, что империалистические державы вступили в схватку друг с другом — это, по убеждению генсека, вполне лежало в русле советских интересов. И в данном случае Сталин не вносил ничего нового в свою общую внешнеполитическую концепцию, поскольку он постоянно подчеркивал, что межимпериалистические противоречия (по его терминологии; кому не по душе такая якобы устаревшая терминология, может воспользоваться понятиями иного рода — великие мировые державы и т. п.) играют на руку делу социалистического строительства, в виду чего, мол, СССР заинтересован в обострении этих противоречий до любой степени накала, вплоть до войны.

Здесь следует сделать критическое замечание по адресу Сталина. Он не учел, что сам характер противоречий между великими державами во многом изменил свою природу и свои имманентные качества. Речь шла уже не столько о межимпериалистических противоречиях (полностью отрицать таковые также было бы ошибочно), а о противоречиях более широкого геополитического масштаба. Старые клише в новых условиях уже безнадежно устарели и их использование в практической политике могло только привести к серьезным политическим просчетам. Сталину понадобилось некоторое время, чтобы он понял: вопрос поставлен самой историей очень круто — или победа агрессивного фашизма со всеми вытекающими из этого последствиями, или же объединение антифашист-

ских сил, вне зависимости от их классовой ориентации. Классовые мерки в условиях приближавшейся мировой войны не могли служить хорошим ориентиром для выбора стратегического курса международной политики Советской России.

И, наконец, чтобы поставить точку в освещении значения пакта в международном плане, необходимо подчеркнуть, что в итоге значительно повысились удельный вес и влияние Советской России в международных делах. Если раньше еще наличествовали определенные основания считать, что Советская Россия находилась в состоянии полуизоляции на мировой политической сцене, то после августа 1939 г. об этом уже не могло быть и речи. Советская Россия стала полноправным участником, причем порой с правом решающего голоса, всего международного процесса. Естественно, что это поднимало и престиж Сталина не только в нашей стране, но и за рубежом. Хотя само собой напрашивается необходимая уточнение — его престиж вырос в глазах определенной части общества. Другая ее часть, особенно за границей, клеймила Сталина как пособника фашизма и ставила его на одну доску с Гитлером.

Как воспринял советский народ заключение пакта? Общим, глубинным сознанием, так сказать, своим внутренним духом, народ в целом прекрасно сознавал чисто тактический характер сталинского поворота, не верил в реальную возможность сколь-нибудь длительного сотрудничества между Москвой и Берлином. В глубине сознания укоренилась мысль о неизбежной — рано или поздно — войне с фашистской Германией. Так что в морально-психологическом плане издержки, я бы сказал, были относительно скромными, поскольку всей предшествующей политикой и пропагандой основная масса населения была воспитана в духе ненависти к фашизму и не верила всерьез в столь чудесную метаморфозу, способную изменить сущность фашизма. В среде людей, более или менее разбиравшихся во всех дипломатических хитросплетениях той поры, бытовала фраза, что пакт — это своего рода брак по расчету, а не по любви.

Едва ли есть необходимость в том, чтобы приводить многочисленные оценки пакта и политики Сталина в этот период западными биографами вождя. Но два диаметрально противоположных высказывания все-таки приведу. Так, Р. Пэйн писал, что «подобно слепцу Сталина шел от одной беды к другой. Он был так уверен в себе, в своей власти, что говорил и делал, не имеющее ничего общего с реальностью...И никто не задавал ему вопросов или предостерегал его или — насколько известно — строил какие-либо серьезные планы его убийства.» И далее: «Он стал цепным псом фашизма. Он боялся и был готов умиротворять их в пределах своей власти»¹⁵.

¹⁵ Payne Robert. The Rise and Fall of Stalin. L. 1968. P. 541, 563.

Но вот оценка сравнительно объективного биографа Сталина А. Улама. Он писал о Сталине, что его «дипломатический талант безусловен», но «достаточно парадоксально, что этому величайшему дару Сталина выпало меньше всего признания, даже в его собственной стране, и даже в период „культа личности“». Его величие как дипломата намного превосходило его дипломатический опыт; оно основывалось на тщательном взвешивании сильных и слабых сторон (как психологических, так и материальных) партнеров и врагов России, их национальных характеров и идиосинкразии, человеческих страстей и страхов»¹⁶.

В заключение хочется отметить следующее.

Если попытаться выявить генезис появления идеи самого пакта, то нужно со всей определенностью сказать, что он был фактически порождением, своего рода выкидышем политики Мюнхена. Не было бы мюнхенского сговора, не было бы и советско-германского пакта со всеми сопутствующими международно-политическими последствиями. Политика попустительства гитлеровской экспансии, проводившаяся правительствами Англии и Франции, при почти полном равнодушии к этому со стороны США, с неотвратимой закономерностью привела к тому, что у Советской России не оставалось иного выбора, как пойти на сделку с Гитлером. В противном случае события могли принять для нашей страны особенно опасный оборот, когда он оказался бы перед реальной перспективой войны на два фронта — на западе против Германии, на востоке против Японии.

Беспристрастный ретроспективный исторический взгляд на действия Сталина в те грозные и тревожные годы, дает основание признать вынужденную сделку с Германией правильным и оправданным шагом.

В качестве своего рода аргумента научно-исторического плана позволю себе сослаться на мнение видного английского историка Б. Лиддел Гарта, который в своей получившей широкую известность книге о второй мировой войне дал следующую, на мой взгляд, вполне взвешенную и объективную оценку данному пакту. Он писал: «Сталин прекрасно сознавал, что западные державы давно склонны позволить Гитлеру двигаться на восток, на Россию. Возможно, он считал советско-германский пакт удобным средством, с помощью которого агрессивную деятельность Гитлера возможно повернуть в обратном направлении. Другими словами, Сталин сталкивал лбами своих непосредственных и потенциальных противников. А это, по меньшей мере, означало ослабление угрозы Советской России и, вполне возможно, общее ослабление ее противников, что обеспечило бы России доминирующее влияние в послевоенном мире.

В 1941 г., после того как Гитлер вторгся в Россию, шаг, предпринятый Сталиным в 1939 г., выглядел фатально близоруким актом. Возможно,

¹⁶ *Ulam Adam B. Stalin. The man and his era. P. 559.*

Сталин переоценил способность западных стран к сопротивлению и тем самым преуменьшил мощь Германии. Возможно также, что он переоценил свои собственные силы к сопротивлению. Тем не менее при рассмотрении положения в Европе в последующие годы нельзя сказать с такой уверенностью, как в 1941 г., что меры, предпринятые Сталиным, нанесли ущерб России. Западу же все это нанесло неизмеримый урон. И главными виновниками этого являются те, кто был ответствен за проведение политики колебаний и спешки в обстановке, явно чреватой взрывом»¹⁷.

Общая положительная оценка внешнеполитической стратегии Сталина никак не равнозначна безоговорочному одобрению всех его конкретных шагов, предпринятых в тот период. Бросается в глаза его излишняя, порой ничем не мотивированная, поддержка политики Гитлера в самый первый период после заключения пакта. Хотя, конечно, Сталин не мог считать фюрера миролюбивой овечкой, озабоченной лишь восстановлением справедливости, попранной Версальским договором. Он знал подлинную природу фашизма и истинное лицо политики экспансии, проводившейся Гитлером. Однако, поставив во главу угла цель — сохранить с Германией нормальные отношения, Сталин упустил из виду многие другие обстоятельства, требовавшие проявления большего недоверия к политике фюрера. Наконец, с моральной стороны заключения пакта о ненападении. Конечно, с точки зрения моральных критериев пакт с Гитлером, если брать его во всей совокупности, трудно оправдать. Но в данном случае мы столкнулись с конкретным противоречием самой жизненной реальности — чему отдать приоритет: сугубо моральным принципам и нормам или же коренным интересам многомиллионной страны? Что поставить выше — нормы морали или жизненно важные интересы народов, входивших в состав Союза и вручившим в его руки свои судьбы? Не нужно быть особо прозорливым, чтобы понять, что Сталин сделал выбор в пользу национально-государственных интересов Советской России. Здесь еще раз подтвердилась аксиома, выраженная нашим национальным гением А. С. Пушкиным — власть верховная не терпит слабых рук. И Сталин продемонстрировал не только силу своей власти, но и историческую прозорливость. И сама история его оправдала, ибо в конечном счете победителем оказался Советский Союз во главе со Сталиным.

В заключение мне кажется уместным сделать следующее замечание.

Некоторые мои выводы и утверждения, высказанные в представленном выступлении, могут вызвать несогласие и критику. Ряд положений сформулированы слишком абстрактно и не подкреплены соответствующими доказательствами. Не стану оправдываться тем, что нельзя объять необъятное. Да и, серьезно говоря, историческая концепция событий, о

¹⁷ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М.—СПб. 2002. С. 33.

которых шла речь, на мой взгляд, находится еще в стадии формирования. Российским ученым еще предстоит колоссальная работа, чтобы сделать эту концепцию цельной, убедительной и достоверной во всех своих аспектах. Иными словами, впереди еще вырисовывается колоссальная по масштабам и объему работа, и она может быть выполнена только коллективными усилиями.

Вечная молодость марксизма

В прошлом году сошлись целых три юбилея, связанные с именем Карла Маркса. 160 лет назад, в феврале 1848 г. вышел в свет знаменитый «Манифест Коммунистической партии», написанный им в соавторстве с Фридрихом Энгельсом; минуло 125 лет со дня смерти К. Маркса (13 марта 1883 г.); 5 мая исполнилось 190 лет со дня его рождения (возможно, именно к этому дню В. И. Ленин приурочил выход в свет первого номера газеты «Правда» в 1912 г.).

Все эти даты кажутся далеким прошлым — как-никак, XIX век. А внимание к идеям и делу Маркса и теперь ничуть не ослабело. В проведенном на рубеже II-го и III-го тысячелетий опросе среди интеллигенции Запада именно Маркс был назван «Человеком II-го тысячелетия», а в другом столь же представительном опросе большинство признало марксизм наиболее влиятельным учением в современном мире. Вполне очевиден факт, что и в наши дни марксизм находится в центре теоретических дискуссий, на острие политической борьбы. В оценке современности марксизма, в признании его непреходящей ценности нет единства даже среди тех, кто заявляет себя последователями и наследниками марксизма. Более того, эти дискуссии и борьба осложняются, как ни странно, общим признанием великих научных заслуг Маркса, в том числе и теми, кому и в голову не приходит называть себя сторонниками марксизма. Характерный пример — возросший интерес к работам К. Маркса, буквально ажиотажный спрос на них был вызван мировым кризисом, в котором привычный циклический кризис перепроизводства совмещался с финансовым. Не к Кейнсу, не к Самуэльсону, не к чикагской школе монетаристов кинулись за теоретической помощью, а — к Марксу!

Лишь развиваясь, наука остается наукой

Среди сторонников марксизма (в том числе тех, кто искренне считают себя коммунистами) немало людей и даже организаций, именующихся ком-

мунистическими партиями, которые чуть ли не любое высказывание Маркса (или Энгельса, Ленина, Сталина) провозглашают незыблемой истиной. Развитие революционной теории они подменяют заучиванием и истолкованием цитат и ищут подходящие, по их мнению, к той или иной ситуации. Они не помнят или не знают, что главная заслуга Маркса состоит в том, что он поставил общественную мысль на твердую почву науки, — а наука лишь тогда заслуживает такого названия, когда она непрерывно развивается. Ибо одно из главных свойств марксистской революционной науки есть историзм, ориентация на постоянно меняющиеся объективные условия и непрерывно идущую вперед революционно-преобразующую практику, — ее творят народные массы, а наука им в этом помогает.

В этом смысле мы вправе перефразировать известную формулу о взаимоотношении общественного бытия и общественного сознания: практика первична, а теория вторична, не забывая, конечно, при этом, что передовая научная теория пролагает путь практике, если она, опираясь на знание уже установленных закономерностей, верно отражает, улавливает определяющие тенденции общественного развития.

Здесь уместно, на мой взгляд, привести заключительные замечания И. В. Сталина из его работы «Марксизм и вопросы языкознания»: «Начетчики и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма, как собрание догматов, которые „никогда“ не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они зачат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкрявь и вкось, то они будут в состоянии решать любые вопросы, в расчете, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времен и стран, для всех случаев в жизни. Но так могут думать лишь такие люди, которые видят лишь букву марксизма, но не видят его существа, заучивают тексты выводов и формул марксизма, но не понимают их содержания.

Марксизм есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве социалистического общества. Марксизм, как наука, не может стоять на одном месте, — он развивается и совершенствуется. В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, — следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма» (М., 1950. С. 54–55).

И сами классики марксизма давали пример творческого развития уже добытых теоретических истин.

На рубеже 60–70-х гг. XIX в. в России стала складываться революционная ситуация. Маркс всерьез занялся изучением истории, экономики, политики и культуры России, овладел русским языком, чтобы читать литературу и документы в подлиннике (в их числе были земские статистические сборники; по свидетельству известного советского статистика П. П. Маслова, после смерти Маркса осталось семь с половиной кубометров таких сборников, и все они были тщательно проштудированы Марксом). Результатом этого изучения стал целый ряд новых выводов, наглядно свидетельствующих о творческом характере марксистской теории и о необходимости видеть в марксистской теории не сумму текстов, а мощный, подлинно научный эвристический метод познания.

Так, для марксистов-догматиков неожиданностью явился вывод о перемещении центра революционного движения в Россию: как же так — ведь это была страна преимущественно крестьянская?! А догматическое усвоение марксистских истин требовало признавать лидерство в социалистической революции за пролетариатом тех стран, которые ушли вперед в развитии производительных сил капитализма, в численности индустриального рабочего класса. Российские меньшевики застряли, увязли в этой догматике, а паразитирующие на таком догматическом восприятии марксизма троцкисты прикрывали их догматизмом свою контрреволюционную войну против совершения революции в России именно как социалистической, то есть ориентированной на строительство социализма в одной стране (забегая вперед, скажем, что ленинские исследования империализма доказали не просто возможность победы социалистической революции в отдельно взятой стране — в России, но и невозможность на новой стадии развития капитализма победы такой революции одновременно во всех странах или в большинстве их).

Разносторонний анализ истории и современной России (современной Марксу — речь идет о последней трети XIX в.) дал Марксу возможность, во-первых, прийти к выводу о самостоятельном социалистическом потенциале русского крестьянства, базирующемся на общинном землевладении («русская общинная собственность может явиться исходным пунктом коммунистического развития»), во-вторых, предугадать, что коммунистическая революция в Европе может начаться в России. Так он писал в предисловии ко второму изданию на русском языке «Манифеста Коммунистической партии». Предисловие подписано также Ф. Энгельсом, но идея, несомненно, принадлежала Марксу, ибо основана была на его исследованиях России. Правда, в этом предисловии условием победы революции, которая должна начаться в России, выдвигалось развертывание революции в странах более развитого капитализма, но этот прогноз был действителен для капитализма, еще не ставшего монополистическим, не перешедшего в стадию империализма.

Таков путь любой науки: выдвигается научная, опирающаяся на уже известные коренные факты, гипотеза, которая подкрепляется, уточняется, а то и радикально изменяется на основе нового опыта, практики и экспериментов. Путь человеческого познания, найденный Гегелем и обогащенный Марксом, — восхождение от абстрактного к конкретному, — аналогичен пути развития и самой социально-исторической практики. Любое новое изменение в жизни общества и любое преобразование начинается с малого — с «ростков», с пробных шагов, которые впоследствии обогащаются, обрастают конкретным опытом, который либо подтверждает их жизнеспособность и перспективность, либо отвергает их.

Указанная гипотеза Маркса относительно будущей русской революции интересна и в другом отношении. Она уточняет общую социально-историческую концепцию марксизма, основой которой является ведущая закономерность прогресса человечества в эпоху классов — смена общественно-экономических формаций. В советской общественной науке учение о формациях, по-моему, чересчур абсолютизировалось, его истолковывали с изрядной долей догматизма: вот есть 5 формаций в истории, есть их порядок следования одна за другой, и в этом вся истина. В упомянутом предисловии Маркс дает пример творческого подхода и к этой «незыблемой истине». Его не смущает тот факт, что Россия — преимущественно крестьянская страна, а материальную основу производственной и общественной жизни русского составляет общинное землевладение, которое он сам называет «первобытным» (термин, на мой взгляд, неудачный, неточный). В назревающей социальной революции именно России может и должна принадлежать передовая роль. Революционная наука — дело творческое.

Именно такой поход к марксистской теории был подхвачен В. И. Лениным. И в этом — животворная сила ленинизма, знамя которого обязаны вновь поднять российские коммунисты, для которых многие годы и даже десятилетия ленинизм служил лишь дежурной приставкой в словосочетании «марксизм-ленинизм», а клятвы верности Ленину не всегда были правдивы — по крайней мере, в этом отношении. Сам Ленин еще в 1899 г. писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России».

Таким образом, Ленин указал один из главных путей развития революционной науки: идти от общих истин к истинам конкретным, углубляясь в «социальную материю» своей страны, своего народа. И если мы

окинем взглядом развитие освободительного движения в XX веке и концепций, которые вырабатывали революционеры разных стран, то без труда обнаружим, что наиболее плодотворными были те движения (и их теории), которые шли этим путем, не забывая, конечно, и о фундаментальных принципах революционной науки, выработанных классическим марксизмом.

Классовый подход и современность

Мы уже упоминали о таких двух основных принципах марксистской общественной теории, как научность, неустанный поиск объективной истины и историзм. Есть еще один важнейший принцип, который нередко игнорируется, неверно толкуется, применяется не по делу. Это — классовый подход.

Четко и ясно он сформулирован Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии». В развитии капитализма — строя, основанного на эксплуатации трудящихся, — по мере этого развития развертывается и обостряется антагонистическая противоположность между буржуазией и эксплуатируемым ею пролетариатом. Это — новый класс, которому принадлежит будущее, класс, способный объединить и возглавить все трудящиеся массы, борющиеся за социальную справедливость. Тем самым капиталистический строй растит своего могильщика, который, организуясь и организуя трудящихся в борьбе против буржуазии, против системы гнета и насилия, призван завоевать политическую власть и через нее, через диктатуру пролетариата осуществить социальную революцию, начать преобразования общества на коммунистических началах. Пролетариат — это класс, не заинтересованный в увековечивании своего господства; напротив, основой его социально-политической позиции является преодоление классовых антагонизмов, построение бесклассового общества. Так можно описать существо классового подхода, который составляет высшую цель борьбы марксистской коммунистической партии.

Однако было бы неразумным и даже нелепым останавливаться на этих общих истинах, представляющих собой абстракции первого порядка, которым предстоит пройти проверку всем ходом истории, обогатиться новым социально-историческим опытом, провариться в котле революционно-преобразующей практики и составляющей ее стержень классовой борьбы. Так, вбирая в себя объективную истину развивающейся практики, гипотезы становятся истинами, а абстракции первого порядка, обогащенные новым конкретным знанием, становятся абстракциями более высокого порядка — новыми выводами революционной марксистской науки.

Как это происходит на деле — и именно в применении к классовому подходу, — интересно проследить на ряде работ Ленина 90-летней давности.

В 1919 г. победе Великой Октябрьской социалистической революции, установлению диктатуры пролетариата исполнилось всего два года: в общеисторическом масштабе это — миг! Эти два года были заполнены смертельной борьбой с превосходящими силами империалистических держав и внутренней контрреволюции, до зубов вооруженной, обильно снабжаемой и руководимой мировым финансовым капиталом, — а в сегодняшней России находятся идейно-политические отморозки, именующие Гражданскую войну «братоубийственной» и представляющие кондотьеров империализма «героями» и даже «патриотами», ставящие им памятники! Молодой Советской Республике приходилось не только отвоевывать право на жизнь, на независимость от империалистических разбойников, но и преодолевать разруху, голод, эпидемии и прочие бедствия — наследие как Первой мировой войны, так и почти двух лет Гражданской (в знаменитом Кратком курсе «Истории ВКП(б)» она справедливо названа Отечественной). В таких условиях, казалось бы, надо думать только об одном — как бы выжить.

А Ленин думал о будущем, тщательно анализируя общественные перемены как результат победы Октябрьской революции и того, что удалось после нее совершить, прежде всего, с точки зрения классового подхода. Он задумал теоретический труд, скромно называя его брошюрой. Однако опубликовать ему довелось только начало — в виде статьи (в «Правде» и в «Известиях ВЦИК») «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (Полн. собр. соч. Т. 39), да еще остались план брошюры («О диктатуре пролетариата») и подготовительные материалы (там же). Он был донельзя перегружен огромным количеством проблем по руководству государством и партией (и всемирным коммунистическим движением), здоровье его было серьезно подорвано, особенно после покушения в 1918 г. Ленин, очевидно, сомневался, что удастся этот труд завершить, и потому идеи этого рода, уточняющие и обновляющие содержание классового подхода — сердцевины стратегии коммунистов в борьбе за социализм — буквально рассыпаны и в более поздних его работах.

«Социализм есть уничтожение классов, — пишет Ленин. — Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя.

И классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет ненужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата.

Классы остались, но *каждый* видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы» (с. 279). Эта мысль — коренная в ленинском учении о классовом подходе, который необходим на весь период построения бесклассового общества, но не остается неизменным, требует всякий раз нового теоретического переос-

мысления в соответствии с новыми этапами в практике революционных преобразований, с новыми поворотами в развитии общества и изменениями классов и их взаимоотношений.

Особенно важными для судеб социализма в России Ленин считал союз рабочего класса с крестьянством, социалистическое преобразование села. Свержение власти эксплуататоров — помещиков и капиталистов он называл «не самой трудной частью» задачи утвердить социализм как общество без классов. «Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех — работниками*. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и в силу необходимости длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными и законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне» (с. 277).

Ленин здесь исходит из марксистского материалистического взгляда на историю. Надо всемерно развивать производительные силы российского села, подвести под сельское хозяйство передовую технологическую базу. Однако тот же исторический материализм требует не ожидать результатов изменения в производительных силах, не считать главной созидательной задачей диктатуры пролетариата облагодетельствование российского крестьянства новой техникой и технологией. Принципы пролетарского классового подхода основываются на признании подлинными творцами истории народных масс, а не одного только класса, пусть и самого передового, и уж подавно не одной только партии (позднее, на XI съезде РКП(б), Ленин говорил: «В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает»). Поэтому социалистическое преобразование села должно начинаться с пробуждения собственного социалистического потенциала русского крестьянства, о чем писал, только иными словами, Маркс в последнем совместном с Энгельсом предисловии к русскому переводу «Комманифеста». Именно об этом думал и Ленин; не случайно всего месяц с небольшим спустя (26 декабря) подписавший Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» («безграмотный человек стоит вне политики» — это его слова).

Технологическое обновление сельского хозяйства и приобщение крестьянства к передовой культуре города — это необходимые условия вы-

явления и развертывания социалистического потенциала крестьянства, как и «организационная перестройка всего общественного хозяйства». Идея Ленина состояла в том, чтобы преобразовать сами взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством. Решить эту задачу можно только на изменении содержания классового подхода. И Ленин идет по этому пути как магистральному направлению развития русской революции. Почти всякий раз, говоря о главном содержании диктатуры пролетариата, он неустанно напоминает о союзе рабочего класса и крестьянства и о необходимости укрепления этого союза, даже «смычки». И в определении классового характера нового государства он повторяет: «государство рабочих и крестьян», «рабоче-крестьянское правительство».

Дальнейшее развитие классового подхода в этом направлении осуществил его ближайший соратник, продолжатель его идей и дела, такой же великий народный вождь — Сталин. В докладе о проекте новой Конституции СССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 26 ноября 1936 г. он подчеркнул коренное изменение классовой структуры советского общества (ликвидацию эксплуататорских классов) и назвал в качестве равноправных субъектов государственной власти социалистический рабочий класс, колхозное крестьянство и советскую трудовую интеллигенцию. Прочитируем лишь первые четыре статьи Сталинской Конституции, в которых зафиксированы основные результаты социалистических преобразований к концу 1936 г.:

«Статья 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

Статья 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

Статья 3. Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

Статья 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожении эксплуатации человека человеком».

Здесь наглядно видны и последовательное проведение того классового подхода, который был рожден пролетариатом в ходе революционной борьбы против капитализма, и существенное изменение содержания классового подхода в новых исторических условиях. Такова суть классового подхода — в его научном понимании с позиций ленинизма.

Извращение классового подхода как угроза социализму

Снимается ли вопрос о классовом подходе и, резче говоря, о классовой борьбе после того, как социалистический строй вполне утвердился, а структура общества стала однотипной?

Нет, конечно. Пока бесклассовое общество не утвердилось вполне и окончательно, классовый подход остается необходимым ориентиром государственной политики, критерием ее правильности. Уже в последние годы «старой» Советской власти КПСС как руководящая политическая сила советского общества фактически утратила классовые цели — сначала во внутренней, а затем и во внешней политике. Слово «старой» мы употребляем потому, что необходимого ее обновления не происходило, на чем и сыграла пробравшаяся к вершинам власти «пятая колонна» империалистического Запада, затеявшая лживую горбачевско-яковлевскую «перестройку», служившую прикрытием для расшатывания устоев советского общества, идейно-политического разложения партии, государства и массовых организаций, за чем последовал прямой контрреволюционный переворот 1991–1993 гг. В итоге социалистический строй был разрушен, утрачено главное завоевание Октябрьской революции — Советская власть, власть трудового народа.

Контрреволюционный переворот, осуществленный «пятой колонной» при поддержке извне, доказал правоту тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения социалистической революции (добавим, исходя из опыта последних десятилетий: по мере продвижения социализма по пути к ликвидации классов). Каких только собак не навешали на Сталина враги социализма и советского народа на Сталина из-за этого тезиса! Начиная с троцкиста Хрущева, этот тезис представляли как оправдание ужасов «сталинских репрессий» (термин был запущен в оборот Троцким и троцкистами), тем самым вымывая из сферы теории и политики классовый подход в его научном выражении.

Репрессии же 30-х гг. не были «сталинскими». Они носили двусторонний характер, были своеобразным продолжением гражданской войны, но уже внутри партии и государства, аппарат которых был засорен чуждыми элементами. Внутри партии сохранялись, причем на влиятельных постах, замаскировавшиеся троцкистские двурушники (один Хрущев чего стоит!). В государственном аппарате набор чуждых элементов был более массовым и разнообразным, ибо в составе его по необходимости было много служилой интеллигенции, оставшейся от старого общества, поскольку требовались люди с навыками управленческой работы и с образованием.

Особенно засорен был репрессивный аппарат, которым руководил долгое время троцкист Ягода, отчего и пострадало столько много невинных людей: честных коммунистов истребляли именно как политических про-

тивников, а беспартийных рабочих, крестьян и интеллигентов для того, чтобы по максимуму скомпрометировать Советскую власть, руководство ВКП(б). Хрущев в своем закрытом докладе на XX съезде КПСС фактически раскрыл эти цели, однако лживая идеологическая обертка «преодоления культа личности и его последствий» в совокупности с «шоковым» методом не позволили множеству (даже большинству) коммунистов правильно понять и оценить подлинный смысл этой гигантской идеологической и политической провокации. Отчасти это произошло потому, что мощный информационно-пропагандистский аппарат партии и государства уже три года обслуживал затеваемые хрущевцами «реформы», начисто лишённые классового подхода к развитию общества, производства, государства, более того — противоречащие классовым ориентирам построения бесклассового общества.

А ведь хрущевщина как раз и представляла собой доказательство обострения классовой борьбы! Многие «реформы», проводимые по инициативе Хрущева и его окружения, были хорошо рассчитанным ударом по основам советского общества.

Назову лишь одно «преобразование», которое в литературе не выделяется (и в этом я вижу не преодоленное «наследие» хрущевского «славного десятилетия»): разрушение колхозного строя, составлявшего одну из главных опор русского советского социализма, построенного в СССР. Суть коллективизации как раз и состояла в создании этого уникального исторического явления, а не просто в организации колхозов, хотя форма их производственной и социальной организации — сельскохозяйственная артель в максимальной мере соответствовала не только задаче организации крупного коллективного хозяйства, но и общинным традициям русского (и не одного лишь русского) крестьянства.

Создание колхозного строя обеспечивало, во-первых, преемственность в истории, означало продолжение многовековой русской цивилизации в обновленном виде советской цивилизации и показывало великое созидательное значение Октябрьской революции, разрушившей старый строй эксплуатации и угнетения и вместе с тем установившей новый социалистический строй как продолжение нашей истории. Во-вторых, создание колхозного строя в максимальной степени соответствовало решению основной классовой задачи социализма — движению к бесклассовому обществу. В-третьих, создание колхозного строя открывало надежный практический путь классового сближения и взаимопроникновения рабочего класса и крестьянства. Оно дало ответ на поставленную Лениным на XI партсъезде, при осмыслении политических уроков нэпа, задачу: «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. То-

гда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем». Так и вышло на деле.

Колхозный строй — это не только организационная перестройка села, его хозяйственного и культурно-бытового устройства. Не менее важно то, что колхозный строй был способом интеграции сельского хозяйства и социалистической промышленности, села и города. Он был итогом и способом «перестройки всего общественного хозяйства» (см. выше слова Ленина об этом). Связующим звеном служила система МТС, ликвидированная Хрущевым, что нанесло колхозам неисчислимый материальный ущерб. А еще больший ущерб был нанесен социалистическому строю в целом, ибо была прервана найденная Сталиным форма интеграции общенародной и колхозно-кооперативной собственности.

Система МТС не только несла в село новую технику, обеспечивала технологическое обновление сельскохозяйственного производства, но и открывало новые возможности повышения технологической культуры сельских тружеников, да и социалистической культуры в целом, включая новые социально-классовые ориентиры. Система МТС была формой ответственности Советского государства за дальнейшее социалистическое развитие села. В частности, МТС отвечали за результаты сельскохозяйственного производства, несли материальную ответственность, например, за рост урожая, за повышение производительности труда. В дальнейшем развитии этого ключевого связующего звена города и деревни состояло обеспечение указанного Лениным преодоления классовой разницы между рабочим и крестьянином. Забвение этого ленинского указания выражалось в лихорадочных укрупнениях и разукрупнениях колхозов, в насилии над колхозниками (преобразовании против их воли колхозов в совхозы, урезание личного подсобного хозяйства и т. п.), в том торопливом административном и законодательном вмешательстве в наладившиеся формы жизнеустройства села, против которого предупреждал Ленин.

Огромный ущерб был нанесен и теоретической работе. Вместо изучения дальнейших путей развития колхозного строя и форм интеграции общенародной собственности с кооперативно-колхозной ученые были вынуждены анализировать определенные партийно-государственными решениями формы ущемления кооперативно-колхозной собственности, формы ее механического, административного перевода в общенародную, точнее, в наиболее отсталую и малоперспективную часть ее. И эти безобразия истолковывались как «повышение кооперативно-колхозной собственности до уровня общенародной».

Утрату колхозного строя «не заметили» послехрущевские руководители, не имевшие, в отличие от Сталина, стратегии общественного развития. Дальнейшее развитие села, конечно, происходило. Однако шло оно по указанному сентябрьским Пленумом ЦК КПСС 1965 г. пути, не развя-

зывающему творческие силы, самостоятельную производственную и социально-политическую активность крестьянства, а перекладывающему всю ответственность за развитие сельского хозяйства на государство, на общенародную собственность и потому чрезвычайно затратному. Об анализе перспектив развития советского села ни с точки зрения традиций русской цивилизации, ни с точки зрения научно понятого классового подхода речи, понятное дело, не было.

В этом и состояла одна из причин поражения социализма.

Социализм и классовая борьба

Как ясно вытекает из изложенной выше позиции революционного марксизма, классовый подход остается важнейшим ориентиром политической стратегии партии и государства на весь период до утверждения бесклассового общества. Естественно, встает вопрос о том, как соотносится классовый подход в теории и политической стратегии с постоянно происходящими изменениями общества в плане его социальной структуры. В ответе на этот вопрос мы находим подсказку опять-таки у Ленина, несмотря на давность его работ: гений видел намного дальше нас.

Его, как мы уже отмечали, больше всего интересовало классовое состояние нового общества, прежде всего, изменения в развитии двух его перспективных классов — рабочих и крестьян — и их взаимоотношений. У него не было сомнений в революционном, социалистическом потенциале русского рабочего класса. С крестьянством дело обстояло сложнее, и с этим следовало разобраться. Наиболее существенными, важными для будущего возрожденного социализма (а в том, что такое возрождение состоит, у нас, коммунистов, верных ленинизму, сомнений нет, ибо иное означало бы гибель, конец истории русской цивилизации) являются два положения Ленина из указанного цикла его работ: о двойственной природе крестьянства и о новых формах классовой борьбы.

Поскольку главным содержанием диктатуры пролетариата в России был классовый союз рабочих и крестьян, Ленина более всего интересовала природа крестьянства как класса, способного наряду с промышленным пролетариатом участвовать в строительстве нового общества. О крестьянстве марксисты до Ленина писали преимущественно как о мелкой буржуазии, как о классе, промежуточном, колеблющемся между двумя основными противоположными классами — пролетариатом и буржуазией. В лучшем случае союз пролетариата и крестьянства основывался на наличии беднейшего крестьянства и батраков — сельского полупролетариата и пролетариата. Но после осуществления Декрета о земле крестьянство России «осередничилось», и уже выработанные формулы о союзе с бедняками против кулаков при нейтрализации среднего крестьянства не годились,

они мешали видеть перспективу социалистического преобразования деревни. Необходимо было определить характеристики крестьянства в целом, причем такие характеристики, которые могли бы дать ключ к дифференцированной оценке его разных частей. И Ленин такую работу проделал, выработав положение о двойственной природе крестьянства.

«Чтобы решить вторую, труднейшую часть задачи, — писал Ленин, имея в виду включение крестьянства в движение к бесклассовому обществу, — пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника, — крестьянина работника от крестьянина торговца, крестьянина труженика от крестьянина спекулянта.

В этом разграничении *вся суть социализма*» (с.277).

И раскрывает специфику рассматриваемой проблемы, указывает на теоретические и практически-политические трудности ее решения.

«Разграничение, указанное здесь, очень трудно, ибо в живой жизни все свойства „крестьянина“, как они ни различны, как они ни противоречивы, слиты в одно целое. Но все же разграничение возможно и не только возможно, но оно неизбежно вытекает из условий крестьянского хозяйства и крестьянской жизни. Крестьянина трудящегося веками угнетали помещики, капиталисты, торговцы, спекулянты и их государство, включая самые демократические буржуазные республики. Крестьянин трудящийся воспитал в себе ненависть и вражду к этим угнетателям и эксплуататорам в течение веков, а это „воспитание“, данное жизнью, *заставляет* крестьянина искать союза с рабочим против капиталиста, против спекулянта, против торговца. А в то же самое время экономическая обстановка, обстановка товарного хозяйства, неизбежно делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торговцем и спекулянтом» (с.277–278). В этом отношении, добавляет Ленин, «крестьянин есть спекулянт, союзник капиталиста, есть классовый враг рабочего, есть эксплуататор. Ибо иметь излишки хлеба, собранного с общегосударственной земли при помощи орудий, в создание которых вложен так или иначе труд не только крестьянина, но и рабочего и так далее, иметь излишки хлеба и спекулировать ими, значит быть эксплуататором голодного рабочего» (с. 278).

Положение о двойственной природе крестьянства в известном смысле «реабilitирует» крестьянство, ибо оно опровергает оценку крестьянства как мелкой буржуазии — и только. И в этом смысле оно противостоит позиции Троцкого, видевшего в русском крестьянстве сплошную реакционную массу, по отношению к которой диктатура пролетариата не только может, но и обязана действовать насилием и подавлением. Нет! Ленин на первый план выдвигает свойства крестьянина как работника,

труженика, и отношение к крестьянству должно быть товарищеское, уважительное. «Не смей командовать середняком!» — таков был завет Ленина.

Советское государство, рабочий класс обязаны помочь крестьянству организационно, технологически и культурно, создать условия для того, чтобы развернулись свойства первого рода и постепенно отмирали, преодолевались свойства второго рода. Значит, надо осуществлять «перестройку всего общественного хозяйства» таким образом, чтобы не подавлять личных интересов крестьянина, а более плотно связывать их удовлетворение с интересами общественными — с интересами общества, идущему к бесклассовому состоянию. Ленин стоял у истоков намеченного им процесса, однако результатов осуществления своих идей увидеть ему уже не довелось. Создание колхозного строя спустя 10 лет после его кончины стало великим итогом политики ВКП(б) под руководством Сталина.

Конечно, реализовалась эта политика в ходе преодоления массы разнообразных трудностей, в обстановке острейшей классовой борьбы, с ошибками и иными издержками, которые исправлялись по ходу дела. Именно на этих ошибках и издержках сосредоточивают внимание антисоветчики прошлого и настоящего, предавая забвению небывалый прогресс советского социалистического села. В этом сказывается не только реакционная классовая позиция, но и сопутствующий ей дефицит культуры. Со всем по наблюдению Г. В. Плеханова о посетителях Лувра: кто любит красоту статуи Венеры, а кого больше интересует пятно на древнем мраморе.

В словах о трудностях указанного разграничения я хотел бы обратить внимание на то, что Ленин берет слово «крестьянин» в кавычки. У Ленина случайные обороты речи отыскать трудно. По-видимому, он имел в виду двойственность не только крестьянства. Оно в итоге коллективизации и создания колхозного строя перестало быть мелкобуржуазным слоем (классом). Но мелкобуржуазная угроза поступательному продвижению социализма вперед осталась. Прежде всего — в пережитках сознания, в психологии, в привычках людей, принадлежащих к различным слоям и группам социалистического общества. Иначе говоря, мелкобуржуазность утратила компактность, классовую основу в точном смысле слова, но сохранилась в дисперсном состоянии. Утрата ясного классового подхода в теории не позволила советскому общественному знанию вовремя исследовать это, а ослабление после смерти Сталина классового подхода фактически привело политику партии и государства к инертности и безынициативности в решении главной задачи строительства социализма — в движении к бесклассовому обществу.

Отмеченные Лениным изменения классов и их взаимоотношения, взаимодействия служили основанием для обновления классового подхода, выявления новых форм классовой борьбы (см. набросок плана труда —

«О диктатуре пролетариата»), направленной на преодоление мелкобуржуазного сознания, мелкобуржуазного образа жизни. Уже тогда, в 1919 г. Ленин выдвигал в число таких главных форм классовой борьбы *«Воспитание новой дисциплины»*. И отмечал уже обнаружившиеся методы ее реализации: «Диктатура пролетариата и профессиональные союзы»; «Премии и сдельная плата»; «Очистка партии и ее роль»; «Коммунистические субботники». Это были лишь намеченные пунктиром зачатки или, как называл их Ленин, «ростки» методов и средств воспитания новой дисциплины. В развернувшемся позднее строительстве социализма появилось много других форм и методов, о которых нельзя забывать. Это необходимо не только для восстановления правды о социализме в СССР, не только для глубокого осознания достижений первого в мире социалистического общества.

Главное — это пригодится нам на будущее, при неизбежном, я уверен, возрождении русского советского социализма, при восстановлении советской цивилизации на основе марксистской революционной науки. Творческое ее развитие при полном преодолении догматизма и при организации основательного отпора всем расплодившимся видам антимарксизма, всемерное утверждение творчески обновляемых истин марксистской революционной науки в общественном сознании — главное условие успеха коммунистов в борьбе за возрождение социализма советского образца, за сохранение и дальнейший всесторонний прогресс нашей самобытной многонациональной русской цивилизации.

Диктатура пролетариата — сущность марксистского учения в контексте современности

Самой лучшим подарком к 190-летию К. Маркса явилось бы не столько анализ его огромного наследия, сколько развитие его учения в современных условиях.

Главным, что разработано К. Марксом, является:

- роль философии, которая должна не только познавать мир, но изменять его;
- объективный характер законов общественного развития;
- диктатура пролетариата — основная цель коммунистической партии.

Мы должны всегда помнить основное требование К. Маркса к науке: «Теория способна овладеть массами, когда она доказывает применительно к данному лицу. А доказывает она, когда становится радикальной. Быть радикальным — значит понять вещь в её корне. Но корнем для человека является сам человек».

Выполняем мы это требование? Думаю, что нет. Все разработки носят размытую неопределённость, уход от главного, создание искусственно надуманных тупиковых проблем и полный отрыв от реальной жизни и психологии.

Разрушение Союза Советских социалистических республик, мирового социалистического лагеря — это величайшая трагедия всего человечества, но вместе с тем и колоссальный урок истории. Прошло 17 лет. Имеется ли глубокий научный анализ произошедшему? Наиболее глубокий анализ выполнен В. А. Сапрыкиным. Но этого чрезвычайно мало. Ведь большинством научного общества принято считать основной причиной разрушения СССР предательство руководства КПСС. Но это совершенно не так. Горбачев, Ельцин, Шеварнадзе и другие — это родные дети КПСС. Как могли настоящие коммунисты 6 лет спокойно созерцать разрушение всех устоев страны? Как могли 19 млн. «верных ленинцев» подчиниться

воле одного человека распустить партию в нарушение её Устава? Где сегодня эти члены КПСС (в рядах всех коммунистических партий страны около 200 тыс. человек)? Наконец, почему граждане Советского Союза допустили слом своей социальной системы? 17 лет мы идём вспять мировой истории, вопреки всем законам общественного развития. По вымиранию мы занимаем 3 место в мире, продолжительность жизни уменьшилась на 7–9 лет, разрушение экономики достигло больших размеров, чем во время Великой отечественной войны, за 20 лет население страны сократилось на 15 млн. человек, 60 % отечественной экономики контролируется зарубежным капиталом, идёт обнищание и самая высокая в мире дифференциация населения. И только 13 % избирателей доверяют Коммунистической партии. Почему? Ответов нет, а, главное, их никто не хочет искать. Между тем, К. Маркс в своих ранних работах высказывал предположение, что в ходе социалистической (Маркс называл её «антибуржуазной») революции есть опасность — при длительном переходном периоде — трансформации капитализма в «казарменный коммунизм», где — при построении социализма! — место капиталиста займёт... государство, а класс антибуржуазных демократов займёт место владельцев частной собственности средств производства. В Советском Союзе так и произошло. На XI съезде РКП(б) В. И. Ленин говорил: «Положение, совершенно невиданное в истории, у пролетариата, у революционного авангарда, совершенно достаточно политической власти, а наряду с этим — государственный капитализм. Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что это тот капитализм, который мы можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала...».

Смена общественно-экономических формаций по своей природе не может быть одномоментной, это достаточно сложный переход от старого качества к новому. Тем более, человеческое сознание очень инерционно и крайне субъективно. И государственный капитализм — это закономерный этап перехода от капитализма к социализму. Но мы на нём неоправданно долго застряли и не сумели сделать главного — «поставить рамки». Этими рамками должна быть только диктатура пролетариата и ничто другое.

В Манифесте Коммунистической партии К. Маркс и Ф. Энгельс указывали: «Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий: формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, *завоевание пролетариатом политической власти*». Социализма без политической власти трудящихся не может быть по определению.

Каковы обязательные критерии власти? Это собственность на все средства производства и объекты общественного назначения; определение цели и пути для её достижения; формирование органов управления, кон-

троль и оценка их работы; поощрение и уголовное наказание лиц государственного управления; выбор приоритетов и изменение системы управления. Если нет хотя бы одного из указанных критериев, то власти нет.

Какая система управления была в СССР? Монархия Генерального секретаря ЦК КПСС, избранного ведущим кланом Политбюро. Члены Центрального Комитета практически не выбирались, а назначались Генеральным секретарём. «Демократический централизм» и тайное голосование было основой его всевластия. Никакой ответственности перед народом Генеральный секретарь и КПСС не нёсли. Все основные документы страны принимались постановлениями ЦК КПСС и Совета министров. Могла такая система управления не загнить? Не могла. Смертельные пороки такой власти В. И. Ленин раскрыл ещё в 1916 году в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Основной причиной разрушения СССР и социалистического лагеря было отсутствие власти трудящихся. Ни один человек не чувствовал себя собственником средств производства, не мог прямо влиять на систему управления и тем более контролировать государственные органы управления.

Сегодня надо прямо заявить, что основными условиями власти трудящихся являются следующие положения:

- все средства производства должны быть только в общенародной (государственной) собственности;
- каждый гражданин страны должен получать как минимум 30 % от средней зарплаты доход от использования общественных средств производства;
- все средства производства должны быть переданы в управление трудовым коллективам;
- для всенародного контроля выборы лиц государственного управления должны быть открытыми и многоступенчатыми;
- все выборные лица государственного управления несут уголовную ответственность по решению своих избирателей;
- все граждане страны имеют право законодательной инициативы и контроля за действиями государственной власти.

И сегодня главная задача наших учёных чётко сформулировать содержание власти трудящихся. Это необходимо для политического просвещения народа и его выживания. Если этого не сделаем, нас ожидает закономерная участь народов Римской и Византийской империй.

Логика и методология «Науки логики» Г. В. Ф. Гегеля и «Плана шести книг» главного экономического труда К. Маркса: гениальные предвидения будущего глобального общества

Развал системы мирового социализма, распад Советского Союза и другие трагические для народов нашей страны и государств постсоветского пространства события, казалось бы, навсегда вычеркнули имя Маркса из перечня великих мыслителей, а его учение обрекли на забвение. Однако в том и состоит непреходящее значение гениальных личностей, что их идеи имеют не один, а множество пластов, смыслы которых раскрываются только спустя многие десятилетия и даже столетия со времени их создания. К таким основополагающим идеям философско-экономического учения Маркса, на наш взгляд, относится так называемый «план шести книг», роль и значение которого еще недостаточно оценены не только для осмысления классического капитализма, но и для предвидения процесса формирования единого общепланетного человечества.

В работах Маркса можно выделить две фундаментальные темы его философии: во-первых, это *человек*, его природа и пути его к свободе; во-вторых, *история людей*, постижение универсальной формулы ее созидательной логики, как ключ к предвидению возможного будущего. Речь здесь идет прежде всего о социально-преобразующей практике в контексте реальной истории. Практическая деятельность людей по целесообразному и целеполагающему преобразованию окружающего мира была определена Марксом в качестве фундаментального способа человеческого существования.

Известно, что свой диалектико-материалистический метод общественно-экономических исследований великий немецкий мыслитель *Карл Генрих Маркс* (1818–1883 гг.) создал на основе диалектического метода объективно-идеалистической философии своего соотечественника *Георга Вильгельма Фридриха Гегеля* (1770–1831 гг.). Однако признание принципиального различия и даже противоположности логики Маркса и логики Гегеля вовсе не означает отсутствия между ними глубокого внутреннего тождества.

Диалектико-материалистический метод исследования буржуазного общества в наиболее адекватном виде был воплощен в главном философско-экономическом труде Маркса — «Капитале», который имеет сложную логическую структуру. Том первый представляет собой «Процесс производства капитала», том второй — «Процесс обращения капитала», том третий — «Процесс капиталистического производства, взятый в целом». Четвертый том «Капитала» — «Теории прибавочной стоимости» — в сжатом виде резюмирует всю историю возникновения и развития экономических учений Нового времени.

В объективно-идеалистической философии Гегеля развитие мышления, природы и общества рассматривается как диалектический процесс логического развертывания Абсолютной Идеи. При этом учение о диалектическом методе как логике теоретического мышления в наиболее адекватном виде представлено в «Науке логики» Гегеля, которая по своей структуре подразделяется на «Объективную логику» и «Субъективную логику, или Учение о понятии».

«Объективная логика», в которой рассматривается всеобщее понятие само по себе, имеет два больших раздела: «Учение о бытии», где исследуются наиболее абстрактные, поверхностные моменты становления всеобщего понятия, и «Учение о сущности», где исследуются существенные, внутренние моменты развития всеобщего понятия. В свою очередь, «Учение о бытии» подразделяется на отделы: «Определенность (качество)», «Величина (количество)», «Мера». «Учение о сущности», в свою очередь, также подразделяется на отделы: «Сущность как рефлексия в себе самой», где исследуется сущность сама по себе всеобщего понятия, «Явление», где исследуется проявление сущности всеобщего понятия, и «Действительность», где исследуется единство сущности и явления всеобщего понятия. «Субъективная логика, или Учение о понятии», в которой рассматривается становление Абсолютной Идеи, имеет три больших раздела: «Субъективность», где исследуется диалектика всеобщего, особенного и единичного понятий, «Объективность», где исследуется логический переход активного понятия-субъекта в объект, и «Идея», где исследуется тотальное взаимодействие субъекта и объекта, становление их конкретного единства.

В самом общем плане вопрос о совпадении логики «Капитала» Маркса и логики «Науки логики» Гегеля не вызывает сомнений. Но при выяв-

лении конкретных логических этапов этого совпадения в отечественной и зарубежной философско-экономической литературе обнаружались принципиально различные подходы.

Так, В. А. Вазюлин считает, что три тома марксова «Капитала» логически тождественны диалектическому содержанию «Объективной логики» гегелевской «Науки логики». Том первый книга первая — «Процесс производства капитала» — в логическом плане соответствует отделам «Качество», «Количество» и «Мера» «Учения о бытии» (отделы первый и второй первого тома «Капитала») и отделу «Сущность как рефлексия в себе самой» «Учения о сущности» (отделы с третьего по седьмой первого тома «Капитала»); том второй книга вторая — «Процесс обращения капитала» — в логическом плане соответствует отделу «Явление» «Учения о сущности»; том третий книги третья и четвертая — «Процесс капиталистического производства, взятый в целом» — в логическом плане соответствует отделу «Действительность» «Учения о сущности». В свою очередь, отдел первый «Товар и деньги» первого тома «Капитала» Маркса, который в логическом плане представляет собой бытие капитала, сам имеет сложную структуру: бытие товара — потребительная стоимость; сущность сама по себе товара — стоимость, взятая независимо от форм ее проявления; явление товара — форма стоимости; действительность товара — процесс обмена и обращения товаров¹.

По нашему мнению, выделение в структуре трех томов «Капитала» логических этапов *бытие* капитала, *сущность сама по себе* капитала, *явление* капитала и *действительность* капитала выглядит убедительным. Тем самым логика «Капитала» Маркса предстает как аналог «Объективной логики» «Науки логики» Гегеля. При этом возникает вопрос об аналоге «Субъективной логики, или Учения о понятии» гегелевской «Науки логики» в марксовом философско-экономическом исследовании.

Стремясь решить эту проблему, В. А. Вазюлин выдвигает предположение о том, что аналогом «Субъективной логики, или Учения о понятии» гегелевской «Науки логики» в марксовом философско-экономическом исследовании является четвертый том «Капитала». По его мнению, субъективная логика — это логика «Теорий прибавочной стоимости», с чем, на наш взгляд, трудно согласиться. Истоки подобной трактовки логической системы «Капитала» Маркса лежат в своеобразном понимании предмета объективной логики и субъективной логики, под которым В. А. Вазюлин подразумевает мышление². Но предмет философско-экономических исследований «Капитала» — это вовсе не мышление, а изучение материальных производственных отношений, существующих в самой действительности.

¹ См., напр.: Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968. С. 15–20; Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М., 1988. С. 10–30.

² См.: Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968. С. 15–16.

Не выдерживает критики и трактовка В. А. Вазюлиным четвертого тома «Капитала» Маркса — «Теорий прибавочной стоимости» — как аналога «Субъективной логики, или Учения о понятии» «Науки логики» Гегеля. По своему логическому статусу «Теории прибавочной стоимости» скорее соответствуют *историческому* изложению процесса производства прибавочной стоимости, отраженного в трудах политэкономов Нового времени. Другими словами, «Теории прибавочной стоимости» — это историческое изложение *логики* первого тома «Капитала» Маркса, в котором исследуется процесс капиталистического материального производства.

По-видимому, подобное историко-литературное изложение должно соответствовать каждому значительному отрезку философско-экономических исследований. Наряду с «Теориями прибавочной стоимости» Маркс намеревался также дать изложение «Теорий прибыли», «Теорий конкуренции капиталов», «Теорий кредита», «Теорий земельной ренты» и т. п.³

Другие авторы, стремясь найти в марксовых философско-экономических работах аналог как «Объективной логики», так и «Субъективной логики, или Учения о понятии», считают, что три тома «Капитала» логически тождественны диалектическому содержанию «Науки логики». При этом утверждается, что первые три тома «Капитала» логически соответствуют «Объективной логике», а третий том «Капитала» логически соответствует «Субъективной логике, или Учению о понятии»⁴.

По нашему мнению, логическое отождествление всей «Науки логики» Гегеля и трех томов «Капитала» Маркса приводит к тому, что многие вопросы марксовых философско-экономических исследований остаются без внимания. Сам Маркс вовсе не ограничивал анализ современного ему общества только теми вопросами, которые непосредственно вошли в содержание трех томов его главного экономического произведения. Наряду с процессом производства капитала, процессом обращения капитала и процессом капиталистического производства, взятым как целое, в ряде специальных учений он намеревался исследовать такие явления, как конкуренция капиталов, капиталистический кредит, акционерный капитал, капиталистическая земельная собственность, наемный труд, влияние буржуазного государства на экономику, внешняя торговля, мировой капиталистический рынок⁵. В философско-экономической литературе этот план исследования Маркса получил название «план шести книг».

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 1. С. 424–425. Т. 26. Ч. 2. С. 292. Т. 26. Ч. 3. С. 49, 245–247.

⁴ См., напр.: Мотрошилова Н.В. Путь Гегеля к «Науке логики»: Формирование принципов системности и историзма. М., 1984. С. 325–326.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 5. Т. 29. С. 254. Т. 29. С. 251. Т. 29. С. 468–469. Т. 46. Ч. 1. С. 45, 213, 226–233.

Если признать, что все логическое содержание «Науки логики» нашло свое воплощение в трех томах «Капитала», то возникает вопрос о логическом статусе специальных учений в марксовом «плане шести книг». Стремясь решить эту проблему, некоторые отечественные и зарубежные обществоведы утверждают, что Маркс в процессе работы над тремя томами «Капитала» изменил свой первоначальный «план шести книг» и включил в содержание третьего тома «Капитала» вопросы, связанные с исследованием конкуренции капиталов, кредита, акционерного капитала, земельной собственности и т. п.

Так, немецкий исследователь М. Мюллер считает, что «Маркс наметил существенные изменения по сравнению с первоначальным» «планом шести книг». Маркс решил не проводить резкой грани между «капиталом вообще» и «реальным» движением капиталов, а всеобщие, существенные моменты общественных отношений, конкуренции, кредита, земельной собственности и наемного труда органически связать с общественными отношениями, заключенными в понятии «капитал вообще»⁶. В результате М. Мюллер приходит к выводу о том, что все вопросы специальных учений о конкуренции капиталов, кредите, земельной собственности и наемном труде полностью нашли свое воплощение в содержании трех томов «Капитала» Маркса.

Однако 28 декабря 1862 г., когда все три тома «Капитала» в основном были уже готовы в черновом варианте, Маркс в письме к Л. Кугельману вновь подтверждает значимость логико-методологической идеи «плана шести книг». Немецкий философ пишет, что его экономическое исследование выйдет самостоятельно под заглавием «Капитал» и, «собственно, содержит только то, что должно было составить третью главу первого отдела, а именно — «Капитал вообще». Таким образом, туда не включена конкуренция капиталов и кредит. <...> Это квинтэссенция..., а разработку дальнейших вопросов (за исключением разве отношения различных форм государства к различным экономическим структурам общества) на основе уже сделанного могли бы легко осуществить и другие»⁷. И далее Маркс продолжает: «...Я хочу... окончить изложение капитала, дать изложение конкуренции и кредита»⁸.

Многочисленные указания на значимость идеи «плана шести книг» для исследования экономики буржуазного общества содержатся и в самом тексте «Капитала»⁹. В третьем томе «Капитала» конкуренция капиталов,

⁶ Мюллер М. Экономическая рукопись 1861–1863 гг. — второй черновой вариант «Капитала» // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса. М., 1983. С. 130.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 527.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1-е изд. Т. 25. С. 412.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 326–327, 553, 559, 594. Т. 24. С. 128–129, 285, 293, 297, 390, 543. Т. 25. Ч. 1. С. 120, 122–123, 155, 215, 258, 341, 393, 440. Т. 25.

кредит, акционерный капитал, земельная собственность, наемный труд и т. п. рассматриваются под углом зрения процесса капиталистического производства, взятого в целом, в то время как в марксовом «плане шести книг» речь идет о *специальных учениях* о конкуренции, кредите, акционерном капитале, земельной собственности, наемном труде и т. п.

Таким образом, на всех этапах своих философско-экономических исследований современного ему буржуазного общества Маркс руководствовался логикой «плана шести книг». Все это позволяет сделать вывод о неправомерности логического отождествления трех томов «Капитала» Маркса и «Науки логики» Гегеля. По нашему мнению, в качестве аналога «Объективной логики» и «Субъективной логики, или Учения о понятии» гегелевской «Науки логики» необходимо рассматривать все логическое содержание марксова «плана шести книг», по отношению к которому три тома «Капитала» выступают только как часть, как один из логических отрезков исследования.

Речь, следовательно, должна идти о глубоком логическом тождестве «Науки логики» Гегеля и философско-экономического «плана шести книг» Маркса; тождестве, которое предполагает принципиальное различие и даже противоположность их методов исследования.

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В марксовом «плане шести книг» дана следующая логика философско-экономических исследований буржуазного общества¹⁰:

Книга I. «О капитале».

Отдел I. «Капитал вообще».

Глава первая «Товар».

Глава вторая «Деньги».

Глава третья «Капитал вообще».

1. Процесс производства капитала.

2. Процесс обращения капитала.

3. Единство того и другого, или капитал и прибыль (процент).

Отдел II. «Конкуренция капиталов».

Отдел III. «Кредит».

Отдел IV. «Акционерный капитал».

Книга II. «Земельная собственность».

Книга III. «Наемный труд».

Книга IV. «Государство».

Книга V. «Внешняя торговля».

Книга VI. «Мировой рынок».

Ч. 2. С. 163–168, 324, 399. Т. 26. Ч. 1. С. 19. Т. 26. Ч. 2. С. 292, 511, 539, 548, 593. Т. 26. Ч. 3. С. 49, 254, 323, 367, 415.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 5. Т. 29. С. 254–260, 449, 451, 468–469. Т. 46. Ч. 1. С. 45, 213, 226–227, 434–435. Т. 46. Ч. 2. С. 11, 41, 152, 162. Т. 48. С. 293.

В логическом плане содержание трех глав отдела первого «Капитал вообще» книги первой «О капитале» представляет собой аналог «Объективной логики» гегелевской «Науки логики». И у Маркса, и у Гегеля предметом и целью теоретического исследования здесь выступает *всеобщая субстанция как таковая, всеобщее само по себе*. Однако если в объективно-идеалистической логике Гегеля под всеобщей субстанцией понимается *всеобщее понятие как таковое*, то в материалистической логике философско-экономических исследований Маркса всеобщей субстанцией является *капитал вообще как таковой*, всеобщая природа капиталистического способа производства материальной жизни¹¹.

В полном соответствии со своими объективно-идеалистическими посылками Гегель приходит к выводу о том, что «*объективная логика, рассматривающая бытие и сущность, составляет... генетическую экспозицию понятия.... Уже субстанция представляет собой реальную сущность или сущность, поскольку она соединилась с бытием и вступила в действительность. <...> Диалектическое движение субстанции через причинность и взаимодействие есть поэтому непосредственный генезис понятия и изображает ход становления последнего. <...> Субстанция есть абсолютное, есть сущее в себе и для себя действительное: в себе — как простое тождество возможности и действительности, абсолютная сущность, содержащая внутри себя всяческую действительность и возможность; для себя — это тождество как абсолютная мощь или безоговорочно соотносящаяся с собой отрицательность*»¹².

Раскрывая содержания субстанциальной категории, Маркс пишет: «...*Капитал вообще...* является не произвольной абстракцией, а такой абстракцией, которая ухватывает *differentia specifica* капитала в отличие от всех других форм богатства или способов развития производства (общественного). Капитал вообще — это такое определение, которое присуще каждому капиталу как таковому, или которое делает капиталом всякую определенную сумму стоимостей. <...> Однако капитал вообще сам обладает *реальным существованием, отличным от особенных, реальных капиталов*»¹³. И далее Маркс отмечает, что в буржуазном обществе «капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала*, а не наоборот»¹⁴. В теории социального познания Маркса всеобщей субстанцией выступает сама внутренне противоречивая соци-

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 263–264, 307, 383, 434–435. Т. 46. Ч. 2. С. 9, 11, 41, 152, 162, 205. Т. 48. С. 293, 377. Т. 30. С. 527.

¹² Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 2 // Соч. М., 1939. Т. 6. С. 6.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 436–437.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 274.

альная материя, которая в экономической сфере представлена как саморазвивающееся материальное производство.

По своему логическому содержанию три тома «Капитала» адекватны отделу первому «Капитал вообще» книги первой «О капитале», который, в свою очередь, является аналогом «Объективной логики» гегелевской «Науки логики». Глава первая «Товар» и глава вторая «Деньги» в марксовом «плане шести книг» логически соответствует книге первой «Учение о бытии», а глава третья «Капитал вообще» — книге второй «Учение о сущности». Поскольку три тома «Капитала» представляют собой реализацию отдела первого «Капитал вообще» книги первой «О капитале» философско-экономического «плана шести книг» Маркса, то в логическом плане они выступают аналогом «Объективной логики» «Науки логики» Гегеля. Соответственно, в содержании трех томов «Капитала» Маркса том первый книга первая — «Процесс производства капитала» — соответствует *бытию капитала* (отделы первый и второй) и *сущности самой по себе капитала* (отделы с третьего по седьмой); том второй книга вторая — «Процесс обращения капитала» — соответствует *явлению капитала*; том третий книги третья и четвертая — «Процесс капиталистического производства, взятый в целом» — соответствует *действительности капитала*.

При этом отдел второй «Преобразование денег в капитал» первого тома «Капитала» есть логический переход от *бытия капитала к сущности капитала*. В свою очередь, отдел первый «Товар и деньги» первого тома «Капитала», который в логическом плане представляет собой *бытие капитала*, сам имеет сложную логическую структуру: *бытие товара* — потребительная стоимость; *сущность сама по себе товара* — стоимость, взятая независимо от форм ее проявления; *явление товара* — форма стоимости; *действительность товара* — процесс обмена и обращения денег и товаров.

Отсюда правомерно сделать вывод о логическом тождестве «Субъективной логики, или Учения о понятии» «Науки логики» Гегеля и остальных частей философско-экономического «плана шести книг» Маркса, а именно: отдела II «Конкуренция капиталов», отдела III «Кредит», отдела IV «Акционерный капитал» книги I «О капитале», а также книги II «Земельная собственность», книги III «Наемный труд», книги IV «Государство», книги V «Внешняя торговля» и книги VI «Мировой рынок». При этом следует особо отметить, что в процессе разработки «плана шести книг» Маркс вовсе не копировал структуру идеалистической логики Гегеля, а материалистически использовал наиболее рациональные моменты ее диалектического содержания.

«Субъективная логика, или Учение о понятии» гегелевской «Науки логики» посвящена исследованию *понятия*. «...Абстрактное всеобщее...

еще не составляет понятия, — пишет Гегель. — ...*Понятие* есть та форма *абсолютного*, которая выше бытия и сущности. Так как оказалось, что с этой стороны оно *подчинило себе* бытие и сущность,...которые явились его предшествующими ему условиями, и что оно есть *их безусловное основание*, то теперь... остается показать, каким образом понятие внутри самого себя и из себя образует ту реальность, которая в нем исчезла»¹⁵.

В «Субъективной логике, или Учении о понятии» «Науки логики» Гегеля имеется следующее логическое членение: отдел первый «Субъективность», где рассматривается диалектика всеобщего, особенного и единичного, логическое становление такой конкретной единичности, которая включает в себя все богатство всеобщего и особенного; отдел второй «Объективность», где рассматривается переход диалектически активного субъективного понятия в объективность; и отдел третий «Идея», где рассматривается взаимодействие субъективного и объективного, становление их конкретной тотальности — Абсолютной идеи¹⁶.

В отделе II «Конкуренция капиталов» книги I «О капитале» «плана шести книг» Маркс предполагал разобрать взаимодействие капитала вообще и конкуренции особенных капиталов. Эта стадия исследования «предполагает капитал в его предыдущих формах и вместе с тем образует переход от *капитала* к *особенным капиталам*, к реальным капиталам; ибо теперь, в этой последней форме, капитал по своему понятию распадается уже на два самостоятельно существующих капитала. Вместе с этой двойственностью дана также множественность вообще. Таков ход этого развития капитала»¹⁷.

Исследование конкуренции особенных капиталов, где цены товаров количественно не совпадают с их стоимостями, «имеет дело вообще с борьбой между капиталистами и с их усилиями урвать себе возможно большее количество прибавочного труда, и оно касается только распределения прибавочного труда между различными отдельными капиталистами, но не затрагивает ни его происхождения, ни его общих размеров»¹⁸. В явлении конкуренции особенные капиталы существуют *наряду* с капиталом вообще, который выступает в качестве их всеобщей субстанциальной связи.

Маркс пишет, что «в условиях конкуренции... отдельный капитал реально ставится в условия капитала вообще....Но только таким образом и устанавливается *необходимое* рабочее время как определяемое самим движением капитала. <...> Спрос, предложение, цена (издержки производства) представляют собой дальнейшие определения формы; цена как

¹⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Ч. 2 // Соч. М., 1939. Т. 6. С. 26, 22.

¹⁶ См.: Там же. С. 30–319.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 436.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 3. С. 367.

рыночная цена, или всеобщая цена. Затем установление общей нормы прибыли. В связи с рыночной ценой капиталы затем распределяются по различным отраслям. <...> Словом, в условиях конкуренции все определения выступают *в обратном порядке* по сравнению с тем, как они выступают в капитале вообще. Там цена определяется трудом, здесь труд определяется ценой и т. д. и т. д.

Воздействие отдельных капиталов друг на друга приводит именно к тому, что они должны вести себя как *капитал*; кажущиеся независимыми действия отдельных капиталов и их беспорядочные столкновения друг с другом как раз представляют собой полагание их всеобщего закона»¹⁹.

В «Субъективной логике, или Учении о понятии» Гегель отмечает, что «всеобщее должно *обособить* себя на *особенности*;...особенное отделяется от всеобщего»²⁰, у особенности «субстанциальную основу... составляет... всеобщность»²¹. Поэтому «при подразделении или рассмотрении особенного появляется в собственном смысле отличие особенного от всеобщего»²².

Далее, логическое развитие и взаимодействие всеобщего и особенных понятий приводит, по Гегелю, к образованию конкретной тотальности единичного, которое в своем содержании объединяет все богатство всеобщего и особенного: «*Всеобщность и особенность* явились... моментами становления единичного....Они в себе самих суть тотальное понятие и тем самым не переходят *в единичности* в нечто другое, а в единичности лишь положено то, что они суть в себе и для себя. *Всеобщее есть для себя*... Оно есть *абстрактное* всеобщее...

По тому же самому основанию *особенное*, так как оно есть лишь определенное всеобщее, есть также и *единичное*, и, наоборот, так как единичное есть определенное всеобщее, то оно есть также и некоторое особенное... Понятие имеет три особенных определения — всеобщее, особенное и единичное...»²³.

В отделе III «Кредит» и в отделе IV «Акционерный капитал» книги I «О капитале» марксова «плана шести книг» должно рассматриваться становление конкретной тотальной единичности капитала, которая включает в себя взаимосвязь капитала вообще и особенных капиталов. Это и исследование капиталистического кредита, и исследование акционерного капитала, и исследование денежного рынка капитала в целом. «Рынок приобретает здесь еще иное значение. Именно таким путем воздействие отдельных капиталов друг на друга становится их полаганием в качестве всеоб-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. С. 162.

²⁰ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Ч. 2 // Соч. М., 1939. Т. 6. С. 268–269.

²¹ Там же. С. 90.

²² Там же. С. 271.

²³ Там же. С. 53–54.

щих и устранением их кажущейся независимости и самостоятельного существования как отдельных капиталов. Еще в большей мере это устранение проявляется в кредите. Высшая же форма, которую принимает это устранение и которая вместе с тем является *последним полаганием* капитала в адекватной ему форме,— это акционерный капитал»²⁴.

Вот как эта логическая схема «плана шести книг» Маркса выглядит в философско-экономических рукописях 1857–1859 годов:

«Капитал.

I. *Всеобщность*:

- 1) а) Становление капитала из денег. в) Капитал и труд (опосредствование чужим трудом). с) Элементы капитала, сгруппированные сообразно их отношению к труду (продукт, сырье, орудие труда).
- 2) *Обособление капитала*: а) Оборотный капитал, основной капитал. Оборот капитала.
- 3) *Единичность капитала*: Капитал и прибыль. Капитал и процент. Капитал как *стоимость*, отличающийся от самого себя как процента и прибыли.

II. *Особенность*:

- 1) Накопление капиталов.
- 2) Конкуренция капиталов.
- 3) Концентрация капиталов (количественное различие капитала как вместе с тем качественное различие, как *мера* величины и действия капитала).

III. *Единичность*:

- 1) Капитал как кредит.
- 2) Капитал как акционерный капитал.
- 3) Капитал как денежный рынок»²⁵.

Именно специальные учения о кредите и акционерном капитале предполагают переход к изучению капитала как конкретной *тотальности*, то есть единичности, включающей в себя все богатство капитала вообще и особенных капиталов: «В денежном рынке капитал положен в своей тотальности [Totalität]; здесь он дан как *определяющий цены, предоставляющий работу, регулирующий производство*; одним словом — как *источник производства...*»²⁶.

Итак, отдел II «Конкуренция капиталов», отдел III «Кредит», отдел IV «Акционерный капитал» книги I «О капитале» марксова «плана шести

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. С. 162.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 226.

²⁶ Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). B., 1976. Abt. 2. Bd. 1. S. 199. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 226.

книг» логически тождественны отделу первому «Субъективность» «Субъективной логики» гегелевской «Науки логики». Книга II «Земельная собственность» марксова «плана шести книг», в свою очередь, логически тождественна отделу второму «Объективность» «Субъективной логики» гегелевской «Науки логики», где Гегель исследует переход диалектически активного субъективного понятия в объективность, преобразование субъектом объекта: «...*Понятие...* определяет себя так, что становится *объективностью*....*Объективность* есть такая непосредственность, к которой понятие определяет себя через снятие своей абстрактности и опосредствования»²⁷.

В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» Маркс отмечает, что «капитал... вынужден создавать стоимость или форму богатства, специфически отличную от капитала. Таковой является *земельная рента*. Это есть единственное созидание капиталом стоимости, отличной от него самого.... Как по своей природе, так и исторически капитал есть *создатель* современной земельной собственности, земельной ренты; поэтому его действие выступает также и как разложение старой формы земельной собственности»²⁸. Преобразуя экономические отношения старой докапиталистической земельной собственности, капитал создает новую земельную собственность, основанную на наемном труде. В логическом плане отношение капиталистического промышленного производства и добуржуазной земельной собственности есть отношение цели и средства.

Гегель пишет в «Науке логики»: «...Цель есть понятие, пришедшее в объективности к себе самому., цель есть эта тотальная *рефлексия* объективности *в себя*, и притом — *непосредственно*... С одной стороны, эта рефлексия есть *внутренняя всеобщность субъекта*, но, с другой стороны, она есть *рефлексия во-вне*, и поскольку цель есть еще нечто субъективное, и ее деятельность направлена на внешнюю объективность. <...> Цель смыкает себя через некоторое средство с объективностью, а в этой последней — с самой собой. <...> Цель нуждается для своего выполнения в некотором средстве, так как она конечна... Конечность цели состоит согласно этому в том, что ее процесс определения вообще внешен самому себе...»²⁹. Намечая в общих чертах «план шести книг», Маркс подчеркивает, что в сельском хозяйстве «новая форма возникает в результате воздействия капитала на старую форму. Рассматривая дело с определенной стороны, можно сказать, что современную земельную собственность капитал создает как создатель современного земледелия»³⁰.

²⁷ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Ч. 2 // Соч. М., 1939. Т. 6. С. 156, 160.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 226–227.

²⁹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Ч. 2 // Соч. М., 1939. Т. 6. С. 198–201.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 227.

В отделе втором «Объективность» «Субъективной логики» гегелевской «Науки логики» переход диалектически активного понятия-субъекта в объективность, взаимодействие цели и средства приводит к становлению такой тотальности понятия, в которой в снятом виде присутствует субъектно-объектное отношение: «Итак, после того как *субъективность, для-себя-бытие* понятия перешло... в его *в-себе-бытие*, в *объективность*, оказалось в дальнейшем, что в последней снова обнаружилась отрицательность, свойственная его для-себя-бытию; понятие определило себя в объективности так, что его *особенность* есть *внешняя объективность*, или, иначе говоря, оно определило себя как простое конкретное единство, внешность которого есть его собственное самоопределение. Движение цели достигло теперь того, что момент внешности не только положен в понятии и понятие есть не только некоторое *долженствование и стремление*, но, как конкретная тотальность, тождественно с непосредственной объективностью.... Таким образом, понятие состоит существенно в том, что оно, как для-себя-сущее тождество, отлично от своей *в-себе-сущей* объективности и в силу этого обладает внешностью, но в этой внешней тотальности образует ее самоопределяющее тождество... Понятие есть теперь *идея*»³¹.

Именно в специальном учении о земельной собственности Маркс намечал подробно разобрать генезис капиталистической земельной ренты. Промышленный капитал, преобразуя добуржуазную земельную собственность, тем самым преобразует и самого себя и, в результате, предстает как «капитал (в который включается и земельная собственность как его противоположность)»³².

И исторически, и логически воздействие капитала на отношения добуржуазной земельной собственности приводит к появлению и развитию целостной системы капиталистического промышленного и сельскохозяйственного производства, в которую также включаются лесная и горнодобывающая отрасли производства. Поэтому «изучение современной формы земельной собственности... вообще сводится к изучению определенных отношений производства и обмена, которые возникают из приложения капитала к сельскому хозяйству. Без этого анализ капитала был бы неполным»³³.

В специальном учении о земельной собственности генезис капиталистической земельной ренты Маркс предполагал рассмотреть, прежде всего, с *логической* точки зрения. При этом сам процесс разложения отношений господства и рабства в земледелии и превращения феодальной земельной собственности, клановой собственности на землю, мелкой крестьянской собственности с земельной общиной в экономическую форму, соответст-

³¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Ч. 2 // Соч. М., 1939. Т. 6. С. 213.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 451.

³³ Там же. С. 164.

вующую буржуазному способу производства представляет собой *историческую* предпосылку анализа капиталистической земельной собственности. Научное рассмотрение этого процесса должно исходить из теоретического допущения полной победы капиталистических производственных отношений в земледелии, водном хозяйстве, лесной, деревообрабатывающей и горнодобывающей отраслях производства, абстрагируясь от наличия добуржуазных пережитков³⁴. С логической точки зрения единая система капиталистического производства в промышленности и в сельском хозяйстве представляет собой конкретную целостность (тотальность), в которой представлено производственное отношение между промышленной буржуазией и капиталистическими земельными собственниками.

Книга III «Наемный труд» в марксовом «плане шести книг» логически тождественна отделу третьему «Идея» «Субъективной логики, или Учения о понятии» гегелевской «Науки логики», в которой рассматривается диалектическое взаимодействие субъекта и объекта, становление целостной, внутренне расчлененной конкретной системы: «Идея есть *адекватное понятие*,...идея есть единство понятия и объективности, иначе говоря — истина...»³⁵.

Другими словами, в логической стадии развития *идеи* понятие и объективность составляют единство, рассматриваются во внутреннем взаимодействии, результатом которого является логическая тотальность отношений субъективного и объективного.

В специальном учении о наемном труде Маркс предполагал исследовать «переход от земельной собственности к наемному труду»³⁶. При этом немецкий философ отмечает, что «*наемный труд* в своей полноте впервые создается в результате воздействия капитала на земельную собственность, а затем, когда последняя как форма уже выработана,— наемный труд создается и самим земельным собственником....Следовательно, не может быть никакого сомнения в том, что *наемный труд* в его *классической* форме наемного труда, распространяющегося в обществе во всю его ширь и становящегося вместо земли той почвой, на которой базируется общество,...впервые создается лишь современной земельной собственностью, то есть земельной собственностью как созданной самим капиталом стоимостью. Таким образом, земельная собственность приводит обратно к наемному труду. С известной точки зрения это — не что иное, как перенесение наемного труда из городов в деревню, то есть распространение наемного труда по всей поверхности общества»³⁷.

³⁴ См.: Там же. С. 163–189.

³⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Ч. 2 // Соч. М., 1939. Т. 6. С. 214, 216.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 227.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 227–228.

Не только логически, но и «исторически переход от земельной собственности к наемному труду бесспорен. Он заключается уже в том, что [современная] земельная собственность есть продукт капитала....Капитал в качестве создателя земельной ренты возвращается обратно к производству наемного труда как своей всеобщей творческой основы....С другой стороны, современная земельная собственность сама всего могущественнее выступает в процессе... превращения сельских работников в наемных рабочих»³⁸. Тем самым Маркс определяет общий порядок логического рассмотрения экономики буржуазного общества и место специального учения о наемном труде в «плане шести книг»: «Капитал проистекает из обращения и полагает труд в качестве наемного труда; таким путем капитал формируется, и, развившись как целое, он полагает земельную собственность как в качестве своего условия, так и в качестве своей противоположности. Однако здесь обнаруживается, что капитал этим лишь создал наемный труд как свою всеобщую предпосылку. Стало быть, теперь наемный труд должен быть рассмотрен сам по себе....Здесь речь идет о таком наемной труде, который хочет установить себя как нечто самостоятельное»³⁹.

Именно в книге III «Наемный труд» марксова «плана шести книг» буржуазное общество должно было предстать во всей конкретной тотальности производственных отношений между капиталистами, земельными собственниками и наемными рабочими. По мнению Маркса, «на экономических отношениях современной земельной собственности, которая выступает как процесс Земельная рента — Капитал — Наемный труд,...покоится внутренняя структура современного общества, или капитал в тотальности [Totalität] его отношений»⁴⁰.

Обмен товарными стоимостями между этими тремя основными классами буржуазного общества происходит по рыночным ценам. Поскольку цена и стоимость товаров количественно не совпадают, то заработная плата отдельных групп пролетариата может существенно отличаться от стоимости рабочей силы. В главе 18 первого тома «Капитала» Маркс пишет: «Сама заработная плата принимает... очень разнообразные формы... Однако описание всех этих форм относится к специальному учению о наемном труде и, следовательно, не составляет задачи настоящего сочинения»⁴¹. Поэтому экономическая структура буржуазного общества в книге III «Наемный труд» марксова «плана шести книг» должна была предстать не только в общности, но и в различии положения многочисленных

³⁸ Там же. С. 227, 230.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 230–231.

⁴⁰ Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). B., 1976. Abt. 2. Bd. 1. S. 199–200. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 227.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 553.

групп промышленной буржуазии, капиталистических земельных собственников, промышленных и сельскохозяйственных наемных рабочих.

В результате и у Гегеля в «Науке логики», и у Маркса в «плане шести книг» дело не ограничивается исследованием всеобщей субстанции как таковой. Диалектический метод познания требует перехода на новый логический уровень, от исследования всеобщей *субстанции* самой по себе к исследованию *субъекта* деятельности. Или, как выразился Гегель: «...Понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*»⁴². Для объективного идеалиста Гегеля субъектом деятельности выступает Абсолютная идея. Для материалиста Маркса в качестве реального субъекта выступает конкретное буржуазное общество, взятое со стороны своей экономической основы. «...При рассмотрении поступательного движения экономических категорий,— писал он,— нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове субъект —...современное буржуазное общество...»⁴³.

Еще при анализе *капитала вообще* Маркс выделяет реальные субъекты: стоимость как субъект, труд как субъект, средства производства как субъект, капитал как субъект⁴⁴. При разработке специальных учений о конкуренции, кредите, акционерном капитале, земельной собственности, наемном труде субъекты буржуазного способа производства материальной жизни выступают уже обособленно: как класс промышленной буржуазии, капиталистических земельных собственников, наемных рабочих, которые, в свою очередь, расчленяются на различные группы, отряды и т. п.

Логически направление философско-экономических исследований Маркса в специальных учениях о конкуренции капиталов, капиталистическом кредите, акционерном капитале осуществляется от внешних проявлений капиталистического производства материальной жизни к внутренним его процессам. При этом прежнее субстанциальное содержание не теряется, а в снятом виде присутствует в теоретических разработках специальных учений.

Общественная связь в конкуренции особенных капиталов осуществляется посредством и через *капитал вообще*; следовательно, в логическом плане это означает движение от рядоположенности внешних и внутренних процессов капиталистического производства при рассмотрении конкуренции и концентрации особенных капиталов к тотальному единству внутренних и внешних процессов капиталистического производства при рассмотрении капитала как денежного рынка. Таким образом, это есть

⁴² Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1 // Соч. М., 1959. Т. 4. С. 9.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 43.

⁴⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 164, 320. Т. 46. Ч. 1. С. 222, 263. Т. 46. Ч. 2. С. 80, 119, 260.

исследование *капиталистического способа хозяйствования* в промышленности.

В специальных учениях о земельной собственности и наемном труде должны исследоваться материальные производственные отношения между промышленными капиталистами, капиталистическими земельными собственниками и промышленными и сельскохозяйственными пролетариями. Логически направление философско-экономических исследований в этих учениях Маркса движется в противоположном направлении: от внутренних процессов капиталистического промышленного производства к единству внутренних и внешних процессов капиталистического промышленного и сельскохозяйственного производства. Другими словами, это есть исследование *капиталистического способа хозяйствования* как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

В результате, в философско-экономических исследованиях Маркса, намеченных им в «плане шести книг», наблюдается логическое движение от анализа *капиталистического способа материального труда* к анализу *капиталистического способа материального производства* и далее — к анализу *капиталистической системы хозяйствования*. Однако капиталистическая система хозяйствования включает в себя также и процессы обратного влияния буржуазного государства на породившую его экономическую основу и, кроме того, отношения внешней торговли между нациями и отношения мирового рынка, как всеобщей взаимосвязи производства материальной жизни.

Но философско-экономическое исследование Маркса затрагивает только одну сторону деятельности буржуазного государства, а именно, лишь то отношение его политики, в котором оно само выступает как капиталист. В специальных учениях о буржуазном государстве, внешней торговле, мировом рынке Маркс намечал использовать рациональные моменты гегелевского диалектического метода, содержащиеся в его «Субъективной логике, или Учении о понятии» «Науки логики». Логический переход от книги IV «Государство» к книге V «Внешняя торговля» и далее — к книге VI «Мировой рынок» марксова «плана шести книг» заключает в себе диалектику общего, особенного и единичного, изложению которой посвящен отдел первый «Субъективность» «Субъективной логики» «Науки логики» Гегеля.

Конкретная тотальность капиталистических производственных отношений, которую Маркс намечал исследовать в специальном учении о наемном труде, по отношению к капиталистическим нациям выступает как *всеобщее*. Становление и развитие внешней торговли и мирового рынка предполагает переход от рядоположенности всеобщего и особенно к конкретной *тотальности* единичного, которая должна рассматриваться в специальном учении о мировом рынке.

К сожалению, гигантский замысел Маркса во всей полноте так и остался нереализованным. По-видимому, в специальном учении о мировом рынке Маркс намечал использовать логический переход от субъекта к объекту, который излагался Гегелем в отделе «Объективность» и в отделе «Идея» его «Субъективной логики, или Учения о понятии» «Науки логики». Такой логический переход возможен при исследовании влияния буржуазного мирового рынка на добуржуазные производственные отношения, поскольку «действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка, по крайней мере, в его общих чертах, и производства, покоящегося на базисе этого рынка»⁴⁵.

Таким образом, «план шести книг» Маркса, возникший путем диалектико-материалистического переосмысления рационального содержания «Науки логики» Гегеля, представляет собой гениальное предвидение *глобального общества*, контуры которого реально обозначились на рубеже XX–XXI столетий. Как известно, в таком обществе, основанном на использовании наукоемких и информационных технологий, решающее значение имеет не материальный труд, создающий человека частичного, а труд духовный, характеризующийся всеобщностью и универсальностью. Об этом Маркс писал в «Капитале» и примыкающих к нему философско-экономических произведениях. Проблема эта еще ждет специальных философских и экономических исследований.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 295.

Классовая борьба: теория и современность

Введение

Еще со времен «перестройки» появились «теории», согласно которым классовая борьба в последующем будет затухать, что пролетариат начинает сходиться с исторической сцены, а буржуазия из эксплуататорского класса превратилась в класс-благотворитель. Вновь активизировались идеи о том, что нужно отказаться от классового подхода и рассматривать историческое развитие с позиции так называемых «общечеловеческих ценностей»¹. После развала Советского Союза и мировой социалистической системы такие взгляды усилились еще больше. Однако историческое развитие нашего государства, да и всего мира в целом, опровергли данную точку зрения.

Из-за перехода с социалистического организованного планового способа ведения хозяйства на стихийный и анархичный капиталистический способ производства, страна по основным показателям развития была резко откинута назад. Объем промышленного производства по сравнению с 1990 годом упал более чем в 2 раза². В области сельского хозяйства ситуация выглядит не лучше. С 2000 года посевные площади сократились на 15 %, парк тракторов на 30 %, 80 % сельских хозяйств имеют просроченные кредиты³. Если сравнивать современное состояние сельского хозяйства с 1990 годом, то производства мяса скота и птицы сократилось в 2 раза, а молока более чем в 1,7 раза⁴. Развал промышленности и сельского хозяйства привели к резкому падению уровня жизни людей. По официальным данным статистики в 2007 году численность населения в России,

¹ См.: *Степин В., Гусейнов А., Межуев В., Толстых В.* Общечеловеческое и классовое // Диалог. 13/1990. Сентябрь; *Семенов Е.* Классовый каннибализм или взаимодействие классов // Диалог. 15/1990. Октябрь; *Абрамуцов Е.* Согласимся, но поспорим. Дружба народов. 1989. № 2.

² *Ключев Ф. Н.* Социализма. Теория, опыт перспективы. М. 2008. С. 116.

³ См.: *Лапин А. А.* Национальные проекты: ложь № 2 — «развитие сельского хозяйства» // Большевицкая правда.

⁴ *Ключев Ф. Н.* Социализма. Теория, опыт перспективы. М. 2008. С. 133.

проживающее за чертой бедности, то есть тех доход, у которых ниже прожиточного минимума, равнялась 20,9 млн. человек, что в процентах от общего числа населения России составляет 14,8 %⁵. Бедность ведет за собой высокую смертность. Даже власть вынуждена признать бедственность положения. Как говорит В. В. Путин: «сегодня каждый второй мужчина в стране не имеет шансов дожить даже до 60 лет. Позор! А граждан России все еще становится меньше с каждым годом»⁶. И все это происходит на фоне огромнейшего разрыва в доходах между самыми богатыми и самыми бедными гражданами. Как сообщает Г. А. Зюганов в газете «Правда» «в стране разрыв между бедными и богатыми вырос до 25 раз, а в Москве до 41 раза»⁷. К слову сказать, в Советском Союзе такая разница составляла 3–4 раза⁸. Постоянный рост цен не позволяют хоть как-нибудь сгладить этот разрыв. Так, по данным Росстата с января по май 2008 года хлеб подорожал на 18 %, сахарный песок на — 16 %, мука — на 21 %, подсолнечное масло — на 20,7 %, крупы — на 14–30 %, молоко и молочные продукты — на 10–15 %⁹. Из всего этого видно, что капитализм показал всю свою полную несостоятельность.

С другой стороны в самих странах запада начали происходить изменения в худшую сторону. Рост империалистических настроений, милитаризация стран НАТО ведут к развязыванию новых империалистских войн. А это в свою очередь ведет к возрастанию эксплуатации в самих странах запада. Надо сказать, что и бедность на западе не так уж низка, как пытаются изобразить буржуазные апологеты. Как сообщает пресс-служба Еврокомиссии, в странах-членах Евросоюза за чертой бедности проживают 16 % населения¹⁰, то есть на 2 % больше чем в России.

Все это ведет к тому, что мы имеем тенденцию не затухания классовой борьбы, а ее обострения. Отсюда и возрастает интерес к проблемам классовой борьбы, как в рамках России, так и в общемировом масштабе.

Основными целями данной работы являются:

1. С позиции марксизма-ленинизма проанализировать само понятие классов и классовой борьбы.
2. Показать особенности классовой борьбы в условиях империалистической глобализации, ее преимущественно информационно-идеологический характер.
3. Раскрыть с позиции марксизма-ленинизма понятия «пролетариат» и «рабочий класс».

⁵ <http://www.gks.ru>

⁶ Российская газета N4589 от 14 февраля 2008 г.

⁷ Зюганов Г. А. // Информационный бюллетень. МГК КПРФ. Правда. Февраль 2008.

⁸ Там же.

⁹ Правда. Листовка-плакат. Июль. 2008.

¹⁰ <http://www.rian.ru>

4. Показать, что собой представляет современный пролетариат, в чем его роль.
5. Попытаться творчески развить теорию классовой борьбы марксизма-ленинизма, указав те слои пролетариата, которые представляют боевой авангард в современной классовой борьбе.
6. Указать на основные проблемы организации современного пролетариата.

Классы и классовая борьба. Общие понятия

Прежде чем говорить о современных особенностях классовой борьбы, отметим, что представляют из себя классы, а так же в каких формах протекает классовая борьба вообще.

Понятие «класс» в свое время дал В. И. Ленин в работе «Великий почин». Он писал, что «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹¹.

Исходя из ленинского определения, мы можем выделить *признаки класса*:

1. Место в системе общественного производства.
2. Отношение к средствам производства.
3. Роль в общественной организации труда.
4. Способ получения доли общественного богатства.
5. Размер получения доли общественного богатства.

Эти признаки являются универсальными для любого класса. Главным же из всех приведенных признаков философская наука считает отношение к средствам производства¹², так как все права и свободы, все возможности, которые предоставляет индивиду какая-либо политико-правовая система, осуществимы лишь при наличии собственности на средства производства. При господстве частной собственности на средства производства происходит классовое расслоение, что влечет за собой неравенство. Из этого следует, что в обществе с господствующей частной собственностью объективно невозможно удовлетворить материальные и духовные потребности всего населения. Если же господствует общественная собственность, тогда это возможно, ибо собственность распределяется на все общество в целом, из чего следует, что и равноправие становится реальным, а не декларативным. Отсюда можно заключить, что в обществе с господствующей

¹¹ Ленин В. И. Сочинения. Великий почин. Т. 29. С. 388.

¹² Афанасьев В. Г. Основы философских знаний. М. 1962. С. 251.

общественной собственностью на средства производства можно удовлетворить все более растущие материальные и духовные потребности масс.

Следует отметить, что современное буржуазное общество накладывает определенные отпечатки на свою классовую структуру. Это связано с тем, что во второй половине XX столетия общество пережило научно-техническую революцию и классифицировать того или иного индивида с классовых позиций для многих немарксистски мыслящих ученых стало затруднительно. Марксистская же мысль современности нашла ответ на этот вопрос. Как отмечают некоторые исследователи, в одном человеке может спокойно уживаться два класса. К примеру, Сапега В. М. пишет, что «не перестает быть капиталистом собственник или крупный акционер завода, работающий на своем предприятии управляющим. Если его доход от собственных акций 80000, а оклад 20000, то на 80 % он капиталист и на 20 % рабочий»¹³.

Необходимо также указать и на то, что классы существуют не извечно. Было время, когда классов не было вовсе. В ту эпоху люди жили первобытнообщинным строем и имели общую собственность на средства производства, потому материальных предпосылок для возникновения классового расслоения не было. Продукты труда распределялись поровну.

Образовались же классы в период разложения первобытнообщинного строя с появлением сначала излишка, трех крупных разделении труда, а затем частной собственности на средства производства. В то самое время классы разделились на два непримиримых лагеря, а именно класс эксплуататоров и класс угнетенных.

Теперь обратимся к понятию «классовая борьба». Классовая борьба есть процесс противостояния враждебных друг другу классов в классово-антагонистическом обществе. Классовая борьба представляет собой закономерность и движущую силу развития классовых обществ¹⁴. Классовая борьба есть всегда борьба политическая, то есть основной ее целью является с одной стороны удержание власти господствующими классами, с другой, завоевание власти эксплуатируемыми массами. Согласно историческому материализму, классовая борьба протекает в 3 формах: экономической, политической и идеологической.

Экономическая форма классовой борьбы заключается в борьбе эксплуатируемых за улучшение своего материального положения и условий труда. Это может быть стачка, забастовка. На экономической фазе классовой борьбы ведущее место занимают профсоюзы, ибо именно они должны отстаивать законные интересы наемных работников. Экономическая борьба не есть борьба за свержение существующего строя. Она связана,

¹³ Сапега В. М. «Классовая борьба. Государство и капитал» М. 2005. С. 13.

¹⁴ Основы марксистской философии. М. 1964. С. 440.

прежде всего, с частными изменениями в рамках существующей общественно-экономической формации. В случаях, когда экономическая борьба не приводит к ожидаемым от нее результатам, она перерастает в политическую борьбу.

Политическая борьба является разновидностью классовой борьбы, связанной с борьбой классов за завоеванием политической власти в стране. Политическая борьба всегда связана с завоеванием политической и как ее разновидности государственной власти в обществе. Она находит свое выражение в таких социальных явлениях как революции, гражданские войны, перевороты, митинги, выборы, референдумы и т. п. Политическая борьба классов есть логическое продолжение их экономической борьбы, ибо вся политическая борьба преследует, в конечном счете, экономические цели.

Далее отметим еще один вид классовой борьбы, а именно — идеологическую борьбу. Идеологическая борьба представляет собой борьбу на информационном фронте. Основная цель идеологической борьбы состоит в освоении классом передовой теории, осознанной борьбе с пороками, свойственные классово-антагонистическим обществам, пропаганде новых прогрессивных идей, научном обосновании лозунгов, выдвигаемых авангардом класса для масс. Все это имеет огромное значение, ибо все наши беды и невзгоды зависят не только от того, как люди работают, но, как правило, от того, как этими людьми управляют. А чтобы вскрыть сущность управления и обусловленность этого управления, мы волей неволей станем затрагивать вопросы власти, а от власти будем переходить к экономическим условиям, которые, в конечном счете, определяют концепцию развития и идеологию, выражающую эту концепцию. Далее, для подтверждения научных выводов, мы станем касаться исторического процесса, а для подлинно научного его изучения будем выявлять закономерности и главные движущие силы истории. Так у нас будет зарождаться теория. Как говорил И. В. Сталин: «без ясной и правильной теории не может быть правильной практики»¹⁵. В этих словах четко прослеживается подлинное понимание закономерностей классовой борьбы.

Особенности классовой борьбы в современном обществе

В этом параграфе мы попытаемся указать на основные особенности современной классовой борьбы, возможные формы разрешения классовых противоречий, передовые классы, способные на преобразование современного общества.

¹⁵ Сталин И. В. Об итогах XIII съезда. Сочинения. Т. 6. 1947. С. 259.

Основными особенностями классовой борьбы современности являются:

1. Общемировой масштаб классовой борьбы.
2. Преимущественно информационно-идеологический характер.
3. Постоянное усиление империалистического гнета и эксплуатации человека человеком в современном обществе.

На основе этих трех посылок мы и будем говорить о современной классовой борьбе.

1. *Общемировой масштаб классовой борьбы* заключается в том, что она проходит ни сколько внутри каждого отдельного государства, сколько между государствами, а точнее, между господствующими классами и эксплуатируемыми массами на всей планете. Такая система отношений в современной марксистской теории получила название неокOLONиализма. При такой системе отношений, развитые страны капитализма просто не могут развиваться иначе, как, не эксплуатируя отсталые. Эксплуатация отсталых зависимых стран становится основным условием благополучия передовых капиталистических государств. Как справедливо пишет Р. И. Косолапов: «по сути единственным условием существования капитализма в США, Западной Европе, Японии является их неокOLONиалистская связь... с громадным „третьим миром“»¹⁶. Такая система отношений ведет и к появлению особого типа капитализма в отсталых странах, а именно капитализма зависимого типа. Как отмечает Первый Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Лапин: «под зависимым капитализмом понимается такой тип капитализма, при котором в данной стране капитализм развивается не на собственной основе, а как функция от потребности и интересов ведущих капиталистических стран и транснациональных корпораций. В отличие от классического западноевропейского, от североамериканского или от японского капитализма происходит инверсия нормального капиталистического развития — капитализм развивается не столько на основе внутренней потребности развития страны, сколько на основе насильственного включения данной страны в систему международных экономических отношений. При этом происходит инверсия (нарушение) „классического“ капиталистического развития — в отличие от последнего, в зависимых странах первоначально развиваются не сами капиталистические отношения, а их носители (особенно в сфере ростовщичества и торговли)»¹⁷. Зависимость может проходить по многим критериям: технологическая, продовольственная, интеллектуальная, промышленная и пр. Наша страна является типичным примером страны с зависимым типом капита-

¹⁶ Косолапов Р. И. Истина из России. Тверь 2004. С. 376.

¹⁷ Лапин А. А. Современная Россия: экономическая ситуация и альтернативный путь выхода из кризиса // Сборник докладов научно-практической конференции. М., 2005 <http://bolshevick.narod.ru>

лизма. Так, по официальным данным 60–80 % продовольственного рынка в России это зарубежные товары¹⁸. Также ни для кого не секрет и факт полной несамостоятельности нашей политической элиты, ибо ее сбережения находятся на счетах зарубежных банков.

Так же хотелось бы особенно отметить тот факт, что современная борьба классов проходит в условиях империалистической глобализации. Остановимся чуть подробнее на этом термине.

Как справедливо отмечает известный политолог, специалист в области марксизма — Б. Кагарлицкий, «каждая эпоха любит хвастаться своей „новизной“. Так, по крайней мере, обстоят дела в капиталистическом обществе»¹⁹. «Слово „глобализация“, появившись в экономической литературе конца 80-х годов, получило, распространение в прессе к середине 1990-х, а к концу десятилетия сделалось не просто общепринятым, но и модным»²⁰. Итак, разберемся, что же такое глобализация: новая эпоха человечества или новое название старым порядкам? Для этого обозначим официальное буржуазное понятие «глобализация». Как сказано в Энциклопедии социологии: «Глобализация — это признание растущей взаимозависимости современного мира, главным следствием которой является значительное ослабление (некоторые исследователи настаивают даже на разрушении) национального государственного суверенитета под напором действий иных субъектов современного мирового процесса — прежде всего транснациональных корпораций и иных транснациональных образований, например, международных компаний, финансовых институтов, этнических диаспор, религиозных движений, мафиозных групп и т. д.»²¹. Исходя из вышеприведенного определения, мы можем выделить следующие признаки глобализации:

- Растущая взаимосвязь современного мира.
- Ослабление национального государственного суверенитета.
- Усиление влияния транснациональных корпораций.
- Концентрация производства.

Надо добавить, что глобализация сопровождается ломкой национальных культур, насаждением западных буржуазных стандартов жизни. Примером может послужить внешняя политика США, направленная на развязывание все новых и новых империалистических войн под прикрытием борьбы за «общечеловеческие ценности», «демократические свободы», «всемирную безопасность». В связи с этим возникает вопрос: а является ли глобализация таким уж новым явлением? По нашему мнению ответ на этот вопрос

¹⁸ <http://kprf.ru>

¹⁹ Кагарлицкий Б. Политология революции. М. 2007. С. 16.

²⁰ Там же.

²¹ Энциклопедия социологии // <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology>

очевиден: глобализация представляет из себя не что иное, как новую стадию развития империализма — империалистический глобализм. Обозначим основные признаки империализма. В свое время их выделил В. И. Ленин. Согласно его работе «Империализм как высшая стадия капитализма», империализм обладает следующими признаками:

- «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни;
- 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого финансового капитала, финансовой олигархии;
- 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение;
- 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир;
- 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»²².

Если мы проведем параллели между глобализацией и империализмом, то сможем увидеть, что между ними нет ровно никакой разницы. Единственно в чем их различие, так это в том, что В. И. Ленин сделал акцент на экономические признаки империализма, в то время как идеологи буржуазии ставят во главу угла слияние культур, стирание национальных различий, массовость мировой современной культуры, то есть надстроечные явления, тем самым пытаются затушить основную экономическую суть империализма. Буржуазные ученые не могут выделить сколько-нибудь новых экономических черт глобализации, которых бы не выделил в свое время Ленин, но они активно маскируют сущность империалистического общества разговорами о культуре, новых межгосударственных связях и т. п. Из всего этого следует, что единственно, что может отличить глобализацию от империализма так это то, что империализм зародился в условиях прямого непосредственного подчинения колоний «великим державам», в условиях же империалистического глобализма гнет остался, но он стал более скрытым. Отсюда и новые технологии информационной войны для ниспровержения неугодных империалистическим хищникам режимов, организации так называемых «цветных революций» и т. п. Однако, не следует строить иллюзий на счет того, что военные столкновения в эпоху империалистического глобализма сходят на нет. Развязная политика США последние 15–20 лет опровергает все эти иллюзии. Мало того, эта политика может спровоцировать появление ультрарадикальных исламских режимов

²² Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Сочинения. Т. XIX. Третье издание. 1929. С. 142–143.

с ядерным оружием и тогда уже все разговоры о «демократии», «общечеловеческих принципах» и прочие демагогические уловки могут уже не помочь.

2. Вторым признаком классовой борьбы современного общества мы обозначили преимущественно информационно-идеологический ее характер. Ни для кого не секрет, что, начиная примерно с конца 40-х годов прошлого века, империалистические страны разрабатывали планы по уничтожению Советского Союза и социалистического лагеря. Многие из этих планов можно найти в книге ректора Московского Гуманитарного университета профессора, доктора философских наук Ильинского И. М. под названием «Главный противник». В этой книге собраны основные документы, свидетельствующие о злонамеренном расчленении Советского государства. Особенно примечательно привести здесь директиву ЦРУ 20/1 «Цели США в отношении России», где прямо сказано, что основными целями США в отношении России являются:

- Ослабить мощь и влияние Москвы до таких пределов, когда она уже не будет представлять угрозу миру и стабильности международного сообщества.
- Внести фундаментальное изменение в теорию и практику международных взаимоотношений, которых придерживается находящееся у власти в России правительство²³.

Чтобы достичь поставленных целей, в США был разработан известный план Аллена Даллеса, в котором говорилось, что Россию нужно уничтожить духовно и тогда все цели «горячей» войны решатся сами собой. Таким образом, в новых исторических условиях классовая борьба ведется преимущественно в идеологических формах. Основными целями информационной войны являются те же цели, что и в горячей войне, а именно: захват территории, свержение неугодного правительства, расширение сфер влияния, что является логическим следствием империалистического общества.

Может возникнуть вопрос: при чем здесь классовая борьба, ведь речь идет о войне между государствами США и СССР. На это мы дадим следующий ответ: в Советском государстве власть принадлежала рабочему классу, который управлял посредством своего участия в советских государственных органах, работы в коммунистической партии. Партия и советское правительство проводили курс на сближение народов, пропагандировали дружбу народов, стояли за уничтожение эксплуатации человека человеком. Вот, что говорилось в Программе КПСС 1961 года по поводу взаимоотношений с социалистическими странами: основной задачей в области культуры являлось «постоянное развитие всех форм культурного сотрудничества и общения народов социалистических стран, взаимного

²³ Ильинский И. М. Главный противник. Документы американской внешней политики и стратегии 1945-1950 гг. М. 2006. С. 178.

обмена культурными достижениями, поощрение совместной творческой деятельности работников науки, литературы и искусства; активное содействие взаимообогащению национальных культур, сближению жизненного и духовного склада социалистических наций»²⁴. Из этого видно, что СССР был большим препятствием на пути мировой буржуазии по ограблению и угнетению всего остального мира, поэтому заинтересованы в развале СССР были только господствующие классы империалистических государств, следовательно, холодная война являлась ни чем иным как особой формой классовой борьбы.

3. Увеличение эксплуатации и национального гнета является естественным следствием империалистической глобализации. После крушения социалистической системы, мир из двухполюсного превратился, по сути дела, в однополюсный. Как мы уже указывали выше, это проявляется, прежде всего, в развязной политике НАТО и США, но кроме этого существует и еще одна тенденция, а именно тенденция к усилению эксплуатации в самих западных государствах. В эпоху существования системы социализма, правительства запада стремились угодить своим эксплуатируемым массам и шли на уступки, связанные с повышением заработных плат, введением системы социальной защищенности и прочих мер. После уничтожения социалистической системы и общего спада революционного движения в Европе, господствующие классы стали пренебрегать интересами трудящегося народа. Так, например, как отмечают некоторые исследователи, среднемесячная заработная плата рабочих в США в середине девяностых годов сократилась на 20 %²⁵. С другой стороны, если рассматривать рабочий класс с точки зрения глобального развития, то его абсолютное обнищание сохраняется во многих странах «третьего» и «четвертого» мира. Как сообщает Ф. Н. Клоцвог: «1,2 млрд. чел. существует менее, чем на 1 долл». «В богатых странах доход на душу населения почти в 10 раз выше, чем в бедных и беднейших странах и более чем в 16 раз выше, чем в беднейших»²⁶. Все эти данные свидетельствуют о полной правильности марксистско-ленинской теории эксплуатации рабочего класса.

Но возникает закономерный вопрос: возможно ли преобразовать нынешнее общество на основе социализма и может ли это сделать пролетариат?

В настоящее время многие современные ученые, политики и идеологи говорят о том, что положения марксистской теории об исторической миссии пролетариата полностью устарели. Основа ошибки заключается в том, что эти авторы воспринимают пролетариев исключительно как людей,

²⁴ Программа КПСС. Госполитиздат. 1961. С. 135.

²⁵ См.: Бугалин А. В. Ренессанс социализма. М. URSS. 2003. С. 189.

²⁶ Клоцвог Ф. Н. Социализма. Теория, опыт перспективы. М. 2008. С. 14.

занимающихся физическим трудом. На самом деле это не так. Для того, чтобы доказать авангардную роль пролетариата среди других угнетенных классов современного общества, разберемся с тем: что представляет из себя пролетариат, в чем его историческая миссия, в чем состоят особенности современного пролетариата, и что ему мешает прийти к власти.

Пролетариат и его историческая миссия

Под пролетариатом в марксистско-ленинской философии понимается «тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала, — класс, счастье и горе, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд, т. е. от смены хорошего и плохого состояния дел, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции. Одним словом, пролетариат, или класс пролетариев, есть трудящийся класс XIX века»²⁷. Исходя из определения К. Маркса, пролетариат не просто класс бедных людей, а именно класс наемных работников, которые, не обладая собственностью на средства производства, вынуждены продавать свою рабочую силу капиталистам.

Пролетариат является наиболее передовым и потому революционным классом капиталистического общества. Возникает вопрос: почему К. Маркс выбрал именно пролетариат передовым классом общества? Как говорил сам Маркс: «его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предугадывается его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»²⁸. Таким образом, мы можем увидеть, что пролетариат является наиболее прогрессивным классом не потому что он больше понравился Марксу, не потому что он является «от природы» наиболее одаренным, а потому, что объективные условия его существования диктуют ему необходимость борьбы за переустройство общества, чем создают историческую необходимость его борьбы за власть и, в конечном счете, победы в этой борьбе. Исторические условия, делающие рабочий класс передовым классом общества состоят в том, что, «во-первых, рабочий класс непосредственно связан с наиболее развитыми производительными силами общества..., во-вторых, он полностью освобожден от собственности..., в-третьих, благодаря современной промышленности он наиболее организованный и дисциплинированный класс по сравнению со всеми другими классами общества»²⁹. Со своей стороны хотели бы вывести еще одну причину наиболь-

²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Сочинения. Т. V. 1929. С. 465.

²⁸ Маркс К. Энгельс Ф. Святое семейство или критика критической критики (против Бауэра и компании)// Сочинения. Т. 2. С. 40.

²⁹ Славин Б. Ф. О социальном идеале Маркса. М. URSS. 2004. С. 69.

шей прогрессивности пролетариата. В результате вышеприведенных трех факторов, пролетариат становится еще и наиболее сознательным классом, что носит не маловажное значение. Именно осознание пролетариатом своего положения делает его непобедимым.

Но для чего пролетариат должен придти к власти? Последовательная революционность пролетариата определяется не только тем, что он является эксплуатируемым классом, заинтересованным в ниспровержении капитализма, но и тем, что он является носителем нового, более высокого, чем капиталистический, способа производства³⁰. Современное производство настолько централизованно, настолько обобществлено, что материально-техническая база социализма по сути дела уже готова. Противоречие заключается лишь в том, что результатами этой концентрации производства пользуются немногие. Иными словами, труд становится все более обобществленным, а присвоение остается по-прежнему индивидуальным, либо корпоративным. Вот в этом и лежит основа революционности пролетариата и необходимости смены социально-экономической формации. Таким образом, можно заключить, что «рабочий класс... единственный класс в истории, который последовательно выступает не только за уничтожение собственной классовой обусловленности, но и классового деления общества вообще»³¹.

Произведя ниспровержение капиталистического строя, пролетариат должен завоевать государственную власть, сломать старую государственную машину, заменив ее новой; стать на время борьбы с остатками эксплуататорских классов господствующим над ними классом и начать организацию народного хозяйства на социалистических основах. Далее, после победы социализма, общество должно пережить длительный период искоренения недобитых капиталистических элементов и изживания в сознании пережитков капитализма. Для проведения перехода от капитализма к социализму и от социализма к коммунизму будет необходимо и определенное государственное устройство, а именно диктатура пролетариата. К. Маркс дал следующую характеристику «между коммунистическим и капиталистическим обществом лежит период превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным как революционной диктатурой пролетариата»³². Под диктатурой пролетариата в марксистско-ленинской теории понимается «особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся ... в целях полного свержения капитала,

³⁰ Основы марксистской философии. М. 1964. С. 464.

³¹ Славин Б. Ф. О социальном идеале Маркса. М. URSS. 2004. С. 71.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Издательство политической литературы. М 1960. Т. 19. С. 27.

полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны,... в целях окончательного создания и упрочнения социализма»³³.

«Таким образом, пролетариат для победы над эксплуататорами должен сначала установить свою диктатуру. Но эта диктатура не будет диктатурой эксплуататоров. Основной особенностью диктатуры пролетариата является то, что она представляет собой не диктатуру привилегированного меньшинства, а диктатуру трудового большинства над меньшинством, которое будет пытаться противостоять этой диктатуре. В экономической области пролетарское государство должно национализировать все средства производства, тем самым сделать пролетариат подлинным хозяином собственности своей страны. Затем, в ходе дальнейшего подавления эксплуататорских классов и развития производительных сил, что повлечет за собой и дальнейшее обобществление производства, общество достигнет наивысшей точки своего развития. Это будет время, когда каждый будет работать столько, сколько он может, а получать по своим потребностям, при том обязательном условии, что труд будет сам являться главной жизненной потребностью. Все человеческое общество превратится в общество сознательных тружеников. Классы исчезнут... с исчезновением классов исчезнет неизбежно государство»³⁴.

В условиях современности это звучит несколько утопично. Действительно, в ближайшее время вряд ли можно рассчитывать на победу над такими человеческими качествами как корысть, стремление к неограниченному богатству, подлость и т. п., но в перспективе, на наш взгляд, это вполне возможно. Для того и необходима диктатура пролетариата уже после подавления капиталистических элементов внутри страны. Коммунистическое общество должно и будет построено, в противном случае человечество погрязнет в кровопролитных империалистических войнах, в болезнях, экологических катастрофах и, в конце концов, прекратит свое существование. Поэтому здесь приобретает актуальность известный лозунг «Социализм или смерть», ведь социализм есть первая фаза коммунизма, то есть, минуя социализм, коммунизм не построить. А поскольку кроме коммунизма другого пути у человечества объективно нет, то можно утверждать, что данный лозунг правильно отражает объективную действительность. Современность полностью подтверждает выдвинутый выше тезис. В настоящее время мир переживает системный кризис, который является прямым результатом капиталистической формации. Хищническое использование природных ресурсов, вековое ограбление всего мира горсткой богатейших клановых семей, огромные арсеналы накопленного

³³ Ленин В. И. Сочинения. Издание 3 М. 1929. Том XXIV. С. 311.

³⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности, государства// О Военном искусстве, о теории насилия. Серия: Антология мысли. Москва ЭКСМО 2003 г. С. 688.

ядерного оружия и. т. п. привели к экологическому кризису, сильнейшему расслоению населения Земли (богатый север-нищий юг), угрозе мировой ядерной войны³⁵. Все это, если не переменить ситуацию, в конце концов, приведет к гибели все человечество. Говорить о социальных реформах, о капитализме «с человеческим лицом» бессмысленно, ибо реформы представляют собой лишь частные уступки со стороны господствующих классов, потому приводят лишь к частным изменениям, но суть капитализма (частная собственность на средства производства, наемный труд, огромные капиталы в руках немногих) остается «священной» и неприкосновенной.

Современный пролетариат и современный рабочий класс

Как мы уже успели показать в предыдущем параграфе, под пролетариатом понимаются «прежде всего, наемные работники, которые вынуждены продавать свою рабочую силу капиталисту»³⁶. Из этого следует, что пролетарии — это люди, не обязательно занятые физическим трудом. Пролетариат в марксовом смысле этого слова может также и существенно видоизменяться в процессе истории.

В начале XX столетия пролетариат представляли рабочие на заводах и фабриках, то есть люди по преимуществу занимающиеся физическим трудом. В настоящее время технический прогресс ведет к тому, что ряд физических функций рабочего выполняют машины. Поэтому, к современному пролетариату можно смело отнести как рабочих физического труда (токарей, сталеваров, шахтеров), так и работников умственного труда (программистов, инженеров, преподавателей, врачей, ученых и прочих). Основной закономерностью нашего времени является то, что пролетариат постепенно становится классом умственного труда, что придает ему еще большую мощь. Современная марксистско-ленинская мысль уловила данное положение и ряд ученых-марксистов, партийных деятелей, программ компартий определяют пролетариат по-новому. К примеру, в Программе Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) пролетариат определяется как «класс наёмных работников физического и умственного труда, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, чтобы жить, продавать свою рабочую силу» (К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест Коммунистической партии»)³⁷. С нашей точки

³⁵ В настоящее время можно слышать о том, что эта угроза мало вероятна, однако поведение империалистов НАТО говорит нам совершенно обратное. За годы реставрации капитализма в России прямым империалистическим нападениям со стороны стран НАТО подверглись: Ирак (2 раза), Югославия (1 раз), Афганистан, Ливан и др.

³⁶ Славин Б. Ф. О социальном идеале Маркса. М. URSS. 2004. С. 76.

³⁷ Программа Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), принятая на XXIII съезде ВКП(б). М. 2009. С. 36.

зрения, именно такой подход должен стать основополагающим для всех марксистов-ленинцев. Если мы, коммунисты, не хотим отстать от жизни и изменить диалектическому подходу Маркса, то наша обязанность принять за аксиому данное толкование пролетариата как единственно верное. Надо сказать, что к счастью таким подходом руководствуется и достаточно приличное число ученых-марксистов³⁸.

С другой стороны в свете изложенного, возникает потребность разграничить понятия «рабочий класс» и «пролетариат», притом, что рабочий класс является одним из самых многочисленных слоев пролетариата. Но, как не покажется странным, и рабочий класс также претерпел серьезные изменения. Потому определив понятие «пролетариат», разберемся с понятием «рабочий».

Рабочий класс есть одна (самая многочисленная) из разновидностей современного пролетариата. Однако рабочий класс имеет определенный универсальный признак. Этот признак состоит в том, что только рабочий класс занят производительным трудом. И в этом и состоит его наибольшая прогрессивность. Следует вкратце указать на то, что такое производительный труд и чем он отличается от непроизводительного.

Производительный труд можно рассматривать в двух смыслах: в *абсолютном* смысле и конкретно-историческом, иначе *капиталистическом* смысле.

В *абсолютном* смысле слова под производительным трудом понимается такой труд, который направлен на производство *товаров*³⁹. При чем здесь не имеет значения каких. Профессор истории, написавший книгу, является таким же производительным рабочим, как и токарь. Просто продукт производства профессора следует относить скорее к духовной сфере, а токаря к материальной.

В *капиталистическом* смысле производительный труд обозначает такой труд, который *производит прибавочную стоимость*. К. Маркс следующим образом характеризовал производительную рабочую силу: «...Производительна лишь та рабочая сила, применение которой дает большую стоимость, чем та, которую имеет она сама»⁴⁰.

Под непроизводительным трудом «понимается такая целесообразная человеческая деятельность, которая не кристаллизуется в вещах и имеет

³⁸ См.: Казарлицкий Б. «Политология революции». М. 2007; «Марксизм: не рекомендовано для чтения». М. 2006; Сапега В. М. «Классовая борьба. Государство и капитал» М. 2005; Славин Б. Ф. «О социальном идеале Маркса». М. URSS. 2004, «Социализм и Россия» М. 2004; Косолапов Р. И. «Истина из России». Тверь. 2004; Бугзалин А. В. «Ренессанс социализма». М. 2003; Клоцвог Ф. Н. Социализма. Теория, опыт перспективы. М. 2008; Здоров А. А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза. Марксистский анализ советского общества. М. 2006 Издание второе; Эльманович С. С. Социал-капитулизм: переход от социализма к капитализму // ЭФГ. № 51–52.

³⁹ См.: Косолапов Р. И. «Истина из России». Тверь. 2004. С. 112.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2 издание, т. 26, ч. 1, С. 134.

потребительную стоимость не со стороны своего конечного результата, а как процесс. Таков труд, получивший название — *услуги*, (курсив Р. И. Косолапова) — труд, не находящий длительного предметного воплощения и исчезающий в момент его выполнения»⁴¹. Пролетариат занят в сфере непроизводительного труда, рабочий класс нет. Если говорить о пролетариате, то в сфер непроизводительного труда заняты всевозможные менеджеры фирм, разного рода прислуга (к примеру, дворники), работники в рекламной области, юристы, словом, работники так называемой сферы услуг. Эти слои пролетариата не являются рабочим классом.

Если применять вышеизложенные положения к современной России, то становится понятным, что пролетариат сегодня класс крайне разнообразный и его слои обладают совершенно различным уровнем классового самосознания. Некоторые его отряды даже не осознают себя пролетариями, да и по материальному уровню живут значительно лучше основной массы пролетариата, но, тем не менее, они не перестают от этого быть пролетариями, если не присваивают прибавочную стоимость и живут только за счет средств, полученных от работы по найму. Мы уже выше выдвигали то положение, что самым прогрессивным и потому революционным слоем пролетариата является рабочий класс. Но, как было указано выше, и рабочий класс сегодня представлен различными слоями. Попробуем, обобщая этот материал, выделить следующие наиболее, на наш взгляд, передовые слои современного рабочего класса:

1. Техническая интеллигенция. Техническая интеллигенция, то есть инженеры, работники оборонных предприятий, ученые в области технических и математических наук. Почему мы сделали акцент именно на технической интеллигенции. Здесь существует два аспекта.

Во-первых, техническая интеллигенция занята непосредственно в сфере материального производства, а именно это является определяющим развитие общественной формации. Инженерно-технические работники, будучи задействованы в сфере материального производства, являются непосредственными производителями, потому качественной разницы между рабочими и инженерно-технической интеллигенции нет. Разница лишь в уровне технологий и знаний, но сам по себе труд как производительный и наемный не имеет существенных отличий. Это одна из важнейших причин, почему мы относим этот слой к передовому пролетарскому отряду современного рабочего движения.

Во-вторых, именно техническая интеллигенция наиболее сильно пострадала от так называемых «реформ» 90-х годов. Как сообщает газета

⁴¹ Косолапов Р. И. «Истина из России». Тверь. 2004. С. 112.

«Время» «за период 1989–1997 гг. объем военных расходов в сопоставимых ценах у России сократился примерно на 87 %»⁴². Все это позволило «технарям» по достоинству оценить современный российский капитализм бес прикрас, основной особенностью которого является отсутствие масштабных задач, преследование сиюминутных выгод, вывоз капитала, резкое классовое расслоение общества.

В-третьих, технические науки формируют хорошее логическое мышление, из чего следует, что техническая интеллигенция, не обладая специальными знаниями в области общественных наук, может логически увидеть реакционную сущность капитализма и необходимость социалистического преобразования общества.

Таким образом, мы можем видеть, что именно техническая интеллигенция сочетает в себе как объективные (занятие в материальном производстве) так и субъективные (высокий уровень мышления, низкий материальный уровень жизни) основы для того, чтобы быть передовым отрядом рабочего класса.

2. Работники науки и образования. Данная группа тесно связана с предыдущей. Мало того, многие представители технической интеллигенции могут входить в данный отряд рабочего класса. Тем не менее, с нашей точки зрения, правомерно выделить эту группу в отдельный слой рабочего класса. Эту группу представляют преподаватели школ и вузов, научные сотрудники НИИ. Особенность этой группы пролетариата является то, что именно они формируют сознательность у подрастающего поколения, именно они обладают достаточно глубокими знаниями для того, чтобы научно обличать капитализм и прививать учащимся осознание того, что этот общественный строй должен смениться новым. Как мы указывали выше, особенностью современной классовой борьбы является именно ее информационно-психологический характер. Работники образования и науки при хорошей сплоченности могут нанести грандиозные поражения империализму на фронтах информационной войны. Надо констатировать, что в настоящее время появился ряд критических научных работ, монографий и статей, направленных на обличение современного российского и общемирового капитализма с позиции марксизма⁴³. Также усилиями прогрессивных по-марксистски мыслящих ученых было создано и действует научное общество «Российские ученые социалистической ориентации»

⁴² К вопросу о национальной идеи // «Время». №24 (506).

⁴³ См., например: *Кагарлицкий Б.* «Политология революции». М. 2007, «Марксизм: не рекомендовано для чтения». М. 2006; *Санева В. М.* «Классовая борьба. Государство и капитал» М. 2005; *Славин Б. Ф.* «О социальном идеале Маркса». М. URSS. 2004, «Социализм и Россия» М. 2004; Р. Косолапов. «Истина из России». Тверь. 2004; *Бузгалин А. В.* «Ренессанс социализма». М. 2003; *Ключовог Ф. Н.* Социализма. Теория, опыт перспективы. М. 2008 и др.

(РУСО), которое занимается научным анализом современной обстановки, творческим развитием марксизма-ленинизма, пропагандой коммунистической идеологии. Это свидетельствует как о полном банкротстве капитализма в России, так и о пробуждении умов и выдвижении новых теоретических положений, обогащающих марксизм.

С другой стороны работники науки и образования, так же как и «технари» пострадали от капитализма в материальном плане. Отсюда видно, что работники образования и науки также могут выступать авангардом в идеологической классовой борьбы за социализм.

3. Рабочие, занятые физическим трудом. В настоящее время эта группа, на наш взгляд, является самой радикальной с точки зрения экономической и политической форм классовой борьбы, но совершенно не подготовленной с точки зрения идеологических и информационных форм классовой борьбы. Основная задача этой группы подготовить себя теоретически, чтобы бесформенный протест перерос в осознанную классовую борьбу с капиталом во имя торжества социализма.

Вышеприведенная трактовка пролетариата автоматически исключает положение, согласно которому пролетариат якобы исчезает с исторической сцены. Такие идеи возникают из ошибочной трактовки пролетариата как класса, занятого только в сфере физического труда. Как сообщает Здоров, в 1990 годах прошлого столетия, пролетарии города составляли 35–40 %⁴⁴ российского общества и это при том, что «реформаторами» была разрушена вся промышленность и доля пролетариата в обществе по сравнению с советским периодом резко сократилась. В целом же по планете работники наемного труда, по словам Славина Б. Ф., «составляют 90 % всего дееспособного населения большинства развитых стран мира»⁴⁵.

Обозначив основные особенности современного пролетариата, укажем на его современные организационные проблемы в России.

Организационные проблемы современного пролетариата и пути консолидации коммунистического движения России

Как говорил В. И. Ленин: «ни одно революционное движение не может быть прочным без устойчивой и хранящей преемственность организации»⁴⁶. Бедой сегодняшнего пролетариата является его классовая разобщенность. Как мы уже указывали выше, отдельные слои современного

⁴⁴ Здоров А. А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза. Марксистский анализ советского общества. М. 2006. Издание второе. С. 116.

⁴⁵ Славин Б. Ф. О социальном идеале Маркса. М. URSS. 2004. С. 77.

⁴⁶ Ленин В. И. Что делать. Сочинения. Т. IV. Издание 3. С. 456.

пролетариата полностью лишены классового самосознания. Многие его отряды просто деморализованы. В современном российском обществе восторжествовал принцип приспособленчества, а не борьбы. С нашей точки зрения, связано это с тем, что в течении долгого времени государство было советским, социалистическим, а следовательно, пролетарским. Это приучило наш пролетариат к вере в сильное государство, надежде на сильное государство. Но беда вся в том, что нынешнее государство не советское, а буржуазное и возлагать надежды на это государство, по меньшей мере, наивно. Потому сейчас с новой силой приобретает актуальность ленинское определение государства, согласно которому «государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы»⁴⁷. Именно классового подхода к сущности государственной власти так не хватает современной КПРФ, которая, увы, все дальше и дальше скатывается на позиции социал-демократизма⁴⁸. Лозунги по типу «Нет бездарной политике правительства по выводу страны из кризиса!» носят открыто социал-демократический характер, ибо выходит, что одаренная буржуазная политика может спасти Россию. Тем не менее, на наш взгляд, считать КПРФ окончательно социал-демократической партией не правомерно. Не смотря на капитальный отход от основных положений революционного марксизма, В Программе КПРФ провозглашена общественная собственность на средства производства, плановое управление хозяйством, социальные гарантии и прочие фундаментальные элементы социализма⁴⁹. Но, как должно быть понятно каждому, это уже и не коммунистическая партия. На наш, взгляд, КПРФ представляет собой переходную стадию между марксизмом и социал-демократизмом с усиленной тенденцией социал-демократического перерождения. Если говорить об остальных компартиях нашей страны, то среди них есть революционные и подлинно марксистские силы, но численность этих сил на сегодняшний день, не позволяет им захватить власть.

Таким образом, как видно из вышеизложенного, в настоящее время в России нет ни одной крупной компартии, которая бы в полном объеме на деле отстаивала интересы трудового народа. Это ведет к росту эксплуатации, за которой в скором времени может последовать обострение классовой борьбы. В условиях капитализма явление обострения классовой борьбы вполне естественно, но классовая борьба может быть осознанной, а

⁴⁷ Ленин В. И. Избранные произведения в шести томах. Издательство ЦК ВКП(б). 1934. Том VI. С. 300.

⁴⁸ Глубокий научный критический анализ деятельности КПРФ дан в работе Джохадзе Д. В. «Буржуазный парламентаризм и слепое бернштейнство как одна из основных причин кризиса современного российского и международного коммунистического движения». М. 2004.

⁴⁹ См.: Программа КПРФ.

может переходить в анархические, стихийные формы. При таких формах рабочий класс стихийно протестует, но это не приводит к кардинальным переменам. Это наглядно показывает нам пример западной Европы, в которой постоянно происходят погромы, акции агрессивного протеста, но из-за отсутствия там сильных компартий ленинского толка, все эти протесты дальше протестов и не смеют идти, потому происходит обыкновенный «выпуск пара».

Как мы уже говорили выше, сейчас в нашей стране имеется множество мелких коммунистических организаций и партий в той или иной степени отстаивающих интересы людей труда⁵⁰. Все эти организации с точки зрения классового подхода в основной своей массе пролетарские. Что касается теории, то между ними есть как фундаментальные различия (например, РКРП—РПК и КПРФ), так и банальная неприязнь друг друга со стороны амбициозных вождей (к примеру, ВКПБ-Андреевой и ВКП(б)-Лапина). Основной проблемой современного рабочего движения в России является его разобщенность. У нас много движений, партий, но все они выступают по отдельности и потому не могут составить существенный противовес силам буржуазии. Надо сказать, что «коммунистическая многопартийность» явление вполне естественное для периода реакции. В рамках КПСС негласно действовало множество течений и платформ, которые активизировались во времена «перестройки». На современном этапе коммунисты еще не смогли выработать единых идейных ориентиров, потому механическое объединение по принципу «мы называемся коммунистами, потому объединяемся» невозможно. Для подлинного объединения необходима ведущая компартия-авангард и идеологические основы. Ничего этого на сегодняшний день в стане коммунистических движений, к сожалению нет. КПРФ многие коммунистические организации и рядовые коммунисты не без оснований воспринимают как оппортунистическую партию, потому, на сегодняшний день, она утратила авангардную роль. Другой же подобной крупной компартии в нашей стране пока еще нет⁵¹.

Второй проблемой современного пролетариата является отсутствие единой революционной коммунистической теории. Как известно организационное объединение может происходить только вокруг каких то ори-

⁵⁰ Например: Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) // <http://kprf.ru/>; Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) // <http://www.kpss.ru/>; Движение «Трудовая Россия» // <http://trudoros.narod.ru/>; Российская Коммунистическая Рабочая Партия — Российская партия коммунистов (РКРП-РПК) www.rkrp-rpk.ru/; Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) (ВКП(б)) <http://bolshevick.narod.ru/> и др.

⁵¹ Тем не менее есть попытки консолидации ортодоксальных марксистских сил. К примеру, в настоящее время происходит объединение РКРП—РПК, КПСС и ВКП(б) будущего. С нашей точки зрения это следует воспринимать только положительно, ибо создание мощной, крупной, подлинно марксистско-ленинской компартии приведет к новому этапу развития рабочего движения в стране.

ентиров. А такими ориентирами должна быть марксистско-ленинская теория. Сегодня существует ряд принципиальных дискуссионных вопросов в среде коммунистических партий, которые необходимо решать. К таковым относятся: понимание пролетариата, перспективы диктатуры пролетариата, вопрос о классовой природе бюрократии, пути прихода к власти, вопросы использования легальных средств борьбы, отношение к советскому марксизму советскому социализму, сталинский марксизм и сталинский социализм, разработка механизмов самоочищения партии и многие другие вопросы.

В связи с вышесказанным, хотелось бы отметить соображения К. Каутского, который выделил четыре условия успешной смены формации. В своей работе «Путь к власти», Каутский пишет: «крупных политических потрясений можно ожидать только в том случае, если налицо следующие условия:

1. Режим должен быть решительно враждебен народным массам.
2. Должна существовать крупная партия, находящаяся в непримиримой оппозиции к этому режиму и поддерживаемая организованными народными массами.
3. Эта партия должна представлять интересы огромного большинства населения и пользоваться его доверием.
4. Доверие к господствующему режиму, вера в его силу и устойчивость должны быть поколеблены у самих орудий его — бюрократии и армии»⁵².

Не комментируя всех положений, хотелось бы отметить то, что Каутский не безосновательно подчеркивал важность наличия крупной массовой оппозиционной рабочей партии. Именно в организации, сплоченности и революционной теории всегда была и есть подлинная сила пролетариата. Без этих трех составляющих победа пролетариата и переход общества на социалистические рельсы развития будут не возможны.

Конечно, не следует наивно полагать, что объединение партий, пусть даже и одной направленности, произойдет механически. Этого никогда не было, нет, и не будет, так как все партии и движения преследуют свои интересы, у всех их существует свое видение социализма, отсюда следует, что никто из них не пойдет на уступки. Поэтому, с нашей точки зрения, объединение может произойти только в виде подчинения всех политических линий одной из многих ныне существующих. Проще говоря, необходимо, чтобы из всех ныне существующих коммунистических движений выделилось и усилилось одно движение и в ходе борьбы естественным образом встало бы во главе всего коммунистического фронта. Аналогично

⁵² Каутский К. Путь к власти (Политические очерки о вращении в революцию). Славяне и революция. М. 2006. С. 77.

и с теорией. Нет смысла объединять, скажем, троцкистов и большевиков-сталинцев. Напротив, необходимо жестко громить троцкистов и пр. отщепенцев от марксизма и консолидировать *большевистские* силы, ибо именно большевизм, как учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина должен стать той самой консолидирующей коммунистическое движение идеологией и теорией. Это испытанное оружие рабочего класса подлинны коммунисты должны держать в сохранности и цельности, при этом нужно не канонизировать его, а творчески развивать. Тогда и только тогда мы сможем вдохнуть новую силу в большевизм, и можно будет говорить о реальном объединении. В связи с этим, на наш взгляд, было бы неплохо сформулировать основные объединяющие тезисы, которые отразили бы в себе идеи диктатуры пролетариата, классовой борьбы, приверженности ленинско-сталинскому социализму, революционной тактики и пр. Сделать это должны те самые существующие ныне подлинно большевистские организации.

Однако если уйти от абстрактных размышлений и сухо взглянуть на суровую реальность, то становится очевидным, что сегодня нет большевистской организации, которая могла бы объединить все остальные. К сожалению, те скромные силы, какие у нас есть, либо крайне малы, либо просто разрознены, и эта разрозненность, увы, бывает очень часто из-за сути-бо личных разногласий руководящих сил этих организаций. Потому сейчас вряд ли можно надеяться, что «вожди» пойдут на такое объединение и пожертвуют своими амбициями, ведь все равно кому то придется подчиниться. Именно поэтому в данном случае уместным, с нашей точки зрения является другой способ объединения левых сил.

Другой вариант мы обозначим как объединение «снизу». Суть такого объединения состоит в том, что не зависимо от организационной принадлежности к какой либо группе, партии и пр. в рамках лево-патриотического движения, любой активист сотрудничает с другими активистами по линии конкретных задач, таким образом, организуя межпартийную работу по линии идейно-политической и практической. Руководители данных организаций под воздействием своих соратников будут вынуждены влиться в общую работу по консолидации и интегрироваться в общее коммунистическое движения страны, ибо в противном случае их действия будут расцениваться, как раскольнические и вредительские. В таком случае, если данный процесс получит широкий размах, можно надеяться на реальную, а не мнимую консолидацию пролетарских лево-патриотических сил России снизу на основе идей Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, а проще говоря, большевизма. Однако сразу же оговоримся, что это лишь наши субъективные предположения, единственным критерием в деле выработки способов и механизмов консолидации большевистских коммунистических сил может быть только практика такого объединения и ничего более.

Заключение

Подводя итог всей работе, обозначим к каким основным результатам мы пришли в ходе исследования. Их можно свести к следующим пяти:

1. Классовая борьба не теряет своей актуальности в современных условиях. Как мы уже показывали, в условиях империалистической глобализации происходят двоякие процессы: с одной стороны наблюдается глобальное классовое расслоение на так называемый «золотой миллиард» и страны «третьего мира», с другой в самих развитых империалистических странах происходит рост эксплуатации пролетариата, снижение заработной платы, общая милитаризация капиталистического мира.

2. При империалистической глобализации классовая борьба приобретает во многом преимущественно информационно-идеологический характер. Связано это с тем, что многих стран мира есть ядерное оружие, которое выступает сдерживающим фактором и препятствует развязыванию империалистами крупномасштабной мировой войны. В связи с этим господствующие классы империалистических стран перешли на новую тактику, а именно с войны «горячей» на войну «холодную» (информационную). При такой войне у народа-жертвы (или класса-жертвы) производят подмену понятий, ценностей. Народ (или класс), который лишен духовного стержня, намного проще подчинить и эксплуатировать, чем народ (или класс) придерживающийся идеологическим принципам, чтящий своих героев, поддерживающий преемственность поколений. Для ведения информационной войны империалисты создают различные научно-исследовательские организации (например, Тавистокский институт, Римский клуб и т. п.)⁵³.

3. Технический прогресс ведет к тому, что многие производственные функции, ранее выполнявшиеся людьми, теперь выполняются машинами. В связи с этим сильно видоизменяется и пролетариат, который представлен людьми наемного труда, а следовательно самой широкой социальной базой.

4. Рабочий является передовым отрядом современного пролетариата. Однако и рабочий класс также претерпел существенные изменения. Поскольку рабочим может считаться всякий занятый в производстве материальных и духовных благ, то становится понятным, теперь рабочий класс представлен не только традиционным рабочим классом, занятым преимущественно физическим трудом, но и людьми умственного труда (инженерами, учеными, преподавателями, врачами, программистами и пр.).

⁵³ Подробнее об этом см.: Дж. Колеман. Комитет 300. М. 2006.

Повышенная сознательность пролетариата и его передового ядра — рабочего класса делает его способными достойно противостоять буржуазии на фронтах информационной войны.

5. Если исходить из понимания пролетариата не как людей физического труда, а как, прежде всего, людей наемного труда, то мы приходим к выводу о том, что в целом пролетариат ни только не исчезает с исторической сцены, а наоборот возрастает, приобретает все более значимый вес в обществе.

6. Если говорить о России, то мы пришли к такому выводу, что на сегодняшний день, наиболее передовыми отрядам пролетариата является рабочий класс, а к наиболее передовым отрядам рабочего класса мы можем отнести техническую интеллигенцию, научных и педагогических работников и рабочих физического труда.

7. Основные проблемы пролетариата — отсутствие единой сплоченной пролетарской организации и единой непротиворечивой большевистской теории, которая бы вобрала в себя стержень революционного марксизма-ленинизма и была творческим его развитием. Эти недостатки крайне значимы, ибо победа пролетариата возможна лишь при наличии сплоченной организации и революционной ленинской теории. Буржуазия организует государство, крупные господствующие партии, монополии; создает научные институты для борьбы с силами справедливости и обоснования своего господства. Пролетариат тоже должен создавать свои организации, укреплять связь с оставшимися пролетарскими государствами, в целом крепить международное рабочее движение, развивать коммунистическую теорию и только так он сможет победить буржуазию, установить справедливое жизнеустройство на планете, именуемое диктатурой пролетариата. В противном случае человечеству трудно будет позавидовать, ибо капитализм закономерно ведет его к гибели, не оставляя выбора. Иными словами у нас всего два пути: «коммунизм или смерть».

Гуманистическая парадигма марксизма

Человечество вступает в постиндустриальную эпоху, унаследовав от исторического прошлого тяжелый груз проблем, требующих безотлагательного решения. Иначе невозможно поступательное движение истории, под вопрос ставится само существование человеческого рода. Общество продолжает сталкиваться с проблемами классовых, национальных, идеологических, религиозных противоречий. Но их масштабы, острота и последствия проявления многократно возрастают, принимают все более опасный характер.

Стремление к предельной рационализации и прагматизации за счет человеческого фактора, господство технологических ценностей над моральными ведет к опустошению духовного мира личности. Многие ученые констатируют нарастающее давление на человека стрессовых ситуаций, обуславливающих отчужденность и «потерю внутренней стабильности» человека, превращению его в безликий придаток техногенного и государственного механизма. «Противоестественные человеческой природе условия технизированного образа жизни», — пишет Эрих Фромм, — «ставят преграды свободному проявлению естественных наклонностей и потребностей человека, ограничивают свободу выражения индивидуальности и ведут к самоизоляции индивидов в окружающей их враждебной среде»¹.

Вследствие драматизма переживаемого человечеством переходного периода, сопровождающегося небывало масштабными катаклизмами и проявлениями античеловечности, на передний план мировой общественной мысли сейчас выдвинулась проблема гуманизма. Активизировался поиск идеалов и ценностей, способствующих преодолению наблюдающегося духовно-нравственного кризиса, гуманизации всей системы общественного бытия и человеческих отношений. В общественном сознании укрепляется идея неотложного построения миропорядка, соответствующего общечеловеческим представлениям о таких нетленных ценностях как свобода, равенство, справедливость, необходимости придания историческому

¹ Fromm E. *Escape from Freedom*. N.Y. 1986. P. 171.

прогрессу ненасильственного характера. Гуманистическое мышление становится велением нового времени, исторически необходимой идейной парадигмой.

В связи с возрастанием интереса к гуманистической проблематике активизировалась разработка ее теоретических и практических аспектов. Хотя исследование гуманизма как социально-этического феномена имеет длительную историю и обладает основательной научно-методологической базой, жизнь вносит свои коррективы в процесс эволюции гуманистических идей, диктует потребность их дальнейшего развития в контексте современности. Возникающие новые явления и тенденции общественного развития накладывают свой отпечаток на традиционные гуманистические принципы и ценности, влияют на расширение сферы их действия и возможности реализации в практическом плане. Социальные инновации придают идеологии гуманизма большую эффективность, стимулируют повышение роли гуманистических идеалов. «Подлинный смысл нового/реального гуманизма как раз и состоит в присвоении человеком „человеческой сущности“, всего предшествующего материального духовного богатства, в превращении его в человеческое богатство, в жизненно необходимое условие существования каждого индивида»².

Углубление процесса гуманизации зависит не в последнюю очередь от развития научного знания, требует мировоззренческого обеспечения. Возрастает роль академического сообщества, его усилий в разработке программ нового цивилизационного устройства.

Гуманизм можно определить как «человечность чувств» (К. Маркс), то есть такое специфическое собирательное качество восприятия человеком окружающего мира и его рефлексии на внешние обстоятельства, в которых находит выражение своеобразие человеческой жизнедеятельности, ее качественное отличие от природного мира. Аккумулируя в себе духовно нравственные ценности и поведенческие нормы, гуманизм относится к социально-философским категориям, которые, по определению К. Маркса, «имеют силу для всех эпох». Прогрессивным является все то, что гуманистично, что способствует возвышению человечности «людских отношений», что делает обстоятельства человеческого бытия «человечными».

Учеными высказывается предположение, что определенные гуманистические свойства заложены в биологической природе человека, изначально присутствовали в качестве неких генетически заданных программ сознания, направленных на обеспечение рационального функционирования формирующихся социальных общностей, выживания и воспроизводства человеческого рода. Г. Спенсер связывает истоки проявления гуманизма не только с социальным бытием, но и с природными корнями чело-

² Фролов И. Т. О человеке и гуманизме. М., 1989. С. 567–568.

веческой натуры, с врожденной склонностью людей к милосердию, заботе о потомстве, стремлению к мирному разрешению конфликтов³.

Можно считать закономерным, что формирование гуманистических идеалов и их широкое распространение совпадает с кризисными периодами истории и является симптомом осознания необходимости трансформация существующих общественных порядков.

Посредством гуманистических идеалов не только интенсифицируются социальные процессы, происходящие в настоящий момент, но и вырабатываются модели будущих образцов общественного сознания и поведения, предвосхищаются формы бытия и направления общественного развития в исторической перспективе. Гуманистические идеалы тем самым выполняют и прогностическую функцию, поскольку представляют попытку смоделировать будущее, исходя из наличного бытия, приблизить действительность к представлениям о должном. Они выступают не только как факт желаемого будущего, но и как имманентная цель истории, заключающаяся в бесконечном процессе совершенствования людьми окружающего мира.

Важнейший по своей теоретической и практической значимости вклад в исследование проблемы гуманистических идеалов был сделан марксизмом, раскрывшим их объективное содержание и роль в истории, детерминированность общественно-экономическими отношениями. Диалектико-материалистический подход позволил выявить общечеловеческий характер гуманистических идеалов, возможность их осуществления в соответствии с действием исторических закономерностей и через деятельность людей, преследующих свои интересы и цели. Получило научное обоснование положение, что только те социальные идеалы, которые формируются на основе назревших общественных потребностей и научного знания, обладают жизнеспособностью и являются исторически перспективными.

В марксистской концепции практически-духовного освоения мира был дан ответ на главный философский вопрос: как подняться от абстрактного человека к конкретному, сделать каждого индивида свободной личностью. Преодоление самоотчуждения человека означает по Марксу подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, полную эмансипацию всех человеческих чувств и свойств.

Гуманизм К. Маркса был не морализующим, а революционно-практическим. Конкретные пути осуществления гуманистических идеалов рассматривались им исходя из научного понимания соотношения теории и практики. Для того чтобы не только объяснять, но и изменять мир, необходимо соединение познания и практики, ибо разрешение жизненных

³ Спенсер Г. Справедливость. СПб., 1898.

противоречий не является задачей только познания, но требует активных человеческих действий.

Сейчас с наглядной очевидностью подтверждается высказанное марксистами предупреждение о том, что стремление монополистического капитала к всемирному господству будет сопровождаться эксплуатацией все большего числа наций, может привести к подчинению его диктату всего человечества. Действительно, вместе с ростом экономической мощи и глобальными масштабами деятельности современных монополистических корпораций неизмеримо возрастает их влияние на мировую политику и экономику, вмешательство во внутреннюю жизнь суверенных государств. В лице крупнейших транснациональных корпораций, присвоивших себе самовольно функции всемирного управления, фактически образовалась новая наднациональная структура власти, попирающая суверенитет и ущемляющая интересы государств. В создаваемом под лозунгом глобализации новом мировом порядке вершителями судеб мира выступает мировая олигархия.

Ни одно из существующих общественно-политических устройств не отвечает в полной мере требованиям гуманистического образа жизни, не обеспечивает свободного развития личности, воспроизводит ее отчуждение. Признавая наличие феномена отчуждения как неотъемлемого свойства капитализма, некоторые идеологи утверждают, что это явление представляет не общественную, а исключительно субъективную черту самой человеческой природы, имеющей якобы врожденный и извечный характер. К природному фактору апеллируют и критики научного социализма, утверждающие, что коммунистическая идея о бесклассовом и бесконфликтном обществе носит утопический характер, ибо не принимает во внимание внутреннюю противоречивость заложенных в человеке природных качеств. «Коммунизм такой, как представлял его себе К. Маркс, невозможен, — пишет американский политолог У. Фулбрайт, — так как он противоречит исторической действительности и мог бы быть осуществлен лишь благодаря такой революции, какую он не способен осуществить — революции в природе человека»⁴.

Несомненно, что процесс «переделки» человека, изменения его сознания и поведенческих реакций является самым сложным и во многом непредсказуемым по срокам и результатам делом. Не все здесь просто и объяснимо, слишком много остается нерешенных проблем и загадок. Наука задает больше вопросов, чем находит ответов по этому поводу. На долговременность и сложность трансформации человеческого мышления и поведения, качественных изменений в «помыслах и чувствах» людей обращали внимание и марксисты. Но они не разделяли пессимистических

⁴ Цит. по: The sociology of personality. N.-Y. 1988. P. 80.

взглядов в этом вопросе, обосновывали безграничную способность человека к социальной эволюции. Не идеализируя человека, объективно оценивая исторические возможности и физические возможности людей к совершенствованию своих качеств, марксисты воспринимают человеческую личность во всем ее многообразии и противоречивости, обусловленной существующей действительностью. Материалистическое понимание исторического процесса позволило научно подтвердить, что формирование определенного типа личности происходит под воздействием той общественной среды, которая служит материалом и объектом человеческой жизнедеятельности. Для изменения человека следует изменить обстоятельства его бытия, «сделать их человеческими».

Данными современной науки установлено, что человеческий интеллект имеет практически неограниченные возможности для своего развития. Видоизменения сознания, происходящие в процессе познания и практического освоения человеком окружающего мира, ведут к созданию новых форм социальных программ и образов мышления. Этим путем происходит воспитание новых поколений людей, развитие их духовных качеств. В жизненной действительности находит подтверждение марксистское положение о том, что вся история есть не что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы.

Основоположники марксизма научно формулировали интересы и цели рабочего класса, но их учение по своей содержательной сущности является общечеловеческим мировоззрением, поскольку в нем нашли воплощение общие разделяемые принципы гуманизма. Раскрывая объективную основу совпадения классовых интересов пролетариата с общечеловеческими, К. Маркс указывал на то, что он не может освободить себя без уничтожения собственных негодных жизненных условий, а уничтожить их невозможно без уничтожения всех существующих бесчеловечных условий бытия. Поэтому эмансипация рабочего класса есть основа эмансипация общечеловеческой. «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, — говорится в „Манифесте коммунистических партий“, — но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают будущность движения»⁵. Именно поэтому марксистский научный социализм обрел общечеловеческий статус как универсальная теория и методология исследования общественной жизни.

В настоящее время проблема соотношения классовых, национальных и государственных интересов, их взаимосвязи с общечеловеческими, приобретает еще большую значимость. Здесь, как никогда в прошлом, теперь требуется политика разумного балансирования и компромисса, учета взаимных интересов. Современный мир разделен на различные по своей об-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 458.

щественно-политической и этнической природе социумы, раздирается разного рода противоречиями. Но эти различия и противоречия не отменяют диалектического характера исторического процесса, наличия и взаимообусловленности в нем многообразных явлений и тенденций.

Интересы различных классов и слоев общества воплощают в себе диалектику общего и особенного. Общее — это то, что их в той или иной степени объединяет, особенное — то, что их различает, разъединяет и противопоставляет. В этой диалектике общего и особенного применительно к современному человечеству на первый план выходит один общий и объединяющий фактор — необходимость мирного сосуществования, так как силовое решение противоречий с применением новейших средств массового уничтожения равносильно самоубийству. Всеобщий мир и равноправное сотрудничество являются не только необходимой предпосылкой прогресса цивилизации, но и условием ее существования.

Приоритет общечеловеческих интересов не означает растворения классовых интересов в общечеловеческих, не ликвидирует классовых противоречий в обществе. Классовое противоборство остается, но формы его во многом видоизменяются, происходит перемещение некоторых его аспектов, расширяется и диапазон классовых интересов. Г. В. Плеханов в свое время высказал мысль о том, что если пролетариат хочет поставить защиту своих классовых интересов на широкую основу политической борьбы, он должен бороться за общие интересы истины, культуры, справедливости и человечности. К. Маркс смотрел на историю с позиций тех, кто ее творит. Но научный социализм связал преобразовательные устремления трудящихся с потребностью коренного преобразования всего существующего общественного устройства и не только ради интересов пролетарских масс, но и во благо всего человечества.

Классовый подход был и остается действенным методом научного анализа, но его нельзя абсолютизировать, поскольку он есть лишь средство, а цель коммунистического движения — построение бесклассового общества. Критерий классовости в любых случаях должен соотноситься и соответствовать в стратегическом плане интересам общества и отдельных индивидов. Никакие классовые и общечеловеческие интересы не могут существовать помимо и вне интересов конкретных людей, без учета и защиты прав и свобод личности. Всестороннее развитие индивидов является основополагающим, по Марксу, фактором всех происходящих социальных трансформаций.

Существует мнение об игнорировании К. Марксом норм этики, его нигилистическом отношении к нравственной проблематике, которая рассматривалась им преимущественно в критически-разоблачительном аспекте. Но с такой трактовкой К. Маркса, как ниспровергателя всех моральных ценностей, вряд ли можно безоговорочно согласиться. И прежде всего потому, что его критические суждения нравственного характера были

направлены, прежде всего, против морали господствующего класса буржуазии, которая обслуживала его интересы и служила средством оправдания существующей негодной действительности, разложения народных масс путам увлечения их в мир иллюзий возможности классового мира и гармонии интересов. Выступая против недооценки роли политической этики и ратуя за придание международной политике нравственного содержания, К. Маркс обращал внимание на необходимость соблюдения в политике норм нравственности, регулирующих межчеловеческие отношения. В качестве одной из обязанностей рабочего класса он ставил перед ним историческую задачу: «добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами в отношениях между народами»⁶. Эти требования «стыковки» политики и морали, использования нравственно обоснованных методов международного общения, о чем писал К. Маркс, теперь становятся общепризнанными положениями и зафиксированы в Уставе ООН.

Естественно, К. Маркс не завершил многое задуманное в своих исследованиях научной теории. Он не мог этого сделать потому, что был, во-первых, физически ограничен сроком своей жизнедеятельности, и, во-вторых, тем уровнем развития познания и общественной жизни, который имел место в его эпоху. Поэтому он не мог дать ответ на те вопросы, которые возникли и вышли на первый план уже в наше время, приобрели особую актуальность в XX и XXI веках. За это его критиковать нельзя.

Так же, как нельзя возлагать на К. Маркса вину за последующую вульгаризацию его учения, спекулятивного извращения марксистских идей с целью интерпретации их в качестве идейной основы милитаристской и репрессивной политики, терроризма и «насильственного отрицания» всего сущего. «Язык насилия и террора, — пишет американский политолог Р. Вальдер, — это язык марксизма, он создан и привнесен им в политическую практику общества»⁷. Заявляя, что якобы согласно марксизму не естественные законы исторической эволюции, а сила является первенствующим фактором социального развития, профессор философии Колумбийского университета Дж. Бейлс изображает марксизм в качестве «демиурга» всех революционных катаклизмов и общественных беспорядков. Вряд ли нужно доказывать, что ничего похожего на аутентичный марксизм здесь нет.

Показательно в этой связи отношение К. Маркса к политическому терроризму, который он определял как проявление авантюризма и «всемирно-историческое заблуждение», которому подвержены некоторые борцы за

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 11.

⁷ Walder R. Progress and Personality. N.Y. 1977. P. 331.

«блага человечества». Выражая убеждение, что «делать историю» посредством террора невозможно, он считал, что никакие ссылки на благие цели не могут служить оправданием террористических актов, лишаящих людей их основного права — права на жизнь. «Цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель...»⁸. Для достижения всемирной свободы и равенства основоположники марксизма призывали противопоставить «социальной войне социальный мир».

Можно по-разному оценивать успехи гуманизма, возможности и перспективы воплощения его идеалов в жизненную действительность. Но, несмотря на всю противоречивость и непоследовательность процесса гуманизации общественного бытия и человеческих отношений, несомненно, многое здесь уже достигнуто. Каждый этап истории знаменовался совершенствованием гуманистического образа жизни, создавал новые возможности раздвигал границы человеческой свободы.

Известно, что социальное прогнозирование является наиболее сложным и неблагоприятным занятием. Но идеологии научного социализма присущ исторический оптимизм, вера в конечную победу гуманистических идеалов. Конечно, с позиций сегодняшней действительности трудно представить общество, свободное от социальных антагонизмов. Это выглядит как несбыточная утопия. Но если она не может быть реализована в настоящее время, это не означает, что неосуществима никогда вообще. История есть, по сути, превращение утопий в практическую реальность, достижения одних целей и постановки новых по мере созревания возможностей их осуществления. Вопреки всем объективным и субъективным преградам идеалы гуманизма прокладывают себе путь, завоевывают умы людей. История, которую К. Маркс сравнивал с «кропотливым кротом», целеустремленно роющим свою дорогу, неизбежно придет к достижению гуманистических целей, начертанных на знаменах всех Великих революций.

К. Маркс обосновывал тезис о решающей роли практики в оценке и проверке научной теории. Но это, конечно, относится и к самому марксистскому учению, которое тоже прошло проверку теми трансформациями, которые происходили в последующие исторические периоды.

Идеи марксизма уже второе столетие освещают человечеству путь к обществу, которое явится подлинным разрешением противоречий «между человеком и природой, человеком и человеком...»⁹.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 65.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116.

Идеи К. Маркса об активности народных масс и развитие России

В марксистских воззрениях на народные массы одним из важнейших является знаменитое положение, которому придавал исключительное значение В. И. Ленин: «Вместе с основательностью исторического действия будет...расти и объем массы, делом которой оно является»¹. Эта формула широко известна, ей посвящена огромная литература, но в ее трактовке имелось немало неточностей и упрощений. Среди последних особое значение имела интерпретация формулы как *общесоциологического закона возрастания роли народных масс* в истории.

Во-первых, рассматриваемая формула не имеет общесоциологического значения. Маркс и Энгельс четко придали ей *перспективное* звучание (объем массы *будет* расти). Понимание данного обстоятельства снимает безосновательные нападки на Маркса, которому вменяют игнорирование фактов, свидетельствующих о том, что в прошлом крупные личности с относительно небольшим числом соратников (например, Петр I) осуществляли великие преобразования. Закон перспективы нельзя распространять на ретроспективу.

Во-вторых, роль народных масс — величина относительно константная. Она определена в марксизме как *решающая*. Прекрасное изложение этой идеи Лениным в работе «Карл Маркс» ни в малой степени не утверждает, что решающая роль масс *возрастала*. Конечно, нельзя сказать, что решающее значение творческой роли масс в истории реализовывалось на одной ноте. Спорадически их роль возрастала, но большей частью осуществлялась отнюдь не в оптимальной форме².

В свете сказанного встает ряд весьма сложных и важных вопросов. Многие из них ставились мной на протяжении почти полувека, однако это стало, главным образом, лишь источником личных неприятностей, не ока-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 90.

² См. об этом: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 208; Т. 25. С. 422; Т. 36. С. 81–82; Т. 39. С. 328 и т.д.

зав заметного воздействия на идеологический процесс. Поэтому дальнейшие размышления естественно продолжить в терминологическом русле. Изложу кратко ту трактовку понятий *народ*, *масса* и *активность*, которой придерживался на протяжении многих лет³.

«...По традиции, — пишут современные леворадикальные теоретики М. Хардт и А. Негри, — под народом понимается нечто цельное. Конечно, население имеет всякого рода различия, но понятие *народ* сводит их на нет, благодаря чему население наделяется определенной идентичностью: народ един...»⁴ С марксистской точки зрения это совершенно неверно. Соавторы трактуют население и народ как явления, равные по объему. В действительности их полное тождество возможно лишь в бесклассовом обществе. Народ далеко не всегда един. «Употребляя слово „народ“, — писал Ленин, — Маркс не затушевывал этим словом различия классов...»⁵ Эти различия двояки: между классами в составе народа (например, между рабочим классом и крестьянством) и между классами в составе народа и реакционными классами, не входящими в состав народа. *Народ — социальная общность, включающая в себя те классы и социальные слои, которые способны участвовать в общественном прогрессе.* Безосновательны многочисленные попытки отождествления народа и толпы: в отличие от толпы народ созидателен, он производит.

С массами дело обстоит сложнее. Это понятие употребляется в разном смысле. Так, Хардт и Негри утверждают: «*Массы...определяются как противоположность народа, поскольку...их нельзя свести к единству или всего одной идентичности.* Нет сомнения, что массы включают в себя разные виды и роды, но в действительности нельзя сказать, что массы состоят из разных социальных субъектов. Сущность массы в неразличимости: все черты своеобразия погружены в массу и скрыты ее толщею. Массы способны двигаться в унисон лишь потому, что составляют расплывчатый, единообразный конгломерат...»⁶

Абстракция «массы» если и обладает правом на существование, то для очень узкого применения. Употребление этого понятия предполагает выяснение: о какой массе (о каких массах) идет речь, кто в нее входит, каково ее субъективное состояние и т. д. В марксизме наиболее типичные словосочетания с термином «масса» — масса трудящихся, трудящиеся

³ См.: монографии *Беленького В. Х.*: Активность народных масс. Красноярск. 1973, § 2,3,4; Трудовой коллектив как социальный субъект. Красноярск. 1990. Гл. 2; Активные элементы социальной структуры общества: социально-философские и социально-политические проблемы. Красноярск. 1997; Преобразования в России и народные массы. Красноярск. 2001. Гл. 2, 4.

⁴ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. Пер. с англ. М., 2006. С. 4.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 124.

⁶ Хардт М., Негри А. Указ. соч. С. 4.

массы, широкие массы, народные массы, масса рабочих и т. п. Для марксистов масса не является противоположностью народу. Без участия широких масс нет подлинной политики и успешной экономики.

В формуле из «Святого семейства» речь идет о массе активной и активизирующейся. *Активность* — родовое свойство субъекта. Всякий субъект, его сознание и деятельность в принципе активны. Однако в каждый данный момент активность любого субъекта в силу относительности его знаний ограничена, а, следовательно, субъект в какой-то степени и пассивен. Эта пассивность связана и с тем, что субъект невозможен без объекта, объект же — более или менее пассивная сторона во взаимодействии с субъектом, которая, тем не менее, воздействует на субъект, как вызывая, так и умеряя его активность. Но особое значение соотношение активности и пассивности приобретает, когда оно рассматривается в социальной плоскости. В течение тысячелетий активность людей была ограничена совокупностью социально-экономических факторов, их деятельность искажалась, деформировалась, ибо широкие массы большей частью подвергались эксплуатации, а человек труда при этом не являлся субъектом труда. Наиболее очевидно это проявляется в буржуазном обществе, где отношение «между субъектом и объектом выворачивается наизнанку»⁷. Данное положение имеет особое значение для анализа жизнедеятельности групповых общностей. Истоки этого также раскрыты К. Марксом: «...Так как отдельный индивид не может сбросить с себя своей личной определенности, но может преодолеть внешние отношения и подчинить их себе, то *кажется*, будто во втором случае он пользуется большей свободой. Однако ближайшее исследование этих отношений, этих условий показывает, что индивиды известного класса и т. д. не могут преодолеть эти условия en masse (в целом — Б.В.), не уничтожив их. Отдельное лицо может случайно с ними справиться, но не масса закабаленных ими людей, ибо само существование такой массы выражает подчинение, и притом неизбежное подчинение индивидов этим отношениям...»⁸. Здесь обнаруживает себя то обстоятельство, что на протяжении длительных исторических периодов народные массы были пассивны.

Активность и пассивность предстают перед нами как полярные субъективные состояния социальных субъектов, свидетельствующие о степени развитости последних. Имеются в виду *целостные состояния*, т. е. речь идет о *социальной* активности. В принципе социальная активность должна проявляться в различных сферах общественной жизни, включает в себя экономическую, политическую, культурную и иные формы активности, причем социальная активность массы и индивидуума (например, класса и

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 127.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 107.

члена класса) существенно различаются, что соответствует приведенным мыслям Маркса из экономических рукописей 1857–1859 гг. Однако понимание социальной активности как целостного явления, особенно если речь идет о массовом субъекте, отнюдь не равнозначно пониманию ее как всестороннего феномена. Отдельные рабочие при капитализме нередко проявляют активность в труде, рабочий класс в целом — лишь в форс-мажорных обстоятельствах, например, во время 2-й мировой войны (Ю. Кучинский). В антагонистических обществах вспышки активности широких масс, связанные с войнами, восстаниями, революциями, носили спорадический характер. Следовательно, возможны различные модификации социальной активности. Одной из них является гражданская активность. Это понятие охватывает или совокупность актуальных в данный момент аспектов социальной активности, или политическую и правовую самостоятельность⁹ людей.

Хотя активность и пассивность — полярные субъективные состояния социальных субъектов, граница между ними подвижна. Активность социального субъекта не безгранична, а его пассивность — не бессубъектность. Субъективное состояние прежде всего предстает перед нами как состояние деятельности. Поскольку деятельность не внешне, не вынуждено, а внутренне необходима социальному субъекту, не навязана ему, а соответствует основным его побуждениям, характеризуется ярко выраженной субъективной стороной, — постольку она активна, оценивается как самостоятельность, инициативная деятельность, активное творчество. Если же субъективная сторона деятельности развита слабо, отношение субъекта к деятельности негативно, ее цели не соответствуют интересам и потребностям действующих, т. е. деятельность вызвана внешними обстоятельствами, совершается под давлением или по принуждению, не является необходимой для субъекта, напоминающего известным образом «выдрессированную силу природы» (Маркс), — то деятельность пассивна. Таким образом, тому или иному состоянию деятельности предшествует и сопутствует определенное социально-психологическое состояние. Взаимосвязь между тем и другим — важный канал воздействия на поведение масс. Наконец, проблема имеет и компаративный срез: более интенсивная, энергичная деятельность представляется более активной, и наоборот. Это обстоятельство также используется для влияния на субъективное состояние людей.

Особого внимания заслуживает малоисследованное многообразие форм субъективного состояния масс. Дело в том, что между активностью и пассивностью имеется немало промежуточных субъективных состояний, которые нередко остаются вне внимания теоретиков и политиков. Между

⁹ И у Маркса, и особенно у Ленина понятия *активность* и *самостоятельность* часто употреблялись как идентичные.

тем данный фактор может приобретать первостепенное значение. Возьмем вопрос о столыпинской реформе. Имеется ленинская трактовка реформы, с одной стороны, официальное преклонение перед ней и фигурой Столыпина, с другой стороны, и уклончивое, молчаливое, а то и оппортунистическое отношение к ним людей, которые относят себя к марксистам-ленинцам. СМИ распространяют всевозможные антимарксистские небылицы на сей счет, не встречающие адекватного отпора.

Вот типичный пример. Газета «Красноярский рабочий», в которой довольно часто выступают сановные члены КПРФ, 12.02.2008 опубликовала статью политического обозревателя РИА «Новости» П. Романова «Петр Столыпин как антипод Карла Маркса». Ближе к концу публикации говорится: «Столыпин стал для России антиподом Маркса, противопоставив революционному пути свой эволюционный путь...» Допустим. Но дело в том, что в середине статьи г-н Романов пишет: «Не вдаваясь в детали реформы, замечу лишь, что она носила, безусловно, революционный для России характер и являлась прямым продолжением реформы Александра II. Царь-реформатор раскрепостил крестьян, дав им возможность покинуть помещика и стать свободной личностью. Премьер-реформатор раскрепостил крестьян, дав им возможность уйти из-под не менее тяжкого бремени общины и стать свободным землевладельцем...»

Прежде всего, невозможно понять, какой же характер носила деятельность Столыпина — эволюционный или революционный? Но в одном Романов совершенно прав: Столыпин действительно продолжил дело Александра II. Царь-освободитель освободил крестьян практически без земли, а премьер-реформатор так и не дал им землю. П. Романов единожды цитирует Ленина. Цитирует, обрывая и ископая мысль автора. Но цитирует именно ту работу, в которой с наибольшей полнотой оценивалась столыпинская реформа — «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов». В этой работе — знаменитые слова: «Десять с половиной миллионов крестьянских дворов в Европейской России имеют 75 миллионов десятин земли. Тридцать тысяч преимущественно благородных, а частью также чумазных лендлордов имеют свыше 500 дес. каждый, всего 70 млн дес. Таков основной фон картины. Таковы основные условия преобладания крепостников-помещиков в земледельческом строе России, а следовательно, в русском государстве вообще и во всей русской жизни...»¹⁰

Учитывает ли П. Романов в своей статье о Столыпине эти факты? Не только не учитывает, но заявляет, что бремя общины было не менее тяжким, чем бремя помещичьего гнета. Поэтому Столыпин, направивший

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 403.

свою реформу против общины, представлен чрезвычайно прогрессивным деятелем. И, во всяком случае, Маркса он посрамил, а Ленин ему чуть ли не аплодировал.

В действительности и крестьянская передельная община, и помещичье землевладение были средневековыми институтами. Маркс, как известно, размышляя о перспективах общины, отмечал два возможных разворота событий: если в более развитых странах произойдет пролетарская революция, то при ее поддержке община может стать источником социалистического развития России; если же помощь извне не последует, то развитие капитализма уничтожит общину. Внешний фактор не сработал, и к началу XX в. община все сильнее разлагалась. (Следовательно, прогноз Маркса был точен). Но царизм до первой русской революции тщательно ее охранял, оберегал. Почему? Прежде всего, община была звеном *системы* пережитков крепостничества, которую надлежало защищать в целом виде. Кроме того, община выполняла важные фискальные и полицейские функции. Почитаемый г-ном Романовым граф Витте говорил, что «с административно-полицейской точки зрения община представляла удобства — легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности».

Но крестьяне в период первой русской революции показали себя отнюдь не стадом. Крупный современный историк Б. Н. Мironov пишет: «По закону от 9 ноября 1906 г. крестьяне получили право выходить из общины и укреплять землю в *личную собственность* без ее согласия, причем эти выходы государство всячески поддерживало. Поворот в аграрной политике был вызван тем, что во время революции 1905–1907 гг. община возглавила крестьянские беспорядки. Потеряв веру в ее лояльность, правительство сделало ставку на индивидуальные крепкие хозяйства и ради этого приняло ряд мер, стимулирующих выходы из общины». Здесь обнажается классовая суть столыпинской реформы.

Но это еще не все. Курс на разрушение общины и создание сельской буржуазии из кулаков должен был сохранить помещичье землевладение и обеспечить его постепенную буржуазную эволюцию. Самодержавие и его столпы, в том числе ныне прославляемые (Витте, Столыпин), не могли избавиться от синдрома средневекового восприятия российской действительности. Это выражалось в том, что они прежде всего отстаивали интересы помещичьего класса. Крестьянские же устремления воспринимались ими через призму сохранения остатков крепостничества. В результате происходило все большее размежевание самодержавно-помещичьих и крестьянских интересов. Естественно поэтому, что понимание роли общины у самодержавия и большинства крестьян оказалось противоположным. Следовательно, аграрная политика царизма в принципе не могла быть эффективной. (Чтобы обеспечить эффективность аграрной политики, само-

державие должно было ликвидировать помещичье землевладение. Но это означало бы, что царизм своими руками осуществил в России революцию.)

П. Романов утверждает, что реформа Столыпина была весьма успешна. В опровержение этого сошлюсь на того же Б. Н. Миронова, который, кстати, *положительно* оценивает реформу Столыпина. Он пишет: «несмотря на ощутимые потери, общинный строй к 1917 г. был еще силен, в особенности в великорусских губерниях: на традиционном общинном праве продолжали жить две трети русских крестьян, из них чуть более половины хранили верность мирскому строю из принципа, остальные — из-за нерешительности и других причин; выход из общины наиболее недовольных ею (а это были главным образом мироеды — В. Б.), скорее всего, консолидировал оставшихся»¹¹. Это — объективный показатель того, что крестьянство оказывало *массовое пассивное сопротивление* столыпинской реформе. Таких примеров, примеров пассивной формы активной деятельности и активной формы пассивной деятельности, можно привести великое множество¹².

Но вернемся к главному. На протяжении длительных периодов российской истории социальная активность широких масс была связана главным образом со стремлением к свободе (борьба против иностранных завоевателей, народные восстания, стремление освоить новые территории, где нет угнетателей и притеснителей, участие в оппозиционных движениях и т. п.). Постепенно стал складываться политический характер этого стремления. Соответствующая тенденция сформировалась в XIX в., была связана с развитием капиталистических отношений и выразилась в возникновении и демократизации революционного движения, которое прошло 1) дворянский, 2) разночинно-интеллигентский и 3) массовый (рабоче-крестьянский) этапы. 2 и 3 этапы были связаны с перипетиями реформирования российского социума вообще, аграрной сферы в особенности. Перманентное углубление противоречий, невыносимые для широких масс социально-экономические и политические условия жизни за короткий исторический срок породили три революционные волны, разрушившие до основания самодержавие и помещичье-буржуазный строй. С этой точки зрения невозможно согласиться с концепцией и основными положениями широко обсуждавшейся брошюры А. И. Солженицына «Размышления над

¹¹ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства В 2-х т. 3-е изд. СПб. 2003. Т. 1. С. 479, 483.

¹² Не всякая активность — благо. Ленин указывал в 1907 г.: «Можно быть главным двигателем победы другого класса, не умея отстаивать интересов своего класса. Революционная социал-демократия, не изменяя себе, не вправе ограничиться этим. Она должна помочь пролетариату из пассивной роли главного двигателя подняться до активной роли вождя...» (Полн. собр. соч. Т. 15. С. 380–381.)

Февральской революцией»¹³. Автор пытается реанимировать веховские взгляды, согласно которым русские революции — дело рук не широких масс, а интеллигенции. В его изображении народ России не являлся противником войны и монархии, не испытывал особых лишений, не совершал никакой Февральской революции, которая имела место быть лишь в Петрограде и описана с почти гротескным трагизмом. О рабочем классе в брошюре вообще не говорится, крестьянству же (впрочем, как и дворянству) предъявляются суровые обвинения: оно не сохранилось патриархальным и богобоязненным, частично спивалось, а частично разжигалось несправедливой жадностью к дележу чужого имущества. «Падение крестьянства было прямым следствием падения священства». В действительности низвержение старого строя было результатом соединения двух факторов — глубочайшего кризиса самодержавия, описанного А. И. Солженицыным весьма ярко, хотя и в писательской манере, и невиданного подъема революционной активности масс, признаваемого всеми объективными свидетелями событий.

Колоссальный размах активности трудящихся России на протяжении длительного периода — чрезвычайно интересный объект научного анализа. Не претендуя на полноту последнего, выделяю три обстоятельства:

1. Трансформация в послеоктябрьский период содержания и форм массовой активности, которая из разрушительной быстро превратилась в созидательную, из ограниченной главным образом задачами классовой борьбы — во всестороннюю. Это гигантски усилило творческое начало в жизни советского общества.
2. Размах активности, достигнутый в 1917–1921 гг., был так велик, что, несмотря на далеко не лучшие условия, распространился на несколько десятилетий.
3. Субъективное состояние широких масс в советском обществе с конца 20-х гг. XX в. подвергалось противоречивому воздействию, что, в конечном счете, привело к негативным следствиям.

В СССР были ликвидированы средневековые и капиталистические отношения, частная собственность, классы капиталистов и помещиков. Впервые была реализована идея общества ассоциированных производителей. Однако возникшая общественная собственность утвердилась в примитивной форме. К тому же возобладали и консервировались экстенсивные подходы к экономическому развитию страны. Советская власть не смогла ликвидировать бюрократизм со всеми его российскими аксессуарами. В обществе, сочетавшем колоссальные ресурсы с разрухой и убоже-

¹³ Российская газета. 2007. 27 февраля.

ством, утвердился политический режим, уничтоживший самодержавие, отвергший буржуазную демократию, но не обеспечивший торжество пролетарской демократии. Идти вперед можно было или восполняя дефициты насилием, уравниловкой, лишениями и манипулированием массами, или сняв все препятствия перед их творчеством. Режим пошел в основном первым путем, создавая всеобщую иллюзию, что идет вторым.

На базе государственной собственности в СССР сохранился и вырос рабочий класс, однако гражданская война, последовавшая разруха и индустриализация коренным образом изменили его субстратный состав: большинство рабочих составили недавние выходцы из деревни. Сохранилось, но стало кооперированным крестьянство. Выросла и обновилась за счет рабочих и крестьян интеллигенция, в том числе управленческая. Эти процессы сопровождались репрессиями, жертвами которых были прежде всего лучшие люди из всех слоев. В результате ухудшался субстратный состав всех классов и слоев населения и кадровый состав всех социальных и политических институтов.

Наиболее общей тенденцией перечисленных социальных сдвигов наряду со своеобразным раскрестьяниванием деревни явилось своеобразное окрестьянивание общества, сопровождавшееся усилением влияния и ранее широко распространенной общинной, артельной психологии. Общинность, артельность, пролетарская солидарность в условиях господства государственной и групповой собственности стали трансформироваться в коллективизм, общественные отношения — приобретать коллективистский характер, а персоналы предприятий — превращаться в трудовые коллективы.

Нормативно трудовой коллектив — организованная, социально активная трудовая общность людей, объединенных совместной деятельностью на базе общественного предприятия (организации), единством интересов, целей и воли, взаимной ответственностью. Однако трудовые коллективы как предмет теоретического определения и как реально существующие социальные субъекты полностью никогда не совпадали. В этом выражалось противоречие между их большой ролью и «недоразвитием».

Трудовые коллективы являлись и в известной степени и смысле пока еще остаются основной производительной силой страны. Они при советском строе сформировались как социальные субъекты, вошли как специфические институциональные группы в социальную структуру общества. Объективным источником субъектности трудовых коллективов явилась коллективность как присущая социализму форма общественных отношений. Причем они действовали во всех сферах общественной жизни, выступали как универсальная движущая сила развития общества.

«Недоразвитие» же трудовых коллективов было связано с рядом факторов. На заре советского строя это, прежде всего, ограниченность личности, члена общины в прошлом или настоящем, часто неграмотного или

малограмотного, с патриархальными привычками, соединившимися с идеями солидарности. Для таких людей подчинение миру, кругу, артели, большинству было естественно, как подчинение отцу. Эта зыбкая среда, освещенная коммунистической идеей, оказалась удобной для бюрократизма. Взаимосвязь последнего и складывающейся коллективности дала весьма своеобразный продукт — трудовые коллективы, которые не могли осуществить основной принцип коллективности: «При действительной коллективности индивиды добиваются в своей ассоциации и с помощью своей ассоциации также и своей свободы»¹⁴. Суть не в том, что в СССР свобода индивидов не была достигнута: ее достижение — длительный и сложный процесс движения к совпадению общей и индивидуальной собственности на основе развития техники, технологии, науки, образования и т.д.¹⁵. Однако сам процесс движения не усиливался, а ослабевал, и это в значительной мере было связано с положением трудовых коллективов, которые оказались встроенными в государственный социализм и тоталитарный режим. По существу происходило «рассубъективание» трудовых коллективов. Они все больше превращались в объектные элементы социальной структуры общества. Без учета этого обстоятельства невозможен серьезный анализ социально-экономических и политических процессов и в СССР, и в постсоветской России.

«Фактор трудовых коллективов» сыграл неоднозначную роль в судьбах советского общества. С социально-философской точки зрения трудовые коллективы были адекватной *формой* существования, функционирования и развития рабочего класса, кооперированного крестьянства и интеллигенции. Но изъяны, присущие советской системе, вносили в отношения между ними все больше диспропорций, разрывов, аномалий. Решающее значение имело то, что взаимодействие между элементами социальной структуры и трудовыми коллективами все меньше распространялись и все чаще вообще не распространялись или распространялось все одностороннее на номенклатуру, на партийную, советскую и хозяйственную бюрократию, порождая ее бесконтрольность и множество других пороков и следствий.

Так, десятилетиями декларировавшаяся ведущая роль рабочего класса все больше превращалась в фикцию, что само по себе стало причиной социально-политической и морально-психологической деградации. Постепенно этот класс перестал быть сколько-нибудь активной политической силой, стал объектом попечительства и демагогии, утратил субъектную форму жизнедеятельности. А поскольку его численность и официально провозглашаемая роль были велики, поскольку статисты из числа

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 75.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 773.

рабочих составляли большинство партии, советов и т. д., невольно маскируя любые действия номенклатуры в центре и на местах, поскольку имело место и спонтанное, и организуемое сближение и переплетение рабочего класса с другими слоями населения, — постольку он становился скорее сдерживающим, нежели активизирующим и активным фактором в системе движущих сил общественного развития. Режим и возглавлявшая его верхушка КПСС лишились своей социальной базы, стали опираться не на самостоятельность масс, а на бюрократический аппарат.

При социализме — даже первозданном и примитивном, как в нашем случае, — трудящиеся классы активны не против других классов и слоев, а «вместе с ними», главным образом — через трудовые коллективы, т. е. в форме, обеспечивающей не борьбу, а сотрудничество с другими социальными группами, нацеливающей прежде всего на труд, который становится главным видом деятельности не только рабочих и крестьян, но и классов рабочих и крестьян, и трудовых коллективов. Однако трудовые, особенно производственные коллективы, в которых концентрировались основные линии сотрудничества между различными социальными группами, в свою очередь утрачивали активность. Следовательно, в контролируемом номенклатурой социальном пространстве все социальные субъекты становились все более пассивными. А между тем предшествовавший прогресс общества способствовал тому, что ассоциированные в коллективы индивиды накопили значительный потенциал, искавший выхода, применения. Растущее количество людей были вынуждены или подчиняться режиму, или вступать в различные противоречия и конфликты с ним. Все это дает основания утверждать, что важным аспектом постепенного усиления стагнации в СССР был кризис движущих сил общественного развития, который не преодолен и до сих пор.

Разумеется, в новых социально-экономических условиях кризис приобрел и новые очертания. Здесь не место говорить об этом подробно¹⁶. Отмечу лишь, что важнейшими проявлениями кризиса движущих сил российского общества являются крайне низкое развитие предпринимательства¹⁷ и очень тяжелое положение и неудовлетворительное (с точки зрения собственных коренных интересов) субъективное состояние трудящихся классов, интеллигенции и трудовых коллективов¹⁸.

¹⁶ Попытка соответствующего анализа предпринята автором в работе: *Беленький В. Х. Преобразования в России и народные массы. Красноярск. 2001. Г. 4.*

¹⁷ Предпринимательство в собственном смысле слова — функция организации прогресса производства в условиях рыночного хозяйства. Соотношению между предпринимателями и собственниками, менеджерами, бизнесменами присущи тождество и различия (Й. Шумпетер, Б. Карлоф и др.).

¹⁸ См.: *Беленький В. Х., Данилова Э. В., Лунев В. В. Социальная структура современного российского общества. Красноярск. 2006.*

Особого внимания заслуживает рабочий класс. Это объясняется рядом причин:

1. Поворот общества к капитализму привел к принципиальным и исключительно негативным экономическим, социальным, политическим, правовым, культурным изменениям в объективном положении рабочего класса, что подтверждается многочисленными социологическими исследованиями (Б. И. Максимов, В. В. Трушков, С. С. Балабанов, Э. Н. Рудык, А. Л. Темницкий и др.). Значительно сократилась численность рабочего класса, хотя он и сейчас остается самым крупным социальным образованием российского общества (свыше 40 % занятого населения).
2. Рабочий класс в постсоветский период оказался практически неорганизованным и в политическом, и в профессиональном отношении. Существующие формы его партийной и профсоюзной организации совершенно не соответствуют потребностям рабочего движения.
3. Рабочий класс разоружен идеологически. Дело не только в том, что с ним не ведется сколько-нибудь серьезная, марксистская по содержанию идеологическая работа. Он подвергается систематическому и очень сильному воздействию буржуазной, националистической, религиозной, анархической, социал-демократической и пр. идеологий. Люди и организации, декларативно связывающие себя с марксизмом, принижают или отрицают значение рабочего класса, противоречия между трудом и капиталом, отбрасывают принцип классовой борьбы. Рабочий класс и его решающая роль в борьбе против капитализма подменяются интеллигенцией, причем полностью игнорируются ленинские идеи о взаимоотношениях рабочего класса и интеллигенции. Между тем в России ядро этих идей сохраняет свое значение и ныне.
4. На чрезвычайно низком уровне анализируются особенности рабочего класса России, учет которых имеет принципиальное значение для судеб нашего общества. Рабочий класс в условиях российского неокapитализма является носителем двух противоположных тенденций — положительной и негативистской, оппозиционной. С одной стороны, он выступает как важнейшая производительная сила общества, с другой стороны, его труд присваивается другими классами, что не может не порождать более-менее острых противоречий. *Как достичь оптимума в соотношении этих двух сторон в обществе, повернувшем от несовершенного социализма к несовершенному капитализму?*

Проблема имеет и социально-психологический аспект, взаимосвязанный со спецификой российского рабочего класса, его сознания и поведения.

Неоднократно об этом писал¹⁹. Но вот что бросается в глаза. Недооценивающие рабочий класс не понимают и его специфики в современных российских условиях; напротив, непредвзятые исследователи рабочего класса воспринимают его особенности пусть и не всегда точно, но более внятно²⁰. А ведь речь идет о причинах своеобразного поведения рабочего класса, которые не находят удовлетворительного объяснения у марксистских авторов.

Многие вопросы, актуальные для России, в странах классического и постклассического капитализма даже не стояли и не стоят. Сфера труда в этих странах для *рабочего класса*, в отличие от отдельных рабочих и, изредка, персонала отдельных предприятий, является, как уже отмечалось, сферой пассивного поведения (или активной формы пассивной деятельности). Но российский рабочий класс необычен. В его истории — десятилетия трудового энтузиазма, героизма, воодушевления. Резко изменить отношение к своей профессиональной деятельности он просто не мог. Вот почему в 90-х гг. имели место изумлявшие многих факты, когда зарплата не выплачивалась, а рабочие трудились. Отбросить полностью социалистическую трудовую мораль означало и означает оказаться не только в этическом, но и в культурном провале, что действительно имело место и с трудом преодолевается, а частично вообще не преодолевается. Как организовать и интенсифицировать этот процесс?

¹⁹ См., к примеру: *Беленький В. Х. Рабочий класс как объект социологического анализа // Социол. исслед. 2003. № 1.*

²⁰ Чтобы убедиться в этом, стоит сравнить оценки моих суждений об особенностях сознания рабочих, данных марксистом И. Г. Абрамсоном (*Социальная структура современного российского общества и задачи левых сил // Альтернативы. 2005. № 2. С. 11*) и социологом А. Л. Темницким. Последний пишет: «Действующие стереотипы сознания современных российских рабочих автор (Темницкий имеет в виду меня — В. Б.) рассматривает как специфический продукт специфического исторического процесса, подобного которому не было ни в одной стране. Основными социальными субъектами и пока еще основной производительной силой страны остаются трудовые коллективы. Явившись результатом исторического взаимодействия и трансформации общинности, артельности, пролетарской солидарности, коллективизм в условиях господства государственной и групповой собственности стал идеологией не борьбы, а сотрудничества рабочих со всеми другими социальными группами, нацеливающей прежде всего на труд. Автор делает вывод, что рыночные преобразования в России позволили ликвидировать экономическую основу производственных коллективов в промышленности, однако трудовые коллективы продолжают существовать и даже возникают на новых предприятиях. По данным наших исследований, принципы трудового коллективизма воспроизводятся даже на новых частных предприятиях... Именно в связи с нацеленностью рабочего класса на труд, с его коллективистскими ориентациями, с преобладанием привычного восприятия действительности и связаны, по мнению В. Беленького, низкая способность к сопротивлению, надежды на государство, на помощь предприятия, дирекции, поражающая иностранцев и социологов терпеливость» (*Темницкий А. Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // Мир России. 2006. № 2. С. 99*). И. Г. Абрамсон просто этого не понял.

Пока ни в плане трудовой деятельности, ни в плане отстаивания своих классовых интересов рабочий класс особой активности не проявляет. Это порождает огромное количество самых разнообразных реакций — теоретических, пропагандистских, превентивных, традиционных по форме, рецепционных, жестких, мягких, издевательских и т. д. Но, пожалуй, наиболее типичной и распространенной формой отношения к рабочему классу является своеобразный заговор молчания, способствующий тому, что рабочий класс, его существование, его проблемы оказались вне экономической, политической, правовой игры. Даже если признается, что рабочий класс существует, то он трактуется как исторически стигматизированная социальная группа. Широко распространено мнение, что этот класс не способен (потерял способность) сыграть самостоятельную роль в истории. Его рассматривают как резерв предпринимательства, как носителя мелкобуржуазности, как слой, утративший или утрачивающий солидарность и способность к сопротивлению, как нечто рудиментное, как придаток к интеллигенции и т. п. Для всех очевидно, что рабочих в России миллионы, что без них не обойтись, что существует большой дефицит рабочих кадров. Но все это — проблемы бизнеса. А в социологии социальной структуры, в сознании «политического класса», в СМИ господствует совершенно иной подход. Рабочего класса здесь чаще всего просто нет, рабочих растаскивают по 8–9 надуманным классам и социальным группам российского социума²¹. Социологи, политологи и политики как правого, так и левого толка нередко готовы признать антагонизм между господствующим классом и отбросами общества²², лишь бы затенить противоречие между трудом и капиталом. В постсоветской России значительной части молодежи удалось привить неприятие рабочего класса, рабочего старта в жизни, рабочей карьеры.

Таким образом, в России роль рабочего класса, а следовательно, и народных масс в целом резко уменьшилась. Это объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Упали самостоятельность и самодеятельность народа, его активность. Трудящиеся массы находятся преимущественно под чуждым влиянием. Активным проводником этого влияния выступают многие обществоведы.

Спрашивается, сохраняют ли свое значение центральные марксистские положения об основных классах капиталистического общества, о

²¹ См., например: Тихонова Н. Е. Социальная структура современной России // Свободная мысль. 2007. № 11.

²² Характерное положение: «Стиль жизни, потребительское поведение, ценностные ориентации представителей элиты и «дна» совершенно противоположны и антагонистичны» (Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М., 2006. С. 457). Напротив, рабочий класс представлен в исследовании как полностью лояльный по отношению к капитализации России.

противоречиях между трудом и капиталом, о роли рабочего класса? Может быть, в развитых капиталистических странах эти положения действуют в модифицированных формах, которые оказывают свое влияние и на Россию? Но в нашей стране только что происходило и, скорее всего, еще не завершено первоначальное накопление, не получившее, кстати, развернутой марксистской оценки. В чем его специфика? Какова мера единства общего и специфического при анализе положения и состояния рабочего класса России?

Что необходимо для того, чтобы изменить положение вещей, чтобы рабочий класс осознал свои ближайшие и коренные интересы (а в принципе может состояться тенденция к сближению тех и других) и активно их отстаивал *сегодня*, причем с позиций не прошлого, а будущего? Имеется в виду не развернутая программа действий, а определение того, что Ленин называл основным звеном в цепи стоящих задач. Такое звено есть, но свыше 15 лет его никто теоретически и политически не замечает, не хочет замечать. В результате жертвой являются рабочий класс, да и большинство трудящихся.

Речь идет о трудовых коллективах и коллективной собственности. Проблема трудовых коллективов нуждается в особом обсуждении и не может быть подробно рассмотрена в этом тексте. Скажу лишь о следующем. Все основные и наиболее острые вопросы развития современной России могут решаться в комплексе лишь в том случае, если социальной базой рабочего движения, отстаивания интересов широких масс и социалистической перспективы являются трудовые, главным образом, производственные коллективы. Институты, которые провозглашают себя защитниками трудящихся (политические партии, профсоюзы и т. д.), малоэффективны и непопулярны потому, что не понимали и не признавали этого обстоятельства. Но не связано ли это непонимание с тем довольно жалким состоянием, в котором находятся чуть ли не все трудовые коллективы — никому не нужные, выведенные из правового пространства, теряющие свои социальные свойства? Не стану разбираться в причинах всей этой ситуации, но подчеркну, что в том и состоит суть проблемы, чтобы остановить процесс разрушения трудовых коллективов как социальных субъектов и их превращения в ординарные персоналы предприятий и организаций.

Как это можно сделать? Ретроспективный анализ трудовых коллективов показывает, что их возникновение связано с заменой частной собственности на общественную. Ориентация на трудовые коллективы требует развернуть движение за превращение хотя бы части трудовых коллективов в собственников предприятий, что не противоречит российскому законодательству, однако противоречит интересам высшего класса и «крапивного семени». В этом ничего удивительного нет. Но крайне удивительно, что и левая оппозиция по разным причинам и под разными

предлогами не поддерживает лозунг коллективной собственности. Ссылаются, например, на слова Ленина: «Задача социализма — переход всех средств производства в собственность всего народа, а вовсе не в том, чтобы суда перешли к судовым рабочим, банки к банковским служащим. Если такие пустяки люди всерьез принимают, то надо национализацию отменить...»²³ Но при этом не обращают внимание на то, что в теперешней России национализация действительно отменена, т. е. ситуация в стране совершенно иная, нежели чем в марте 1918 г. Забывают, что когда это было необходимо, Ленин пересматривал принципиальные положения марксизма (переход к НЭПу). Упускают из виду его мысли о значении кооперации для строительства социализма в России (Однако это не делает верной мысль Б. Ф. Славина о том, что Ленин «обратил серьезное внимание на реализацию социал-демократических идей кооперативного социализма»²⁴.) Наконец, доказано практикой и СССР, и СФРЮ, что экономические возможности государственной формы общественной собственности при социализме имеют свои границы.

Почему требование коллективной собственности имеет принципиальное значение? Потому что (1) оно понятно трудовым коллективам и рассчитано на удовлетворение их ближайших интересов; (2) нацелено на экономическое возрождение трудовых коллективов; (3) может привести к возникновению экономического сектора, конкурентоспособного по отношению к частнокапиталистическому и казенному секторам; (4) способно обеспечить обновление трудовых коллективов, их превращение в важнейший фактор социального прогресса. Несколько слов о последнем пункте. Коллективная собственность — реальная основа для интеграции усилий, энергии, инициативы, новаторства трудовых коллективов и особой формы предпринимательства — предпринимательства без обладания собственностью. Это форма предпринимательства, которая может развеять миф о том, что предпринимательство однозначно тождественно капиталистическому бизнесу. Несмотря на бездарно потраченные полтора десятка лет, в России есть еще возможность, пусть и трудно реализуемая, развернуть экономическое соревнование между частнокапиталистическим и коллективным укладами, их сосуществование, совместное функционирование и совершенствование. Здесь прослеживаются и контуры конвергентного развития социума.

Чтобы преодолеть кризисное состояние рабочего класса и рабочего движения в России, предстоит сделать очень и очень многое. В научно-теоретическом отношении необходимо оптимальным образом соединить принципы марксизма с новаторским анализом специфических явлений, с

²³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 411.

²⁴ Славин Б. Ф. Новая модель социализма // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 6.

которыми столкнулся марксизм. К примеру, что толку в бесконечных перепевах задачи превращения российского пролетариата из класса в себе в класс для себя? Это очень походит на оглушение рабочего класса, который прошел три революции, одержал великие победы, потерпел тяжелое поражение. А после всего этого его пытаются пустить по старой политической дорожке, игнорируя не только его опыт, но и присущие ему формы социальной организации. Чего стоят досужие разборки на тему о том, кто выше в постиндустриальном обществе — рабочий класс или интеллигенция, если в неокapиталистической России пропадают трудовые коллективы, в которых рука об руку работают и способны солидарно бороться и рабочие, и интеллигенты? И так на каждом шагу.

Чтобы сплотить трудящихся России, поднять их роль в борьбе за процветание страны, за социализм, необходимо обеспечить рост социальной активности трудовых коллективов, широких масс. То обстоятельство, что эта задача в России до сих пор не решена и даже серьезно не поставлена, требует от российских марксистов самокритичного анализа своей теоретической и практической работы.

Марксистская диалектика и концепция единого закономерного мирового процесса

Характер современной марксистской философии определяется осмыслением современного состояния науки и общества, глубокого кризиса человеческой цивилизации. Истощение невозполнимых природных ресурсов Земли, ее растущее загрязнение, угроза необратимых изменений в биосфере обуславливает надвигающуюся экологическую катастрофу. Велика вероятность ухудшения генетического качества человечества, возникшая вследствие искусственного изменения природного состояния окружающей среды и накопления мутационных дефектов. Растут масштабы социального неравенства. По данным зарубежных исследователей, «разрыв в доходах на душу населения между самыми богатыми и самыми бедными странами за последние 200 лет возрос от соотношения 3:1 до приблизительного соотношения между 30:1 и 50:1. Если в 1960 году 20 % самого богатого населения Земли имели 70 % мирового дохода, то в 1991 году — уже 85 %. К началу третьего тысячелетия 5 % самых богатых людей в мире получали в 114 раз больше дохода, чем 5 % самых бедных, а „верхний“ 1 % — столько же, сколько „нижние“ 57 % в общей массе»¹. «Богатейшие 20 % населения Земли на сегодняшний день используют почти 80 % невозобновляемых природных ресурсов»². В ближайшем будущем по стандартам жизни ведущих капиталистических стран сможет существовать лишь один, так называемый, «золотой» миллиард людей из населяющих сегодня планету более шести миллиардов.

Какова будущая судьба «лишних» пяти миллиардов людей? В этих условиях резко возрастает угроза термоядерных, бактериологических и психологических войн.

¹ Greig A., Hulme D. and Turner M. Challenging global inequality: development theory and practice in the 21st century. L.—N.-Y., 2007. P. 2–4.

² Ibid. P. 190.

Кризис обусловлен неспособностью современного рыночного общества решать социальные проблемы в интересах всего населения Земли, противоречием между универсальной, способной к бесконечному прогрессу, родовой и индивидуальной человеческой сущностью и исторически преходящей социальной организацией общества. Сущность мира и человека, перспективы человеческого существования, казавшиеся ранее областью абстрактных философских проблем, становятся теперь вопросами непосредственного практического выживания человечества, его гибели или перехода на принципиально новую ступень развития.

Политический режим, установившийся в нашей стране после распада СССР, не способный сформировать четкую идеологию, поставить перед страной и обществом ясные цели и указать направление развития, пока спасается тем, что всячески критикует и пытается дискредитировать советское прошлое, ценности и идеалы коммунизма. Под эту, зачастую неправомерную, критику попадает и вся советская общественная наука, в частности марксистская философия, диалектический и исторический материализм. Однако нам представляется, что только она, являясь подлинно научной формой философии, способна адекватно ответить требованиям времени, развить свои положения, опираясь на современные достижения и открытия частных наук, связать с реальной жизнью абстрактные умозаключения. Неслучайно в статье «Марксизм» знаменитого Кембриджского философского словаря говорится, что «это *парадоксально*, когда марксизм отождествляют с тоталитаризмом, как делают, например, философы-постмодернисты, заведомо отказавшиеся от построения всеобщих теорий и решения глубоких вопросов»³. Исходя из положения объяснять мир таким, какой он есть независимо от человеческого сознания, марксистская философия формирует истинную, соответствующую действительности картину мира.

В современной марксистской философии коренное изменение мировой ситуации и требования к человеческому интеллекту нашло свое выражение в переходе от *абстрактно-всеобщей* теории к *конкретно-всеобщей* теории мира, человека, социального прогресса.

Используя высказанную Г. В. Ф. Гегелем — в первоначально несовершенной форме — программа перехода от абстрактно-всеобщих к конкретно-всеобщим понятиям, марксизм разработал как абстрактно-всеобщую теорию диалектического материализма (первый срез теории), так и конкретно-всеобщую теорию (высший уровень теории), которая нашла свое выражение преимущественно в «Капитале» К. Маркса, эпизодическое выражение во взглядах Ф. Энгельса, более развернутое — в работах В. И. Ленина и целостную разработку в современной марксистской философии.

³ The Cambridge Dictionary of Philosophy // Gen. editor R. Audi, Cambridge University Press. 1999. Sec. ed. P.539.

В абстрактно-всеобщей теории идеалом являлось получение понятий всеобщего, максимально очищенного от всякого особенного, что, как показал гениальный Г. В. Ф. Гегель, с известного момента, означает омертвление теории. В конкретно-всеобщей теории всеобщее включает в себя особенное. Способ включения, первоначально описанный Г. В. Ф. Гегелем как содержание особенного во всеобщем («в-себе»), получил в современной марксистской философии более глубокую трактовку. С этой точки зрения, Дж. Д. Уайт в работе «Карл Маркс и интеллектуальные источники диалектического материализма» пишет, что К. Маркс многое перенял у Г. В. Ф. Гегеля, основу системы которого составляют понятия всеобщего, особенного и единичного. «И Гегель, и он сам брали Всеобщее и Особенное и использовали их одинаковым образом — как связующие понятия для категорий: у Гегеля — философских, у Маркса — категорий политической экономии. В своей „Критике политической экономии“ Маркс решал ту же задачу, что и Гегель в „Логике“, то есть брал категории — в случае Маркса категории политической экономии — и показывал, как они могут быть связаны в целостную систему. Он намеривался доказать, что самая простая категория, товар, необходимо приводит к наиболее общей, мировому рынку, и что тенденция к созданию мирового рынка изначально заложена в самой сущности капитала»⁴.

Современная конкретно-всеобщая философская теория базируется на концепции *единого закономерного мирового процесса* (ЕЗМП) как бесконечного движения от низших форм материи к высшим (в известных нам пределах, это — физическая, химическая, биологическая и социальная формы), выстроенной на совокупности данных современных фундаментальных наук.

В доступной нам современной западной философской литературе мы не находим подобной теории, зато четко поставлено требование ее создания. Так, Т. Нагель, называет свою философскую позицию реализмом. «Реализм — это взгляд на мир, который предполагает независимость этого мира от нашего сознания, ... противоречащий идеализму»⁵. В работе «Взгляд ниоткуда» он пишет: «нужно то, чего у нас нет: теория сознательного организма как физической системы, состоящей из химических элементов и занимающей определенную часть пространства, которая также имеет индивидуальный взгляд на мир и, в определенном смысле, возможности самопознания. Каким-то образом, который мы не понимаем, наше сознание, как и наше тело, организуют бытие, если эти компоненты сочетаются в подходящем порядке. Странная истина заключается в том, что данный

⁴ White J. D. Karl Marx and the Intellectual Origins of Dialectical Materialism. London, 1996. P. 358–359.

⁵ Nagel T. The view from nowhere. L. — N.-Y., 1986. P. 90.

комплекс, биологически управляемые физические системы, примером которого является каждый из нас, обладает богатством нефизических свойств. Это должна объяснить интегральная теория реальности, и я верю, что когда она появится, ... она радикально изменит наше представление о вселенной»⁶. Разработка такой теории осуществляется учеными Пермской философской школы: В. В. Орловым, Т. С. Васильевой, А. Н. Кобловым, О. А. Баргом и другими (Орлов В. В. «Материя, развитие, человек», 1974; «История человеческого интеллекта», 1999, 2002; «Основы философии», 1991, 1997, 2001, 2006; Васильева Т. С., Орлов В. В. «Химическая форма материи (химия, жизнь, человек)», 1983; Коблов А. Н. «Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика», 1987; Барг О. А. «Живое в едином мировом процессе», 1993 и другие).

С этих позиций бесконечный мир предстает как единое, бесконечно развивающееся целое. В его развитии выделяется магистраль, подчиненное ей развитие низшего и развитие низшего, не включенного в высшее. В ЕЗМП обнаруживается 1) *всеобщий закон* развития; 2) закономерность *конвергентного* развития; 3) закономерность *аккумулятивного* развития; 4) *всеобщий генетический закон* повторения этапов эволюции материи в функционировании каждой из ее основных форм.

Наипростейшей из известных нам форм материи (ФМ) выступает физическая ФМ (ФФМ) Единство *физической формы материи* проявляется в наличии общих свойств, сущностных только для нее. К таким общим свойствам физических явлений можно отнести пространственно-временные (координаты, длина, время существования, скорость, кривизна пространства и т. д.) и масс-энергетические свойства, определяющих структуру, характер движения и взаимодействия физических объектов (масса и энергия, импульс, заряд). При этом, наиболее важными свойствами являются *масса* и *энергия*, они находятся в глубокой диалектической связи, выражаемой соотношением Эйнштейна: $E = mc^2$. Единство и закономерности в этих двух группах свойств определяется общей теорией относительности. Современная физика вплотную подошла к границе, отделяющей ФФМ от цикла *субфизических* ФМ.

Химическая форма материи (ХФМ) представляет собой так называемый *над-массэнергетический* мир. Она характеризуется большим качественным и количественным многообразием, по сравнению с физической. В основе представления о химическом способе существования лежит понятие химической реакции как относительно самостоятельного превращения, связанного с конечным числом реагирующих субстратов. Химический процесс диалектически раскрывается как единство синтеза и распада, выступающих в качестве частных случаев прогресса и регресса. Общим ин-

⁶ Nagel T. The view from nowhere. L. — N.-Y., 1986. P. 51.

тегральным направлением химических превращений является *непосредственный субстратный синтез*. Что касается закономерностей развития химической формы материи, то их раскрывает основной закон химии — *периодический закон*, включающий в себя как собственно химический, так и физический уровни.

Направленность химической эволюции от простого к сложному ведет, в конечном итоге, к возникновению *живой материи*. Какое-то время в науке господствовала точка зрения, согласно которой возникновение жизни на Земле объяснялось случайностью. Однако сегодня, исходя из современных научных знаний, случайность синтеза молекул РНК и ДНК, определяющих жизнь, представляется маловероятной. Более того, самого времени существования Вселенной было бы недостаточно для возникновения жизни на базе случайности.

Закономерно возникая на основе химизма, *биологическая ФМ* (БФМ), включающая в себя в подчиненном виде белки, жиры, нуклеиновые кислоты и минеральные соединения, обнаруживает противоречие между абсолютной тенденцией к самосохранению и ограниченными биологическими условиями ее осуществления — приспособлением к среде. Закономерным результатом эволюции живого возникает человечество, *социальная ФМ* (СФМ), сущностью которой является *производство самого себя*. Человек — единственная в мире сущность, которая производит, творит самое себя.

Концепция мира как ЕЗМП, по нашему мнению, имеет важное значение для современной науки. Она позволяет понять единство и закономерную взаимосвязь современных фундаментальных наук: физики, химии, биологии и социальных наук. Одной из замечательных черт науки XX века является то, что идея развития, которая в XIX веке была ясно представлена только в теории Ч. Дарвина, теперь вошла во все фундаментальные науки. В физику — благодаря эволюционной космологии, основанной на общей теории относительности. В химию — благодаря теории эволюционного катализа. Достижением науки XX века, таким образом, является *диалектизация всех фундаментальных наук*; определенное выражение этого процесса получено в идее глобального эволюционизма, которая поддается последовательной интерпретации с позиций диалектики.

Концепция ЕЗМП позволяет понять закономерный характер возникновения человеческого общества, человека как высшей ступени развития мира, закономерно возникающей в силу *самой природы материи* (Ф. Энгельс), несущего в себе, в сокращенном и обобщенном виде, бесконечное многообразие мира как единство конечного и бесконечного; всеобщего, особенного и единичного, в силу чего человек способен к бесконечному познанию и преобразованию мира. В способности к бесконечному развитию при сохранении своей сущности — *величие и достоинство* человека. По опреде-

лению В. В. Орлова, человек есть *концентрированная и персонифицированная сущность мира*.

Проблема возможности познания и преобразования бесконечного мира с помощью конечного человеческого опыта, в принципиальном виде решенная конкретно-всеобщей теорией, приводит в тупик современную западную философию. «Мы — маленькие существа в большом мире, о котором мы имеем очень поверхностное представление... Что бы мы не делали, мы остаемся подчиненными частями этого мира, с ограниченным доступом к сущностной природе остального мира и нас самих... Объективность сама по себе приводит к осознанию, что ее собственные возможности ограничены, поскольку в нас она выступает как способность, а мы — конечные существа»⁷.

Утверждение о случайности человека в мире — по сути, единственная альтернатива решению проблемы современной формой научной философии — представляет собой скрытую форму «парадокса лжеца», ибо случайный человек не может судить о своей случайности.

Современной философией марксизма разрабатывается трактовка современного *постиндустриального* (информационного, информационального) общества, созданная Беллом, Тоффлером, Кастельсом, Дракером, Дарендорфом и другими. Как известно, в теории были выдвинуты трактовки постиндустриального общества как «неэкономического», основанного не на материальном труде, а на «творчестве». Несомненный интерес вызывает его оценка как постбуржуазного, посткапиталистического общества (Дракер, Дарендорф и другие). Постиндустриальное общество характеризуется предсказанным еще К. Марксом превращением науки в непосредственную производительную силу, превращением информации в главный ресурс и продукт производства, развитием сферы услуг (науки, образования, медицины и другие), изменением классовой структуры общества, появлением сетевых структур и так далее.

Адекватная трактовка современного постиндустриального общества возможна, по нашему мнению, на основе *трудовой парадигмы* К. Маркса. В «Капитале», «Экономических рукописях 1857–1863 гг.» К. Маркс предсказал появление новой исторической формы труда — *автоматизированного, всеобщего, или научного, труда*, которое приводит к тому, что общественное богатство начинает, все в большей мере, зависеть не от затрат «непосредственного труда», измеряемого рабочим временем, а от мощи тех природных сил, которые, благодаря успехам естествознания, вовлекаются в процесс производства. Это осуществляется благодаря всеобщим силам самого человека, откуда и название — всеобщий труд. Возникновение всеобщего труда закономерно приводит к вырождению основы товарного

⁷ Nagel T. The view from nowhere. L. — N.-Y., 1986. P. 5–7.

производства — стоимостного отношения. Разрушается пропорциональность между произведенным вещественным богатством и затратами непосредственно рабочей силы, что приводит к разрушению рынка, товарного производства, его высшей формы — капитализма. Замечательной особенностью постиндустриального общества является возникновение производства информации, которая выступает в виде мыслительной информации. Постиндустриальное общество, таким образом, основано на принципиально новой форме материального труда — производства абстрактных материальных структур (информации).

Современный марксизм за рубежом. Позиции и оценки

В статье «Марксизм» знаменитого Кембриджского философского словаря говорится, что «это *парадоксально*, когда марксизм отождествляют с тоталитаризмом, как делают, например, философы-постмодернисты, заведомо отказавшиеся от построения всеобщих теорий и решения глубоких вопросов»⁸. Поэтому величайший интерес для нас представляют зарубежные исследования и оценки марксизма. Показательной работой в этом плане является серьезная аналитическая монография Дж. Д. Уайта «Карл Маркс и интеллектуальные источники диалектического материализма», выпущенная в 1996 г. издательством «MacMillan Press LTD» в Великобритании и в «St. Martin's Press INC» в США.

В сферу научных интересов автора книги Дж. Д. Уайта входит изучение Российской и Советской истории. Он является лектором Института Русских и Восточно-Европейских исследований и университета Глазго. Им также опубликована книга «*Русская революция 1917–21: краткая история*».

Монография «Карл Маркс и интеллектуальные источники диалектического материализма» состоит из восьми глав, предисловия, введения, заключения и справочного аппарата. В него входят примечания, вспомогательный указатель имен и понятий, а также библиографический список, включающий неопубликованные источники, первичные и вторичные источники. В ней 416 страниц.

В *предисловии* Дж. Д. Уайт задается вопросом: в чем состоит вклад К. Маркса в историю интеллекта. Цель исследования — объяснить, каким образом идеи К. Маркса выросли из атмосферы немецкой классической философии и как они были применены в русских революционных кругах, породив «диалектический материализм», ставший фундаментом Советской идеологии, что, в свою очередь, повлияло на понимание этих идей на западе. Поэтому автор выделяет как теоретический, так и исторический

⁸ The Cambridge Dictionary of Philosophy // Gen. editor R. Audi, Cambridge University Press. 1999. Sec. ed. P.539.

аспекты исследования. Он прослеживает философскую мысль, начиная с идей И. Канта (1790-е гг.) и заканчивая русскими революционными мыслителями (1890-е гг.). Особое внимание уделено терминологии — автор систематизирует употребление таких понятий, как природа сознания и мысль, всеобщее и особенное, внешнее и внутреннее, природа и общество. Все термины начинаются с заглавной буквы.

Во *введении* ученый представляет свою точку зрения на то, почему идеи К. Маркса во многом не поняты. Во-первых, считает он, К. Маркс не объяснял в своих работах то, что было хорошо известно его современникам. Во-вторых, многие исследователи К. Маркса прямо проецируют его взгляды относительно XIX века на современное общество, объясняя это их универсальностью, что делает необходимым тщательно сверять вторичные источники с первичными. В связи с этим, Дж. Д. Уайт рекомендует ряд книг, которые, по его мнению, адекватнее всего интерпретируют К. Маркса: «Младогегельянцы и Карл Маркс» Д. МакЛеллана, «Основные течения в марксизме» Л. Колаковски и др. Подобные ссылки он дает на вторичную литературу по всем великим философам и философским течениям, о которых идет речь в книге. В-третьих, и это автор считает самой серьезной проблемой, К. Маркс многое перенял у Г. В. Ф. Гегеля, который также плохо понят исследователями. Именно поэтому Дж. Д. Уайт обращается к изучению Г. В. Ф. Гегеля. «Чтобы понять, как построена система Гегеля, самое существенное — уяснить, что составляющие Дух элементы есть Всеобщее, Особенное и Единичное» [с. 4]. В-четвертых, при изучении младогегельянцев, автор столкнулся со сложностями систематизации обилия литературы. В качестве основы он берет работы венгерского марксиста Г. Лукаса, которые подробно рассматривает.

Уже здесь Дж. Д. Уайт говорит о принципах создания системы К. Маркса. На его взгляд, К. Маркс, как и Г. В. Ф. Гегель, использовал существующие идеи как основу для ее построения. «Подлинный Маркс выступает не в создании научного материала, а в его интерпретации. Как и все величайшие мыслители своего времени, Маркс брал существующий пласт идей и подавал его в новом виде, так, что он обозначал переход на логически следующий уровень по отношению ко всему предшествующему интеллектуальному развитию» [с. 15]. Поэтому свою задачу автор видит в том, чтобы обогатить исследование идей К. Маркса в двух направлениях: в будущее, чтобы обрисовать влияние К. Маркса, и в прошлое, чтобы проследить динамику развития немецкой философии, кульминацией которой и является учение К. Маркса. Дж. Д. Уайт подчеркивает, что он начинает свое исследования, не ставя целью подведение его к заранее известному итогу, что позволяет использовать всю совокупность источников, а не отбирать лишь подходящие по заданному принципу.

Отправная точка исследования — письмо К. Маркса Ф. Энгельсу от 25 марта 1868 года, в котором Дж. Д. Уайт видит «элемент продолжения Марксом Гегеля, основанный на значении терминов „всеобщее“ и „особенное“» [с. 20]. Для Дж. Д. Уайта данные понятия становятся своего рода маячками, которые, с момента их появления в философском словаре немецких ученых, ведут его по тропе эволюции философской мысли через И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля к К. Марксу. Следует отметить, что Дж. Д. Уайт не выделяет термина конкретно-всеобщее, говоря о философских системах последних.

Первая глава, *«Наследие романтиков»*, состоит из следующих частей. *«Идея системы»*, где обосновывается принцип интеграции философами предшествующего научного знания. В этой части показано, что термин «всеобщее» введен И. Кантом в качестве сущностной характеристики знания *a priori*. И. Г. Фихте подчеркивает, что его система «вышла из Всеобщего и была продолжена Особенным, развилась из знания *a priori* к эмпирическому знанию, из абстрактного к конкретному» [с. 29]. *«Разум»*, где объясняется появление идеи отражения (отображения). *«Природа»*, в которой собраны различные определения, существовавшие в то время. Природа, по И. Г. Фихте, представляла собой особенное. Появляется термин «кристаллизация» для обозначения перехода из меняющегося в стабильное состояние. В части *«Общество»* дано определение Ф. Э. Д. Шлейермахером единичного (индивидуального) как синтеза всеобщего и особенного. *«История»* — последняя часть главы, где уже обозначен переход к Г. В. Ф. Гегелю.

Во второй главе, *«Гегель»*, в части *«Логика»*, Дж. Д. Уайт раскрывает концепцию, связывающую понятия-маячки. «Всеобщность Духа вовсе не Абстрактна, это конкретная Всеобщность, то есть — Единичность. По Гегелю Дух состоит из трех элементов или „моментов“. Первый из них — Всеобщность в своем условном значении, Абстрактная Всеобщность, Всеобщность как таковая или „в себе“. Однако она сопровождалась вторым элементом, наполненным конкретным содержанием, Особенностью, которую Гегель обозначил как бытие Духа „для себя“. Третий момент есть синтез двух первых, идеальное равновесие Всеобщности и Особенности, Абстракции и конкретного содержания. Третий момент есть Единичность, Дух „в себе и для себя“» [с. 73]. Автор также выделяет серию категорий: «бытие», «ничто» и «развитие». В части *«Общество»* проводится параллель между понятиями: «семья», «гражданское общество» и «государство» — и категориями, рассмотренными в части *«Логика»*. Часть *«История»* содержит мысль о движении природы в лице человека к духу и об освобождении духа от природы.

В третьей главе, *«Младогегельяницы»*, в части *«Христология младогегельянцев»*, автор подробно рассматривает выступления Д. Штрауса,

Б. Бауэра и Л. Фейербаха против христианства. В части *«Политическая мысль младогегельянцев»* Дж. Д. Уайт описывает эволюцию течения от полной поддержки к оппозиции существующему режиму. В части *«Маркс как младогегельянец»* говорится, что особенно значимым моментом философии Г. В. Ф. Гегеля К. Маркс считал выделение абстрактной категории всеобщности. В качестве основного пункта *«Полемике Маркса с младогегельянами»* встает вопрос об исторических обстоятельствах, которые, по мнению К. Маркса не просто меняются, а изменяются самими людьми.

Четвертая глава, *«Маркс»*, представляет собой комплексное исследование экономической теории К. Маркса с опорой на его важнейшие труды: *«К критике политической экономии»* и *«Капитал»*. В части *«Марксова концепция критики политической экономии»* исследуется происхождение терминов *«гражданское общество»* и *«отчуждение человеком своей общественной сущности»*. «По Марксу, следовательно, Общество, или Коммунизм, есть как итог человеческого развития, так и собственно его отправная точка, начало и результат» [с. 148], в котором человек и его общественная сущность будут представлять собой целостное единство. Стоит отметить, что источником теории, включающей также понятия обмена, абстрактного труда и денег, является, согласно Дж. Д. Уайту, не что иное, как диалектика всеобщего — особенного. «В построении системы на взаимозаменяемости Всеобщего — Особенного Маркс применял метод, который был испробован Гегелем и найден надежным для выведения философских категорий» [с. 155]. Часть *«Первый набросок „К критике политической экономии“»* содержит идею прямой параллели между формулой товарного обращения К. Маркса: $C — M — C$ (товар — деньги — товар), общей формулой капитала: $M — C — M$ (то есть покупка товара для продажи его с целью получения прибыли) и диалектическим принципом $P — U — I$ (особенное — всеобщее — единичное). Далее, в части *«Третий набросок „К критике политической экономии“»*, автор приводит планы труда К. Маркса *«Капитал»* с целью показать, что всю работу К. Маркс выстраивал в соответствии с логикой всеобщего, особенного и единичного.

Пятая глава, *«Маркс и русские»* выявляет как особое внимание, уделяемое К. Марксом экономическим процессам в России, так и заинтересованность со стороны русских в идеях К. Маркса. «Движение навстречу» начинается с отмены в России крепостного права. Это событие подробно исследуется Дж. Д. Уайтом в части *«Крестьянская реформа 1861»* — выявляются ее причины, сущность, последствия. В продолжение нескольких частей автор рассматривает воззрения Н. Г. Чернышевского на возможность построить в России социализм на основе крестьянской общины, «перепрыгнув» капитализм, и противоположные им взгляды А. И. Герцена. Что же касается К. Маркса, то в одном из своих писем он указал на то, что «история предлагает большое разнообразие возможностей, а это делает

невозможным *a priori* пользоваться историческими схемами» [с. 242]. «Обстоятельства таковы, что, возможно, крестьянскую общину спасет только революция, которая прервет современный круговорот капитала и перераспределит ресурсы в пользу общины. Маркс верил, что, если такая революция произойдет, Россия будет подходящим местом для построения социализма на основе общины» [с. 278]. Среди русских мыслителей, известных К. Марксу (со многими он вел переписку), Дж. Д. Уайт выделяет М. М. Ковалевского, Г. А. Лопатина, Н. И. Сьебера, В. Засулич и др.

Удивительно, но посвященная Ф. Энгельсу шестая глава — самая маленькая в книге. В ней вкратце рассмотрена диалектика природы и истории как основные проблемы, которыми он занимался. Автор выделяет тот факт, что второй и третий том «Капитала» приведены Ф. Энгельсом в систему из необработанных материалов К. Маркса. Отмечена разница подходов ученых к русскому вопросу.

Последние две главы — «Плеханов» и «Струве» — повествуют о распространении и развитии марксизма в России, особенностях русских революционных кругов и движении народников. Особый интерес вызывает первое публичное заявление К. Маркса о возможности построения социализма в России на основе общины, история которого прослеживается в главе «„Народная воля“ и „Черный передел“».

В заключении Дж. Д. Уайт возвращается к исходному пункту своего исследования — письму К. Маркса от 25 марта 1868 года, которое, по мнению автора, указывает на два направления работы К. Маркса: назад, к немецкой философии, вдохновившей его на создание «К критике политической экономии», и вперед, на предстоящее изучение первобытных обществ, что должно было помочь достойно завершить этот труд. Это письмо также является поворотным моментом концепции социализма К. Маркса, обрисовывая его новый взгляд на первобытный коммунизм. Упоминание в письме категорий всеобщего и особенного, считает Дж. Д. Уайт, служит доказательством того, что К. Маркс высоко оценивал свою «Критику», рассматривая ее как продолжение немецкой философской традиции, в частности, теории Г. В. Ф. Гегеля. «И Гегель, и он сам брали Всеобщее и Особенное и использовали их одинаковым образом — как связующие понятия для категорий: у Гегеля — философских, у Маркса — категорий политической экономии» [с. 358]. «В своей „Критике политической экономии“ Маркс решал ту же задачу, что и Гегель в „Логике“, то есть брал категории — в случае Маркса категории политической экономии — и показывал, как они могут быть связаны в целостную систему. Он намеривался доказать, что самая простая категория, товар, необходимо приводит к наиболее общей, мировому рынку, и что тенденция к созданию мирового рынка изначально заложена в самой сущности капитала» [с. 359]. И эта тенденция ведет к бесклассовому обществу, которое, с одной стороны,

будет основано на общественной собственности и коллективизме, а с другой стороны, только оно позволит человеческой индивидуальности наиболее полно раскрыться.

«Наиболее общей целью системы К. Маркса было побороть Абстракцию», — подводит своеобразный итог всему сказанному Дж. Д. Уайт [с. 366].

В самом конце книги автор делает небольшой обзор современной ситуации в мире, где признает, что «до наступления последних десятилетий XX века было верным то, что капитализм не составляет Всеобщей системы. Частная собственность на средства производства не была экономической основой стран Третьего Мира. Она была исключена в странах социалистического блока. Даже в индустриальных странах Запада значительную роль играли государственные сектора экономики, в которых рыночные отношения считались абсолютно неприемлемыми» [С. 367].

Остается непонятным, почему заключительный вывод Дж. Д. Уайта противоречит даже тому, что он только что определил: «Но в последние годы капитализм совершает победное шествие. Он провел глубокое наступление на Третий Мир. Его развитие проникло в бывшие социалистические страны бывшего Советского Союза и Восточной Европы. А на Западе проводятся процессы приватизации и разгосударствления, все больше и больше сфер национальной жизни попадают под влияние рыночных отношений... Капитализм, кажется, начинает становиться Всеобщей экономической системой в мире, определяя все сферы человеческой жизни своими циклами. А если нет, то можно предположить, что капитализм достигнет своей кульминации именно так, как Маркс это предопределял».

На наш взгляд, в известной мере заключение Дж. Д. Уайта понятно, если учесть, что книга издана в 1996 году, когда Советская система рухнула, процессы критики реформ в российском обществе еще не достаточно назрели, а Латинская Америка не начала стремительно «краснеть», и даже Движение Неприсоединения не развернулось так мощно, как сейчас. Теперь же, с позиций сегодняшнего дня, мы вполне можем говорить о том, что последнее предположение Дж. Д. Уайта сбудется. В целом, исследование представляется нам глубоким и обстоятельным. Следует отметить обилие переработанного материала и тщательную подборку цитат. Несомненный плюс — четкая структура научной работы и ее соответствие поставленной цели. Мы считаем, что эта книга будет полезна для изучающих историю немецкой классической философии и марксизма (особенно его появления в России). В ней также есть, что почерпнуть тем, кто интересуется экономической теорией К. Маркса и развитием его философской системы.

Марксовская идея коммунизма — вечная идея справедливости и гуманизма

После насильственного развала Союза Советских Социалистических Республик одним из первых указов Б. Ельцина был указ о запрете идеологии в государственных учреждениях. И уже сегодня абсолютное большинство выпускников российских школ уверены, что рыночная экономика, с присущим ей духом конкуренции, — это единственно возможное условие не только развития, но и существования общества, а частная собственность — атрибут такой экономики.

Однако любому внимательному, который заинтересуется: «Что же такое рыночная экономика и частная собственность?», становится понятно, что, на самом деле, это не условия развития, а препятствия на пути поступательного развития общества.

Рыночная экономика содержит в себе целый комплекс непреодолимых противоречий, главными проявлениями которых являются неустранимая структурная бедность, социальное неравенство, дикая социальная несправедливость.

Социальное неравенство в том или ином виде существовало на протяжении всей истории человечества. Поэтому во все времена многие люди мечтали создать такое общество, в котором все будут равны между собой, в котором одна часть общества не эксплуатирует другую, в котором «...торжествует свободное развитие каждого, взаимопомощь, солидарность всех людей. Всеобщий общечеловеческий интерес в таком обществе гармонично объединяет частные, индивидуальные интересы всех людей»¹. Идея всеобщей справедливости и гуманизма уже отчетливо прослеживается в эпоху зарождения христианства, получает свое дальнейшее теоретическое развитие в эпоху Возрождения и в Новое время. А в середине XIX века два всемирно известных гения, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, взяли всё самое ценное и передовое, что было создано человеческой мыс-

¹ Гуманизм как теоретическая и практическая проблема XXI века: философские, социальные, экономические и политические аспекты. Доклады и выступления. М., 2004. С. 45.

лю за все предыдущие столетия, проанализировали весь ход истории и с помощью материалистической диалектики создали теорию научного коммунизма. И впервые в истории человечества была научно обоснована возможность создания общества всеобщей справедливости, т. е. такой ассоциации людей, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. Именно в учении Маркса идея создания подлинно гуманного общества получает свое глубокое теоретическое развитие.

В наследии Маркса удивительно гармонично соединились самые различные, на первый взгляд несовместимые области знания. Это и политическая экономия, и философия, и история, и социология, и естествознание, и математика. Но хочется обратить особое внимание на глубочайшую нравственную сущность этого учения, колоссальный нравственный потенциал, который в нем заложен. Я абсолютно убежден, что марксизм, по своему нравственному содержанию не может сравниться ни с одной из существующих в настоящее время социальных концепций.

Весной 1867 года, когда начал издаваться I том «Капитала», Маркс в письме Иоганну Беккеру писал: «...Первый том включает в себя первую книгу: „Процесс производства капитала“. Это, бесспорно, самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа (в том числе и земельных собственников)»². Уже из этого тезиса Маркса можно сделать вывод, как он относился к своему гениальному творению. Он, вероятно, надеялся, что вот сейчас пролетариат Европы поднимется для борьбы за свои интересы, и что уже в ближайшем будущем будет построен социализм, а потом и коммунизм. Но для противодействия его «снаряду», был пущен в ход весь возможный арсенал средств. Это и пересмотр основных положений марксизма, и социальная направленность политики экономически господствующих классов, и изменение форм частной собственности, и введение методов государственного регулирования экономики, а в последнее время в нашей стране — политика осознанной примитивизации массового сознания населения и полное умалчивание о марксизме как таковом. Да и вообще говоря, задачи социалистов несоизмеримо сложнее задач капиталистов. Ну и, я думаю, Маркс никак не мог предположить того, что после победы социализма «в отдельно взятой стране» и более чем 70 лет его успешного развития (а тем более создание целого «социалистического лагеря»), все это можно будет развалить в течение нескольких лет.

И, тем не менее, идея коммунизма как истинно гуманистического общества жива. И будущее принадлежит только ей. Ибо при сложившемся положении дел будущего быть не может.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, Изд. 2-е, Т. 31, С. 453.

В одном из своих недавних интервью министр природных ресурсов России Юрий Трутнев (кстати, по официальным данным, самый богатый министр в действующем правительстве) сказал: **«Природное богатство России на исходе. Доступные и оттого приносящие прибыль запасы нефти, урана, меди и коренного золота иссякнут в 2015 году»**. Учитывая, что разработки новых месторождений полезных ископаемых почти не ведется, что продолжается уничтожение производственных фондов, оставшихся после развала СССР, что сельское хозяйство фактически находится в предсмертном состоянии (60 % продовольствия в стране — импортное, тогда как импорт уже 20 % чреват утратой продовольственной безопасности и, как следствие — потерей суверенитета страны), ничего хорошего нам ждать не приходится.

Ведь на этом фоне:

- 1) население России ежегодно сокращается в среднем на миллион человек, причем большая часть — это государствообразующий, русский народ;
- 2) коррупция приобрела системный характер (по данным международной неправительственной антикоррупционной организации «Transparency International», по уровню коррупции Россия заняла «почётное» 143 место, рядом с такими африканскими странами как Того и Гамбия);
- 3) катастрофических масштабов достигла степень наркотизации общества (для примера достаточно упомянуть только об алкоголе, который Всемирная Организация Здравоохранения ещё в 1975 году признала самым опасным наркотическим веществом. Сегодня в России потребляется около 18 литров абсолютного алкоголя на душу населения в год. По мнению экспертов ВОЗ, если этот показатель составляет 8 литров, это свидетельство необратимой гибели населения страны);
- 4) продолжает прогрессировать интеллектуальная и нравственная деградация нашего общества. Результаты перехода «на рыночные рельсы» можно перечислять ещё очень долго.

Учитывая всё это, становится понятно, что построение социализма — это не просто прихоть ученых-марксистов и коммунистов. Это единственная возможность дальнейшего сохранения и развития самой России. Поэтому вечная идея коммунизма получает сегодня такое широкое распространение. И поэтому марксистско-ленинская теория будет развиваться дальше!

«Красный май» 1968 года: особенности социально- политической активности молодежи Франции

За 1940–50-е гг. студенчество Франции проделало путь от аполитичности и корпоративизма к новому понятию студенчества как социальной группы, имеющей по отношению к обществу определенные права и обязанности. Этому способствовали такие факторы как участие студентов в движении Сопротивления, мощный послевоенный подъем демократического движения во Франции, выход на международную арену студенчества развивающихся стран, борьба студенчества против войны в Алжире, численный рост студенчества. Критическая и культурная функция университетов снизилась, сжалась под прессом массовой подготовки обученных работников. Студентов рассматривали как подмастерьев в развитом индустриальном обществе, где университеты стали орудием капитала, а студенты превратились в товар, поставляемый на рынок в соответствии с его потребностями. «Красный Май» продемонстрировал, что дегуманизация, усиление чисто прагматических критериев подбора кадров — устойчивая тенденция развития постиндустриального общества.

Студенты университетов образца 1968 г. были «сериализованы» институтами, они были не только резко отделены от преподавателей, но и чужды друг другу. Однако когда 3 мая студенты стали свидетелями того, как их сокурсников избивают полицейские, они впервые увидели в других самих себя, и это привело к формированию «групп», разрушив атомизированную «серию», входившую в структуру повседневной жизни. Университет продемонстрировал, что он плоть от плоти репрессивного государства, и это только усилило противостояние: на улицах Латинского квартала появились баррикады. Начавшись как спектакль, события мгновенно создали угрозу многим социальным институтам. Авторитет власти начал рушиться не только в учебных заведениях, но и на заводах. Студенческие волнения вскоре переросли в массовую забастовку. Через несколько

дней число бастующих достигло 10 млн. человек, которые взяли контроль на своих рабочих местах. К концу первой недели забастовки для всех стало ясно, что голлистский режим и вслед за ним капиталистическая система — под угрозой. Две наиболее влиятельные силы французского общества — коммунистическая партия (ФКП) и голлистское правительство не могли остановить или контролировать движение. ФКП опасалась спровоцировать досрочные выборы, так как не была уверена в своей победе. Рабочие так и не вышли за рамки их «корпоративной перспективы», студенты благодаря своему экстремизму оказались в изоляции, левые интеллектуалы оказались заперты в рамках своих «радикальных» теорий.

Чтобы понять истинную природу студенческого бунта, необходимо, прежде всего, понять причины изменения социального положения студенчества и кризиса Университета. Во-первых, экономический рост привел к резкому увеличению числа студентов, в то время как система образования оставалась прежней. Во-вторых, увеличение числа студентов привело к росту безработицы среди интеллектуалов. И, наконец, третий комплекс проблем можно определить как пролетаризацию интеллектуалов. Действительно, все большая часть специалистов, получивших диплом о высшем образовании, не интегрировалась в господствующий класс: не осуществляло руководящей работы, не имело реальных возможностей для повышения по службе, были вынуждены выполнять монотонные и второстепенные задачи.

Почему именно молодежь и студенчество стали катализатором социального протеста? Ускорение научной, технической, экономической и культурной эволюции вызывало, среди прочего, резкое отличие стилей жизни. Но этого недостаточно, чтобы объяснить радикализм молодых людей. Надо учесть и то, что поколение старше тридцати было сформировано благодаря серии поражений и опыту страха. Однако этих причин разрыва между поколениями было бы недостаточно, чтобы породить новый революционный радикализм масс, если бы они не совпали с новым обострением, которое показало молодым фундаментальное противоречие капиталистического общества: противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Даже самые умеренные критики голлистского режима были вынуждены констатировать всеобщность протеста против растущей и все более трудно переносимой зависимости от бюрократии, олигархии, урезанной и фальсифицированной информации.

В конце 60-х гг. одним из любимых авторов молодых неконформистов был величайший французский философ Ж.-П. Сартр. По мнению Ж.-П. Сартра Университет должен служить всему народу, а не буржуазии и бюрократии. Радикальная демократизация высшей школы — лишь ступень в создании общества, основанного на принципах свободы и социализма. Таким образом, Ж.-П. Сартр увидел в событиях мая–июня 68-го первую попытку

восстания против современного капитализма. Для Ж.-П. Сартра был важен радикальный гуманизм студенческого протеста. Идеи философии свободы Ж.-П. Сартра оказались во многом созвучны умонастроениям «Красного Мая». Известные леворадикальные мыслители во Франции Корнелиус Касториadis и Клод Лефор создали журнал и группу «Социализм или варварство». В своих книгах, статьях и интервью Касториadis доказывал, что антиавторитарный социализм остается единственный альтернативой капиталистическому и государственно-капиталистическому варварству («варварство — это отсутствие исторической продуктивности»). Идеи Клода Лефора и Корнелиуса Касториadis оказали влияние на формирование взглядов участников «Красного Мая».

«Красный Май» оказался для французских коммунистов полной неожиданностью. Впрочем, даже с началом студенческих волнений никто во Франции не предполагал, что события примут такой масштаб. Надо сказать, что во Франции всегда была очень влиятельная и очень догматичная компартия. Это привело к тому, что радикально настроенная молодежь стала воспринимать компартию как часть «системы». Для французских коммунистов студенческая революция была не более чем мелкобуржуазное бунтарство, у которого не было будущего. В позиции Коммунистической партии во время этого кризиса не было ничего революционного. Во время всеобщей забастовки ФКП и ВКТ попытались свести все требования рабочего класса исключительно к увеличению зарплаты. У компартии не было представления о том, какой может быть революция в современном обществе. Во Франции вряд ли произошла бы такая революция, как в России в 1917 г. Но это не значит, что революция невозможна. Просто необходимо было найти новые формы борьбы и заняться поиском новой организации революционной власти в неокapиталистическом обществе т. н. «потребления». Французская коммунистическая партия не сумела извлечь уроки из майского кризиса, продемонстрировала бесплодную раздвоенность между революционной риторикой, питаемой боязнью прослыть реформистской партией, и фактическим положением сильно запаздывающего эпитагона социал-демократии. Коммунистическая партия стремилась к созданию коалиции левых сил и к победе на парламентских выборах для проведения радикальных реформ в рамках капиталистического строя и создания предпосылок для грядущего перехода к социализму. Лозунги «Красного Мая» не укладывались в прокрустово ложе представлений французских коммунистов о возможных союзниках. Отсутствие взаимопонимания между ФКП и участниками майского движения повредило всем.

То, что ФКП неспособна взять на себя функцию революционной партии ни в коем случае не означало, что проблема революции должна отныне рассматриваться без упоминания какой бы то ни было партии, способ-

ной управлять и направлять её. Эта партия должна была опираться на множество организаций, возникших в результате роста общественной активности. Студенческое движение создало предпосылки для появления такой партии. Вклад студенческого движения трудно переоценить: практика коллективных дебатов, прямой демократии, обсуждения на свободном собрании, самоуправления, эгалитаризма, позитивного отрицания всякого авторитета. Майские события представляли громадное поэтическое движение, когда все экспериментировали и когда говорили даже стены, когда бунтарями руководило огромное желание изменить мир, изменить его во имя жизни творческой, наполненной смыслом. Новыми оказались не только социальные силы этих событий, формы их организации, но и идеи, принципы реорганизации общества. Освобождаясь от рутины повседневной жизни, Франция «начала говорить», спектакль бессмысленного труда, абсурдной жизни, пассивного потребления сменился радостным праздником коллективного творчества. Эффект собственного присутствия на сцене мирового театра, ощущение исключительности переживаемых перемен требовали художественного воплощения. И стены домов покрыли листовки, плакаты, многочисленные надписи, многие из них были сделаны студентами художественных факультетов. Здесь выразилось смешение идей Р. Люксембург, А. Бретона, В. Райха, К. Маркса, В. Ленина, Л. Троцкого, Ж.-П. Сартра, Г. Маркузе, Мао, Че Гевары. Как писал позднее один из участников «красного мая», «это движение против какой-либо политической эстетики, формулы, какой-либо догмы, будь она правой или левой. Это отказ от образа жизни и способов мышления, включающих в себя одновременно марксизм, голлизм, центризм и т. д. Это острейшая потребность в новом языке, новой вере, новых увлечениях... это потребность по-новому мыслить, говорить, слушать, видеть». В граффити был утопический призыв к немедленной социальной трансформации. Они отражали бунтарский дух студентов: изменение структуры и культуры, объекта и субъекта, общества и индивида. Особенностью мая стало его праздничное настроение, атмосфера открытости в общении, прямая коммуникация даже с незнакомыми людьми. Казалось, что реальность можно изменить не столько делом, сколько словом.

Массовые акции студентов требовали организационных форм, и они были найдены в «комитетах действия». Их особенностью стало сочетание исключительной демократичности со способностью заменить бюрократические институты. Возникла такая форма организации, которая не стремилась выработать систематизированную теоретическую, идеологическую, политическую платформу, но обеспечивала её представителям творческую, неотчужденную деятельность. Пролетарские революции, утверждали ораторы Латинского квартала, будут праздником или их совсем не будет, они должны нести жизнь без скуки, радость без ограниче-

ния. Комитеты действия стали успешным инструментом преодоления политического отчуждения, которое определялось как отчуждение в государстве и при помощи государства. В Нантере, где было свергнуто городское правительство, комитеты доставляли почту, организовывали досуг детей, обеспечивали функционирование медицинских учреждений. Появились комитеты, объединявшие рабочих и студентов. При этом задача взять политическую власть в свои руки не ставилась, главной целью было стремление преодолеть отчужденный характер труда. Майское движение смогло соединить отрицание авторитетов и строительство новых структур общественной жизни. Это была способность направить себя против врагов без поиска этих врагов в своих структурах.

Студенты и молодые рабочие выступали против капиталистического общества, потому что не признавали мира, основанного на принципах мальтузианства. Студенты требовали уничтожения классовых барьеров, элитарной культуры и воцарения универсальной (революционной) культуры. Студенты подвергли критике все сферы существования: обучение, построенное на авторитарных отношениях; искусство, оторванное от жизни; планирование, оторванное от трудовой активности. Смысл студенческой культурной революции виделся в разрушении фетишизма специализации, в создании единой культуры, трансцендентной по отношению к разделению труда.

С точки зрения традиционного марксизма у студентов не было продуманной стратегии действий, взрыв носил спонтанный характер, отсутствовало авторитетное руководство, политическая партия. «Великую французскую культурную революцию» мая 1968 г. нельзя уложить в рамки существующих идеологических схем, поскольку на смену «старому мотору революций», который раньше состоял в экономической необходимости, пришли новые требования — «требования свободы». «Долой нормы!» — писали студенты на стенах Парижа. Это был спонтанный протест против всякой социальности, причем протест разовый, одноактный, не выливающийся ни в какое организованное движение, в партию с программой и уставом.

Заслуга студенческих лидеров в том, что они наряду с призывами к тотальному переустройству общества выдвигали конкретные требования и поддерживали связь с существующими общественными организациями. Студенты были истинными творцами майского кризиса. Без их борьбы, радикальной сущности этой борьбы, её «экстремизма» не было бы «революции». И это делает им честь. Спонтанность была одновременно и сильной и слабой стороной майского движения. Спонтанность и прямое действие, единая инициатива неорганизованной массы составили источник силы как для студенческого, так и частично, рабочего движения. Но если студентам эти факторы не только не мешали, но и стимулировали радикализацию и единство движения, то для рабочих они вскоре стали непреодолимым препятствием. Из-за отсутствия руководства со стороны рево-

люционной партии рабочее движение так и не смогло превратиться из серии разрозненных выступлений в общенациональную силу. Спонтанность студенческих выступлений, начиная с 13 мая стала тормозом движения, провоцировала разделение и ослабление связей между авангардом и массами. В результате внутри студенческого движения возникли три фракции: одна фракция боролась за реформу Университета, другая прославляла немедленную и революционную политическую инициативу и оформлялась в комитеты действия, третья являлась фракцией политико-культурного «хэппининга» Сорбонны и вообще постоянных сборищ.

Многие студенты чувствовали свою солидарность с рабочим классом, воспринимали в то же время лучше, чем отдельный пролетарий, общество в целом, его функционирование, его механизм угнетения. Отсутствие единства между студентами и рабочими стало основной причиной слабости майского движения. Большая часть затруднений рабочего класса при росте политической мобилизации и большая часть экстремистских тенденций у студентов могли бы быть решены через контакты и взаимный контроль благодаря опыту совместной борьбы.

Май 1968-го стал вершиной либертарного направления в леворадикальном движении послевоенной Франции. Мироощущение леваков 60-х гг. отличалось от мироощущения коммунистов и социалистов XIX-го и первой половины XX-го века утратой веры в предопределенность перехода к социализму и интересом к проблеме индивидуальности. События мая-июня 1968-го во Франции могли стать началом мирового революционного процесса.

«Красный Май» подтвердил, что в условиях современного капитализма больше не существует четкого деления на два класса: пролетариат и буржуазию. Существует множество социальных слоев с различными интересами. После событий «Красного Мая» во Франции и роста молодежного и рабочего движения в странах Запада можно сделать вывод о появлении социальных слоев, заинтересованных в изменении существующего порядка вещей. Это студенты, недовольные системой образования, готовящей «сторожевых псов буржуазии»; ученые, бунт которых есть бунт самой науки против направлений, отобранных системой, против организации, которая отныне направляет и тормозит научный поиск и его применение, это молодые неквалифицированные рабочие, обреченные на монотонную низкооплачиваемую работу и, наоборот, молодые высококвалифицированные рабочие, близкие по сознанию к технической интеллигенции. Главный урок «Красного Мая» состоит в том, что хотя западное общество сохранило свой революционный потенциал, традиционные революционные теории не отражали новой действительности.

Легко ли быть марксистом?

Легко быть приверженцем любого философского течения, любой философской школы, любого философского направления, потому что тебя ни теоретически, ни практически не нагружают так сильно, как марксизм. Легко, например, быть кантианцем, хотя трудно освоить философию Канта. Нетрудно быть ницшеанцем, потому что здесь не требуется большой умственный и напряженный труд. Очень легко быть постмодернистом, потому что здесь вообще никакие интеллектуальные способности не нужны. Здесь главное красиво говорить, эпатировать публику множеством иностранных слов, закручивать предложения таким образом, чтобы в них не было никакого смысла, но зато соответствовали высокому дискурсу.

Но очень трудно быть марксистом. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, я выделю два аспекта марксизма: *теоретический и практический*.

Теоретический аспект. Маркс был энциклопедически образованным человеком. Он изучил и критически переработал все философские, политэкономические, исторические, юридические, короче, все общественные науки. Но Маркс неплохо знал и естественные науки. Более того, сохранились математические рукописи Маркса, которые высоко оцениваются многими математиками.

Отсюда следует, что для овладения огромным духовным наследием Маркса необходимо хотя бы в общих чертах знать труды его предшественников. Когда я читаю ниспровергателей Маркса, то я поражаюсь убогости их аргументов. Они не читали ни одного произведения, скажем, Рикардо или Смита, ни одной философской работы Гегеля. Они не имеют представления о произведениях французских историков Гизо, Минье, Тьерри, о трудах социалистов — утопистов и др. мыслителей. Но они с апломбом критикуют Маркса, пытаются опровергнуть те или иные его научные открытия.

Не только критики Маркса, но и его последователи должны изучить то, отчего отталкивался молодой Маркс, когда создавал свое собственное учение. Иначе не поймешь его вклад в общественные науки.

Но и этого мало. Знать можно и Гегеля и Сен-Симона и самого Маркса. Но нужно еще понять, особенно Маркса. А для этого требуется соответ-

вующий интеллект, талант. Маркс — гений и то, что видно гению, не видно даже талантливому человеку. Я возьму один пример из материалистического понимания истории. Маркс пишет достаточно четко и ясно: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹.

Во многих советских учебниках по историческому материализму вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания интерпретировали как основной вопрос философии применительно к обществу. Но ведь основной вопрос философии вообще исходит из первичности либо материи, либо сознания. Но нельзя подобным образом трактовать соотношение общественного бытия и общественного сознания. Дело в том, что общественное бытие не первично. Оно не производно, но не первично. Оно детерминирует общественное сознание, которое от него производно. С изменением общественного бытия происходит постепенное изменение общественного сознания.

Многие критики материалистического понимания истории утверждают, что люди сознательно вступают в производственные отношения, тогда как, с точки зрения Маркса, они якобы не осознают свое вступление в эти отношения. Это не выдерживает никакой критики. Конечно, люди сознательно вступают в производственные отношения. И Маркс это прекрасно понимал. Но ведь Маркс пишет не о сознании, а о воле. Обратите внимание на фразу Маркса: «...В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения...». Речь идет о том, что нельзя не вступать в эти отношения, потому что это не зависит от воли человека, хотя от его сознания зависит.

Общий вывод: освоить теоретическое наследие Маркса очень и очень трудно. Но зато тот, кто его освоил, приобретает необыкновенное духовное богатство, получает мощный методологический инструмент познания объективной действительности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6–7.

Практический аспект. Учение Маркса коренным образом отличается от всех других социальных учений. Прежде всего, оно носит практический характер. Маркс, например, не занимался философией ради философии. Одиннадцатый тезис о Фейербахе гласит: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»². Все философы готовы интерпретировать мир, критиковать те или иные социальные порядки. Но не хотят изменять его. Видный французский философ XX века Р. Арон прямо утверждал, что он интерпретирует мир, но не хочет изменять его. Легко интерпретировать социальный мир и после спокойно жить, пить кофе, чай, пиво, вино или водку. Но изменить социальный мир — это значит вступать в конфликт с теми, кто его защищает, т. е. в первую очередь с властью. Это значит рисковать своей жизнью, жизнью своих близких, жертвовать собой. Короче говоря, за практические действия можно дорого заплатить.

Философия Маркса не есть философия свободы. Она есть философия освобождения. Можно философствовать о свободе и не стать свободным. Но зато философствование о свободе не приводит ни к каким негативным последствиям. Но если ты выступаешь за философию освобождения, то есть за практические действия, то рискуешь многим, в том числе и жизнью.

Одним словом, быть марксистом очень трудно как в теоретическом, так в практическом плане. Но зато быть марксистом значит, быть духовно обогащенным человеком, иметь перед собой высокие цели. Учение Маркса спасает от мещанства и конформизма, от эгоизма и индивидуализма. Иначе говоря, учение Маркса делает человека человеком. А это самое главное в нашем очень сложном и противоречивом мире.

Актуальность марксизма. В современной России многие обществоведы, считавшие себя раньше ярыми приверженцами учения Маркса, превратились в столь же ярых антимарксистов. С их точки зрения, марксизм якобы устарел и поэтому он будто бы больше никакого интереса не представляет. Они критикуют Маркса не разумом, а сердцем, что в науке вообще недопустимо. Но вопреки утверждениям этих обществоведов марксизм не только не устарел, а напротив, становится еще более актуальным, чем в прежние времена. На Западе это прекрасно понимают. По данным Би-Би-Си, Маркс был признан первым мыслителем второго тысячелетия. О нем продолжают писать, его изучают и читают.

Ж.-П. Сартр в работе «Критика диалектического разума» пишет: «Совершенно ясно, что эпохи философского созидания редки. На мой взгляд, между XVII и XX веками есть только три философские эпохи, которые можно обозначить известными именами: есть эпоха Декарта и Локка, за-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 4.

тем Канта и Гегеля и, наконец, эпоха Маркса. Эти три философии все по очереди становятся своего рода плодородной почвой для всякой великой мысли и горизонтом для всякой культуры. Они непреходящи до тех пор, пока не пройдет исторический момент, выражением которого они являются. Я часто подчеркивал, что „антимарксистский“ аргумент есть не что иное, как прямое возрождение домарксистской мысли. Так называемое „преодоление“ марксизма есть в худшем случае возврат к домарксистской мысли, а в лучшем случае — возрождение мысли, содержащейся в философии, которую хотят преодолеть»³.

Недавно в Англии вышла книга Ф. Уина, посвященная жизни и деятельности Маркса. Вот что он пишет в Предисловии к этой книге: «Нынешние ученые мужи и политики, склонные считать себя мыслителями современности, любят к месту и не к месту произносить модное словечко „глобализация“, не имея при этом ни малейшего понятия о том, что Маркс занимался этим вопросом еще в 1848 г. По меньшей мере, его нисколько не удивило бы глобальное господство „Макдоналдс“ и MTV. Перемещение центра финансовой активности с Атлантики в Тихоокеанский регион — благодаря экономике „азиатских тигров“ и силиконовому буму в городах западного побережья Америки — было предсказано Марксом более чем за сто лет до рождения Билла Гейтса»⁴. Автор биографии Маркса подчеркивает, что Маркса изучают не только его последователи, но и те, против кого он выступал, т. е. капиталисты. Он пишет, что в октябре 1997 г. в специальном выпуске «Нью-Йоркера» Карл Маркс был облакан как «великий мыслитель грядущего», как человек, способный многое поведать нам о политической коррупции, монополизации, отчуждении, неравенства и глобальных рынках. «Чем больше я работаю на Уолл-стрит, тем больше убеждаюсь, что Маркс был прав, — сказал в интервью этому журналу один богатый инвестор. — Я абсолютно убежден в том, что метод Маркса — наилучший для исследования капитализма»⁵ (Там же).

На Западе о Марксе пишут не только академические исследователи. Его изучают в университетах, в других учебных заведениях. Вот учебник по философии профессора Брюссельского университета Готуа «От Ренессанса до постмодернизма». Здесь целая глава посвящена Марксу: «Карл Маркс и диалектико-исторический материализм».

Наши обществоведы за редким исключением перестали обращаться к творчеству Маркса. Они подхватили постмодернистские дискурсы и вместо научного анализа социальной действительности занимаются пустыми дискурсами, лишенными всякого содержания и научной ценности. Обще-

³ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, Paris, 1960. P.17.

⁴ Уин Ф., Маркс К. М., 2003. С. 9–10.

⁵ Уин Ф., Маркс К. М., 2003. С. 10.

ствознание сейчас переживает глубокий кризис: пишут много, а мыслей нет. Их нет потому, что замалчивают не только Маркса, но и других корифеев мировой социальной мысли. Но я уверен, что со временем вернуться к классике и в первую очередь к Марксу, совершившему Коперниковый переворот в обществознании.

Марксизм актуален, потому что та социальная реальность, которую он исследовал, хотя претерпела большие структурные изменения, но в сущностном плане осталась неизменной. Только марксизм, его методологические принципы могут раскрыть глубинные причины кризисных состояний современного общества, оказавшегося на точке бифуркации. Конечно, при этом надо понимать, что марксизм, как и любое учение, носит творческий характер и его надо использовать творчески.

Идеологические мифы как средство опровержения марксизма

Распад мировой системы социализма и реставрация капитализма в России и в ряде других стран бывшего социалистического содружества не убавили работы противникам марксизма. Даже на фоне этих довольно значительных социально-экономических и политических изменений в мире разработчики и пропагандисты буржуазной идеологии не чувствуют уверенности в своей победе над этим самым выдающимся в истории социально-политическим учением — именно этот аспект марксизма в наибольшей мере затрагивает интересы капитализма.

Современный этап борьбы буржуазной идеологии против марксизма имеет некоторые свои, характерные именно для него особенности. К числу этих особенностей относится, во-первых, тот факт, что к голосам западных противников марксизма ныне присоединились голоса большей части нашей «политической элиты» и довольно значительной части представителей общественных наук, ранее считавших себя стопроцентными марксистами. Это перекрасившиеся деятели партийного и советского аппарата и находящиеся на службе у них и у крупного капитала деятели от науки, готовые за счет в банке, за должности и привилегии поменять свои убеждения в любом направлении, готовые теперь поливать грязью то, что они же раньше всемерно возносили. Вслед за ними идет и взращенный уже ими и «поющий» с чужих голосов контингент молодых противников марксизма, имеющих о его содержании более чем смутное представление. Побуждаемые необходимостью выполнения приказа вышестоящих и стремлением выслужиться перед наделяющими наградами и деньгами наши доморощенные теоретики-антимарксисты, не стесняющиеся своей беспринципности, оказались способными на этом поприще «переплюнуть» идеологов Западного мира.

Другая особенность современного этапа «опровержения» марксизма буржуазной идеологией состоит в попытке осуществления этой деятельности на фоне своего рода духовной тризны, духовного пира, по якобы

ушедшему из жизни реальному социализму, тризны, призванной изобразить без какой-либо печали «похороны» социализма как похороны марксистской теории на практике.

Из идейного арсенала противников марксизма не ушли и те упреки и обвинения, домыслы, искажения и откровенная ложь, которые использовались буржуазными идеологами еще в XIX в. Что-то из их наследия используется в прежнем виде, что-то с целью реанимации перелицовывается, и значительное место в «теоретическом багаже» современных борцов с марксизмом занимает осуществляемое ими же откровенно лживое мифотворчество, призванное исказить природу социализма и тем самым марксизма, с одной стороны, и создать образ светлого капиталистического будущего, с другой.

Для утверждения капитализма его идеологам необходимо развенчать социализм по всем направлениям. Соответственно, поставленное на поток политическое мифотворчество наших пропагандистов благ буржуазного общества превратилось в вид профессиональной деятельности, в которой они, очерняя социализм, нередко превосходят своих западных коллег¹.

Питаемые продажным вдохновением старательные верноподданные всех уровней власти и капитала, готовые, чтобы доказать свою верноподданность, бежать, как говорится, хоть впереди лошади начальника, хоть впереди паровоза, не упускают случая, по любому поводу и без повода, что называется, лягнуть социализм, плюнуть в колодезь истории собственной страны, не считаясь с тем, что гласит по этому поводу народная мудрость. Не утруждая себя особо ни доказательствами, ни сравнительным анализом того, что было, с тем, к чему пришли, они приписывают социализму дикость, варварство, экстремизм, расизм, терроризм, кровожадность и геноцид, страшнейший тоталитаризм и всеобщую задавленность репрессиями, уравниловку, бездуховность, отсутствие не только колбасы, но даже и секса и любви. Она, оказывается (ну разве это не вывих ума?), — «жертва коммунизма»². Остается только расписать, как большевики пили водку из самоваров и запивали ее кровью младенцев.

Сих господ нисколько не смущает то, что их идеология идет в ложь как заблудившийся в лес, — чем дальше, тем труднее выбраться. Они и не собираются выбираться. Их не смущает то, что значительная часть выдвигаемых ими обвинений в адрес социализма, говоря словами А. П. Чехова, «такая же правда, как то, что вошь кашляет».

В соответствии с этим принципом, т. е. не на основе разработки каких-то позитивных идей, а на основе «обличения», обливания грязью социализма и идей полуторавековой давности (это, конечно, можно смело

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 448.

² См.: Там же.

делать — автор не ответит, не покажет всему миру истинную «глубину» мысли очередных соискателей нового переворота в общественной науке подобно тому, как это было с Прудоном или Дюрингом) строится идеологическое обоснование реставрации капитализма в России и «опровержение» марксизма. Сильны однако все же его идеи, если их и через полтора века приходится «обличать» путем сознательного мифотворчества, рассчитанного на манипулирование массами, на превращение их в послушное стадо, не способное понимать происходящее. «Классический миф... не сочинялся каким-либо конкретным автором, он формировался как бы спонтанно... в народном сознании множества поколений людей. Современный же миф большей частью специально конструируется и сознательно внедряется в массовое сознание. ... Миф мифу рознь... Есть мифы, рассчитанные преимущественно для масс — охлоса. Этот последний невозможен без существования стадного сознания, основанного на слепом повиновении ... и неспособного критически осмыслить происходящие в обществе события и процессы»³. Именно таково предназначение современного мифотворчества опровергателей социализма.

Особую неприязнь и даже ненависть у идеологов современной буржуазии по вполне понятным причинам вызывает учение о классах, классовой борьбе и социальной революции.

По мнению доктора экономических наук В. Кудрова, теория классов и классовой борьбы, учение о социальной революции — это «экстремистский» подход к обществу, осуществляемый «с позиций социального расизма»⁴. Эти оценки он применяет, защищая современную демократию, конечно, к марксизму. И невдомек ему, видимо, что еще сам Маркс писал,

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 275. Это не было преувеличением. Роль Ф. Энгельса в подготовке «Капитала» не сводилась только к оказанию материальной помощи, хотя значение этой помощи было очень велико (без нее семья К. Маркса не могла бы существовать). Самым главным было его участие в творческом процессе. С Ф. Энгельсом К. Маркс обсуждал все трудные вопросы, встававшие в ходе работы над «Капиталом», просил у него помощи в уяснении тех проблем, в которых не чувствовал себя достаточно компетентным, и получал подробнейшие разъяснения. Ф. Энгельс — не только советчик, но и самый требовательный критик. Он вслед за К. Марксом читал корректуру I тома, делал свои замечания и торопил его скорее публиковать результаты проведенных исследований.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 454. Истоки этой гражданской и научной позиции были заложены еще в его выпускном гимназическом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии». «История, — писал он, — признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт перевозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей ...

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что оно — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благодарных людей» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 7.

что, «прежде чем таякать», «господам демократам ... следовало бы ознакомиться с ... буржуазной литературой» по проблеме классов и классовой борьбы⁵. Знал бы тогда доктор наук, что в число экстремистов он зачислил множество мыслителей с мировыми именами. Начиная с Аристотеля. В их число прежде всего попадают почти все идеологи буржуазии — представители теории общественного договора. Именно они дали обоснование права народа на революцию. А творцы американской конституции — «экстремисты» в квадрате, поскольку это право народа даже в конституцию включили. А Смит и Рикардо, коллеги упомянутого доктора наук по роду научных интересов, разве не «экстремисты»? Они же внесли существенный вклад в становление учения о классах.

Не только положение о существовании классов, но и положение об экономическом основании деления общества на классы, положение о том, что история осуществляется через борьбу классов, идея права народа на революцию и на свержение государственной власти — все эти «экстремистские» идеи «социального расизма» выдвинуты буржуазной наукой. Даже не зная трудов своих предшественников, упомянутый доктор наук мог бы об этом узнать, заглянув хотя бы в известное письмо К. Маркса Вейдемейеру, что следовало бы обязательно сделать, коли уж решил высказаться по поводу марксизма.

Марксизм лишь продолжает разрабатывать начатое буржуазной идеологией. Но теперь учение о классах, классовой борьбе и социальной революции объективно оказывается направленным против капитализма. Буржуазная идеология тут же перекрашивается. Революция против капитализма объявляется и экстремизмом, и терроризмом. Если же она не затрагивает интересов капитала, а тем более соответствует им, она получает его всемерную поддержку.

Буржуазию, конечно, очень не устраивает существование революционных сил в современном обществе, особенно представленных рабочим классом, и ее идеологи изыскивают свой вариант достижения социальной «однородности», способный якобы снять классовые противоречия. Сей вариант представлен в виде усиленно внедряемой в массовое сознание идеи «среднего класса».

Понятие среднего класса употребляли и Аристотель, и Маркс, и Ленин. Но не среднего вообще. Такого нет. Они вели речь о средних рабовладельцах, крупной, средней и мелкой буржуазии, о беднейшем крестьянине и крестьянине-середняке и т. п. Во внедряемой ныне трактовке мелкий бур-

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 277. Еще раньше в своем письме к К. Клингсу от 4 октября 1864 г. К. Маркс, характеризуя теоретическую и практическую значимость «Капитала», предсказывал, что своим трудом он нанесет «буржуазии в области теории такой удар, от которого она никогда не оправится» (Там же. С. 354).

жуа, лавочник, высокооплачиваемый рабочий, фермер, профессор и т. д. — оказываются представителями одного и того же класса.

Антинаучный, чисто идеологический характер мифа среднего класса очевиден, как и мифа о политическом классе. Отсутствие логики налицо. Если есть политический класс, то есть и экономический (а остальные к экономике вообще не имеют отношения), и юридический, и моральный, антиморальный и т. д. классы. Все это мифотворчество служит тому, чтобы народ не понимал сущности классового деления общества, не понимал бы того, что основная его проблема — это владение средствами производства, т. е. служит оглуплению народа. Основную массу общества, согласно современной буржуазной идеологии, должен составлять «средний класс». Средний не только по уровню экономического дохода, но и по своему умишку, интеллектуальному развитию, по способности понимать социальные отношения, по своим запросам, ограниченным наличием квартиры, бытовой техники, машины и дачи, спокойно выполняющий волю своих хозяев и буржуазного государства, не высовывающийся за пределы своего мирка, как тот сверчок, знающий свой шесток, и также спокойно позволяющий «элите» управлять собою. Рост жизненного уровня действительно имеет место, что влияет на ситуативное состояние политического сознания, но это не меняет положения класса по отношению к средствам производства. Для буржуазии важно, чтобы народ этого не понимал.

Народ, не понимающий природы капитализма, признающий в лице капиталиста не капиталиста, а своего благодетеля, работодателя, народ, представленный одним безликим «средним» классом, — это покорная, послушная масса в обществе буржуазии без пролетариата. Это очень устроило бы и государственную власть, т. к. служило бы неплохой основой ее выживания. Кстати Аристотель в росте класса средних рабовладельцев видел основу увековечения рабства — цель господствующего класса, как видим, остается прежней. К сожалению, явно из соображений мимикрии, отсутствия собственной мысли, слепого подражательства Западу, понятие среднего класса стали у нас довольно широко употреблять и довольно многие из тех, кто считает себя представителем общественной науки.

«... Марксизм — ленинизм, — утверждает упомянутый профессор, — порождает геноцид и терроризм, злобу, ненависть и зависть в обществе, насилие и войны»⁶. Это мнение нашего современного идеолога капита-

⁶ «... Процесс формирования и развития представления Маркса о структуре „Капитала“ находился в постоянном взаимодействии со всеми сторонами его учения. Если на ранних этапах формирования структуры „Капитала“ преобладало воздействие историко-материалистической концепции (глобальный подход к обществу в целом определил столь же широкий охват экономического материала в программе исследования, что вылилось в „планы шести книг“), то в дальнейшем выделение главного, определяющего, — учения о капитале — и его детальная разработка, в свою очередь, сказались на ходе развития структуры „Капитала“.

лизма, преподносимое им в качестве якобы научной оценки. А вот французский философ Р. Арон, который был скорее антикоммунистом, чем сторонником социализма, еще в 60-х гг. прошлого века утверждал, что «... советский режим порожден революционной волей, вдохновляемой гуманистическим идеалом. Цель заключалась в создании самого гуманного общества, которое когда-либо знала история, где больше не было бы классов, а однородность общества способствовала бы взаимному сближению граждан»⁷.

Злобу и ненависть, геноцид и войны порождает не марксизм, а частная собственность. Кто в наши дни угрожал пролитием крови и гражданской войной? Коммунисты? Нет. Это те, кто называет себя демократами и либералами. Кто в Москве открыл огонь из танковых орудий и расстрелял собственный парламент? Они же! Такие вот «демократы». Они же неоднократно заявляли, что если только тронут наворованную ими собственность, то прольется кровь. А разве условия, созданные в стране, — это не вариант либерального геноцида, если она стала вымирающей?

«Организация социалистического общества в СССР базировалась, — по мнению Кудрова, — на принципах первобытного коммунизма. Это принципы общего котла.... Это дикость и варварство...»⁸. А вот Н. А. Бердяев, на мнение которого любят ссылаться наши противники социализма, считал, что Октябрьская революция 1917 г. «низвергла господствующие, командные классы и подняла народные слои, раньше угнетенные и униженные, она глубоко взрыла почву и совершила почти геологический переворот. Революция освободила раньше скованные рабоче-крестьянские силы для исторического дела»⁹.

Обвинение «в общем котле» не только СССР, но и социалистического учения в целом, сопряжено с приписыванием ему идеи уравнительности в распределении, стремления «взять и поделить». И опять ложь. Выдвигать или верить в подобные обвинения можно лишь или в силу незнания, или в силу непорядочности. Уже в античности, например, Аристотелем обосновывается идея равного распределения земли между гражданами, а идею

Она развивалась уже как бы „изнутри“, т. е. исходя из внутренних потребностей теории» / Очерки по истории «Капитала» К. Маркса. М., 1983. С. 204.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 12.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 350–351.

⁹ По мнению Ж. Б. Сэя, эта наука призвана дать «знание истинной природы богатства ..., знание всех трудностей, которые приходится преодолевать для его приобретения, знание того, как оно распределяется в обществе, как можно пользоваться им, а также последствий этих разнообразных фактов» / Сэй Ж. Б. Трактат политической экономии. М., 1896. С. 2–3. Согласно Дж. Ст. Миллю, «предметом политической экономии служит богатство. Экономисты ставят своей задачей — давать знание или исследование о природе богатства и о законах производства и распределения» / Милль Дж. Ст. Основания политической экономии. М., 1895. С. 1.

«отобрать и поделить» выдвигает раннее христианство — только равенство в бедности может открыть врата рая. «У множества же уверовавших, — как свидетельствует „Библия“, — было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все ... приносили цену проданного, и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду»¹⁰. Феодалный социализм подхватывает христианский аскетизм. И в XV в. находятся «пророки», провозглашающие от имени божьей матери, что все люди «должны стать друг другу братьями, каждый должен зарабатывать свой хлеб трудом своих рук, и никто не должен иметь больше другого»¹¹. мелкобуржуазный социализм требует равенства на основе мелкой частной собственности. Требование равенства на ее основе выдвигают, например, Руссо, Фихте. Марксизм же с самого начала отмечает надуманный и реакционный характер всех вариантов уравнительности, включая и те, которые имели место в учениях представителей утопического социализма¹².

Одобрив и всемерно поддерживая буржуазные по своему характеру и революции и контрреволюции, социалистическую революцию идеологи буржуазии изображают как процесс произвольного насилия, цель которого определяется стремлением разрушить всё «до основания...» И опять ложь. Хоть она и прикрыта словами «Интернационала». Социалистическая революция, как и буржуазная при переходе от феодализма к капитализму, разрушает, уничтожает лишь существовавшие производственные отношения и стимулирует развитие производительных сил общества. Со-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 403. «Тем самым была преодолена ограниченность классической буржуазной политической экономии, объявлявшей предметом своего исследования лишь один, а именно капиталистический способ производства, а также утопического социализма, рассматривавшего историю антагонистических формаций как отклонение от «разумного пути» / Афанасьев В. С. Этапы развития буржуазной политической экономии (Очерк теории). С. 179.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 3. «Диалектика истории такова, — пояснял В. И. Ленин, — что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наемного рабства они разъясняют в смысле продажи рабами за пятачок своих прав за свободу. Трусливо проповедают „социальный мир“ (т. е. мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы и т. д.» (Там же).

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 234. «Эти люди, в теоретическом отношении нули, а в практическом никуда не годны, хотят социализм (который они состряпали по университетским рецептам) и, главным образом, социал-демократическую партию сделать беззубой, а рабочих просветить или, как они выражаются, привить им „элементы образования“, сами имея только путаные полужнания. Но прежде всего они хотят сделать партию уважаемой в глазах мелкой буржуазии. Это убогие *контрреволюционные* болтуны» (Там же. С. 326).

крашение последних при этом происходит только в силу действий бывших господ положения, которые считают, что лучше всё уничтожить, чем отдать обществу. А вот буржуазная контрреволюция не может, как это у нас и произошло, обойтись без нанесения значительного ущерба производственному потенциалу общества. И даже не в силу сопротивления или наличия каких — то разрушительных тенденций в действиях прежней государственной машины — аппарат КПСС мирно удалился от власти или пересел в государственный аппарат буржуазии. Разрушительная тенденция содержится в самом разделе и переделе общественной собственности, в процессе ее превращения в частную: лучше разорить, разрушить, чем отдать другому то, что не достается мне. Разрушающая сила частного интереса столь велика, что России и после двух прошедших десятилетий придется еще долго возвращать утраченное, не говоря уж о перспективах достижения более высокого уровня развития.

Откровенной ложью и зарубежных, и наших радетелей капитализма пронизаны мифы о революционном насилии, о развязывании якобы большевиками гражданской войны в России. Практически ни одна революция, если вспомнить историю Голландии, Англии, Франции, Испании, США, не обошлась без гражданской войны. И не потому что революционные силы везде стремились физически уничтожить господствующий прежде класс, а потому, что именно этот класс, не желая терять свое экономическое и политическое господство, брался за оружие. Революционное насилие, как отмечал еще и К. Маркс, рождается реакционным насилием. Революция в России не стала исключением.

Молодая советская власть отпустила всех офицеров бывшей царской армии, основную массу которых составляли по русской традиции выходцы из дворянских родов, просто под честное слово не вести против нее борьбу. Это офицерство, якобы лучшие люди России, тут же, наплевав и на честь, и на честное слово, принялось плести вкупе с буржуазией заговоры, взялось за оружие, направив его против русского народа. Мало того, эти «спасители» России, «спасая» ее от русского же народа, призвали для его подавления армии всех иностранных государств, желающих поучаствовать в разграблении «спасаемой» России, и даже поделили ее для господ-интервентов на соответствующие зоны. «Во имя Отечества» эти господа его же и продавали по частям вместе с русским народом.

Не гнушались «их благородия» вместе с другими организаторами белого террора и убийств представителей новой власти из-за угла, ответом на что и явился красный большевистский террор. Конечно, можно только сожалеть, что ответные меры вероятнее всего были, как сейчас говорят, неадекватными, чрезмерными. В то же время они были именно ответными, а доскональное следствие, имеющее своей целью привлечение к ответственности исключительно исполнителей и заказчиков, в той ситуации было

просто невозможно. А как государство реагировало бы сейчас, если бы возникла какая-то политическая группировка, организовавшая в ходе осуществления заговора убийство, например, нескольких министров и покушение на жизнь президента?

Революция должна была защищаться. И она это делала, используя, в частности, опыт буржуазных революций. И институт комиссаров, и институт революционных трибуналов — все это уже было в американской и французской революциях. И казни своих противников, которые французская революция даже механизировала, изобретя гильотину. «Вам предоставляется возможность кровью искупить свои преступления перед народом», — это положение рождено Французской буржуазной революцией, а не советской властью. Если подобные процессы осуществляются в интересах буржуазии, то они ее идеологами и по настоящее время характеризуются как проявление гуманизма, если же они направлены против буржуазии, то они характеризуются не иначе как проявление всемирного зла, каковым буржуазная идеология объявляет социализм.

Социальные революции — это локомотивы истории. Это реальный исторический факт, а не просто теоретическое положение, выдвинутое марксизмом. Роль мощных локомотивов в историческом процессе сыграли все буржуазные революции, которые не только открыли простор для развития науки, техники, всего производства, но и явились фактором, стимулирующим этот процесс. Влияние социалистической революции в этом отношении и не только разрушающее, а созидующее, еще более значительно.

Идеологи утверждавшей буржуазии, распространяя идею развития и на форму собственности, частную собственность не считали лучшим вариантом экономических отношений. Подавляющее большинство из них будущим направлением в экономическом развитии общества считало установление господства общественной собственности. Разумеется, что утвердившаяся буржуазия эту идею отменяет и провозглашает частную собственность «священной и неприкосновенной», провозглашает ее высшей ценностью общества. Нашими современными пропагандистами капитализма также взят на вооружение, призванный показать якобы несостоятельность марксизма в самой его основе, миф о неэффективности общественной собственности на средства производства, миф об абсолютных достоинствах рыночной экономики и частной собственности.

Никакая форма собственности не гарантирует автоматического воплощения содержащихся в ней положительных тенденций в реальность. Но очевидно, и не видеть этого можно только из нежелания видеть, что общественная собственность создает, или, можно сказать, сама является более благоприятным объективным условием для их превращения из возможности в действительность. Здесь нет той остроты противостояния частного и общественного интересов, которое свойственно частной собст-

венности, и, соответственно, имеется большая вероятность получения объективного знания относительно общественной необходимости как основы организации и функционирования субъективного фактора. Здесь, в силу отсутствия множества частных собственников, больше возможностей для того, чтобы избежать ненужного столкновения воли, больше возможностей для осуществления сознательного целенаправленного управления плановым развитием экономики, возможностей для сосредоточения средств при решении тех или иных экономических задач.

Данные положения — это уже не выводы из марксистской теории. Вопреки всевозможным вывертам буржуазных идеологов и даже вопреки нежеланию многих членов нашего общества видеть реальное положение, в котором они оказались, чтобы не признать, что, как говорится, за что боролись, на то и напоролись, эти положения подтверждены реальной исторической практикой. Сравним результативность функционирования экономики нашей страны за текущий, начальный период ее постреставрационного капиталистического бытия с результативностью ее развития за соответствующий, тоже начальный временной промежуток на основе общественной собственности.

Один из периодов ориентировочно возьмем с 1920 г., хотя еще и шла гражданская война, другой — последующие полтора десятка лет, начиная с Ельцинских путчей 1991–1993 гг. Абсолютная точность показателей нас не интересует в данном случае. Точность цифр характеризует преимущественно индивидуальные особенности протекания процессов, в них на передний план выступает единичное. Нас же интересует в значительно большей мере тенденции в развитии, поскольку в их форме выступают закономерности общественного бытия.

Перевод экономики России в 20-е гг. XX в. на иной путь развития — на общественную собственность — был, собственно говоря, первым историческим опытом в этом отношении. До многого приходилось доходить еще эмпирически. Тем не менее, за первые полтора десятка лет функционирования экономики на базе общественной собственности Россия восстановила разрушенное и за годы I Мировой, и за годы гражданской войны и из лапотной, аграрной страны превратилась в промышленно развитую, индустриальную державу. В 1922 г. доля СССР в мировом промышленном производстве составляла всего лишь 1 %, а в 1937 г. СССР по объему промышленного производства уже вышел на второе место в мире, отставая только от США. Были созданы новые отрасли промышленности, которых в России не было: тяжелое машиностроение, станкостроение, химическая промышленность. Построены новые города — промышленные центры, такие как Магнитогорск, Кузнецкстрой, Комсомольск-на-Амуре и др. За 10 лет реализации плана ГОЭЛРО было построено 30 тепловых и гидроэлектростанций. История не знала подобных свершений за такие сроки.

И это лишь краткое напоминание о сделанном на основе общественной собственности.

Если взглянуть на последний пятнадцатилетний период в жизни России, период функционирования ее экономики на базе частной собственности, то оказывается, что за этот, не столь уж малый срок, создать что-то полезное для общества в сфере производства смогла лишь, даже не малая, а мизерная часть его членов. И то сие касается лишь малых предприятий — всяческой похвалы и поддержки государства, которой они не имеют, заслуживают те, кто сумели создать какое-то производство своими силами, а не путем воровской приватизации народного достояния. В целом же экономика страны, уступавшая по своему объему лишь экономике США, функционируя на основе частной собственности, скатилась до уровня экономического состояния слаборазвитых стран Африки.

Доля СССР в мировом промышленном производстве превышала 20 %, а доля России в 2005 г. составила всего лишь 1,5 %. ВВП СССР перешагивал за половину от уровня ВВП США, а в 2007 г. ВВП России составил всего лишь 8–9 % от объема ВВП США, т. е. стал в 12–13 раз меньше его. В настоящее же время страна всё еще преимущественно проживает свои сырьевые ресурсы и то, что было создано на основе общественной собственности. Всячески понося дороги, построенные при социализме, мы пользуемся и ими, и водными путями тех же времен (каналами), поскольку сами не построили ничего. Ругая построенные при социализме «хрущёбы», мы даже в 2007 г. ввели жилья в строй на треть меньше, а в 2005 г. в 2,4 раза меньше, чем его вводилось в середине 80-х гг. XX в., и пользуемся коммунальным хозяйством, разработанным и созданным тоже при социализме. В течение каждой пятилетки в СССР вводилось в строй от 1,5 до 2 тысяч крупных промышленных предприятий. За прошедший период нашего капиталистического бытия — ни одного. Не построено ни одной электростанции. Со времени Петра I, т. е. уже 300 лет Россия догоняет Запад. На самом деле догоняющим в какой-то мере ее развитие было лишь при Петре I и в основном — в Советское время.

Вопреки утверждениям самого высшего руководства страны о росте реальных доходов населения жизненный уровень народа в массе своей не растет. В последние 3–4 года он лишь стабилизировался. Если взять неизменный потребительский набор, то оказывается, что среднестатистический россиянин в этот последний период мог приобрести от 4,65 до 4,8 наборов, а в 1990 г. он мог приобрести 8 таких наборов. В начале 80-х гг. СССР по уровню жизни населения находился на 8–9 месте, Россия сейчас находится по этому показателю в седьмом десятке среди стран мира. Итоговый результат движения страны по капиталистическому пути развития, несмотря на появление в самые последние годы некоторых положительных изменений, остается с отрицательным знаком. Согласно определяе-

мому ООН индексу развития человеческого потенциала — сводному показателю качества жизни, включающему в себя размер ВВП на душу населения, уровень потребления, продолжительность жизни, доступность и качество образования, здравоохранения и т. п., — даже в 1994 г., когда государство уже отобрало у народа его сбережения, а инфляция «не гнушалась» и 100 %, Россия находилась на 34 месте среди других стран мира. В 2001 г. она оказалась уже на 55 месте, в 2003 — на 63, в 2006 — на 65, а в 2007 г. — уже на 67 месте.

«Практика капиталистического хозяйничанья в России отнюдь не доказала, — как справедливо отмечает С. Меньшиков, — каких-либо явных преимуществ по сравнению с государственным управлением в советское время»¹³. Не только не доказала их наличия, но и в достаточной мере обнажила их отсутствие. При всех ошибках, допущенных властями в организации функционирования экономики в нашей стране в период социализма, практика показала, что потенциал общественной собственности в экономическом развитии общества значительно превосходит соответствующие возможности частной собственности. Вывод марксизма о неизбежности отрицания частной собственности не утратил, таким образом, своего значения, несмотря на реставрацию капитализма в России.

Миф об абсолютном преимуществе частной собственности над общественной служит еще и в качестве обоснования мифа о неосуществимости социализма как общественного строя: социализм, а следовательно и марксизм — утопия, и basta! Не будем ссылаться на мнения по этому поводу сторонников марксистского учения, а сошлемся на точку зрения религиозно — идеалистического философа С. Л. Франка, богоискателя, высланного из Советской России, который тоже, начиная с положения об утопичности социализма, приходил к выводу о том, что, в таком случае, честность и порядочность — тоже утопия: отрицание идей социализма есть отрицание гуманистической веры в человека, есть утверждение человека подлого, продажного и отрицание веры в добро, в возможность справедливости и земного равенства¹⁴. И уважаемый антисоветчиками Н. Бердяев считал, что теория К. Маркса в земных условиях вполне осуществима. Правда, согласно его воззрениям, и коммунизм, построенный на земле, также как и капитализм, все равно будет царством кесаря. Это, конечно, тоже только лишь мнение. Но не только мнения, а и практика существования социализма в Советском Союзе и в других странах, и внедрение его принципов в странах капитализма, к чему они вынуждены прибегать все чаще, доказывают реальность и неизбежность перехода общества на путь социалистического развития.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 337.

¹⁴ Там же. Т. 20. С. 150.

Реставрации уходящего общественного строя — не такое уж исключительное явление в истории. Они ничуть не отменяют поступательности ее развития. В полной мере это касается и реставрации капитализма в России. О возможности подобных движений вспять от социализма предупреждал еще Ф. Энгельс, исходя из того, что, как указывал и К. Маркс, ни одна общественно-экономическая формация не сходит окончательно с исторической сцены, не исчерпав всех возможностей своего развития. Окончательной победа нового общественного строя становится лишь тогда, когда он создает производительные силы, недоступные предшествующей формации. Может показаться странным, но в 90-х гг. у нас сбылось предсказание Л. Троцкого, который в 1937 г. писал, что правящая бюрократия «рано или поздно захочет завладеть управляемыми предприятиями, превратит их в свою частную собственность»¹⁵. Что и произошло на фоне недостаточно развитых производительных сил общества.

В качестве средства, позволяющего обойти вывод о неизбежности перехода общества к социализму, не только широко пропагандируется, но и настойчиво предлагается, причем в виде официальных рекомендаций и установок ряда государственных научных учреждений, отказаться от формационного подхода к анализу исторических процессов, предлагается заменить его якобы более совершенной так называемой общецивилизационной методологией исторического анализа. В чем же заключается совершенство этой методологии, никто так и не может сказать.

Основное, наиболее часто повторяемое возражение противников формационного подхода к анализу истории заключается в том, что все многообразие исторического процесса не укладывается в рамки пяти строго очерченных марксистской методологией общественно-экономических формаций. История действительно сложнее, многообразнее. Так на это указывает и сам К. Маркс. Он вовсе не ставил задачу найти единый ключ для описания всей истории. Такие попытки лишены смысла, хотя, по его словам, и могут выглядеть заманчиво. В. И. Ленин также отмечал, что каждый народ вносит свой особый вклад в исторический процесс, что история каждого народа имеет своеобразие. Но разве это отменяет возможность и необходимость формационного подхода к описанию истории? Каждый человек своеобразен, индивидуален, но все они люди; каждый идеолог современной буржуазии лжет на свой лад, но все они лгут в интересах своего класса.

К понятию общественно-экономической формации К. Маркс приходит в результате исследования общества как целостной, своеобразной системы социальных отношений, относительно расчлененной на составные элементы, или стороны его жизнедеятельности, каждая из которых, будучи взаимосвязанной с другими сторонами, выполняет по отношению

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 150.

к ним и к обществу в целом определенные функции, в результате чего и обеспечивается функционирование и развитие общества на основе его внутренних связей, на основе его специфических закономерностей. В форме смены общественно-экономических формаций как своеобразных этапов эволюции общества, различающихся своим экономическим и политическим строем, своей социальной структурой, характером духовной жизни и т. п. К. Маркс, как он сам это отмечает, описывает путь, пройденный в своем развитии лишь Европой.

Формационный подход к исследованию истории общества — это методологический прием в ее познании, это способ ее описания, а любое описание всегда содержит в себе момент упрощения реальности. Но этот методологический прием несопоставимо более содержателен в научном отношении по сравнению со всеми другими предлагаемыми вариантами познания истории. Он дает строгий логический, научный аппарат для исследования исторического процесса, тогда как иные методологические подходы стараются его размыть, сделать неопределенным.

Вне всякого сомнения, можно и следует говорить о развитии цивилизации в ходе исторического процесса в целом, можно и нужно сопоставлять уровни развития цивилизованности общества на разных ступенях его развития, как и уровни развития цивилизации в рамках одной и той же ступени. Но как только добропорядочный автор подобных изысканий захочет от субъективистски — оценочного, поэтому чаще всего пустопорожного описания, перейти действительно к научному анализу проблем развития цивилизации, он должен будет, волей или неволей, обратиться к содержательному исследованию, к сопоставлению общественных отношений, выделяемых марксизмом в качестве наиболее важных, системообразующих и описываемых в науке в четко фиксированной понятийной форме. Он должен будет обратиться к анализу уровней развития производительных сил общества, характера производственных отношений и в первую очередь формы собственности на средства производства, к анализу политического строя общества и т. п., т. е. к исследованию того, что в марксистском учении обозначается понятиями «способ производства», «базис», «надстройка».

В этом случае сразу же становится очевидным, что цивилизационный подход к историческому процессу вовсе не заменяет его формационного анализа. Он может дополнять, обогащать формационное исследование истории, делать его более ярким, более выразительным. Но цель идеологического мифотворчества, разумеется, не совпадает с целью достижения объективного исторического описания развития общества. Общецивилизационный подход уже по своему названию предназначен стать единственным методологическим вариантом исследования истории. Он претендует на то, чтобы стать тем ключиком к истории общества, посредством которого всё

и вся можно объяснить, описать историю в виде линейного однонаправленного движения в одной плоскости (К. Маркс не только отмечал заманчивость поиска ключика, способного объяснить всю историю, но и считал его весьма постыдным для настоящего ученого). Соответственно предлагается забыть о существовании социализма и капитализма, т. к. между ними якобы нет принципиальной разницы, и гораздо больше общего, чем различий¹⁶. Утверждается, что нет противоположности между частной и общественной собственностью, да и какая может быть собственность на средства производства, если есть не средства производства, а некое «оборудование»? И неважно, что некоторые владеют в качестве «оборудования» фабриками, заводами и т. п., а иные — кухонной плитой и унитазом. Это тоже оборудование. И все им владеют, и никакого, следовательно, классового отношения к собственности нет. Сами понятия «капитализм», «социализм» должны быть, по мнению этих мыслителей, изъяты из обращения. Ну а если социализм не существует в природе общества, то и переход к нему, согласно этой «логике», невозможен.

Отрицание социализма, отрицание закономерного характера перехода от капитализма к последующей общественно-экономической формации, или, иначе говоря, попытка обосновать незыблемость и вечность современного капитализма как якобы наиболее совершенного общественного устройства — вот что является целью так называемой общецивилизационной методологии исторического познания. При этом буржуазная идеология не считалась и не будет считаться ни с исторической реальностью и законами ее бытия, ни с законами логики, ни с уже известными учениями. Общественные науки неизбежно приходят в противоречие с частным интересом, которому эта идеология служит, в мифологии же все это можно препарировать так, как пожелает господин, можно составить любую абстрактно-логическую схему, например, курица — не птица, философия — не наука, а социализм да марксизм в целом — утопия¹⁷, и считать ее доказанной.

Представители буржуазной науки, которые стремятся действительно к получению нового знания, а не заиклены на идеологическом обосновании вечности капитализма, не будучи, разумеется, марксистами, вовсе не отрицают полезности формационного анализа для познания истории общества. Так, например, один из наиболее видных основоположников тео-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 150, 151.

¹⁷ В данном случае понятия «способ производства», «способ обмена» и «способ распределения» рассматриваются Ф. Энгельсом в узком смысле слова, т. е. как относительно самостоятельные, но вместе с тем взаимосвязанные сферы экономической деятельности. В вышеприведенном определении К. Маркса понятие «способ производства», напротив, трактуется в широком смысле слова, которое охватывает не только собственно производство как таковое, но и распределение, и обмен, и потребление, т. е. все стадии воспроизводственного процесса.

рии постиндустриального общества Д. Белл, не исключая правомерности исследования истории, основанного на принципе смены форм собственности, считает, что в этом случае мы и должны вести речь о феодализме, капитализме и социализме как ступенях общественного развития. Выделение же в качестве исторических этапов доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества основано, как он выражается, на ином «осевом принципе». В познавательном отношении это вполне оправдано. При этом Белл не только не считает себя антимарксистом, в чем его упрекали в нашей литературе, но и в предисловии к изданию своей книги на русском языке выражает удивление по поводу того, как это ученый может быть антимарксистом¹⁸.

Используя упомянутое понятие Белла, следует отметить, что различные «осевые принципы» исследования истории общества уже применялись многими авторами. К их числу относятся, например, Сен-Симон, Конт, П. Сорокин и др. Можно характеризовать этапы в развитии общества, акцентируя внимание на состоянии и форме общественного сознания, можно взять в качестве центральной проблемы форму религии или соотношение религиозности и атеизма и т. п. Энгельс тоже говорил как об исторических этапах о периодах дикости, варварства и цивилизации. Каждый из этих вариантов исследования способен дать какой-то прирост знания. При этом важно лишь то, какова степень его подлинной информационности, степень научности, его подлинная способность быть методологической основой иных, дальнейших исследований. Важно не абсолютизировать частное, не превращать описываемое отдельное во всеобщее, да к тому же еще и в нечто самодовлеющее, подобно тому как наши антимарксисты идею постиндустриализма превращают в антисоциализм.

Если социализм как общественный строй невозможен, то что же история говорит человечеству? По мнению идеологов современной буржуазии, она уже приготовила ответ на этот вопрос тем, что осчастливила людей правовым государством, воплотившимся в виде ныне здравствующего буржуазного общества. Миф о современном буржуазном государстве как о правовом государстве самым непосредственным образом связан с обоснованием достоинств общественных отношений, основанных на частной собственности, достоинств и преимуществ буржуазных свобод и буржуазной демократии. Причем данный миф среди всего современного идолопоклоннического мифотворчества буржуазных идеологов по своему функциональному назначению, по своей роли в обосновании права буржуазии на власть и увековечение этой власти занимает одно из наиболее значимых мест.

Как известно, вопрос о происхождении и сущности государства — это один из наиболее запутываемых, нередко сознательно, вопросов в об-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 152.

ественных науках. Учения, посвященные этой проблеме, многообразны, многовариативны. Естественно, что на каждом этапе истории они могли исходить от представителей, прежде всего, господствующего класса — класса, который мог выдвинуть своих идеологов. И соответственно естественно так же и то, что по содержанию эти учения должны были быть и являлись оправданием существовавшего государства. Но скрыть все существующие противоречия, представить черное белым при всем старании полностью никогда не удастся. Всегда оставалась необходимость поиска формы, способствующей устойчивости сохранения данного государства. А кого-то эта проблема интересовала и действительно в плане соотношения интересов власти и народа.

Настойчивыми и решительными критиками феодального государства явились идеологи ранней буржуазии — представители теории естественных прав и общественного договора. Требование равенства и справедливости распространяется на «народ», поскольку и буржуазия и ее идеологи в то время входили в структуру народа. Уже Т. Мор, Монтескье, Дж. Локк, Руссо и др. авторы в той или иной форме подмечают паразитизм существующего государства (приоритет в характеристике государства как паразита в буквальном смысле принадлежит не марксизму — Маркс лишь делает это более четко), видят в нем силу, противодействующую достижению равенства и справедливости. Отвергая государство, узурпирующее право народа, авторы теории общественного договора утверждали и существование у человека естественных фундаментальных прав — прав, на которые не может сметь посягать никакое государство. Но государство оказывается силой, противостоящей этим правам. Некоторые из мыслителей того времени, как например, Фихте, уже характеризуют государство как машину насилия (и в этом отношении приоритет принадлежит буржуазным же идеологам). Суть государства, по словам Фихте, заключается в подавлении слабых сильнейшими под прикрытием произвольно употребляемого им права.

Немецкие юристы К. Т. Велькер, Л. фон Штейн и др. и представитель немецкой классической философии И. Кант вводят понятие правового государства (*Rechtsstaat*). И понятие, и концепция правового государства получают широкое распространение, но ничего нового в содержательном отношении практически не несут. Отождествляя закон и право, Л. фон Штейн утверждает, что государство не может «существовать без права, поэтому в определенном смысле каждое государство является правовым»¹⁹.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 152. В этой связи Ф. Энгельс показал полное непонимание Е. Дюрингом сути данного вопроса. Последний рассматривал распределение в полном отрыве от производства и обмена, полагая, что в основе распределения лежит насилие, переносил всю теорию распределения с экономической почвы на почву права и морали.

Эта трактовка «правового строя» требовала лишь принятия конституции, а взятая в буквальном смысле была даже более ущербной по сравнению с теми требованиями по поводу соотношения государства и права, которые выдвигались Платоном и Аристотелем. Гражданами этого общества оказывались, в трактовке Канта, лишь собственники — пролетарии и женщины из их числа исключались.

В XIX в. оформляется и доминирует истолкование феномена правового государства в рамках концепции юридического права, разрабатываемой в том числе и представителями юридической науки в России, например Б. Н. Чичериным, П. И. Новгородцевым, Н. М. Коркуновым, Б. А. Кистяковским и др. «Основной принцип правового или конституционного государства состоит в том, что государственная власть в нем ограничена. В правовом государстве власти положены определенные пределы, которые она не должна и не может переступить»²⁰. Таковым пределом, ограничивающим государство в его деяниях, должны быть принятые им же законы и конституция. В отношении самодержавия эти положения не лишены смысла, но многим ли они отличаются от взглядов Платона?

Буржуазная идеология XIX–XX вв. выдвинула множество формулировок, именно формулировок, а не идей, не отрицающих долженствования косметического ремонта существующей государственной системы, но в то же время оправдывающих в принципе существование буржуазного государства. В Западной социологии стали расхожими положения о государстве как органе обеспечения «гармонии» в отношениях между индивидами, сословиями и другими социальными группами, как об органе «согласования» их интересов, поддержания «равновесия» между социальными группами и социальными институтами, органе «всеобщего благоденствия», денно и нощно заботящемся о благе своих граждан, о государстве как «ночном страже», охраняющем всеобщий покой, «арбитре» в отношениях между классами, в том числе и положение о буржуазном государстве как «правовом государстве», как органе чистой демократии.

Идея правового государства, руководствующегося в своих действиях законом, присутствует во всех этих вариациях. Живущие западными образцами идеологи нашей современной буржуазии, способные воспроизводить лишь зады социально-политических учений, разрабатывавшихся в иные времена в иных странах, с удовольствием ухватились за идею правового государства, как способную неплохо послужить делу одурачивания широких слоев населения. Наиболее «старательные» из них при очевидной олигархической форме правления убеждают общество в успешном строительстве правового государства в нашей стране. И даже в Конституции зафиксирован якобы реальный факт его существования. Образцовой

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. С. 153–154.

моделью для нас, как и во многих других теперь случаях, служат при этом западноевропейские страны и США, обитающие якобы в раю чистой демократии правового общества.

В утвердившейся в настоящее время трактовке, вытекающей в том числе и из нашей Конституции, под правовым государством понимается «государство, которое действует строго на основе и во исполнение законов»²¹, государство, практически осуществляющее «верховенство закона во всех сферах жизни общества»²². Эта трактовка отличается от тех, что были приняты в XIX в., да и от взглядов Платона, с учетом, конечно, изменившейся социальной структуры, лишь большей четкостью формулировок, но не содержанием. И даже дополненная положением о социальном государстве она остается лишь мифом о государстве, пекущемся исключительно об общем благе.

Несколько иная и действительно имеющая смысл для науки как определенный способ познания трактовка правового государства дается Максом Вебером — это идеальный образ, с которым соотносится реальное государство. В учении М. Вебера правовое государство — это теоретическая конструкция, а не реальность, «идеальный тип», который как идеал никогда не совпадает с действительностью, всегда находится с нею в противоречии и несет в себе элемент утопии. Это есть то, к чему общество должно стремиться, но что всегда маячит впереди. «Правовое государство» Вебера — это лишь один из множества идеальных типов.

В содержательном отношении самое большее, что сейчас обещает так называемое правовое государство, так это диктатура закона. Речь, как видим, идет вовсе не о соотношении власти и права, а о соотношении власти и закона. Государство обещает действовать, строго соблюдая юридические нормы. Похвальное обещание, свидетельствующее в то же время о признании произвола в действиях государственных органов, о действительно существующей абсолютной юридической безответственности государственных чиновников перед гражданами общества. И нет никакой гарантии, что обещание будет выполнено, — это же всего лишь обещание. Много ли стоит это обещание, даже будучи реализованным?

Юридическое право — это всегда продукт деятельности государства, это всегда воля господствующих в обществе социальных групп, возведен-

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. С. 154.

²² «Новая наука была для них (буржуазных экономистов. — Н. С.) не выражением отношений и потребностей их эпохи, а выражением вечного разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы экономической деятельности, а вечными законами природы: их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что этот человек был просто средним бюргером того времени, находившимся в процессе своего превращения в буржуа, а его природа заключалась в том, что он занимался производством и торговлей на почве тогдашних, исторически определенных отношений» (Там же. С. 155).

ная в ранг закона, и его назначение состоит в том, чтобы служить интересам тех сил, в руках которых находится государственная власть. Юридическое право — это всегда орудие, посредством которого государство осуществляет свою деятельность, регламентирует бытие членов общества, орудие, которое используется, и в этом, прежде всего, состоит его предназначение, как дубинка для принуждения граждан к действию только в установленном законом русле. Оно само ее взращивает, придает ей удобную для него форму, оно само же ее и применяет. А требование (и даже демонстрация показательных примеров), чтобы эта дубинка гуляла и по всем государственным чиновникам и олигархам без всякого исключения, — это элементарнейшее условие заботы не только о гражданах (и даже вовсе не о гражданах), сколько забота о самосохранении государства как машины, функционирующей на основе определенного разделения труда, определенного распределения функций. Но и с учетом этого момента юридическая дубина всегда оборачивается разными концами к гражданам и стоящим над ними социальным слоям. Конечно, гражданам всегда достается ее толстый конец да еще после хорошего размаха.

Понятие «правоохранительные органы» является довольно-таки фиктивным, конвенционалистским не только по форме звучания. Оно не выражает действительного предназначения тех органов, которые им обозначаются. С правом они имеют дело лишь опосредованно, через законы, а задачей их деятельности является принуждение к исполнению законов. Это не правоохранительные органы, а законопринудительные органы — звучит это, конечно, не столь благозвучно, но выражает сущность их деятельности, соответствует их предназначению. Различаются они в разных общественных системах лишь по степени жесткости принудительных действий.

Особая роль в системе юридического обеспечения прав граждан отводится, вроде бы, судам. Но и апелляции к судебным решениям не меняют сути дела. Судьи — это тоже государственные чиновники, а суды — орудие в руках того же государства. На основании определенных юридических норм, санкционированных соответствующим государством, действовали, обеспечивая диктатору своего государства над народом, и гитлеровские, и сталинские суды. Не было и нет диктатуры закона, как и демократии, равной для всех слоев, всех групп населения, потому как и диктатуру, и демократию кто-то содержит. Кто-то осуществляет, кто-то контролирует, а кто-то только шею может подставлять. И этих последних всегда большинство. Диктатура закона может быть и рабовладельческой. Если правовое государство понимать лишь как государство, действующее в соответствии с законами, то оно может принять форму любого ярма на шее граждан, которых заставят жить под диктовку не только законов, далеко отстоящих от справедливости, но и законов глупых, идиотских.

Далее, следовательно, неизбежна постановка вопроса о качестве самого юридического права, о соответствии закона правам граждан. Как и в советское время, современная официальная идеология и пропаганда фактически отождествляют понятия «право» и «закон», хотя их содержательное несовпадение было хорошо исследовано и показано, например, еще Т. Гоббсом. Само юридическое право, которым пользуется государство, должно стать правовым. Оно должно перестать быть выражением воли каких-то отдельных классов, отдельных социальных групп, а должно стать выразителем воли всего общества, и оно должно стать соответствующим естественным правам человека. Но при наличии частного капитала эти условия невыполнимы, даже при абстрактно предусмотренном четком разделении властей.

Как бы ни стремилась законодательная власть облагодетельствовать общество справедливыми законами, она не сможет избавиться от зависимости от крупного капитала, который обеспечивает ее физическое содержание. Попытка его ограничения и опоры, скажем, на средний или мелкий капитал, ничего не изменит. И тот и другой имеют тенденцию не к сохранению себя в существующем состоянии, а тенденцию к возрастанию. И она тут же будет стимулироваться, и этот капитал постарается использовать открывшиеся возможности влияния на власть и ее законотворчество в целях своего роста.

Однако предположим, что обществу все же удалось максимально приблизить (продвижение в этом направлении действительно возможно) юридическое право к естественному и к выражению интересов всего общества. Применять его будут суды, т. е. опять же государство, которое всегда имеет интересы, отличные от интересов общества, поскольку живет за счет общества и не может воспроизводить себя иначе, как ущемляя интересы общества. Современная идеология возлагает надежду на возможность решения этого противоречия так называемым независимым судом. Но представление о независимом суде — это тоже очередной миф.

Независимость бывает лишь от чего-то или от кого-то. Судебная власть, будучи частью государственной машины и являясь исполнителем ее воли, оформленной в виде законов, не может быть свободной от противоречий между государством и обществом. Чтобы выполнить ту функцию о которой говорилось, суд должен стать независимым от государства, выйти из его рамок, встать над государством, т. е. стать более сильным государством. Какое же существующее государство на это пойдет? Будучи не подконтрольным государству, этот независимый суд в то же время должен быть подконтрольным гражданскому обществу, иначе он превратится в самодостаточную сверхдиктатуру над всем обществом, т. е. превратится опять же в сверхгосударство, и обществу не останется ничего другого, как миф о независимом суде поднять до мифа о божьем суде, стоящим над

земными законами. В этом случае даже самое прекрасное, самое справедливое юридическое право утрачивает самостоятельность.

А как гражданское общество может контролировать «независимый» суд, если он, как предполагается, не подвластен даже государству? И может ли вообще? Идея всенародного контроля за деятельностью государственных институтов звучит, конечно, привлекательно. Но каким может стать или должен быть механизм ее осуществления? Может быть, предоставить каждому гражданину право требовать отчета от всех должностных лиц всех инстанций? Абсурднее трудно что-либо придумать. В качестве нового варианта выполнения этой функции, кажется, может выступать предложение о создании гражданским обществом, о котором в последнее время стало очень модно говорить, внесударственных органов, обладающих соответствующими правами и возможностями. Но это обозначало бы ни что иное, как создание и над «независимым» судом, и над государством органов, обладающих большей властью, чем существующие государственные органы. Это был бы просто рост государственной надстройки, который можно было бы продолжить, поскольку деятельность этих органов тоже нуждалась бы в контроле и т. д., и т. д., и при котором «демократия» гражданского общества проявлялась бы в виде всеохватывающей диктатуры.

Правового государства нет и в обозримом будущем, вероятно, не предвидится. Разве еще недостаточно очевиден идеологический, пропагандистский характер идеи и независимого суда, и правового государства — идеи, которая продумана в содержательном отношении неважно и рассчитана на низкий уровень политического сознания электората? Собственно говоря, еще до всеобщего распространения этой идеи гегелевский анализ показал, что правовое состояние общества — это мир «отчужденного от себя духа», мир, в котором индивид выступает как отдельная от этой фиктивной общности «одинокая самость», иначе говоря, — это буржуазное общество как лучшая форма реализации «частных потребностей и интересов на базе частной собственности и всеобщего формального равенства людей»²³. В виде идеи правового государства выражены, таким образом, представления буржуазии — частных владельцев средств производства — о наилучшем в их понимании общественном устройстве, общественном идеале, реализация которого максимально ограничивает возможности вмешательства государства в их дела, предоставляя частному капиталу практически неограниченную свободу.

Правовое государство или государство, стремящиеся стать таковым, должно обеспечить, во-первых, максимальное совпадение закона и права. Достичь этого непросто, тем более, что ни государственная машина, ни

²³ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 114.

официальная пропаганда даже не признают различия между ними. Во-вторых, необходимо обеспечить подлинную, а не иллюзорную общность юридического права, что если и осуществимо, то только на пути уничтожения классового общества, а не на основе культивирования «среднего класса», которое не устраняет, а лишь несколько перемещает классовые противоречия между слоями общества. Это должно быть такое право, которое смогло бы интересы общества поставить не только выше классовых интересов, но и интересов самого государства, что предполагает движение не только по пути ликвидации классов, но и деятельность государственной машины в направлении самоотрицания, в направлении ликвидации политического управления обществом и его перехода к самоуправлению.

Таким образом, попытка наполнить абстрактную идею правового государства конкретным содержанием неизбежно приводит к пропагандированной советской идеологией идее общенародного государства и марксистской теории его отрицания. Правовое государство, являющееся действительно таковым, — это не государство в полном смысле этого слова. Но, разумеется, что буржуазные идеологи с этим согласиться никак не могут, но они не могут и конкретизировать идею буржуазного правового государства, не обнаружив ее фальши. Если идея общенародного социалистического государства является, как это утверждается современной пропагандой и теоретиками буржуазии, утопической, то идея буржуазного правового государства, есть просто преднамеренно внедряемый в общественное сознание идеологический миф, рассчитанный на сознательный обман широких слоев населения.

Политическое мифотворчество буржуазных идеологов пестро и многовариативно. Но все его многообразие объединяет, что характерно для любой мифологии, стремление заставить массы принять их на веру. Они не страдают от избытка логичности, они не предполагают соотношения утверждаемого с реальностью. Они просто провозглашают. Они не пробуждают мышление — они оглушают людей. Их цель — заставить народ не думать, а верить, что марксизм, социализм — это плохо, нереально, а частная собственность — это хорошо, это вечно.

Марксизм как символ научной рациональности в эпоху глобализма

Налицо всемирно-исторический кризис. Не кризис товарно-сырьевых бирж, не фондовый кризис. И не кризис коммунизма (или его кончина, как то видится Бушу-младшему и новоиспеченным «русским» монархо-черносотенцам). Налицо кризис империализма — как высшей и окончательной, бесповоротной стадии капитализма.

Марксизм непобедим, поскольку он слишком глубоко, целостно и всесторонне укоренен, фундирован в философии, в науке, в культуре, в образовании всего человечества. Марксизм укоренен во всесторонней практике производства, в общественных отношениях, в социальных привычках поколений, в научных открытиях, в документальной и художественной кинематографии, в культуре, в литературе, в библиотечных фондах. Марксизм жив в опыте великого СССР, семьдесят лет которого до самого основания потрясли весь старый мир. Марксизм укоренен в опыте мировой системы социализма, в общественном бытии и в общественном сознании не десятков — сотен миллионов людей. Марксизм — это символ научной рациональности и знамя подлинного, нелицемерного и нелицеприятного гуманизма. По-настоящему, прямого идеологического столкновения с марксизмом не выдерживает ни одна очередная модная доктрина, она просто рассыпается как осколки постмодернизма или пытается паразитировать на марксизме, спекулируя на нем в роли очередного модного поветрия антикоммунизма.

Интеллектуальный капитал марксизма — фундамент человеческого разума и воли к свободе именно как осознанной, а потому — прозреваемой необходимости.

Странное дело — сколько раз объявляли марксизм теоретически развенчанным, и — все продолжают с ним, якобы с устаревшим, с мертвым, с развенчанным бороться. Иначе как оправдать собственное идейное бессилие, идеологическую импотенцию и имморализм? Только антикоммунизмом, антимарксизмом, которым, как хлебом насущным питается неиз-

меримое поголовье так называемых «мозговых трестов», фондов, центров и групп. И нет аутентичным, подлинным марксистам абсолютно никакой нужды скорбеть, посыпать голову пеплом сожженных собраний сочинений, тем более — постоянно сетовать на бессилие, буквествовать, тасовать колоды цитат, рыться в каких-то просчетах, ошибках, недоделках, даже провалах, часто мнимых. Поддакивать антимарксизму — нестерпимо неблагодарное и неумное занятие, недостойное ученого и гражданина. Сдающих собственные сильные позиции — бьют свои и чужие! Ноющие не вызывают сочувствия, за постоянно сетующими никто не идет. Недопустимо — к вящей радости антимарксистов — становиться перед ними в позу в чем-то кающихся. Постыдно переходить из сильной деятельностной позиции борца, трибуна, активиста, в поведенческую позу кающегося грешника-потребителя. Оно того не стоит! Новому миру — не более века, а ветер века, по словам Твардовского — он в наши дует паруса! Да, история — не тротуар Невского проспекта, как говорил великий Чернышевский. Да, на историческом пути возможны остановки, перерывы постепенности, эволюционные скачки, временные тупики, реставрации. Но — действительно уверенный в себе, в своей исторической правоте, проиграв отдельную битву при Каннах, ставит это себе в жизненный урок, делается еще крепче, закаляется и побеждает. Проигрывая отдельную битву — выигрывает войну! Как римляне-республиканцы. Как молодые герои «Молодой Гвардии»! «Перетерпев судеб удары, Окрепла Русь — Так тяжкий млат — дробя стекло — кует булат...!»

Советский опыт марксизма и ленинизма велик не тем, чего он не сделал, но тем, что он совершил — вопреки той нескончаемой войне и вражде, которая была обращена против него со всем изуверством и цинизмом имморальной бесчеловечности тех, кто мнил и мнит себя хозяевами всего мира, теми, кто душил Вьетнам и бросал вакуумные бомбы на Белград.

Мощное и всестороннее, материальное, идейное, культурное и духовное наследие первого этапа мировой системы социализма продолжает сохранять свою действенность.

Поступательный ход истории — факт, с которым вынуждены считаться все более-менее умные и более-менее трезвые политики, идеологи, экономисты — от Франклина Делано Рузвельта до Джорджа Сороса. Эпоха капитализма как целостной общественно-экономической формации XVIII–XX вв. в XXI столетии подходит к неизбежному финалу своего развития. Это реальный сдвиг всей парадигмы общественного развития Новейшего Времени. И данная фраза — не догма, а руководство к научному анализу и практическому общественно-политическому действию, точнее — деятельности, в том числе — и социально-педагогической деятельности. Отметим важнейшие тенденции и проявления этого парадигмального сдвига «осевого времени» человечества.

Глобализация — это неизбежность и объективная закономерность развития мирового хозяйства человечества. *Антиглобализм есть не что иное, как идеология глобализации — но глобализации стихийно-народно-демократической, в принципе антикапиталистической.* Антиглобализм противостоит глобализму под эгидой транснациональных корпораций США и политического комитета «Большой Семерки» в лице США, Японии, ФРГ, Франции, Великобритании, Италии, Канады.

Современный глобализм (мондиализм) есть фаза господства транснационального капитала над суверенитетом национальных границ. Это и есть некогда теоретически обозначенный «ультраимпериализм» (со всеми вытекающими отсюда, совершенно очевидными социально-политическими последствиями). Символом такого глобально-экономического сдвига, например, красноречиво может служить утверждение ЕВРО в качестве новой, транснациональной валюты Европы, действительно оппозиционной к доллару, олицетворяющему, как известно, финансово-экономический диктат США в послевоенном капиталистическом мире. Последствия первой, империалистической фазы глобализации мира кумулятивны, социально опасны и представляют собой экологический тупик, вполне внятно аргументированный двумя декларациями мировых Конференций по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 1992, Дурбан, 2001). Указанная выше линия мирового развития зафиксирована даже в работах Ф. Фукуямы («конец истории») и Дж. Сороса (критика спекулятивно-виртуального капитализма). В то же время отметим, что в работах отечественных политологов начала 2000 х гг. данный контекст социально-экономической трансформации развития мирового сообщества, как правило, игнорируется.

Глобализаторский рубанок транснациональных корпораций столкнулся с реакцией сопротивления мощнейших культурно-исторических стереотипов сознания и поведения на полигонах общепланетного рынка — с сопротивлением духовно-культурного и социально-политического порядка. На Земле в снятом виде сосуществуют сегодня самые разнообразные хозяйственно-экономические и культурно-поведенческие уклады, осколки исторически доминировавших когда-то общественно-экономических формаций. Убогий буржуазно-глобализаторский рассудок провинциально-мещанских персонификаторов паразитического капитала совершенно не в состоянии их понять, принять, переварить и преодолеть средствами адекватными подлинному гуманизму. Капитал — не личностная, но общественная сила, это отношение товарной стоимости человеческого материала, возведенное в квазирелигиозно-морализаторский абсолют. Миллионам людей это отношение не по вкусу — оно противоречит народным традициям воспитания и нравственности трудового человека. Отсюда — глобальный кризис современного общества, чреватый социальнополити-

ческими и культурными катастрофами, межнациональными провокациями и тотальным отчуждением миллионов людей от средств обеспечения нормальной, социально-осмысленной и активной жизни. Кризисом поражен уже сам процесс расширенного воспроизводства материально-духовных благ. А это чревато, в свою очередь, глубинным повреждением принципиальных механизмов наследственности — и не только в культурно-языковой, духовной, но и генетической программе воспроизводства здоровых, физически, психически и морально полноценных поколений. Марксизм предвидел эту фазу глобальной пролетаризации мира.

Следующим этапом отрицания отрицания должно стать упразднение современного политического господства транснациональных корпораций, их реинтеграция в форме государственно-капиталистической национализации, конфискации и социализации (опыт Кубы и Венесуэлы, против которого США как символ империализма — бессилён). Это значит, что ресурсы и резервы империализма не только уже не беспредельны, но и весьма ограничены, даже сейчас, на фоне лихорадочно-спешного проедания транснационалами сырьевых ресурсов СНГ и стран «третьего мира».

Глобальная культурная революция — со всеми ее идеологическими нюансами и политическими катаклизмами, с победами и проблемами — тоже следствие Великого Октября 1917 г. Сфера влияния достижений Союза ССР охватила все отрасли науки, технологии, народного образования, здравоохранения, искусства, культуры. Даже саму методологию марксизма-ленинизма стало модным использовать как бы в снятом виде, фактически цитируя и применяя марксистские тексты, но при этом почти не ссылаясь на источники. Такова судьба, например, марксистских положений о среде, субъекте, коллективном субъекте, отчуждении, разотчуждении, присвоении и — так далее!

Марксизм — это рационализм и гуманизм, политэкономия как наука и экономика, в принципе направленная на освобождение человека как индивидуальности, на снятие разнообразных форм отчуждения, неизбежно связанных с приматом частной собственности на средства производства. Отметим, что рубль СССР был особой, настоящей валютой принципиально нового типа, стимулировавшей духовно-практическую деятельность общества нового исторического типа (без фактических классовых антагонистов). В чем заключалось принципиальное отличие рубля СССР от доллара США? В том, что рубль СССР был символом финансовой рациональности принципиально нового типа, он работал и как средство платежа, и как средство накопления, и как материальное выражение общественных фондов потребления — небывалого в истории человечества пути использования денег как меры стоимости общественного богатства и общественного интеллекта. Зона действия советского рубля была полигоном

новой экономики, со всеми ее достоинствами и недостатками, все-таки марксизмом в действии. Рубль СССР был реально обеспечен всем достоянием государственного богатства СССР. Его недр, земель в полной и неотчуждаемой государственной собственности. Полной ликвидацией частной собственности на стратегически ведущие сферы производства и потребления, активом всех отраслей промышленности и сельского хозяйства. Экономически рентабельными проектами и общественными фондами потребления, позволявшими вполне рационально, несмотря на навязанную СССР гонку вооружений, все-таки безболезненно обеспечивать сполна весь бюджетный народнохозяйственный и демографический комплекс культуры, науки, искусства, народного образования. Доллар США (и до Бреттон-Вудской системы, и особенно — после нее, т. е. после 1946 г.) опирается в основном на колоссальную мировую аферу биржевой финансовой спекуляции и интервенции бумажной денежной массы за пределы собственно экономической машины США.

Начало XXI в. ознаменовано нарастающими симптомами кризиса науки и образования, столкнувшихся с ранее латентными, а теперь «прорвавшимися», «неведомыми», острейшими проблемами тотального кризиса общественного сознания, кризиса культуры.

Выделим ведущие тенденции и последствия парадигмального сдвига исторического процесса в современном мире:

1. «Первая глобальная революция» как факт состояния мирового сообщества (А. Кинг, Б. Шнайдер) — 1991.
2. «Устойчивое развитие» как проект состояния мирового сообщества (Гру Харлем Брундтланд) — 1992.
3. «Всемирный эволюционный переворот» как тенденция состояния мирового сообщества (А. А. Зиновьев) — 2002.
4. Обострение межимпериалистических противоречий между США, Европейским Союзом и Японией.
5. Выход на арену мировой истории новых политических тяжеловесов и экономических гигантов недалекого будущего — Китайской Народной Республики, Республики Индийский Союз, Мексиканских Соединенных Штатов, Республики Бразилия.

Рассмотрим подробнее:

1. В XXI в. теоретическая наука — непосредственная производительная сила общества (феномен «высоких технологий»). По крайней мере, это факт для «центральной зоны» мирового хозяйства, временно возглавляемого США. В то же время этот факт является фактором торможения, подавления и вытеснения экономики (и национальных систем образования) развивающихся стран, пытающихся встать на ноги эко-

номической независимости, без которой независимость политическая — не более чем пропагандистский блеф. Формирование феноменов сверхобщества (А. А. Зиновьев).

2. Глобализация мировой экономики. Глобализация мирового сообщества через сетевые структуры. «Global Village» (глобальная деревня) как тенденция и прогноз развития общества в сфере массовых коммуникаций и индустрии культуры. В формате глобального противостояния двух общественно-экономических систем нынешний сценарий глобализации не проходил (это и было одна из принципиальных внешних причин ликвидации СССР).
3. Транснациональные корпорации (ТНК) стали главными субъектами мировой экономической политики и ведущими мета-политическими игроками процесса социокультурной трансляции во всех без исключения сферах мирового хозяйства, включая — в первую очередь — вторичную социализацию, образование, а также всю индустрию телекоммуникаций и информационных развлечений. ТНК перешагнули все национальные границы и стали основными источниками и субъектами права в сверхобществах по типу ЕС. Национальные бюджеты государств, даже наиболее экономически развитых — уже вторичны.
4. Ускорение *абсолютной* неравномерности развития регионов. Тупиковая ситуация как понимания, так и разрешения проблемы «Север» — «Юг» на социально-экономическом, культурном и образовательном уровнях. Как следствие — ренессанс идеологии социализма в обширных регионах планеты по образцу Латинской Америки 2000-х гг., в перспективе — радикальная волна социально-политического обновления.
5. Капитализация технологий «хай-хьюм текс» (High Humanitarian Techs) — управляемых гуманитарных технологий контроля массового общественного сознания (Гарвардский проект и т. п.).
6. Мондиализм («всемирность»), как ведущая тенденция образования.
7. Провинциализация и национал-культурный сепаратизм, локализация и самоизоляция сообществ — так называемая «глокализация» мира.
8. Клерикальный и светский фундаментализм как социокультурная реакция на сценарий «несправедливой» глобализации.
9. Доступность массовых общественно-педагогических коммуникаций, неограниченный потенциал реализации категории культуросообразности в воспитании. Успех принципа «мир без границ» посредством образовательной среды, по типу «школа + Интернет + международные связи».

10. Рост функциональной малограмотности и неграмотности *в экономически развитых обществах (!)*. Формирование устойчивой социальной страты функционально неграмотных рантье, нигде и никем не работающих, живущих на социальное пособие, принципиально «завязанное» на криминал, особенно на рынок наркотиков, *на всестороннее наследование диссоциальных (полукриминальных) форм поведения.*

Современное общество все больше начинает напоминать мозаику социально-деклассированных слоев-страт, фрагменты-гетто этнических общностей, а также временные (мез)альянсы профессионально-корпоративных и конъюнктурно-квазиполитических группировок. Общество стратифицируется — социально расщепляется, группируется, видоизменяется, и процесс этот идет с заметным ускорением. Для «школы будущего» вопрос ее адекватного существования — в социальной цене такого процесса и в его культурной ценности. Не факт, что тенденция к дальнейшей атомизации общества сохранится в ближайшие двадцать лет. На самом деле пока не существует ни одного социологического доказательства того, что подобная социальная фрагментация общества есть некое социальное благо. Это отнюдь не признак либерализма. И тоталитарная тенденция общественного строя заключена совсем не там, где массовому общественному сознанию «помогли» ее увидеть в начале 1990-х гг. Фрагментация общества, его дробление на касты, секты, сословия — признак не диверсификации общества (усложнения его социально-культурного многообразия и разнообразия), напротив — это признак упрощения и архаизации общественной структуры, тенденция уплощения, усреднения и стереотипизации (= примитивизации) жизненно значимых потребностей. Каста не защищает и не опекает личность — она ее нивелирует и стирает. Атомизация общества объективно ведет отнюдь не к личностному росту членов этого общества, а к их личностному регрессу. При этом управление процессами подменяется манипулированием социальными индивидами на всех этапах искусственно-конструируемой социальной иерархии, с массовой подменной реальной деятельности — симулякрами этой деятельности, в том числе деятельности педагогической, (то есть формами социального существования, имитирующими деятельность, как правило — бурную и, в основном, бумажную или — виртуально-электронную).

Для творцов современного образования довольно заманчиво представлять доклад Жака Делора «Образование — сокрытое сокровище» ЮНЕСКО, 1998) средством реализации надклассово-экологической утопии. Но принципиальный антагонизм труда и капитала неизбежно заставляет педагогические сообщества мира сталкиваться с катастрофами социальных смыслов в рамках формационного кризиса современного капитализма. С 1991 г. этот кризис принял глобальный характер временного триумфа товарно-де-

нежного имморализма под авантюрной эгидой наиболее реакционных элементов космополитического финансового капитала. Миф о грядущем процветании золотого миллиарда стал своего рода дымовой завесой реализации судорожных попыток продлить агонию капиталистической общественной формации, бессильной разрешить глобальные проблемы в интересах человечества и по-человечески. Глобальный кризис современного капитализма «иннервировал» и глобальный кризис современной науки и современного образования.

События XXI в. свидетельствуют в пользу того, что при известной, искусственной консервации *архаических общественных отношений частной собственности на основные средства производства*, избыточный совокупный общественный продукт, почитаемый за величайшее благо цивилизации, может стать могильщиком человечества — именно как антагонизм труда и капитала. При определенных условиях глобализации вполне допустим — а, быть может, уже и запущен именно в наши дни — тотальный процесс массового сброса фундаментальной науки и парадигмально выраженной традиции классического и неклассического типов научной рациональности. К сожалению, это синдром общественного развития не только нашего любезного отечества — это именно *общемировая* тенденция. Но, стоит это подчеркнуть, тенденция — не фатальная закономерность. Ей можно и нужно противостоять. Противостоять и бороться аргументированно.

Сегодня такую аргументацию в пользу сохранения и укрепления науки как совершенно особой сферы общественного сознания может дать только марксизм. Только методология марксизма — диалектический и исторический материализм в состоянии предотвратить уничтожение мировой науки — а следовательно, не допустить крушения всемирной человеческой цивилизации, исходящей из разума и апеллирующей к разуму, а не к диким инстинктам совокупного человеческого безумия — иррационализма.

Отметим особую роль науки в самом факте существования образования как особого общественного института. В контексте разнообразных общественных диагнозов, на которые претендует современный постмодернизм, эта роль фактически поставлена под сомнение. Принцип научности в преподавании естественных и гуманитарных дисциплин подвергается сегодня иногда утонченной, а большей частью весьма грубой дискредитации — и не только в средствах массовой информации, но и с высоких кафедр академических учреждений, а также институтов повышения квалификации и переподготовки кадров. Это важнейшая тема современного общественного сознания, предмет острейших идеологических столкновений на почве так называемого «хай-хьюма»: *high hume, high humanitarian technologies* — так называемых высоких гуманитарных технологий воз-

действия (в позитивном и негативном смысле) на массового (и омассовленного) социального индивида.

В парадигме классической рациональности научного знания исследование рассматривается как познание законов природы и человеческого общества. Эта линия на протяжении исторически представлена такими именами как Р. Декарт, Ф. Бэкон, Б. Спиноза, Дж. Бруно, Г. Галилей, Т. Гоббс, И. Ньютон, И. Кеплер, Д. Дидро, К. Линней, И. Кант, И. Гумбольдт, Ж. Б. Ламарк, П. Лаплас, А. Смит, Д. Менделеев, Д. Морган, Ч. Дарвин, К. Маркс, Ф. Энгельс. Классическая рациональность исследует законы природы и социальные закономерности, осваивает *создание и применение простых систем*. Девизом и рефреном эпохи классической научной рациональности стала крылатая фраза Ф. Бэкона: «Физика, остерегайся метафизики!», что означало отрицание ценности схоластического периода накопления научной фактографии, априорное недоверие к дедуктивным идеалистическим теориям, манифестация позитивизма как идеологии науки вообще. Тем не менее, на излете этой научной эпохи снова делается попытка утвердить представление Иммануила Канта о непознаваемой стороне «вещей-самих-по-себе (в себе)» и познаваемой природе «вещей-для-нас» (философско-методологический *позитивизм* и *агностицизм* Маха и Авенариуса). От позитивизма Огюста Конта мышление ряда теоретиков идет «назад к Канту», игнорируя Гегеля и диалектику. Электромагнитная теория в науке завершает эпоху промышленного переворота, а на авансцену мировой научной и общественно политической истории выходит фундаментальность теории эволюции Чарльза Дарвина, периодическая система Д. И. Менделеева и теория общественно-экономических формаций Карла Маркса.

Марксизм оказал и продолжает оказывать глубокое, неизгладимое влияние на понимание общества и природы, более того — на ход процессов мировой истории, тем более — на науку как форму общественного сознания и отражения объективной реальности. Таким образом, эволюцию классического типа научной рациональности можно рассматривать в контексте перехода от формальной логики к логике диалектической, от механического материализма к диалектическому материализму. Что знаменательно и характерно — побеждающая научная диалектика как принципиально новый метод научного познания объективной реальности приводит с одной стороны, к прагматистской педагогике Дж. Дьюи, а с другой стороны — к педагогике А. С. Макаренки, к соединению обучения с производительным трудом, к марксизму культурно-исторической теории Л. С. Выготского. Магистральный путь социализации этой эпохи: «наука — содержание обучения и воспитания — фабрика \ конвейер», социально освобождающийся индивид, в идеале становящийся социально развитой личностью через коллектив и деятельностную позицию.

Неклассическая рациональность парадигмы науки (условное начало эпохи — вторая половина XIX в. — до нашего времени) знаменует расцвет индустриальной эпохи и отражает ее системный кризис. В парадигме неклассической рациональности на результаты любого научного знания экстраполируются средства и операции научной деятельности. При этом объясняемые характеристики объекта соотносятся с процедурными подходами к исследованию. Это значит, что в неклассическом типе парадигмы науки существенное значение приобретает выбор методов получения результата исследования, и, соответственно, особое внимание уделяется структуре изучаемого объекта, характеру и типу внутренних и внешних связей, отношений, состояний объекта. В методологии исследования диалектика окончательно побеждает «ползучую эмпирику». Метод научной дедукции используется наряду с индуктивно-эмпирическим методом. Объект рассматривается целостно, системно, с учетом прогноза реализации внутреннего потенциала его собственного развития, поэтому характерными признаками научного аппарата становятся моделирование и проектирование, построение вариантов идеально-представленного объекта в виде схемы, модели, проекта. Из сугубо технической сферы жизнедеятельности схема, модель, проект переходят не только в сферу естественнонаучного, но и собственно гуманитарного знания. Наука уходит от тенденций редукционизма, характерных для предыдущего типа классической научной рациональности. Утверждается методология структурализма, системно-структурного анализа, системного подхода как антитезы классическому типу научной рациональности. Внимание теоретика и практика акцентируется на междисциплинарных связях и их роли в достижении научно-практического результата. Наука начинает существовать в форме научных школ и научно-исследовательских институтов — открытых и закрытых, специализированных и комплексных НИОКР — научно-исследовательских и опытно-конструкторских исследовательских программ. Постепенно аксиоматизируется представление о динамике состояния и развития сложного объекта, свойства которого с точки зрения его внутренней организации несводимы к свойствам его частей. Такой объект получает название системы, а в дальнейшем утверждается типология деления систем на простые и сложные, на закрытые и открытые, на устойчивые и неустойчивые. Математическое моделирование объектов и процессов получает решающий перевес в различных сферах не только естественнонаучного, но и гуманитарного знания. Человек по-прежнему рассматривается как мера всех вещей — в русле естественнонаучной и общегуманитарной традиции Нового Времени.

Неклассическая рациональность исследует и осваивает *сложные саморегулирующиеся системы*, постепенно подходя к их проектированию как особому, принципиально новому для науки в целом виду деятельно-

сти. «Царицей науки» выступает физика и ее методологические проекции физикализма на все содержание методологии науки и образования (Дж. Резерфорд, А. Эйнштейн, Н. Бор, Л. Ландау, С. П. Капица). Не случайно, а закономерно порождение и развитие, а затем и определенное изобилие исследовательских подходов с начала XX в. примерно до середины 1990-х гг. Это прагматизм, структурализм, гештальт-психология, герменевтика, бихевиоризм, когнитивная психология, кибернетика, системно-структурный анализ, системный подход, деятельностный подход. Самыми заметными достижениями этой линии парадигмального сдвига классической научной рациональности стало формирование *смежных научных дисциплин*, неизвестных предшествовавшей научной эпохе — таких как морфофизиология и учение о двух функциональных системах (И. П. Павлов, П. К. Анохин, А. Р. Лурия), кибернетика (Н. Винер), генетика (Н. И. Вавилов), биогеохимия (В. И. Вернадский), лингводидактика (Н. М. Шанский), психолингвистика (А. А. Леонтьев). В педагогической и возрастной психологии символами неклассической рациональности парадигмы науки могут служить Л. С. Выготский (культурно-историческая психология), А. Р. Лурия, П. К. Анохин (теория функциональных систем), Ж.-П. Пиаже, С. Л. Рубинштейн, К.-Р. Роджерс, У. Маслоу, Дж. Брунер (возрастная, педагогическая психология и психология познания), В. В. Давыдов (теория развивающего обучения), И. П. Иванов (коммунарская методика воспитания). *Вне философии и методологии марксизма само существование этих научных школ и течений общественно-педагогической мысли — немыслимо.*

В эпоху неклассической научной рациональности неизмеримо возрастает роль субъекта познания, отношений, деятельности — и роль научных взглядов на значение познающего субъекта деятельности. Традиционная классно-урочная система постепенно наполняется содержанием, в значительной мере отражающим специфику современного междисциплинарного знания — особенно характерен этот процесс для преподавания учебных дисциплин естественнонаучного цикла. Магистральный путь социализации этой эпохи: «наука — содержание образования — содержание воспитания — индустриальный комплекс / научная лаборатория». Пафос эпохи — *модернизм* во всех областях материального производства, науки, техники, культуры. Простой конвейер первичной индустриальной эры уходит в прошлое. Образование не только сохраняет свою роль кадровоформирующей индустрии — в нем усиливается культуuroобразующая и адаптивная культуросообразная функция. Личностная составляющая социализации и воспитания связана с принципиально новой ролью информации в жизни общества. Понятие *информации* приобретает содержание, которое станет отправным моментом и основанием для дальнейшего сдвига научной парадигмы — в направлении *постнеклассической рациональности*

научного знания, и — шире — *постмодернизма* как культурологического симптома нашего времени.

А далее наступает нечто очень специфическое и даже странное — приход в науку уже постнеклассического типа научной рациональности, как будто бы изменяющей весь ее, более-менее традиционный методологический формат. И даже указывающая на сдвиг всей парадигмы науки Нового и Новейшего Времени, а именно:

Постнеклассическая рациональность парадигмы науки. Ее характерные приметы:

- Тотальный кризис индустриальной эпохи в глобальном формате и некий переход к состоянию, обозначаемому (очень спорно) как «информационное постиндустриальное общество».
- Постмодернизм как первичная философская рефлексия на изменившиеся условия глобального состояния мирового сообщества, в том числе и образовательного.
- Сдвиг общенаучной методологии от бытийности к становлению, от иерархии управления объектами — к сетевому принципу самоуправления и самоорганизации субъектов деятельности, от объектности к процессуальности, более того — к процессуальности результата деятельности.

Собственно говоря, постнеклассический тип научной рациональности и представляет собой искомый парадигмальный сдвиг, дрейф тенденций и признаков науки как таковой, включая и научный аппарат, и процедуру исследования, и механизмы социокультурной трансляции научного знания уже не только, и не столько в систему образования, сколько в ее результат. Что самое существенное, признаки, тенденции и результаты такого сдвига, происходящего в общепланетарном масштабе, стали оказывать непосредственное влияние на теории и практики социализации и воспитания подрастающего поколения, немедленно отразившись в форме кризиса школы как единственном прежде государственном субъекте направленной социализации. Здесь нечто большее, чем пресловутая игра дефинициями и понятиями. Это первичная методологическая рефлексия на новую индустриальную, информационную и социокультурную реальность глобального масштаба начала XXI в. Неслучайно определение нашего времени как *глобального эволюционного переворота*, данное в 2001 г. крупным отечественным логиком и методологом А. А. Зиновьевым. Неслучайно как симптом самого новейшего времени, хотя и чрезвычайно спорно и странно сомнение части сообщества методологов в том, что есть необходимость в самом определении закона как устойчивой, фиксированно повторяющейся необходимости явлений и процессов в природе. В методологической культуре постмодерна постнеклассическая рациональность

науки почти целиком переходит на исследование и освоение *сложных саморазвивающихся систем*, целиком и принципиально осваивает проектирование, но уже не как вид, а как особый род деятельности. Формально отрицая марксизм в теории, методологи-проектанты фактически применяют в социальной практике все основные положения диалектики марксизма! По существу марксистским был и остается весь деятельностный подход в науке! В этом плане характерно экспериментальное применение ОДИ (организационно-деятельностных игр) и соответствующее этой адаптивно-управленческой практике моделирование объектов системы образования — начального, основного общего, дополнительного, профессионального, высшего и послевузовского.

Среди историко-культурных «подвижек» и постепенно накапливаемых, социально кумулятивных изменений науки как социального института, наверное, немаловажно отметить следующий, весьма существенный ее признак. Каждая наследующая форма научной деятельности переопределяет смысл и доосмысливает условия существования предыдущей формы. Заметим тут же — но не отменяет, тем более не отменяет ее, эту предыдущую форму «жития-бытия» научного сообщества радикально! Вполне возможно, что из всех традиционных социальных институтов только наука именно как социальная практика в ее самом достойном из воплощений марксизма сегодня способна сохранить и укрепить традицию человечности, мужественного доверия к человеческому разуму, традицию радости человеческого познания и совершенно необходимой людям веры в светлое будущее. Эта вера — атрибут человечности. Над этой верой глумиться недостойно. Традиция живет только будущим, иначе она просто не состоится в настоящем. Вопреки расхожему социальному мифу, здоровая традиция не есть вечное повторение всех вещей, а будущее никогда не является дурной бесконечностью проекции утилитарных шаблонов современности.

Так называемые *«человекоразмерные» саморазвивающиеся системы* стоят в центре внимания современного мирового научного сообщества. Наполняясь новой, системной и даже синергетической предметностью, они стали его основным объектом. Вопреки моральному релятивизму современности, о котором пишет французский культуролог М. Фуко, все-таки усиливается этическая, то есть смысловая составляющая этого процесса. Это, может быть, самый важный для научного сообщества признак длящегося сейчас так называемого сдвига (подвижки или разлома?) парадигмы всей науки как особой формы общественного сознания. В сфере образования ЮНЕСКО провозглашает задачи конструирования наиболее предпочтительных, природо- и культуросообразных *траекторий личностного развития* подростка, *культурные способы действия* ребенком совместно с педагогом. Смысл этой встречи — суть целенаправленного возобновления условий вторичной социализации — иными словами, готов-

ности человека к дальнейшему развитию, к образованию через всю жизнь. *В этом — глубокое, неизгладимое влияние марксизма как символа научной рациональности нашей эпохи.* В первую очередь, этот процесс присущ сложным гуманитарным системам и процессам. Типичным примером подобной, сложной, саморазвивающейся системы является сегодня воспитательная система, и отнюдь не случайно, а закономерно, что традиции марксизма наиболее полно живы в этой гуманитарной сфере. Школа как сложная и «человекоразмерная» воспитательная система существует только в процессе своего развития — через фазы становления, самоутверждения, кризиса роста, конфликта и самообновления. Точно так же описывается и нормальная наука — через сообщества научных школ и общностей, через противоречивое единство общности и организации.

Первый и главный результат науки — это образование как средство расширенного воспроизводства кадров, строительства самого человека как члена общества, как личности, как индивидуальности, несущей социальную и культуру ответственность за жизнь в самом непосредственном будущем. *Принципиальных жизненных позиций две, не более — человек-деятель и человек-поведенец.* Человек-деятель — это пассионарий, борец-труженик, активный и бескорыстный творец материальных и духовных благ, альтруист, последовательно занимающий активную жизненную позицию, человек-личность, идейно убежденный и принципиальный созидатель жизни не за деньги, а за человеческую совесть, долг, заботу, помощь, человек, стоящий на позициях деятельности, а не простого, зависимого, потребительского поведения. Другой идеал человека — это не идеал, а идол, образ конформиста, зависимого и пассивного потребителя с реактивно-поведенческим, безвольно-слабоумным образом жизни. Идеал нового образования — это марксистский, ленинский идеал. Другой идеал — идеал примитивного, зависимого, периферийно-сырьевого, насквозь пропитанного коррупцией и криминалом, полуколониального общества потребления. Влияет ли на понимание этой проблемы подлинная наука как совершенно особая форма общественного — а, следовательно, и педагогического сознания? Безусловно. Все дело в том, что только наука и способна влиять на понимание того, в чем суть современного образования именно как социализирующей системы. И не только влиять, но и предлагать существенные средства и методы позитивного выхода из объективно сложившегося всемирного кризиса образования. По единственной причине — только наука в парадигме Нового Времени связана с радиогенезом, с формированием основ адекватного мирозерцания и рациональной социальной деятельности всего мирового сообщества в целом. И только наука (а отнюдь не новые социальные религии) способна внятно прогнозировать цели, средства и результаты собственно человеческой деятельности в мире — именно поэтому образование как общенациональная система просто

обязано оставаться светским, социальным, демократическим как по содержанию, так и по формам. Именно в школе как базовом институте современной социализации закладываются основы ретрансляции научного мировоззрения как фундамента всего современного типа цивилизации. Но этот фундамент уже дает трещины! И дело здесь не только в естественной фазе кризиса самой науки. Фундаментальность науки разрушается извне, из кризисного социума, а качество образования переводится в утилитарную плоскость формальных, мало что проверяющих измерителей, с изрядной дозой приправленных субъективизмом и прямым иррационализмом, вплоть до экспансии в государственную образовательную машину компонентов религиозного и оккультного мировоззренческих типов. Идти по такой дороге — значит окончательно обречь общество на тупик развития. Доминанта вненаучных форм социализации просто закрывает школу в общем ряду с прочими «закрывающими» социум технологиями внешнего управления «человеческим материалом». Интеллектуальным бастионом против этой тенденции выступает марксизм.

Но и без квалифицированной защиты методологии самого марксизма как символа научной рациональности науки общество потеряет разум, способность реально прогнозировать свое собственное будущее, упреждать потенциальные социальные катастрофы грядущего времени. В формате бесконтрольной империалистической глобализации дальнейшая защита дела науки, культуры, образования и воспитания будет бессильна и бесперспективна. Испытывая очередной, *нормальный* кризис своего развития, кризис так называемой парадигмы, наука сегодня обязана сохранить самое себя, сохранить сам принцип научной рациональности, сохранить мировое научное сообщество как совокупность уникальных сетевых структур и социальных институтов. В противном случае, культура утратит важнейшие функции нормального социального наследования, а образование *потеряет смысл* важнейшего социального института. Сегодня борьба за сохранение и творческое развитие общенаучной методологии марксизма есть борьба не только за нормальное будущее науки, образования и культуры. Это борьба за нормальное будущее всего мирового человеческого сообщества, за *антиимпериалистический глобализм победы подлинной человеческой свободы над слепой и бесчеловечной необходимостью*.

О перспективных направлениях развития марксизма

Наука может сохранять качество науки только в постоянном развитии. Известно, что конкретно-исторические знания относительны, субъективные истины относительны. Особенно, это присуще науке общественной. Для социальной науки прекращение движения вперед равносильно утрате качества науки и своего предназначения как науки. Остановившись в развитии, она утрачивает способность объяснять новую историю, новые явления, давать в новых условиях истинные ориентиры людям для самоорганизации в свободное человеческое общежитие и для разумного управления историческим процессом. Именно это произошло с марксизмом в XX в. Новый богатейший материал, который давала практика социалистического строительства в СССР и союзных с ним государствах, а также опыт воспроизводства в историческом времени несправедливых социальных порядков в мире капитала не были в достаточной мере использованы для развития марксизма.

Марксизм, вне всяких сомнений, был наукой применительно к историческому опыту человечества на уровне XIX в. Но в XX в. марксизм мог сохранять качество науки только через саморазвитие с учетом опыта XX в. Иными словами, марксизм мог сохранять статус науки в XX в. *не в качестве марксизма XIX в., а только в качестве марксизма XX в.* Однако должного развития марксизма в XX в. не произошло. Не произошло этого потому, что развитие социальной науки соответствует истинным, объективным интересам всего народа, но не соответствует ложным, субъективным эгоистическим интересам ограниченных групп, прежде всего, — бюрократии: ее устраивало не народовластие, а бюровластие. Это означает, что свободу развития науки могло обеспечить только действительное, процедурно обеспеченное народовластие. Но у нас на старте социалистического строительства народовластие не было организовано из-за отсутствия достаточных знаний о том, *как* его организовать. Российская коммунистическая партия в достаточной мере не владела научными полити-

ческими технологиями организации народовластия. По этой причине — по причине естественного дефицита знаний — провозглашенный ранее принцип народовластия в форме диктатуры пролетариата у нас не был осуществлен. Вместо диктатуры пролетариата стала утверждаться не контролируемая народом диктатура управленцев, ведущая прямой дорогой к бюрократизации управленческого аппарата.

В последующем свобода социальной науки все в большей мере ограничивалась, а ее развитие блокировалось эгоистическим интересом бюрократии, озабоченной не столько проблемами организации народовластия и совершенствования общественных отношений реального социализма, сколько проблемами сохранения власти персонально данного бюрократического клана. Определение и внедрение научной технологии народовластия усложнялось фактором ожесточенной борьбы с внутренними и внешними врагами социализма. Оно усложнялось и спорами между искренними сторонниками социализма о том, какой должна быть организация социалистического общества, так как научная системная концепция социализма отсутствовала. В итоге пошли по наиболее простому пути — по пути утверждения диктатуры управленцев «для народа» с постепенным отмиранием народного контроля за аппаратом. Для управленцев это куда проще, чем возиться с инициативами, идущими непосредственно из народа. Вот за эту простоту мы теперь и расхлебываемся.

Таким образом, первоисточником всех причин гибели СССР явилось пренебрежение в его организации основополагающим принципом социализма — принципом **научной** самоорганизации общества через народовластие. Единственно надежным противоядием против бюрократии могли быть тогда и могут быть сейчас только эффективные политические технологии народовластия. Отсутствие таких технологий привело к перерождению советского управленческого аппарата в бюрократию, которая, злоупотребляя своими властными правами и вступив в преступный сговор с мировой реакцией, организовала эту контрреволюцию сверху: развалила СССР, развязала процессы классового и колониального порабощения трудящихся.

Прогресс общества начинается с прогресса в человеческих мозгах. Он начинается с возрастания социального знания, духовности, культуры, прежде всего, — социологической, нравственной, политической. Внутреннее духовное освобождение, обретение истинного знания, ясного зрения — первый рубеж на пути человека к свободе. Утрата духовной свободы, утрата способности понимать происходящее — последний рубеж самозащиты человека от рабства. Духовное рабство — самое безысходное, самое беспросветное рабство. Духовный раб — воистину раб, ибо он даже не осознает своего рабского состояния, считает себя свободным и восхищается своим господином. Именно такими рабами хотят сделать нас рос-

сийские приказчики мирового капитала, натянувшие на себя демократические маски.

В современных условиях внутреннее духовное освобождение нашего народа может состояться только через овладение истинным, научным социальным знанием. Разумная самоорганизация общества и его прогрессивное развитие немыслимы без опоры на научное знание. Следовательно, сейчас наше движение к свободе, к социализму может начаться только с духовного освобождения, прежде всего — с внутреннего духовного освобождения — с развития социального знания, с возрождения общественной науки, с развития марксизма. Это тем более верно потому, что главным оружием этой контрреволюции стали средства массового духовного порабощения и массового духовного уничтожения людей. Это — технические средства массовой информации и диверсионные информационные технологии воздействия на общественное сознание. Поэтому сейчас, в годы торжества реакции главным фронтом классовой борьбы трудящихся за свое освобождение является духовная сфера. Только на завоеванных плацдармах в духовной сфере могут разворачиваться победоносные для сторонников прогресса и социализма политические сражения.

Феликс Наумович Клоцвог обратил здесь внимание на необходимость создания системной научной теории общества. Я полностью с ним согласен. В октябре 2007 г. вышла моя аналитическая работа «Азбука свободы». Принимаясь за нее, я поставил перед собой именно такую задачу: с учетом опыта новейшей истории провести анализ социальной материальной системы, попытаться обозначить контуры и важнейшие компоненты системной теории общества и системной концепции социализма. В процессе работы над этой книгой я еще раз убедился в том, что дальнейшее развитие социального знания возможно только на базе марксизма, то есть на основе научной методологии диалектического материализма. Диалектика необходимости и свободы буквально пронизывает все общественные отношения.

Марксизм начинается с основ научного мировоззрения, с научного философского знания. В виду ограниченности времени коснусь только ключевых философских проблем. На мой взгляд, следующие направления развития философского знания имеют сейчас прорывное значение для прогресса не только философского, но и социального знания.

Первое. Ближайший анализ показывает, что основным для каждого человека объективным законом является внутренний для него закон — его **объективная потребность в свободе существования**, из которой в сочетании с конкретными жизненными условиями возникают все его другие — конкретные — потребности и интересы. Анализ показывает также, что именно из объективной потребности людей в свободе берут свое на-

чало объективные законы всех социальных процессов, так как эти процессы складываются только из поведения людей, а двигателем поведения людей является их в чем-то неудовлетворенная потребность в свободе существования.

Потребность человека в социальной свободе существования всегда объективна, истинна. А все наши беды являются следствием того, что ложными могут быть выбираемые нами средства ее удовлетворения. Свобода существования людей в обществе может быть только следствием культуры их поведения и социальной организации. Но культура человека — это культура его сознания, это его внутренняя духовная свобода. Следовательно, внешняя социальная свобода людей может стать реальностью лишь в качестве следствия их внутренней духовной свободы. Как видим, эта причинная связь состоит только из разных составляющих свободы человека. Как показывает анализ, потребность в свободе и другие возникающие из нее конкретные потребности и интересы людей являются ведущими компонентами в логической структуре всех социальных причинно-следственных связей. Более того, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что структура всех социальных причинно-следственных связей, составляющих логическое содержание общественных процессов, состоит только из компонентов человеческой свободы. В конечном счете, ведущей компонентой и сущности человека является его потребность в свободе.

Из всего этого следует, что первым и главным направлением в развитии общественнознания должен стать сейчас **детальный философский анализ логики и диалектики человеческой свободы**. Логика и диалектика свободы — единственно верный ключ к пониманию сущности человека и общества. Сущность человека и сущность общества не могут быть поняты без владения логикой и диалектикой человеческой свободы. Именно поэтому главным предметом системного социологического исследования, представленного мною в книге «Азбука свободы», является свобода человека, чем и определилось ее наименование.

Второе. Так как человек и общество являются сложнейшими материальными системами, а окружающий нас мир состоит из бесконечного многообразия материальных систем, то в познании человека и общества необходимо применение системного подхода. А это означает необходимость опоры на общие законы системной организации мира. Следовательно, вторым направлением в развитии общественнознания должен быть сейчас **философский анализ системной организации мира и разработка Системной Теории Общества**. В настоящее время уже существуют большие научные заделы по исследованию системных организаций разного рода. Надо развить их применительно к обществу как самоорганизующейся социальной материальной системе. Следует иметь в виду, что ключевой про-

блемой прогресса является овладение всеми людьми социально-системными, то есть **нравственными** мерами свободы поведения при выборе средств утверждения свободы своего существования в обществе. Это и составляет основу нравственной культуры поведения. А свобода существования людей в обществе может быть только следствием культуры их поведения. Аморальный беспредел свободы поведения господствующих классов, а также претендентов на нетрудовую наживу и господствующее положение в обществе — вот главный источник всех наших бед.

В моем понимании исследование общества как системы, построение целостной Системной Теории Общества является задачей социологии. До настоящего времени целостная Системная Теория Общества отсутствует. Отсутствует ясное понимание смысла всемирной истории — цели окультирующих, освободительных преобразований общества! И как следствие этого отсутствует научная системная концепция справедливого и свободного общества, то есть — научная Системная Концепция Социализма, которая должна быть частью Системной Теории Общества. Если бы на вооружении СССР была достаточно детальная Системная Концепция Социализма, то она позволяла бы постоянно сравнивать его реальную организацию с идеалом и подтягивать реальность к идеалу. Тогда было бы действительное народовластие, которое для каждого гражданина создает положение хозяина страны, а в его сознании — чувство хозяйской свободы и хозяйской ответственности. В таком случае разве допустил бы наш народ все те отступления от принципов социализма в организации советского общества, которые выполнили функции плацдарма этой контрреволюции и привели его к гибели? Разве допустил бы он разрушения нашей великой державы и разграбления добытками нетрудовой наживы и власти наших национальных богатств?!

Сейчас, в условиях антинародного режима достаточно детальные научные системные концепции общества и социализма необходимы нам для того, чтобы конкретно и предметно оценивать элементы этой лжедемократической социальной организации по критериям высших для всех людей законов — объективных законов общества. Порождаемые человеческой субъективностью законы государства должны соответствовать объективным законам общества. Детальная Системная Концепция Социализма предоставит людям труда, коммунистической партии возможность обличать ложность, то есть несправедливость конкретных деталей этой социальной организации, конкретных законов этого антинародного государства и выдвигать альтернативные **социалистические** законопроекты, которые будут наглядно высвечивать перед лицом трудящихся преимущества социализма и вопиющую несправедливость данного социального порядка. А лжедемократическое парламентское большинство, блокируя эти законопроекты, будет тем самым снова и снова демонстрировать людям труда свой

антинародный характер. Современная Теория Общества детально и конкретно раскроет логику исторического развития общества и действительные причины гибели СССР. Вместе с Системной Концепцией Социализма она станет мощным духовным оружием в борьбе сторонников прогресса за умы и сердца людей. Сейчас же клеветой на социалистический нравственный идеал и на СССР в сознание миллионов людей узурпаторами власти внедряются ложные, извращенные представления и о социализме и о реальном советском обществе.

Третье. Известно, что сознание, идеальное вторично по отношению к материальному. Но это так лишь в том смысле, что идеальное является проявлением одного из свойств материи — ее способности к отражению, что идеальное вне материального носителя существовать не может. Если же мы обратимся к бесконечным цепям действующих в обществе социальных причинно-следственных связей, то в них сознание (а, точнее качественное состояние его материального носителя — мозга) **равноправно** с качественным состоянием обстоятельств общественного бытия, которые создаются только поведением людей и в этом смысле полностью рукотворны. В зависимости от того, какое звено бесконечной цепи социальных причинно-следственных связей ($\dots \rightarrow O \rightarrow S \rightarrow O \rightarrow S \rightarrow O \rightarrow S \rightarrow \dots$) мы рассматриваем, либо бытие (O) творит соответствующее своему содержанию сознание (S), либо сознание через поведение человека творит соответствующие своему содержанию условия общественного бытия. Сначала, особенно, на старте жизни каждого человека, социальные обстоятельства творят его сознание. Но затем сознание как определенное качественное состояние мозга творит обстоятельства: воспроизводит старые или творит новые условия бытия. Поэтому формула «внешние обстоятельства бытия людей определяют их сознание, ($O \rightarrow S$)» должна получить развитие в виде формулы, отражающей диалектику взаимодействия сознания с рукотворными обстоятельствами общественного бытия: ($S \rightleftharpoons O$). Следовательно, третьим направлением в развитии обществознания должен стать **детальный философский анализ диалектики взаимодействия сознания с обстоятельствами общественного бытия.**

($S \rightleftharpoons O$)-диалектика буквально пронизывает все общественные отношения и все социальные процессы. Поэтому сущность человека, общества и логику их развития невозможно понять без понимания этой диалектики.

Четвертое. Для того, чтобы прийти к более полному пониманию явлений материального, идеального, к более полному пониманию духовно-генетических истоков религиозной веры и феномена всемогущего Бога, то есть — для окончательного утверждения научного материалистического

мировоззрения в сознании всех людей необходимо проведение философского анализа явления информации. Требуется аналитическое разложение понятия информации на два компонента: связанную информацию (не отделенную от своей материальной основы) и свободную информацию. Под свободной информацией я понимаю информацию, отделенную через процесс отражения от своей собственной материальной основы и запечатленную на других материальных носителях. Будь то информация, запечатленная на нейронах головного мозга или информация, передаваемая по линиям связи. Как показывает анализ, представленный в книге «Азбука свободы», субстанцией идеального (его «строительным материалом») является свободная информация в данном здесь ее определении.

Пятое. Важнейшим направлением в развитии обществознания является сейчас проведение системного философского анализа явлений ценности и ценностного познания.

Необходимо раскрытие сущности явления ценности и определение объективных критериев истинности ценностного познания, то есть — критериев отличия истинных ценностей от ложных, истинных систем ценностей от ложных, истинных ценностных ориентаций (потребностей и интересов) людей от ложных. Так как ценностными ориентациями людей определяется выбор целей и средств их деятельности, их поведения, то речь здесь идет об определении объективных критериев отличия их истинной деятельности от ложной, истинного поведения (политического и экономического и любого другого) от ложного.

Речь здесь идет о необходимости сообщения аксиологии, исследующей мир ценностей, качества науки. Пока, к сожалению, она таковой не является. В феврале этого года в ИФ РАН состоялся семинар по проблеме определения границы между сущим и должным. С докладом на этом семинаре выступил А. В. Ивин, автор недавно опубликованной монографии по аксиологии. Докладчику было задано много вопросов. На мой вопрос, существуют ли сейчас в аксиологии объективные критерии для отличия истинных ценностей от ложных, докладчик ответил отрицательно. А ведь главным предназначением любой науки является определение таких критериев в соответствующей области знания.

Раскрытие сущности явления ценности открывает возможность применения критериев строгого научного логического анализа к выбору любых ценностей и систем ценностей. И, что особенно важно, — к выбору истинных нравственных, политических, экономических и других общественно значимых ценностей, от чего зависит устойчивость общества и свобода существования каждого человека. Определение объективных критериев истины в ценностном познании открывает возможность применения строгого научного логического анализа в идеологии, этике, полито-

логии и всех других направлениях системоорганизующего (практического ценностного) познания.

Значение определения объективных критериев истины в выборе ценностей для свободы существования человека невозможно переоценить. Ведь совершенно очевидно, что без овладения методами строгого научного ценностного анализа, позволяющего отличить истинную нравственность от ложной, истинное нравственное поведение от ложного, истинную социальную организацию и политику от ложной, истинное (прогрессивное) направление в развитии общества от ложного (регрессивного), революции от контрреволюции — научное обществознание принципиально невозможно. Без этого, например, даже такая убежденная сторонница социализма, как Т. М. Хабарова приступила к созданию марксистского вероучения, опирающегося не на рациональное научное познание объективных законов общества, а на субъективные нравственные чувства человека, например, на чувство долга (см. газету «Советы Граждан СССР» № 8 2008 г.). Чувства и эмоции лишь *сопровождают* значимые для свободы существования человека процессы и результаты логического мышления, отражающего объективную логику бытия и творящего таким образом новое знание. Но чувства, как правило, не творят новое знание. Чтобы чувство нравственного долга возникло, прежде на *основе рационально-логического познания* должно сформироваться убеждение в необходимости исполнения долга.

Из указанных здесь пяти направлений развития философского и социального знания главным является исследование логики и диалектики человеческой свободы. Все остальное подчинено задаче обеспечения условий свободы.

Кстати, философский анализ явления информации дает окончательное решение известного основного вопроса философии: о том, что первично — сознание или бытие. Теперь, на мой взгляд, в философии и обществознании на первый план должен быть выдвинут вопрос о том, **как обеспечить свободу существования человека в его взаимодействии с природой и обществом.** От правильного решения этого вопроса при современном уровне развития производительных сил общества, превращаемых безумием политиков в силы разрушительные, зависит не только свобода человека, но и сама возможность выживания человеческого рода.

В заключение предлагаю 190-летний юбилей основателя научного коммунизма, Маркса и десятилетний юбилей работы семинара «Марксистские чтения» ознаменовать решительным поворотом от чтения марксизма к его творческому развитию. Живая душа марксизма — в его постоянном развитии на основе нового исторического опыта. Иначе его почитате-

лям можно превратиться в начетчиков, превращающих в мертвую догму то, что вчера было наукой. Приоритетной целью семинара на базе методологии марксизма надо определить формирование современной Системной Теории Общества, Системной Концепции Социализма и организационных документов прогрессивных (окультуривающих, освободительных, социалистических) преобразований российского общества. Очевидно, для выполнения этих творческих задач наш семинар должен получить развитие в формировании множества тематических секций, каждая из которых будет специализироваться на каких-то частных проблемах. При этом надо стремиться к тому, чтобы с возрастанием количества секции наш семинар превратился в общероссийский научно-практический Форум, способный организовать общенациональную дискуссию по проблемам прогрессивных, окультуривающих, освободительных преобразований российского общества. В числе конечных продуктов организованного таким образом научного поиска должны быть Системная Концепция Социализма и соответствующий этой Концепции проект Российского Общественного Договора Общенационального Соглашения. Принятие такого Договора на общенародном референдуме должен стать поворотным моментом в современной истории России, переводящим ее с траектории скольжения в пропасть небытия на восходящую траекторию национального возрождения и устойчивого прогрессивного развития.

Достижение единого научного понимания социализма во всех его существенных деталях и путей социалистического переустройства российского общества будет способствовать объединению сторонников прогресса. Предметная дискуссия, с вовлечением в нее широких слоев трудящихся, будет началом прорыва и в вопросе связи компартии с народом, в организации массового общенационального освободительного движения трудящихся, которому не будет преград.

Мировой финансовый кризис

Ф. Н. Клоцвог, Л. С. Чернова

Мировой экономический кризис — предвестник конца капитализма

Капитализм как общественно-экономическая формация, основанная на наемном труде работников, лишенных собственных средств производства и продающих свою рабочую силу тем, кто владеет средствами производства, достиг своего наивысшего расцвета во второй половине XIX века. Именно в это время К. Маркс дал детальный анализ капиталистического способа производства и показал, что объективные законы развития общества неизбежно ведут к его гибели и замене новой общественно-экономической формацией. Как известно, дальнейший ход истории полностью подтвердил правильность этого суждения.

Первый прорыв цепи капиталистической системы был осуществлен в нашей стране. Именно в нашей стране была предпринята первая в мире попытка создания новой посткапиталистической общественной системы. В Советском Союзе впервые в мире была ликвидирована частная собственность на средства производства и основанная на ней рыночная экономика. В стране были ликвидированы эксплуататорские классы, предприняты попытки целенаправленного управления развитием общества,

создана качественно новая форма государства — власть Советов, представляющая собой основу народовластия. Все это позволило создать объективно присущий социализму качественно новый тип производительных сил общества — целостный народнохозяйственный комплекс. В едином народнохозяйственном комплексе отдельные его элементы (предприятия), сохраняя свою относительную техническую и хозяйственную обособленность, тесно связаны между собой, в частности, в результате создания общенациональных технических систем — энергетической, транспортной, коммуникационной, информационной и т. п. Таким образом, в стране возникла качественно новая общественная система, обладающая всеми сущностными чертами новой общественно-экономической формации — социализма.

Следует подчеркнуть, что все эти черты были еще недостаточно развиты, а во многих случаях серьезно деформированы. Так, производительные силы, образующие единый народнохозяйственный комплекс, по своему техническому уровню значительно отставали от наиболее развитых капиталистических стран — США, Великобритании, Германии. Общественная собственность существовала в огосударствленной форме. Отдельные правомочия общественной собственности (владение, распоряжение и пользование), которые в условиях социализма должны быть рассредоточены между всем обществом, государством и трудовыми коллективами предприятий, на деле находились в компетенции государства. Централизованное плановое управление, которое при социализме должно охватывать только общезкономические межотраслевые и межрегиональные пропорции, в действительности вмешивалось во все хозяйственные пропорции, включая внутриотраслевые, внутрирегиональные и внутрипроизводственные. В результате самоуправление трудовых коллективов, являющееся важнейшей составной частью социалистического народовластия, было крайне неразвито. Таким образом, народовластие осуществлялось как власть в интересах народа, но еще не власть самого народа. Все это дает основание квалифицировать общественную систему СССР как ранний социализм.

Система раннего социализма обеспечила быстрый рост советской экономики. За исторически короткий период СССР превратился в одну из крупнейших индустриальных держав мира. Авторитет советского государства неизмеримо вырос во всем мире в результате победы Советского Союза во Второй мировой войне. В послевоенный период Советский Союз не только в кратчайшие сроки восстановил разрушенную войной экономику, но и добился громадных новых успехов. Особенно велики в этот период достижения СССР в области культуры и науки, включая прорыв в космос и освоение мирного использования атомной энергии. Авторитет СССР был важным фактором разрушения во второй половине XX в. мировой колониальной системы. После Второй мировой войны на путь строи-

тельства социализма встал целый ряд стран Восточной Европы. Начала формироваться мировая социалистическая система.

Однако капитализм не сдавался. Он сумел существенно реформировать свою общественную систему, используя, в том числе, и советский опыт. В капиталистических странах стали быстро развиваться новые формы собственности, в частности, такая форма как акционерная, создающая впечатление широкого участия населения во владении средствами производства. Стали возникать кооперативные предприятия, а также предприятия, находящиеся в собственности трудовых коллективов (ЭСОПы). Следует учитывать, что все эти новые формы отношений собственности практически не изменили природы капитализма, поскольку господствующей по-прежнему осталась частная собственность. Сохранилась жесткая конкуренция, присущая рыночной экономике, разделение общества на антагонистические классы и другие коренные черты капитализма. Тем не менее, проведенное реформирование отношений собственности дало повод рассуждать о том, что складывается якобы новая общественная система — «народный» капитализм.

Широкое распространение в капиталистических странах получили различные формы государственного регулирования рыночной экономики, которые способствовали значительному смягчению цикличности экономического развития и предотвращению сильных экономических кризисов. Важную роль играл принятый новый курс на создание так называемой социально-ориентированной рыночной экономики. Этот курс проявился в формировании в капиталистических странах развитых систем пенсионного обеспечения, различных форм поддержки малоимущих и т. п.

Все это реформирование капиталистической экономики иногда трактуется как процессы социализации капитализма. Однако следует учитывать, что все это реформирование обусловлено не гуманными побуждениями, а стремлением капитализма продлить свое существование. Следует подчеркнуть, что эта цель в значительной мере была достигнута. Капитализм в развитых странах мира не только обеспечил во второй половине XX в. быстрое и почти бескризисное развитие, но более того в конце века он сумел нанести сокрушительный удар по Советскому Союзу и нарождающейся мировой социалистической системе.

Разрушение Советского Союза и его общественной системы имело для экономики страны тяжелейшие последствия. Реализация подброшенной Западом идеи перехода к рыночной экономике привела к тотальному разрушению народнохозяйственного комплекса страны. Вдвое сократился объем промышленного и сельскохозяйственного производства. Произошло обнищание большинства населения при одновременном баснословном обогащении небольшой кучки крупных бизнесменов. Разрушение СССР одновременно поддержало экономику развитых капиталистических стран,

открыв для них источник дополнительных энергетических и сырьевых ресурсов, а также дешевой рабочей силы. Вместе с тем был создан достаточно обширный рынок для реализации продукции развитых капиталистических стран.

Однако победы капитализма оказались недолговечны. Начавшийся XXI век ознаменовался возрождением по всему миру социалистических идей и левых антикапиталистических движений. Это прекрасно показано в книге профессора В. С. Семенова «Социализм и революции XXI века. Россия и мир».

Разразившийся в настоящее время мировой экономический кризис показал, что, несмотря на всю модернизацию, капитализм больше не находит источников для роста экономики. Сильная рецессия (экономический спад) произошла во всех развитых капиталистических странах. За первый квартал 2009 г. по сравнению с соответствующим периодом 2008 г. ВВП США сократился на 2,5 %, в странах Европейского Союза — на 4,5 %, а в России — на 9,5 %. Промышленное производство в апреле 2009 г. по сравнению с соответствующим периодом 2008 г. в США сократилось на 12,5 %, в Великобритании — на 12,3 %, а в России — на 17 %.

Тот факт, что мировой кризис захлестнул и российскую экономику, сам по себе не удивителен. Современная Россия является частью мировой капиталистической системы, хотя российский капитализм имеет существенные отличия от капитализма западных стран. Его главные отличия:

- непроизводительный, торгово-ростовщический характер, основные доходы российского бизнеса создаются не в сфере производства, а в сфере коммерческой деятельности, финансовых махинаций и операций с недвижимостью;
- олигархический характер, основную роль играет крупный капитал олигархов, мелкий и средний бизнес не развиты и не имеют никакой перспективы;
- компрадорский капитализм, он ориентирован не на интересы своей страны, а на интересы крупнейших зарубежных и транснациональных корпораций.

Все это особенности российского капитализма обусловлены его генезисом, поскольку, в отличие от развитых стран Запада, он возник не естественно-историческим путем, а путем контрреволюционного уничтожения принципиально более высокой ступени человеческой цивилизации. Все указанные особенности российского капитализма усугубляют развитие негативного воздействия на российскую экономику мирового кризиса.

Важным фактором болезненного прохождения кризиса в российских условиях является также то, что за десять «тучных лет» (с 1999 по 2008 гг.),

когда в российской экономике имел место достаточно быстрый экономический рост (6 % прироста ВВП в среднем за год), стихийный, неуправляемый характер этого роста не позволил решить хоть в какой-нибудь степени ни одну из острейших российских социально-экономических проблем. Сохранился высокий уровень физического и морального износа основных фондов всех отраслей российской экономики. Осталась неизменной топливно-сырьевая ориентация структуры российской экономики, характерная для колониальных и полуколониальных стран. Не только не уменьшилась, но даже усилилась дифференциация населения по уровню доходов, преобладает тенденция к усилению территориальной дифференциации регионов России по уровню экономического развития и уровню жизни населения, что является реальной угрозой территориальной целостности страны. В результате российская экономика подошла к периоду мирового кризиса больной и резко ослабленной.

Нынешний кризис явился еще одним свидетельством того, что капиталистическая рыночная система исчерпала возможности обеспечения дальнейшего устойчивого экономического роста. Она больше не способна обеспечить прогресс человеческой цивилизации. Более того, она становится опасной для самого существования человечества, поскольку основные противоречия капитализма достигли в современном мире уровня острейших конфликтов. Посмотрим на основные конфликты современного мира.

Прежде всего, обострилось основное противоречие капитализма между возрастанием общественного характера производства и частновладельческим присвоением его результатов. В современном мире это нашло свое выражение, прежде всего, в острейшем противоречии между странами «золотого миллиарда» и остальным миром. В странах «золотого миллиарда» сложилось так называемое общество массового потребления, где потребление превращено из средства обеспечения физического и духовного развития человека в самоцель. Паразитическое «сверхпотребление» в странах «золотого миллиарда» является одной из непосредственных причин массового недоедания и голода в большинстве стран мира, в особенности во многих странах Азии и Африки. При этом «сверхпотребление» не сводится к значительным расходам богатого меньшинства населения стран «золотого миллиарда» на приобретение предметов роскоши и т. п. Оно включает в себя также гигантские расходы на вооружение, средства массового уничтожения. В капиталистических странах резко растут так называемые «транзакционные издержки», то есть расходы бизнеса на ведение конкурентной борьбы, неизбежной в условиях рыночной экономики. Следовательно, «сверхпотребление» — это чисто социальное явление, присущее современному капитализму.

Угрожающие размеры принимает противоречие между «сверхпотреблением» в странах «золотого миллиарда» и ограниченностью мировых ре-

сурсов. Исчерпание ресурсов углеводородов, пресной воды и т. п. становится реальной угрозой обозримого исторического будущего. Это противоречие обостряет борьбу за обладание мировыми ресурсами и грозит новыми локальными и крупномасштабными военными конфликтами, включая новые мировые войны, которые при современных средствах массового уничтожения могут привести к концу человеческой цивилизации.

Продолжается обострение противоречия между сохраняющимся в капиталистических странах научно-техническим прогрессом и нарастанием деградации духовной сферы, сферы культуры и нравственности. Духовность — это та главная черта человека, которая отличает его от всего остального мира. Только человеку присуще понимание таких нравственных категорий, как добро и зло, справедливость, самопожертвование и т. п. Все эти понятия в современном капиталистическом мире приобретают острое социальное звучание и вместе с тем постепенно теряют свое значение для мотивации поведения отдельных людей. Поскольку, как говорится, свято место пусто не бывает, то это опустевшее пространство заполняется страстью к наживе, жестокости, стремлением сильного подчинить себе слабого. Такое общество все больше утрачивает черты, присущие человечеству и неизбежно ведет к вырождению человека как вида.

Серьезную угрозу современному миру представляет происходящее обострение системы межнациональных отношений. Это обострение вызвано, прежде всего, тем, что происходящая в мире капиталистическая глобализация навязывает всему миру образ жизни и систему ценностей ведущей капиталистической страны — США, подавляя вместе с тем национальную самобытность народов и национальную культуру. Это не может не вызывать активного протеста во многих странах мира и также угрожает человеческой цивилизации.

При таком широком подходе к анализу современного мирового кризиса становится ясно, что это не циклический кризис, не просто финансовый кризис, а предвестник конца капиталистической системы.

Конечно, капитализм сам по себе никогда не сдаст свои позиции. Он может быть уничтожен только революционным путем. При этом разрушение капитализма не произойдет сразу во всем мире, а начнется лишь с наиболее слабого звена мировой капиталистической системы. Сегодня, по нашему мнению, таким слабым звеном, как и сто лет назад, является Россия. Именно здесь наиболее обострены все противоречия капитализма. Это проявляется и в гигантском разрыве между бедными и богатыми, и в постоянном грабеже природных и экономических богатств России со стороны развитых стран мира, и в быстрой деградации российской национальной культуры, и в нарастании межнациональных конфликтов внутри России. Поэтому при всем уважении к великому китайскому народу, идущему по пути социалистического строительства, при безоговорочном преклонении перед героиче-

ской борьбой народов Латинской Америки, борющихся за социальное возрождение своих стран, по-видимому, не здесь следует ожидать начала социалистического возрождения в мировом масштабе. Только новая социалистическая революция в России способна вызвать цепную реакцию в странах постсоветского пространства, а затем и в других странах мира.

Разумеется, мировой кризис создает лишь объективные экономические предпосылки для возникновения революционной ситуации, однако этого недостаточно. Необходимы еще и политические предпосылки, которых в России, к сожалению, сегодня нет. Отсутствие политических предпосылок связано с двумя главными факторами. Во-первых, это обусловлено организационной и идеологической разобщенностью левых антикапиталистических сил в стране. Сегодня, к сожалению, крупнейшая антикапиталистическая сила России — КПРФ совершенно недостаточно выполняет функцию консолидации всех антикапиталистических сил России. Во-вторых, отсутствие политических предпосылок для революционной ситуации в России связано с политической пассивностью трудовых коллективов в стране. Сегодня продолжаются дискуссии о том, какой класс в современной России является самым революционным и при этом мало обращается внимания на политическую пассивность трудовых коллективов. В настоящее время в России постепенно вырождается само понятие «трудовой коллектив». Общество распадается на отдельных индивидуумов, которые заботятся лишь о своем личном благополучии (сохранении своего рабочего места, зарплаты и т. п.). В связи с этим, прежде всего, необходимо направить усилия на возрождение политической активности трудовых коллективов. Для этого представляется целесообразным бороться за законодательное предоставление трудовым коллективам права контролировать производственную, хозяйственную и финансовую деятельность администрации и собственников предприятия. Начинать надо с простых вещей. Трудовые коллективы должны получать информацию о доходах администрации предприятия. Они должны знать, куда девается прибыль предприятия и т. п. Таким образом, трудовые коллективы должны бороться не только за сохранение зарплаты и рабочих мест, но готовиться стать будущими хозяевами предприятия, будущими хозяевами страны.

Для оказания помощи трудовым коллективам в осуществлении их контрольных функций следует создавать территориальные (районные, городские, областные) Советы трудовых коллективов как прообраз будущей советской власти.

Таким образом, современная антикризисная программа не должна ограничиваться сиюминутным эффектом, а должна быть нацелена на создание конкретных предпосылок для кардинального изменения всей общественной системы.

Современный мировой финансовый коллапс — следствие глобализации противоречий «нового» империализма

1. История и антиистория как проявление распада западной цивилизации

В чем специфика момента, переживаемого нашей страной и, к сожалению, пока еще большей частью ориентированного на капитализм человечества?

В том, что налицо такая форма **регресса**, которой раньше история не знала, хотя регрессивные периоды никогда не выпадали из исторического контекста. На рубеже XX и XXI вв. человечество столкнулось со специфической, можно сказать, новой формой регресса, реализуемой не в привычной логике: «прогресс — регресс — прогресс», а в рамках логической конструкции: «история — антиистория». Исходя из этого, можно сделать вывод, что **распад СССР, поражение социализма в ряде Восточно-Европейских стран** носят не просто регрессивный характер, а представляют по своей сути антиисторическое и, значит, временное явление. Следовательно, воссоздание пространственно-временных параметров жизни наших народов, т. е. восстановление исторического вектора их развития, неизбежно приведет к формированию предпосылок для выхода на дорогу социализма.

На рубеже XX и XXI вв. мировая экономика превратилась как бы в разорванное пространство двух сосуществующих секторов — реального (материально-производственного) и финансового (во многом фиктивного). Действительному капиталу, как стоимости, приносящей прибавочную стоимость прежде всего в сфере материального производства и услуг, стал противостоять его двойник, представленный в ценных бу-

магах. Такой капитал не создает доход, прибыль, а лишь участвует в перераспределении дохода. Он не функционирует непосредственно в производственном процессе и искажает реальные экономические отношения. Превышая во много раз величину реального капитала и окутывая все слои населения ростовщическими отношениями, он становится представителем суррогатной и от того еще более паразитарной экономики, в которой наряду с реальными творениями и деньгами в оборот включаются их виртуальные заменители. Следует ли удивляться, что в этих условиях в теоретических воззрениях последнего времени и на практике раскрытие роли реального сектора экономики свелось до микроскопических размеров? Как нельзя удивляться и тому, что за редким исключением, свет не видят работы, рассматривающие содержание, сущность и последствия глобализации всесторонне с позиций единства экономического, социального и политического.

2. «Новый империализм» и его признаки

Своеобразный этап глобализации начался в эпоху монополистического капитализма, определенного В. И. Лениным как империализм, т. е. как высшую и последнюю стадию капитализма, канун мировой социалистической революции.

Анализ показывает, что основные черты (признаки) нового мирового порядка, а по сути «нового империализма» на фазе глобализации, состоят в следующем:

Во-первых, в окончательном порабощении промышленного капитала капиталом финансовым, ставшим самодостаточным и самовоспроизводимым без опосредования кругооборота промышленного капитала производительной и товарной стадиям. В этих условиях капитал приобретает специфическую паразитическую форму движения (Д—Д), в которой не видно посредствующих звеньев, а спекулятивное самовозрастание денег представляется свойством их самих как таковых.

Сегодня разрыв между финансовыми и товарными рынками настолько усилился, что первые стали терять непосредственную связь со вторыми. Каждый из этих рынков живет своей жизнью. Мировая финансовая система превратилась в перевернутую пирамиду, в которой только ее узкая часть — финансы обслуживают реальный сектор или поток товарных благ (на их долю сейчас приходится не более 10–12 % от общего оборота мировых финансовых ресурсов). Весь же остальной денежный капитал пускается в свободное плавание и не имеет реального материального наполнения. В этом случае рынок превращается в глобальный спекулятивный конгломерат, дом, в котором деньги делают деньги и который функционирует не в интересах развития национальных экономик, роста промыш-

ленного производства и уровня жизни людей, а в интересах укрепления позиций стран «золотого миллиарда»;

Во-вторых, в превращении собственно рыночных отношений (Д—Т—Д) в искусственно культивируемый механизм обеспечения неэквивалентного обмена, в оболочку, за которой скрывается внеэкономическое принуждение, ограбление целых стран и народов. Разве не подтверждением этого является потребление Соединенными Штатами и их сателлитами более 40 % всех ресурсов планеты?

В-третьих, в становлении и закреплении новой глобальной модели «международного разделения труда», многократно усугубляющей несправедливость и вопиющее социальное неравенство в планетарных масштабах.

В-четвертых, в резком возрастании роли социально-экономической политики транснациональных корпораций и финансово-промышленных групп, проникающих с помощью своих филиалов в относительно изолированные национальные хозяйства и претендующих на неограниченный суверенитет и правосубъектность в системе международных отношений.

В-пятых, в утрате национальными правительствами контроля над процессами, происходящими в мировой экономике в результате ревизии норм международного права, направленной на отказ от понятия государственного суверенитета и создание структур глобальной власти в форме различных наднациональных органов.

В-шестых, в агрессивной информационно-культурной экспансии и духовной унификации на самом примитивном, низкопробном уровне, осуществляемых с целью разрушения традиционных ценностей.

Все перечисленные признаки как историческая тенденция были заложены уже классическим капитализмом. Обращая на это внимание, современные прогрессивные экономисты убедительно, к примеру, показывают, что глобализация последних лет не является ни уникальной, ни необратимой. Мир уже пережил первую волну глобализации в конце XIX — в начале XX в., делают вывод они, — и она завершилась крахом.

Всячески приспособляясь к новым мирохозяйственным процессам и мимикрируя, капитализм не меняет своей сути. **Отношения эксплуатации и все сопровождающие их противоречия изменяют лишь свою форму, т. е. переходят в иную плоскость, вытесняются в мировую политику и теперь разделяют мир по оси «богатый Север — нищий Юг» не менее радикально, чем прежде разделяли пролетария и его эксплуататора в масштабах отдельно взятой страны. Происходит не сглаживание и тем более не устранение противоречий монополистического капитализма, а их глобализация.**

3. От капиталистической «интеграции» к финансовому краху

Но современная глобализация весьма специфически интегрирует мир. В одном случае она приводит к искомому объединительному результату, а в другом — обнажает непримиримые противоречия между странами.

Это подтверждается печальным опытом России и ряда других пост-социалистических стран, проводивших либеральные рыночные реформы шоковым методом, соответствующим условиям «Вашингтонского консенсуса», и несомненными успехами КНР, Вьетнама, других стран, совершавших реформирование своей экономики не по чужой подсказке, а основываясь на национальной специфике и критическом осмыслении мирового опыта.

Сильнейшим ударом по глобализации по западным рецептам явился мировой финансовый кризис конца 90-х гг., зародившейся в Азии и превратившийся во всемирное бедствие, представляющее, пожалуй самое тяжелое мировое геоэкономическое потрясение последних десятилетий. Серьезных гарантий от его повторения при существующей системе регулирования мирохозяйственных и, в первую очередь, кредитно-финансовых отношений попросту не существует. А поэтому проблема коренной замены этой системы новой более адекватной времени остается весьма актуальной и для мира в целом, и для всех его составляющих.

Подтверждением этому служит тот факт, что разразившийся на Западе мировой финансовый кризис набирая, как это и предсказывалось, мощные обороты, пока еще далек от своего максимума. «Ипотечные» убытки американских и других западных банков достигли сотен млрд долларов. При этом накачка ликвидности (т. е. способности банков своевременно погашать свои обязательства) посредством эмиссии центробанков напоминает попытку тушить пожар бензином. Продолжается бегство капиталов из виртуального сектора экономики, где сосредоточено 90 % так называемых «счетных» денег мира. Падает доля американской денежной единицы в мировых валютных резервах (сейчас она составляет 64 %).

Мировой кризис. Эти слова в последнее время произносятся все чаще. Но редко кто объясняет, по каким причинам он возник и к чему неизбежно приведет.

Вспомним как Соединенные Штаты взяли контроль над мировыми кредитными ресурсами во время Второй мировой войны и стали единственным (не считая Швейцарию, которая не могла тогда вести самостоятельную политику) банковским центром мира. Помимо этого США удалось навязать миру чисто спекулятивные биржевые операции — фьючерсы, например. Это привело к тому, что основным биржевым товаром стали не материальные ресурсы, а деньги как таковые и их заменители — ценные бумаги. Результат известен: ушло в прошлое ценообразование, хотя бы

как-то соответствующее спросу и предложению, и на авансцену вышел игрок, обладающий колоссальными финансовыми резервами, которому в 1944 г. удалось протащить **Бреттон-Вудскую систему**. Она жестко привязала доллар к золоту и в исключительном порядке (так было сказано в соглашении) остальные валюты к доллару.

Примечательно, что тогда же в 1944 г. созданный Международный Валютный Фонд (МВФ) своим Уставом **запретил котировку** (т. е. установление курса иностранных валют, ценных бумаг) других валют к золоту. Такую комбинацию удалось повернуть, поскольку в результате Второй мировой войны большая часть мирового золотого запаса оказалась в руках США. Это обеспечило им возможность «крышевания» международной финансовой системы и ничем, по существу, не ограниченную эмиссию (выпуск в обращение) долларовых банкнот, которым занимается Федеральная резервная система США (Federal Reserve System), выполняющая функции ЦБ. При этом мало кто знает, что ФРС вовсе не государственное, а частное учреждение, полностью независимое от исполнительной и законодательной властей США. Независимо не только административно, но и финансово. Решения ФРС не нуждаются в утверждении или ратификации ни со стороны президента, ни со стороны кого бы то ни было. Справедливости ради надо сказать, что Конгресс США **формально** наделен правом периодически проверять деятельность ФРС.

Таким образом, Соединенные Штаты 65 лет назад оптом, как говорится, «кинули» европейские и другие страны. Удивительным здесь является то, что никаких возмущений со стороны мировой общественности не последовало. Когда же в 70-х гг. Франция обратилась к США с требованием обменять свои доллары на золото, Бреттон-Вудские соглашения в одностороннем порядке были отменены.

Возникает вопрос, при каких условиях такое непотребство возможно? Ответ очевиден: **когда интересы финансистов никак не связаны с интересами государств, когда финансовая система интернациональна, точнее сказать космополитична**. Это вовсе не означает, что в ней «на равных» участвуют все нации, а значит лишь одно — те семейства, которые контролируют мировой финансовый рынок, реализуют только свои интересы, используя в своих корыстных целях силу и мощь государственных машин.

Вернемся к мировому кризису. Его первопричиной чаще всего называют проблемы, возникшие на американском ипотечном рынке. И действительно в начале XXI в. кредиты на этом рынке стали предлагаться по исключительно низким ставкам, в результате чего их набрали огромное количество людей. В совокупности с укоренившейся в этой стране привычкой «жить в кредит», т. е. тратить больше, чем зарабатываешь, проблема массовых банкротств просто не могла не возникнуть. Но это лишь «одна сторона медали», подтверждающая «официальную» версию кризиса.

Другая ее сторона состоит в том, что Соединенные Штаты после Второй мировой войны **в целях продемонстрировать «преимущества капитализма перед социализмом»** вынуждены были программировать и поддерживать в своей стране очень высокий уровень потребления, не обеспечиваемый своим собственным производством. К примеру, в настоящее время США производят около 20 % мирового ВВП, а потребляют, как уже говорилось, почти в два раза больше. Разница обеспечивается за счет эмиссии доллара, что не может не вызывать инфляцию этой денежной единицы на мировых рынках. И если раньше до середины 90-х гг. эту инфляцию удавалось «гасить» путем расширения долларовой зоны в мировой экономике, то сейчас расширяться стало некуда и у США начались проблемы.

По расчетам известного нашего экономиста Михаила Хазина совокупные долги Соединенных Штатов растут с колоссальной скоростью. Они уже достигли 50 трлн долл. и продолжают увеличиваться на 5 трлн долл. в год. В натуральном выражении 5 трлн долл. — это половина реального ВВП этой страны или 35–40 % декларируемого официально. Но ВВП США более чем на 70 % состоит из услуг и, следовательно, реальных активов под обеспечение этих долгов нет и не будет.

Кроме того, и это важно подчеркнуть, **мировой финансовый коллапс носит главным образом не экономический, а политический характер.**

Это коллапс однополюсного мироустройства, навязанного миру США. Это коллапс либерализма, свидетельствующий о том, что попытка «жить за чужой счет» является «попыткой с негодными средствами». Жить за чужой счет можно лишь тогда, когда есть «лишние» ресурсы в мировом масштабе. А ресурсы не бесконечны. Более того, — те, кто их предоставляют, вовсе не горят желанием продолжать это делать.

Крах мирового либерализма как «единственно верного, — по словам его приверженцев, — социального устройства» очевидно, будет сопровождаться крахом спекулятивно-финансовой экономики, который приведет ее создателя — Соединенные Штаты Америки к ситуации, по сравнению с которой Великая Депрессия 30-х гг. прошлого века покажется «тишиной и благообразием воздуха».

Современный обвал доллара — это только начало грандиозной политико-экономической драмы.

Представляется, что причинами беспрецедентной финансовой катастрофы являются:

- Стремительное нарастание массы мировых долгов и, следовательно, денег, необходимых для обслуживания их оборота. Основным «донором» здесь пока еще продолжают оставаться США в условиях, когда совокупный долг субъектов американской экономики составляет около 50 трлн долл. (против 5 трлн в конце 50-х гг.). По паритету поку-

пательной способности этот долг сравним с ВВП всего мира, составляющим примерно 60 трлн долл.;

- подавляющее большинство новых финансовых активов не имеет под собой никакого обеспечения. Это чистая — бумажная фикция, либо электронная запись, которая не дает ее владельцу никаких гарантий. Причем, необеспеченность сложившейся мировой финансовой системы (МФС) живыми активами, это не чья-то ошибка, которую можно исправить, а имманентно присущая этой системе зависимость от эмиссии коммерческими банками всё новой долговой массы. Сегодня они смертельной хваткой держат все население мира и все национальные правительства. В этом суть МФС;
- США уже не в состоянии контролировать и как-то компенсировать стремительно усиливающийся «кассовый разрыв» между долговыми деньгами и обеспечивающей их материальной базой, т. е. между виртуальной и реальной экономикой. Все дело в том, что сверхвысокий уровень потребления при двукратно меньшем объеме собственного производства покрывается финансовой системой Соединенных Штатов выпуском именно все тех же долговых обязательств. Следует учитывать, что из совокупного денежного оборота этой страны только 5 % приходится на реально печатаемые деньги, а все остальное — это ничем не подкрепленные долговые обязательства, возникающие в процессе кредитования граждан, корпораций и банков. Ясно, что любое сдерживание их эмиссии жестко ударит по покупательной способности населения. А дальше по цепочке: дестабилизация цен на мировых биржах, паника на фондовых площадках, в банковском секторе и т. д.;
- заметно осложнилась глобальная военно-политическая конъюнктура для США, в то время как традиционно стабильность МФС со времени создания Федеральной резервной системы и Бреттон-Вудских соглашений в решающей степени опиралась на американскую военную мощь;
- объективно меняется глобальная конфигурация сил. На наших глазах утверждаются не два, как было в период «холодной войны», не один, как рассчитывали в Вашингтоне, а сразу нескольких мировых «центров сил» в лице тех же Соединенных Штатов, Китая (темпы роста здесь составили в 2007 г. 13,4 %), Индии и объединенной Европы. По всей вероятности, не надо списывать со счетов и Россию;
- трещит по швам не только мировая финансовая система, но вместе с тем и породивший ее рынок. Множатся неуправляемые конфликты, скрытые и явные локальные и глобальные противоречия и диспропорции. Причем, они возрастают не сами по себе, а под действием НТП, ведомого алчным рынком и милитаристами. Змея кусает собственными хвост: сама жизнь на Земле оказывается под угрозой;

- подрываются основы в общем-то не хитрого инструмента МФС, составленной из множества деталей. Имеется ввиду специфическая форма передачи денег в процентный рост — ссудный процент. Ныне действующая система финансового контроля и мониторинга не в состоянии не только отследить, как говорится «трассировать» ход денег, но и предотвратить практически любое, в том числе и противоправное их применение.

Таким образом, болезнь МФС слишком глубока и опасна, чтобы лечить ее «примочками». Это почувствовали и в самих капиталистических странах. Вероятно поэтому в Давосе — 2008 неожиданно возродились казалось бы давно забытые рассуждения о «креативном», т. е. о творческом капитализме (Билл Гейтс), о необходимости помощи бедным и беднейшим странам «третьего мира» (Гордон Браун), о противодействии вооруженным конфликтам, терроризму, изменению климата, нехватке питьевой воды и т. п. (Тони Блэр). А один из «финансовых гуру» Джордж Сорос прямо заявил: «Текущий кризис разразился не только из-за ипотечного бума, он фактически знаменует конец шестидесятилетнего периода кредитной экспансии доллара как резервной валюты. Сегодня весь мир все меньше и меньше желает копить доллары».

Одним из опасных, хотя кое для кого и приятных мифов, являются явно заказные и голословные утверждения о том, что глобальный кризис не грозит России, ставшей якобы «островком стабильности», «инвестиционной гаванью» и т. д. и т. п. На фоне надвигающегося краха мировой финансово-экономической системы, они выглядят либо откровенной глупостью, либо попыткой отвлечь внимание населения от реальных рисков и угроз. От вырождения русского народа как государственно-образующей нации. От разгромленного до основания сельского хозяйства и грозящего нам голода. От исчезновения на глазах остатков высоких технологий. Наконец, от безудержной инфляции и многих других предвестников катастрофы.

4. Ответы на вызванный глобализацией финансовый коллапс есть

В целом вызовы глобализации требуют от современного общества конкретного ответа, основанного на заботе о сохранении мирной и достойной жизни для всех людей в сочетании с духовным совершенством, достижения такого мироустройства, которое строилось бы на началах справедливости и равенства людей, исключило бы подавление их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния.

Какие же выводы вытекают из нашего анализа?

Вывод первый. Неравномерность процесса глобализации, противоречивая природа ее механизма являются, причинами определенных напряжений и сбоев в функционировании мировой экономики, потенциальным источником кризисных неурядиц.

Факты последних лет свидетельствуют, что научно-технический прогресс в сочетании с глобализацией несет в себе не только и не столько благо, сколько дополнительные опасности для национальных экономик и для мировой экономики в целом. Когда страны открывают свои рынки капиталов без осуществления соответствующих институциональных защитных мер, направленных против принятия чрезмерного риска, под угрозу ставится внутренняя финансовая стабильность. Этот урок подтверждается всем ходом современного мирового развития.

Вывод второй. Одна из центральных задач человечества — устранение пропасти, разделяющей промышленно развитые государства, с одной стороны, и огромный мир развивающихся стран — с другой.

Даже если обратиться к стране, которая, по всеобщему признанию, получает максимальные выгоды от глобализации, то и на этой национальной арене мы не обнаружим прочного консенсуса. Факты свидетельствуют, что не все американское население и не все специалисты согласны со стратегической линией на глобализацию по-американски.

Вывод третий. В наши дни фронт антиглобалистов заметно расширяется. Растущая мировая торговля далеко не всеми воспринимается как благо. Дело не только в утрачиваемых рабочих местах в странах — импортерах товаров. Достаточно широкие круги мировой общественности недовольны опытом ведения дел с иностранцами и крупными международными организациями в целом.

К антиглобалистам относят себя и многие профсоюзы. Глобализация создает опасную нестабильность и усугубляет неравенство, она приносит несчастье слишком многим и помогает весьма немногим. К категории откровенных противников глобализации относятся защитники окружающей среды и просто порядочные люди, чудом сохранившиеся в современном мире. Они считают глобализацию мифом, предназначенным для того, чтобы скрыть конфронтационную реальность развития мировой экономики, все более представляющей собой жестоко поддерживаемый баланс трех региональных блоков — Северной Америки, Европы и Восточной Азии.

Вывод четвертый. Вырвавшийся на глобальные просторы капитал кровно заинтересован в создании такой мировой системы, которая гарантировала бы возможности для транснациональных монополий искать и находить те места и страны, где заработная плата была бы минимальной, налоги — незначительными, государственное вмешательство — неощутимым, субсидии вновь создаваемым предприятиям — максимальными.

В данном случае глобализация представляет собой проявление корпоративной силы мирового капитализма. Самым последним по времени создания олицетворением всей системы глобального корпоративного управления является ВТО. Совсем не случайно некоторые американские экономисты настаивают на необходимости сокрушить «антидемократические институты, подобные ВТО», провозгласить начало эпической битвы за цивилизацию и свободу, против варварства и тирании.

Но если даже в Америке целые слои населения протестуют против глобализации, чувствуя и понимая, что она может обернуться страшным бедствием для всех, то России сам Бог велел настроиться однозначно и всеми силами против нее. Глобализация по-американски давит Россию, раздевает и разрушает ее, конечно, с помощью внутренних сатрапов. И пусть антиглобалистов в России пока не так много, СМИ затыкает им рот и не пускает на экраны телевизоров, но, тем не менее, появляются настоящие борцы против нее.

Вывод пятый. О глобальном подходе к решению ряда научных проблем ученые заговорили довольно давно. И это было вполне обосновано, поскольку речь шла об экономическом оздоровлении планеты, о борьбе с массовыми эпидемиологическими заболеваниями людей, о предсказаниях стихийных бедствий и т. п.

Процессы глобализации являются неоспоримым фактом, меняющим лицо современного мира. Они открывают новые горизонты, но в них заключены и зловещие последствия. Глобализация порождает новые социально-экономические феномены, которые могут быть негативными по своей природе или требовать болезненной адаптации общества к ним путем изменения общественных институтов, культуры, сознания и стереотипов экономического поведения.

Это подтверждается следующим фактом. На конференции ВТО еще в 1996 г. по инициативе США было подписано соглашение по информационным технологиям, охватывающее рынок объемом 600 млрд долл.; в 1997 г. было заключено соглашение с участием 69 стран, на долю которых приходится 95 % мирового рынка, по либерализации рынка информационных технологий и т. д. По сути говоря, сформирован глобальный рынок информационных технологий с набором всех услуг. От этого выигрывают многим странам. Но контролируют этот рынок несколько супергигантов ТНК. Это позволяет им извлекать баснословные прибыли, навязывать разным странам свое мировоззрение и ценности, формировать идеологически однополярный мир.

Другим подтверждением противоречивости процессов глобализации является создание всеохватывающего финансового рынка со своей виртуальной глобальной экономикой, способной в любой момент вызвать финан-

совый кризис, разоряющий любую страну или даже несколько стран. Стало, к примеру известно, что МВФ разрабатывает сейчас систему, позволяющую «юридически корректно» объявлять банкротами целые государства.

Наконец, **вывод шестой.** Западное глобалистическое мышление претендует на «теорию», обучающую «избранных» тому, как можно реализовать идею об оставлении на планете Земля только «золотого миллиарда». Первоначально она стала активно пропагандироваться в качестве жесткой политики по ограничению рождаемости в странах третьего мира, затем — в качестве перехода к однодетной семье в России и других славянских странах. Но это процесс длительный, а глобалисты ждать, когда они овладеют миром, не желают. Поэтому был избран «механизм отбора», с помощью которого можно избавиться и от уже родившегося гражданина Земли, но не способного якобы доказать свою приспособленность к рынку. За этим последовала широкая компания по оголтелой дискредитации «неприспособленности» большинства населения планеты. Геополитика в этом горизонте означает теорию, обучающую тому, как вырвать планетарные ресурсы из рук неумелого большинства и заново перераспределить их в соответствии с социал-дарвинистскими критериями естественного отбора.

5. «Переоценка ценностей» назревает

Факты свидетельствуют и о том, что империалистические противоречия никуда не исчезли. Они лишь на исторически короткое время несколько сгладились, в период, когда капитализму противостояла мировая социалистическая система во главе с Советским Союзом. Но стоило только объединенному империализму в результате «Пирровой победы» в холодной войне временно утвердить однополярный мир, межимпериалистические противоречия, модифицировавшись под влиянием глобализации, вновь вышли на первый план. В наши дни они приняли форму:

- противоречия между капиталами — реальными и фиктивными, спекулятивными (не вероятно, но факт — объем сделок на мировом финансовом рынке в 80 раз превышает объем международной торговли);
- противоречия между национальным и рафинированным транснациональным капиталом, не имеющим какого бы то ни было национального содержания, территориальной и географической привязки;
- противоречия между производителями продукции, ориентированными на внутренний рынок, и экспортерами больше всего, выигрывающими от глобализации мирохозяйственных связей;
- противоречия между «старой», традиционной и «новой» экономикой;
- противоречия внутри любой капиталистической страны;

- противоречия между «легальным» и «нелегальным» теневым бизнесом, процветающим как в национальной, так и в транснациональной сфере «деятельности» и претендующим на свою долю власти в современном мире.

Одновременно уходят в прошлое и приближаются к своему завершению экстенсивные формы глобализации, характеризующиеся ее развитием «вширь». Им на смену приходит интенсивная фаза глобализации, основанная на развитии ее процессов «вглубь». Это находит свое проявление в том, что возникают и все более умножаются общемировые проблемы, решение которых уже не под силу отдельным государствам и даже их региональным объединениям, а требует совместных усилий всего человечества. К их числу относятся: сохранение окружающей среды; устойчивое развитие на основе контролируемого рационального природопользования; обеспечение производства энергоносителями и сырьем, а растущего населения Земли — продовольствием; поиск экологически и экономически оправданных технологий промышленного производства энергии из альтернативных источников — от биогаза и угольной пульпы до солнечных батарей и водорода; радикальное переформатирование мирового финансового рынка; достижение экономической и политической стабильности и на этой основе избавления мира от войн и ядерных катаклизмов.

Таким образом: рано или поздно человечеству придется признать, что мировое сообщество стоит перед необходимостью кардинальной и действительно глобальной «переоценки ценностей» и что западная модель производства и потребления должна быть «снята», заменена новой, а сам общественный прогресс должен обрести качественно иное измерение.

Безудержный буржуазный прогрессизм, бесконечная потребительская гонка, так или иначе, ограничены во времени. Естественным неодолимым процессом является движение человечества к единству, глубокой и всесторонней интеграции, начало которой было положено победой Великой Октябрьской социалистической революции. В развитии такой интеграции могут быть различные альтернативы, разобраться в которых невозможно, оставаясь на уровне буржуазных представлений о глобализации. Понять их существо помогает обращение к классическому наследию основоположников марксизма-ленинизма.

В наши дни человечество стоит перед выбором: или оно погибнет в череде техногенных и экологических катастроф, локальных конфликтов и крупномасштабных войн, либо оно найдет в себе силы для переустройства мира на основе изживания частной собственности, подчинения общественного производства общенародным и общественно-необходимым глобальным целям.

А. В. Бузгалин, А. Д. Колганов

Первый мировой экономический кризис XXI века: причины, программы преодоления, сценарии посткризисного развития (марксистский анализ)*

Осень 2008 г. ознаменовалась многими различными событиями. Но два из них кажутся авторам этого текста не просто тесно взаимосвязанными, но символическими: в мире разразился по-настоящему глубокий экономический кризис, и при этом резко возрос интерес к работам Маркса.

Вообще-то иные из марксистов уже так долго говорят о кризисе капитализма, что подавляющее большинство аналитиков перестало воспринимать их всерьез. Эти разговоры ведутся вот уже более полувека и стали напоминать известную притчу о пастухе, который все время кричал: «Волк! Волк!», а волка все не было и не было. Но однажды волк пришел...

Между тем аутентичные марксисты в отличие от марксистов догматических заговорили об угрозе мирового финансового кризиса и потенциальной возможности превращения его в мировой экономический кризис лишь относительно недавно — на рубеже веков. Именно тогда стало очевидным: отрыв фиктивного финансового капитала от нужд производства материальных благ и человеческих качеств достиг опасной черты.

Так, авторы данного текста уже в 2004 г., подводя итоги анализа природы виртуального фиктивного финансового капитала XXI в., сделали вывод о том, что *«вполне вероятный в обозримом будущем кризисе мировой*

* Сокращенная версия статьи. Полная версия статьи публикуется на сайте www.aletmativ.ru.

финансовой системы может оказаться детонатором серии глобальных катаклизмов»¹. В другом тексте, посвященном анализу макроэкономической динамики в нашем Отечестве, так же был сделан вывод, что в этих условиях в России результатом продолжения установившегося в 2000-х гг. государственно-олигархического капитализма, приводящего к фактическому отказу от приоритетного развития социальных отраслей и вложений в развитие Человека при продолжающемся доминировании топливно-сырьевых и финансовых олигархических групп станет «нарастание экономических трудностей, неизбежное в районе 2008–2010 гг.»².

И авторы были не одиноки в этом прогнозе. К сожалению, он сбылся. «Волк» пришел. Мировой кризис стал реальностью.

Кризис-2008: «Капитал» Карла Маркса стал наиболее востребованным экономическим сочинением

Явление № 1. Впервые после долгого перерыва, вопреки всем рассуждениям mainstream'a об окончательном торжестве в новом веке механизмов рыночной саморегуляции, разразился всемирный финансовый кризис, постепенно становящийся и кризисом экономическим. Причем кризис оказался на удивление «нормальным», очень похожим по всем основным параметрам на «обычный» циклический кризис, описанный в учебниках по экономической теории (политической экономии) еще в позапрошлом веке. Одновременное появление массы необеспеченных («плохих») долгов, паника на бирже и падение фондовых индексов, постепенно начинающееся сужение потребительского спроса и сокращение производства, рост безработицы, плюс — совсем уж необычное для современной экономики явление — угроза дефляции (кризисного падения цен). И все это очень похоже на классическую картину кризиса, как она была описана (точнее — выведена из анализа природы капиталистической экономической системы) Карлом Марксом полтора столетия назад.

Явление № 2, вполне понятное в интерьере описанных выше событий — невероятный, лавинообразный рост интереса к марксистской теории вообще и «Капиталу» К. Маркса, в частности: общеизвестно, что эта книга раскупается в мире с удивительной скоростью.

Итак, Маркс вновь актуален. Назад, к «Капиталу»?

Будучи марксистами не по самоназванию, а по существу, мы должны предостеречь легковверную публику и профессионалов. Здесь не все так просто. «Капитал» как таковой за эти полтора столетия существенно уста-

¹ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004. С. 228–229.

² Колганов А. И. Пример классового анализа российского капитализма (кое-что о макроэкономической мудрости журнала «Эксперт») // Альтернативы, 2004. № 2. С. 89–90.

рел. И это подтверждение правоты марксизма: наша методология и теория всегда требовала саморазвития и самокритики в соответствии с развитием самой жизни³. В ситуации с нынешним кризисом все это вполне подтверждается.

Прежде, чем обратится к анализу глубинных процессов и причин кризиса, напомним общеизвестные параметры современного кризиса.

Кризис-2008: некоторые факты

Прежде, чем обратится к анализу глубинных процессов и причин кризиса, напомним общеизвестные параметры кризиса. Началось все прежде всего в США, что не случайно: претензии этой экономической системы на роль «метрополии» в новой глобальной «империи» небезосновательны.

На рубеже веков в США развернулись меры по дерегулированию финансового сектора. Чуть позже начавшийся бум цен на недвижимость начал надувать огромный пузырь ипотечного кредитования. Параллельно с этим шло бурное развитие «теневых» (неконтролируемых непосредственно ФРС) финансовых институтов. Этот процесс надувания пузыря финансовых активов (превысившего к 2007 г. мировой ВВП в 10 раз), не имевших реальных экономических основ, должен был закончиться и он закончился. Падение цен на жилье стало спусковым крючком для всей последующей цепочки: свертывание межбанковского кредитования вследствие резкого падения доверия в отношениях между финансовыми институтами, общее обострение проблем с кредитом, крах одного за другим нескольких крупнейших финансовых институтов (оно превратилось бы в обвал банкротств, если бы не триллионные вливания государств в экономики США, ЕС и т. п.)... Кризис покатился вперед.

В настоящее время большинство экономистов признает, что перед нами экономический кризис со всеми его типичными симптомами. Коротко остановимся на основных из них.

Сокращение объемов и ужесточение условий кредитования, продолжающееся сворачивание активности в финансовом секторе, вплоть до массовых увольнений. Бывший глава Bear Stearns в этой связи заявил 10 декабря 2008 г.: «Уолл-стрит прекратил свое существование». С начала кризиса, согласно данным от Bloomberg, финансовые компании во всем мире потеряли 980 млрд долл.⁴

Резкое падение капитализации компаний. Так, по итогам октября 2008 г. капитализация компаний, котируемых на биржевых площадках США, по

³ Подробную библиографию работ и развернутое изложение позиции авторов по проблемам развития нового — глобального — капитала можно найти, в частности, в книге: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М.: URSS, 2004, 2007.

⁴ См.: <http://worldcrisis.ru/crisis/555379>

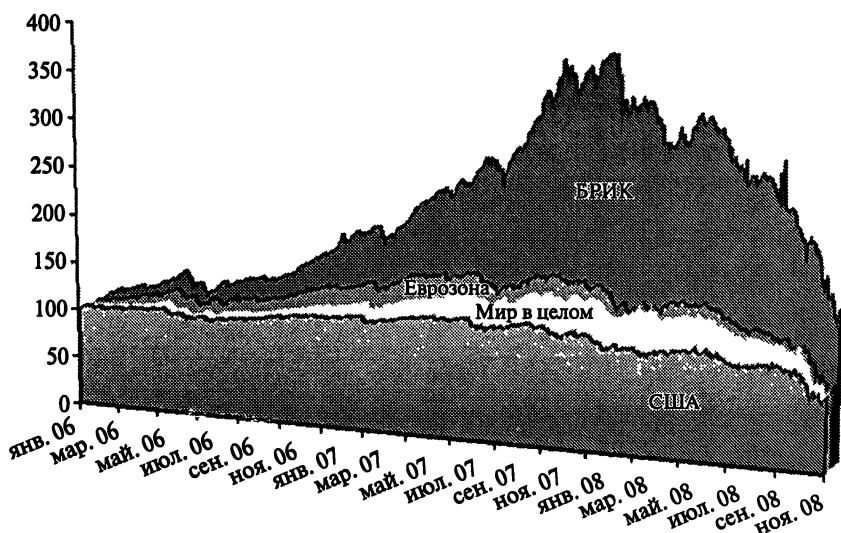

Рис. 1. Динамика капитализации рынков акций регионов мира, %
 Источник: Reuters⁵

сравнению с сентябрем снизилась более чем на 2423 млрд долл. (17,39 %), сохраняя нисходящий тренд и в годовом выражении — снижение по сравнению с октябрем прошлого года составило более чем 7249 млрд долл., или 38,65 %. Что же касается капитализации компаний Еврозоны, то тут налицо ускорение темпов снижения: по результатам октября суммарная рыночная стоимость компаний, котируемых на биржах Еврозоны, снизилась на 22,43 % (почти на 1326 млрд долл.). В годовом выражении стоимость всех торгующихся на фондовом рынке компаний стран, входящих в состав зоны обращения евро, снизилась более чем на 5254 млрд долл., или на 53,40 %. По итогам октября, снижение суммарной капитализации компаний стран БРИК составило более чем 1649 млрд долл. (27,06 %), а по сравнению с 31 октября 2007 г. капитализация снизилась более чем на 6287 млрд долл., или на 58,57 %. В октябре лидерство среди стран БРИК сохранил Китай, капитализация фондового рынка которого снизилась за месяц меньше остальных стран блока — следует отметить, что за истекший месяц рыночная стоимость упала у всех стран БРИК. Так, по итогам октября, капитализация рынка Китая и Гонконга снизилась более чем на 923 млрд долл. (24,34 %), а годовое снижение составило более чем 3864 млрд долл. (57,41 %) (см. рис. 1).

⁵ <http://www.quote.ru/rbc100/2008/10/chapter1.shtml>

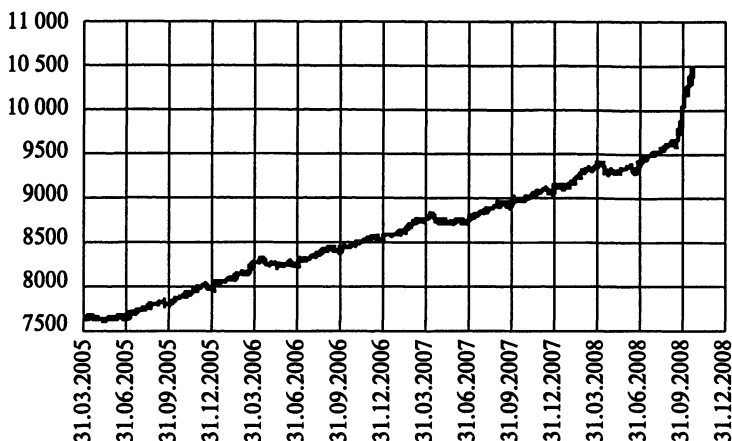

Рис. 2. Госдолг США, млрд. долл.

Источник: Федеральное Казначейство США

Суммарная рыночная капитализация всех компаний мировой экономики за истекший ноябрь снизилась на 2008 млрд долл. (6,18 %) по сравнению с предыдущим месяцем и сократилась на 29 822 млрд долл., то есть почти вдвое (на 49,44 %) за год⁶.

Резкое (хотя и неравномерное) падение фондовых индексов. Только за сентябрь 2008 г. S&P упал более чем на 10,6 %, MSCI EM — на 20 %, RTS — более чем на 30 %. В последующие месяцы падение фондового рынка продолжалось, лишь изредка сменяясь кратковременными подъемами. В общей сложности Индекс Доу-Джонса сократился более чем на треть, американский индекс S&P 500 в этом году снизился на 38 % (что стало наихудшим результатом с 1937 г.), индексы РТС сократились с 2290,51 (31 декабря 2007 г.) до 654,14 (30 ноября 2008 г.), т. е. на 73,4 %. Индекс ММВБ сократился за тот же период с 1888,86 до 611,32 или на 67,6 %. Совокупные чистые активы открытых ПИФов за тот же период сократились со 134,96 млрд руб. до 49 млрд руб. или на 63,7 %⁷. В декабре 2008 г. в России началось резкое падение курса рубля, а Украине — крах гривны.

Параллельно начался *рост бюджетного дефицита*. В октябре 2008 г. в США он составил 237,2 млрд долл. (для сравнения: в октябре 2007 он составлял 56,8 млрд). Не менее радикально вырос и государственный долг (См. рис. 2).

⁶ См.: <http://www.quote.ru/rbc100/2008/11/index.shtml>

⁷ РБК, 2008, итоговый выпуск / 2009. № 1. С. 84.

Рис. 3. Потери стран от финансовых кризисов, млрд долл.

Источники: IMF, Bank of England⁸

Все это, естественно, привело к резкому ухудшению ситуации в финансовом секторе в целом, вызвав значительные потери банков и других финансовых институтов (см. рис. 3).

Чуть позже стала очевидной *рецессия в производстве*. По официальным данным в США она оставила в 3 квартале 2008 г. менее 1 %. Однако на самом деле ситуация гораздо пессимистичнее. Простейший анализ, сделанный Сергеем Егинянцем, показывает, что при элиминировании «работы на склад», чистого экспорта и огромного взлета оборонных расходов спад составил 4,4 %, а это уже серьезно⁹.

⁸ Подробнее см.: Глазьев С. Ю. О кризисе Глобальной финансовой системы. www.alternativy.ru.

⁹ «В Штатах всеобщее снимание было приковано к отчету по ВВП за третий квартал — ну и он не разочаровал. Самое смешное, что воспринят он был скорее позитивно — мол, мы ожидали большего падения: но, конечно же, это просто недоразумение. По официальным данным, ВВП снизился на 0,08 % против второй четверти — или на 0,33 % „в годовом исчислении“; если убрать из отчета приписную ренту и гедонистические индексы, то снижение составит 0,54 % вместо 0,33 %; по отношению к прошлому году хотя бы частично избавленные от приколов статистики данные (далее я буду приводить только их) говорят о росте ВВП на 0,46 %; наконец, душевой продукт упал на 1,57 % за квартал (но „в годовом исчислении“) и на 0,48 % за последний год. В целом вроде бы все не так и страшно на фоне вроде как мрачного кризиса, верно? Но погодите — сам по себе ВВП мало чем интересен: это чисто бухгалтерский показатель денежного потока — давайте заглянем чуть поглубже в него. Итак, 0,56 % добавила к ВВП „работа на склад“ — т. е. та часть произведенного продукта, которая вовсе не нашла сбыта и добавилась к нераспроданным запасам; за вычетом складской динамики остаток („конечные продажи“) показал минус уже на 1,1 %, а в пересчете на душу населения — на 2,2 %. Но и это еще не всё — нас очень интересует внутриамериканский спрос, поэтому давайте отделим его от внешнего: чистый экспорт (т. е. продажи товара, произведенного внутри США, но проданного за границу) добавил к динамике ВВП сверх того еще 1,13 % — стало быть, за вычетом еще и его остаток („конечные продажи внутренним потребителям“) упал на 2,2 % в целом и на 3,3 % в душевом выражении. Наконец, даже внутренний спрос в значительно мере был простимулирован мощным взлетом оборонных расходов и, как следствие, общих расходов государства — они подскочили сразу на 13,8 %; если убрать в сторону еще и эту часть покупок, то получится

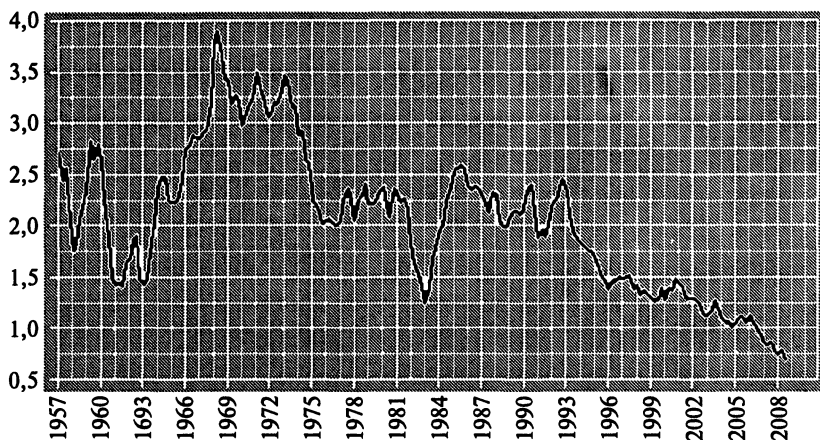

Рис. 4. 10-летняя скользящая среднего годового изменения душевого ВВП США, %.
Источник: Бюро экономического анализа Министерства торговли США

Если посмотреть на долгосрочный тренд, то картина станет еще более впечатляющей. Как отмечает тот же автор, «в среднем за последние 10 лет годовые темпы роста штатовского душевого ВВП упали до 0,69 % — ничего подобного не отмечалось ни разу за последние как минимум полвека (но скорее даже за весь послевоенный период); причем текущий кризис вкупе с выбытием из статистики хороших данных за 1999 год грозит через год-два отправить означенный показатель возможно даже в минус. Собственно, это и есть подлинный итог четвертьвековой деятельности неолибералов во власти — и он сильно смахивает на такой же результат таких же шарлатанов от экономики за 1920-е годы», — завершает свой анализ С. Егинянц¹⁰ (См. рис. 4).

В Западной Европе рецессия началась так же в финансовой сфере и ознаменовалась падением котировок многих корпораций. Но уже во 2 и в 3 квартале 2008 г. кризис стал и экономическим, ознаменовавшись началом снижения ВВП¹¹. Во втором квартале он упал до -0,2 %, в третьем — уже до -0,9 %. Если посмотреть на объем ВВП ЕС в сентябре 2008 по

действительно о чем-то говорящий в плане реального спроса уровень конечных продаж внутренним частным потребителям — и тут мы имеем снижение на 3,4 % в целом и на 4,4 % на душу населения: ну и как, оптимизма поубавилось?» (Егинянц С. www.worldcrisis.ru).

¹⁰ www.worldcrisis.ru

¹¹ Вот весьма впечатляющая хроника этих событий: «Европейские данные опять были в основном печальны. В Испании в октябре безработных стало на 7,34 % больше, чем в сентябре; во Франции сентябрьский же дефицит торгового баланса оказался хуже прогнозов, несмотря на подешевевшую нефть; германский профицит, напротив, слегка подрос — но все равно слабее, чем сулили эксперты; промышленные заказы в Германии в сентябре испытали катаст-

Таблица 1

Темпы роста в % к соответствующему кварталу предыдущего года

	III 07	IV 07	I 08	II 08	III 08	IV 08
США	4,8	-0,2	0,9	3,3	0,9 +/- 1,7	0,7 +/- 2,2
Япония	1,0	2,4	3,2	-2,4	2,4 +/- 2,8	1,4 +/- 2,8
Еврозона	2,5	1,4	2,9	-0,8	0,4 +/- 1,3	0,8 +/- 1,6
Германия	2,4	1,4	5,2	-2,0	0 +/- 2,1	0,1 +/- 2,3
Франция	2,7	1,5	1,6	-1,2	0,2 +/- 1,4	0,6 +/- 1,8
Италия	0,6	-1,7	2,0	-1,1	0 +/- 1,7	0,6 +/- 2,0
Великобритания	2,3	2,2	1,1	0,2	-0,3 +/- 0,2	-0,4 +/- 1,2
Канада	2,3	0,8	-0,8	0,3	0,8 +/- 1,6	2 +/- 1,9
G7	3,2	0,6	1,8	0,8	0,8 +/- 1,8	0,7 +/- 2,0

Источники: OECD Economic Outlook 83, OECD Calculations (По материалам доклада И. А. Розинского на Научном совете МГУ им. М. В. Ломоносова 30 октября 2008 г.)

сравнению с сентябрем 2007, то он составит — 2,4 %. Согласно данным европейского статистического агентства Eurostat экономика 15 европейских стран, валютой которых является евро, вступила в третьем квартале текущего года в стадию рецессии. Во Франции в октябре промышленное производство сократилось сразу на 2,7 % против сентября и на 7,5 % против октября 2007 г., а настроения в отрасли упали до минимума с начала исследования в 1987 г. Весьма печальны были также показатели производства в Италии (-1,2 % за месяц и -6,9 % за год), Германии (-2,1 % и -3,8 %) и Еврозоне в целом (-1,2 % и -5,3 %).

Такие же процессы разворачиваются практически во всех странах мира (см. табл. 1).

рофический обвал на 8,0 % (худший показатель с 1991 г.), причем экспортные заказы рухнули на 11,4 %; производство при этом упало на 3,6 %; розничные продажи в зоне евро сократились в сентябре на 0,2 % против августа и на 1,6 % против сентября 2007 г.; индикаторы деловой активности (PMI) в октябре вышли даже хуже катастрофических предварительных оценок, причем ситуация в Испании и Ирландии уже смахивает на глубокую депрессию. По оценкам Еврокомиссии, европейская экономика вошла в рецессию — и будет находиться в ней как минимум весь 2009 год. Одним из сигналов быстрого снижения спроса стало сокращение вдвое производства стального гиганта ArcelorMittal — продолжение следует. Власти Германии обнародовали «мощный» (по их словам) пакет мер стимулирования экономического роста — хотя его стоимость (50 млрд. евро на 2 года) наводит на мысль о том, что слухи о «мощи» все же сильно преувеличены; сама программа предусматривает льготы тем, кто рискнул купить автомобиль — а заодно расширения энергосбережения в жилых и коммерческих зданиях; кроме того, намечены налоговые льготы домохозяйствам, работы по ремонту дорожной инфраструктуры и кредиты малому и среднему бизнесу» (*Егинянц С.* www.worldcrisis.ru).

В области *занятости* ситуация так же остается далеко не благоприятной. В США один из основных показателей, улавливающих краткосрочный рост безработицы — число первичных заявок (за неделю; средняя за четыре недели месяца) — изменялся следующим образом: июль 2008 г. — 340 000 заявок, октябрь 2008 г. — уже 475 000, ноябрь — 516 000. Только в промышленности США занятость за третий квартал сократилась более чем на 200 000 чел.¹²

Массовым явлением стало *замедление инфляции и даже падение цен производителя*. Так, в США снижение потребительских цен в США стало рекордным за 61 год. Потребительские цены в этой стране в октябре 2008 г. снизились на процент, что стало рекордным падением с 1947 г., когда начала фиксироваться статистика, сообщает Bloomberg. Инфляция замедлилась до 3,7 процента в годовом исчислении. В сентябре этот показатель составлял 4,9 процента. Ранее стало известно, что цены производителей в США снизились на 2,8 процента, что также является максимальным снижением с 1947 г. Ранее стало известно, что цены производителей в США снизились на 2,8 процента, что также является максимальным снижением с 1947 г. Причиной этого стало падение цен на нефть, которые в октябре 2008 г. уменьшились почти вдвое¹³.

Весьма впечатляющим является *свертывание потребительских расходов* (только один пример: покупки автомобилей в США — в расчете на душу населения — в конце 2008 г. опустились до уровня более чем полувековой давности и т. д.)¹⁴.

Россия вопреки уверениям властей не стала исключением. Резкое падение индексов фондового рынка, свертывание деятельности банков, начало массовых увольнений или сокращения рабочей недели — все это становится правилом и для нашей страны.

Так, в связи с серией приостановок торгов на российских торговых площадках, в октябре объем торгов на ММВБ упал более чем наполовину: если в августе среднедневные обороты биржи составляли около 150 млрд рублей, то в октябре они упали до 60 млрд. По итогам октября российский фондовый рынок продемонстрировал худшие результаты среди всех рынков мира. Согласно данным, опубликованным Центральным банком России, в IV квартале 2008 г. российским компаниям предстояло выплатить зарубежным кредиторам \$47,5 млрд; в 2009 г. сумма внешних выплат должна была составить \$115,7 млрд. С учетом процентов российские банки и компании должны выплатить инвесторам и кредиторам до конца 2009 г. 163,2 млрд долл., что составляет четверть всех внешних обязательств РФ.

¹² См.: www.worldcrisis.ru

¹³ См.: <http://www.lenta.ru/news/2008/11/19/deflation/>

¹⁴ См.: www.worldcrisis.ru

За два наиболее критичных месяца (начало августа — начало октября 2008 г.) капитализация российского фондового рынка снизилась на 51,7 %, в то время как капитализация фондовых рынков развивающихся стран в целом упала только на 25,4 %.

Ухудшилась и ситуация с золотовалютными резервами страны. 19 ноября Председатель ЦБ С. Игнатьев сообщил Госдуме, что за сентябрь и октябрь золотовалютные резервы снизились на 97,6 млрд долл., т. е. более чем на 1/6 ¹⁵. По данным М. Делягина в финансовом секторе России идут увольнения, реальном секторе России начался переход ряда предприятий на 4-дневную рабочую неделю с соответствующим сокращением заработной платы ¹⁶.

Однако официально наличие кризиса в России было признано только в декабре 2008 г. ¹⁷, когда Минэкономразвития официально заявил о начале рецессии (что было тут же, вопреки очевидным фактам, опровергнуто министром финансов), хотя экономисты уже давно говорили как о многочисленных признаках спада, так и о «неточности» российской статистики.

Все основные параметры классического кризиса, на первый взгляд, на лицо. Как и легко наблюдаемые отличия: кризис начался в финансовой сфере, с самого начала сопровождается мощными антикризисными регулирующими мерами государства и т. п.

Так встает интереснейшая проблема: *почему после более чем полувекового развития без значительных спадов мировая капиталистическая экономика вновь оказалась в условиях глубокого всестороннего всемирного кризиса?*

Принципиальный ответ современного марксизма на этот вопрос относительно прост: *капиталистическая социально-экономическая система, пройдя по спирали «отрицания отрицания» вернулась (в новом качестве) к тому состоянию, для которого были имманентны мощные внутренние кризисы.* Уточним. После падения советской системы и постепенно начавшегося демонтажа социальных ограничений и государственного регулирования капитализм стал постепенно возвращаться к состоянию, напоминающему эпоху классического монополистического капитализма конца XIX – начала XX вв. В условиях снятия многих антикризисных регуляторов (один из наиболее очевидных примеров — отмеченное выше нараста-

¹⁵ По данным материалов: Финансовый кризис 2008 г. в России (www.wikipedia.org); Петров С. Бизнес и общество: Сами обвалили // Ведомости № 191 (2213), 9 октября 2008; Стенограмма выступления председателя Центрального банка России Сергея Игнатьева // Ведомости, 19 ноября 2008.

¹⁶ Делягин М. Неотвратимые последствия Конец «непадавшего поколения» // Русская жизнь, 19 ноября.

¹⁷ См.: <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=3023&ct=articles>

ние дерегулирования в финансовой сфере) вновь актуализировались «классические» причины кризиса, характерные для «свободного» рынка (классического капитализма). Кроме того, они оказались мультиплицированы новыми причинами, включая новый виток развития виртуального фиктивного финансового капитала как господствующей в условиях современного рынка экономической силы.

Рассмотрим эти причины по порядку, взяв за основу логику классической марксистской теории кризиса, показывая всякий раз (естественно, очень бегло, штрихами) основные модификации, которые претерпел капитал в новом веке.

Противоречия товара. Глубинные предпосылки кризиса, или почему бизнес осенью 2008 г. начал требовать государственной поддержки

Сейчас уже мало кто помнит классическую марксистскую теорию кризисов, поэтому некоторые напоминания о ней станут необходимой частью нашего анализа. Все начинается — и в этом специфика Маркса, который не постулирует, а *выводит* все основные положения своего грандиозного сочинения — с анализа товара. Именно здесь содержится ключ ко всему последующему анализу капиталистической экономики и потому ключ к пониманию кризисов.

(В скобках заметим: у Маркса нет особой теории кризиса. Теория кризиса и теория капиталистического способа производства есть *одна* теория).

Итак, теория товара Маркса предполагает, в частности, то, что труд в условиях этой системы носит двойственный характер.

С одной стороны, это частный труд — труд обособленных производителей, где каждый работает абсолютно независимо от других, за свой счет, на свой страх и риск, не зная, сколько его товара будет куплено, по какой цене и будет ли куплено вообще. Отсюда, в частности, такие фундаментальные свойства рыночной системы как возможность обогащения и разорения, конкуренция и т. п. важнейшие черты и стимулы развития рыночной системы.

С другой стороны, в условиях товарного производства все производители соединены системой общественного разделения труда. Здесь каждый производит товары не для себя, а для другого и потому все зависят друг от друга и от пропорционального развития всей системы в целом.

Как разрешается это противоречие товарного *производства*? Только посредством обмена продуктов как товаров на рынке. Признал рынок произведенные каждым агентом рынка на свой страх и риск продукты общественно-необходимыми (акт купли-продажи совершился успешно) —

система товарного воспроизводства работает нормально. Не признал какую-то часть из них необходимыми (а именно это и происходит на многих рынках) — вот он, кризис.

Вот здесь — в этой основе товарного *производства и обмена как единого процесса воспроизводства* — и лежит самая глубокая (и вместе с тем самая абстрактная) тайна экономических кризисов капитализма. В этой системе пропорциональность, сбалансированность экономики устанавливаются не непосредственно, а только апостериори, «задним числом», в результате стихийного столкновения товаров на рынке.

Но это еще не объяснение кризисов. Это только показ того, почему при капитализме в принципе возможен кризис *перепроизводства* (*недопроизводство* в этой системе быстро и просто компенсируется ростом цен; проблема же перепроизводства простым падением цен не решается; но об этом позже). Кстати, здесь же лежит и *самая глубокая* (и потому, намеренно повторим, *самая абстрактная*) *тайна всех шагов антикризисного регулирования: сделать так, чтобы производитель имел общественные, а не рыночные гарантии производства* (гарантированные инвестиции, дешевые кредиты и т. п.) *и реализации своей продукции* (государственные закупки или «хотя бы» кредитование реализации).

Отсюда некоторая абстрактная закономерность, выведенная Марксом 140 лет назад: чем глубже обособленность производителей (*mainstream* бы сказал: чем более совершенна конкуренция), тем больше потенциал кризиса. Чем более точно и полно производство и обмен ориентированы на действительные общественные потребности, тем менее вероятен кризис перепроизводства.

Совсем недавно эти слова казались анахронизмом, верхом старомодности. А в октябре 2008 г. глава ФРС США на весь мир заявил, что причина кризиса — в чрезмерном доверии к механизмам саморегулирования рынка. Гораздо важнее, однако, другое доказательство: чего жаждут в условиях кризиса представители капитала, бизнесмены-практики? Они требуют не отказа государства от какого бы то ни было регулирования, а вливания в экономику гигантских общественных ресурсов с целью... непосредственно-общественного гарантирования своего выживания. Здоровый рефлекс капитала говорит устами взалкавших 700 млрд долл. (в последний месяц года в этой стране заговорили о гарантиях на более чем 2 трлн долл.) бизнесменов США, 1,3 трлн долл. — бизнесменов ЕС, более 100 млрд долл. — бизнесменов России: *рыночный механизм саморегулирования не работает*. Нужны непосредственно-общественные регуляторы, гарантирующие априори общественную необходимость того, что они производят или того, чем они спекулируют. И вот государства выкупают «плохие долги», чтобы защитить бедных финансовых спекулянтов от разорения...

Деньги и абстрактная возможность кризисов при капитализме. Финансовый кризис как относительно самостоятельное явление

Следующий шаг в анализе возможности кризиса (напомним, мы о необходимости этого явления не сказали еще ни слова) связан с возникновением денег. Для Маркса деньги — не просто некий механизм, создающий удобную форму обмена. Не просто некое количество знаков стоимости, которое должно быть урегулировано так, чтобы не нарушались пропорции товарного обмена. Для Маркса товар и деньги есть две стороны производственного отношения, обуславливающего определенные принципы функционирования рыночной экономики и ее противоречия. Одно из таких противоречий связано с функцией денег как средства обращения. В самом деле, в акте обмена двух товаров (акте купли-продажи) деньги — всего лишь мимолетный посредник. Как таковые они могут быть заменены всего лишь некоторым символом стоимости — бумажным или (в современных условиях все чаще) виртуальным знаком. Более того, в формуле $T — D — T$ акты $T — D$ и $D — T$ в принципе могут оказаться разорваны во времени и в пространстве. По мере дальнейшего развития денег и обретения ими функции средства платежа (появление кредитных денег) этот потенциальный разрыв все более становится правилом. Так возникает простейшая определенность проблемы реализации как одной из важнейших проблем рыночной экономики вообще и капиталистической экономики в частности. В условиях капитализма кому-то всегда не хватает денег, кто-то всегда не может продать товар и там и тогда, где и когда в силу некоторых обстоятельств (о них ниже) масса этих жаждущих, но не способных обрести деньги (или хотя бы дешевый кредит) товаровладельцев становится критической, там и возникает кризис перепроизводства. Там и тогда эти товаровладельцы (бизнесмены, выражаясь современным языком) начинают требовать от правительства (ибо больше не от кого: свой брат частник просто так или задешево ни копейки не даст!) дешевых кредитов и субсидий.

Это абстрактная марксистская теория. Но для сегодняшнего анализа этих классических положений Маркса крайне мало. Мир существенно изменился и одно из таких фундаментальных изменений — *формирование огромного финансового сектора*. Последний термин, вообще-то говоря, не слухом строг, хотя и типичен для исследований на заданную выше тему. Для придания нашему изложению строгости авторы хотели бы уточнить его: далее мы будем говорить не столько о некотором секторе экономики, в котором осуществляются финансовые операции, сколько о капитале, осуществляющем вложения в финансовые транзакции и получающем от их осуществления некоторые прибыли и/или убытки. Так вот, этот — **финансовый** — капитал в последние десятилетия стал превращаться в относи-

Рис. 5. Объемы рынка деривативов, трлн долл. (без товарных деривативов)
Источник: BIS¹⁸

тельно самостоятельный и самодостаточный. Более того, он стал расти темпами, существенно опережающими динамику капитала в сфере так называемого «реального производства» (статистически его обычно отображают как нефинансовый сектор). Цифры этого роста хорошо известны и они впечатляют. В 1980 г. мировые финансовые активы (акции, негосударственные долговые обязательства, государственные долговые обязательства, банковские вклады) были примерно равны мировому ВВП (12 и 10 трлн соответственно¹⁹). На 2007 год, с учетом вторичных деривативов, объем финансовых активов превышал мировой ВВП уже в 12 раз (см. рис. 5).

Таким образом, можно констатировать, что в мировой экономике появилась гигантская надстройка, в которой происходит относительно самостоятельное движение финансового капитала как обособившейся формы капитала вообще.

Что же стоит за феноменом отрыва финансового сектора от реального?

В глубине этого явления скрыты противоречия нового типа финансового капитала и его нового места в системе отношений глобального капитала, развернувшиеся в конце XX – начале XXI столетия²⁰. Но не о них сейчас речь. В этом тексте отметим только хорошо известный парадокс.

¹⁸ Подробнее см.: Глазьев С. Ю. О кризисе Глобальной финансовой системы. www.alternativy.ru.

¹⁹ См.: www.hbr-russia.ru Октябрь 2008 Harvard business Review — Россия.

²⁰ Развернутый анализ этой проблемы дан в работе: Левина И. К вопросу о соотношении финансового и реального секторов // Вопросы экономики, 2006. № 9.

С одной стороны, капитал, занятый в сфере финансовых транзакций, самостоятелен и обособлен в своем функционировании. И вплоть до кризиса-2008 эта сфера, действительно, казалась самодостаточной...

Однако сегодня выясняется, что, *с другой стороны*, эта самостоятельность *относительна*. При этом многим аналитикам, совершающим ныне сие продиктованное радикально изменившейся практикой «открытие», невдомек, что марксисты (а вслед за нами и многие знавшие и не знавшие Маркса теоретики XX в.) доказали эту относительность и показали ее основания полтора столетия назад. Мы еще вернемся к более строгому обоснованию этого вывода в связи с анализом фиктивного капитала, но уже сейчас, оставаясь на уровне исследования товара и денег, мы можем вслед за Марксом указать на то, что деньги (не золото, как товар, на создание которого затрачен общественно-необходимый труд, а деньги как посредник обмена, бумажный или виртуальный знак) не есть богатство вне системы отношений товарного производства, системы *производства товаров*. Деньги как средство обращения есть всего лишь знак стоимости, а стоимость есть овещенный в товаре общественно-необходимый труд.

Посему с точки зрения Маркса только эта стоимость может в дальнейшем распределяться и перераспределяться в любых других сферах экономики, в том числе в финансовом секторе, деятельность в котором сама по себе стоимости не создает²¹. Все богатство, «вращающееся» в финансовых сферах, с точки зрения марксистской теории есть не более чем перераспределение стоимости, созданной в реальном секторе. При этом (и это уже не Маркс, а марксизм последних десятилетий) современное производство характеризуется столь высокой производительностью труда, что созданного в нем стоимостного богатства хватает и на всех спекулянтов, и на всех хозяев, и на всех тружеников финансового сектора. Финансовый капитал как таковой (за вычетом относительно небольшой доли расходов, необходимых для ведения деятельности, повышающей эффективность «реального сектора») создает лишь... фиктивный капитал, крайне своеобразную «ложную социальную стоимость».

²¹ Следует сделать одну важную оговорку: в некоторой степени финансовый сектор выполняет роль «управляющей подсистемы» макроэкономики, реализует те функции, которые марксизм еще в позапрошлом веке обозначил как «общественное счетоводство». Эти функции — как и всякий труд по управлению, обусловленный необходимостью обеспечения воспроизводства производительных сил (не капитала как особого производственного отношения) — является производительным и создает стоимость. Но доля такого труда и созданной им стоимости весьма мала в совокупных доходах финансового сектора (условно ее можно приравнять к некоторой части ВВП в пропорции, которую примерно составляет управленческий труд в общем объеме трудозатрат на «обычном» предприятии реального сектора. В любом случае эта доля будет меньше в несколько раз мирового ВВП, тогда как финансовый капитал больше ВВП во много раз.

В условиях относительно стабильной экономики прошлых лет эта теоретическая модель казалась априори ложной или, в лучшем случае, безнадежно устаревшей. Квалификация едва ли не четверти работников (причем наиболее квалифицированных и высокооплачиваемых) и самых «эффективных» предпринимателей как людей, создающих лишь фиктивное богатство, выглядела как очевидно неадекватная практике теоретическая конструкция.

Кризис резко изменяет ситуацию: фиктивность создаваемого в финансовом секторе богатства начинает обнаруживаться с ужасающей быстротой. Казавшиеся очевидно высокодоходными вложения в финансовые активы и сами эти активы, выглядевшие очевидно общественно признанным богатством, превращаются в ничто. Бумажное (точнее, в сегодняшних условиях, виртуальное) богатство становится тем, что оно есть на самом деле — бумагой или всего лишь виртуальной, в воображении существующей реальностью.

Это богатство исчезает с пугающей легкостью: только за первые месяцы кризиса капитализация массы фирм сократилась на десятки миллиардов долларов. Только российские олигархи потеряли едва ли не треть своей собственности, оказавшейся... мыльным пузырем.

Так кризис доказывает правомерность трудовой теории стоимости и относительную самостоятельность денег, выступающих в своей функции средства обмена и — особенно — средства платежа (напомним: почти все финансовые активы в XXI в. так или иначе производны от кредитных обязательств).

Таков второй шаг марксовой теории кризисов:

Разрыв актов купли — продажи во времени, относительная самостоятельность денежной формы в функции средства обращения и — особенно — средства платежа, обнажают проблему реализации и создают потенциальную возможность кризиса реализации. В условиях приоритетного развития финансового сектора и его все большего отрыва от реального сектора эта возможность становилась все более и более реальной...

А теперь о превращении этой возможность в реальность.

Перенакопление капитала и материальная основа кризиса. Противоречия материального производства и рост первотного сектора как первопричины кризиса-2008

Хорошо известно, что в позапрошлом веке кризисы носили циклический характер и были достаточно тесно связаны с волнами циклического обновления основного капитала. Первоначально эти волны рассматривались только как 7–10 летние циклы, связанные с обновлением оборудования (именно они и исследуются Марксом в «Капитале»), затем

появились работы Кондратьева и его последователей, посвященные длинным волнам конъюнктуры. Постепенно материальную основу кризиса стали связывать и с периодической сменой технологических укладов. И это общеизвестно.

Относительно менее известны, пожалуй, более важные аспекты марксистской теории кризисов. С точки зрения автора «Капитала» *кризис перепроизводства из потенциального становится реальным, тогда, когда возникают столь значительные массы перенакопленного капитала*, что значительная часть предпринимателей не может далее осуществлять свою деятельность, получая прибыль, близкую к средней, или вообще продолжать прибыльное воспроизводство (оказываются на грани банкротства или банкротятся). Точного количественного определения этой границы, конечно, нет и быть не может, но качественно она определяется так, что волна банкротств и/или свертывания активности бизнеса оказывается столь значительна, что вызывает не только приостановку роста, но и спад. Сначала в отдельных отраслях экономики, а затем и в экономике в целом.

Что же такое перенакопление капитала? Маркс выводит этот феномен из анализа закона-тенденции нормы прибыли к понижению. До недавнего времени это положение марксизма подвергалось систематической критике, причем часто некорректной: дело в том, что сам Маркс писал именно о тенденции, подробно анализируя причины ее возникновения и противодействующие ей факторы. Первые в современных условиях существенно изменились, вторые стали значимее. Так что опровержения марксизма здесь не состоялось. Но состоялось совершенно справедливое заключение, что вследствие существенного изменения материально-технических основ и системы производственных отношений капитализма, произошедших за последние полтора столетия, норма прибыли не имеет тенденции к постоянному падению²². Это объясняется, в частности, тем, что лежащий в основе тенденции нормы прибыли к понижению рост органического строения капитала был и остается закономерностью для индустриального типа развития. Современные технологии, предполагающие приоритетное развитие человеческих качеств и творческого содержания труда, производство прежде всего знаний, а не машин и оборудования (кстати, развитие технологий именно в этом направлении было строго предсказано-выведено Марксом еще в 1857–1859 гг.) изменяют динамику органического строения капитала и, следовательно, нормы прибыли. Система же производственных отношений капитализма

²² При этом, однако, по мнению ряда экономистов США (Р. Бренер, Дж. Домениль и Д. Леви и др.) и российского профессора Г. Г. Чибрикова тенденция нормы прибыли к понижению была реальностью на протяжении второй половины XX в., в частности, в США с 1950-х до 1980–1990-х гг. примерно в 1,5–2 раза по разным секторам экономики (См.: Чибриков Г. Г. Норма прибыли: происходит ли ее понижение? // Вестник Моск. Ун-та. Сер. Экономика, 2008. № 4).

породила сложнейшую систему превратных, иррациональных и фиктивных форм капитала, «имеющего дело» с созданием и присвоением «ложной социальной стоимости». Все это, естественно, ставит проблему перенакопления капитала в принципиально новый контекст.

Однако само по себе перенакопление капитала в его строгом марксовом определении никуда не исчезло. Капитал, в силу как традиционных «старых», так и новых, связанных со специфическими закономерностями позднего капитализма (о них ниже) причин, по прежнему то и дело оказывается в положении перенакопленного, не способного приносить даже среднюю прибыль. И тогда в полный рост встают все те причины кризисов перепроизводства, о которых было сказано еще в «Капитале».

Что же происходит?

Давайте вспомним классику, а затем посмотрим на ее современные модификации.

Выше уже упоминалось о том, что процесс воспроизводства всего общественного капитала носит в условиях капиталистического способа производства циклический характер, и было указано на материальную основу этой цикличности, которая лежит в периодическом характере обновления основного капитала.

Далее. Появление и применение нововведений, значительно увеличивающих эффективность нового основного капитала, заставляет конкурирующих капиталистов также применять в широких масштабах аналогичные нововведения, приводя к волнам массового обновления основного капитала и общему росту деловой конъюнктуры. Начавшись в какой-либо одной отрасли, эти волны, благодаря межотраслевым связям и эффекту мультипликатора, распространяются на многие, если не на все, отрасли экономики. Истощение этого массового обновления сокращает спрос на средства производства и приводит к общему снижению конъюнктуры. Каков экономический механизм этого снижения?

Значительную массу капитала, новообразованного в процессе его накопления, оказывается невозможно применить с прежней нормальной средней прибылью, поскольку: 1) выросло органическое строение капитала (но до поры падение нормы прибыли компенсируется для капиталистов ростом ее массы в условиях экономического подъема, либо противодействующие факторы вообще не дают видимого снижения нормы прибыли); 2) спрос на новые средства производства не может до бесконечности удерживаться на уровне, характерном для периода массового обновления основного капитала. Но этот факт проявляется для промышленных капиталистов не сразу. Поначалу заминки с реализацией начинают ощущать торговые капиталисты — именно у них начинают залеживаться нереализованные товары. Промышленные капиталисты пребывают в спокойствии — ведь они-то *уже продали* свой товар торговым капиталистам, а потому превос-

ходно могут обратить вырученные деньги в добавочный капитал, что они и делают, продолжая расширять производство, привлекая новых рабочих и даже увеличивая заработную плату.

А ргoрoс заметим: именно такая картина наблюдалась, в частности, в России осенью 2008 г.: начавшись со сферы обращения, кризис лишь постепенно стал подбираться к сфере производства. Предприниматели в промышленности, на транспорте и т. п. стали думать об угрозах, с ним связанных, на несколько месяцев позже, чем их коллеги по обращению.

И еще одна ремарка: отмеченные выше закономерности процесса вхождения в кризис позволяют отвергнуть объяснение циклических кризисов недопотреблением широких масс, ибо накануне кризиса оно как раз достигает наиболее высокого уровня.

Продолжим анализ. Тем временем торговые капиталисты, будучи не в силах реализовать свой товар, снижают цену, чтобы сократить убытки и реализовать хоть что-нибудь, а нехватку денег для платежей по собственным обязательствам пытаются покрыть за счет привлечения ссудного капитала сверх обычного уровня, беря займы в надежде на временный характер затруднений. Повышенный спрос на ссудный капитал и более рискованные условия предоставления кредитов ведут к росту ставки процента. Развивается *кризис сбыта*.

В следующем кругообороте уже промышленный капитал сталкивается с трудностями в реализации произведенного товарного капитала. Торговые капиталисты не в состоянии купить его даже в прежних размерах — ведь они не смогли полностью реализовать и ранее сделанные закупки. Кроме того, раз цена конечной реализации упала, они также предлагают приобрести товары у производителей по сниженным ценам. А ведь промышленный капитал уже успел расширить производство!

Итак, значительная часть товаров не реализуется, а те, что реализуются, продаются дешевле, чем раньше. Начинается *кризис перепроизводства*. Денежная выручка падает, и промышленные капиталисты, в свою очередь, вынуждены делать добавочные займы, чтобы расплатиться по своим обязательствам. Ставка ссудного процента взлетает еще выше.

В результате разворачивания описанных выше процессов оказывается, что нормальная средняя прибыль предыдущего периода превратилась в недостижимую мечту. Общая норма прибыли падает, а значительная часть индивидуальных капиталов несет убытки. Разорившиеся торговые и промышленные капиталисты оказываются не в состоянии вернуть взятые кредиты. Поэтому ряд банков (особенно те, которые проводили рискованную кредитную политику) также оказывается в затруднительном положении и разоряется. Начинается *банковский кризис*. Банкротство банков приводит к панике среди вкладчиков — они начинают спешно изымать свои вклады из банков, ставя те в еще более затруднительное положение.

Здесь следует сделать оговорку: в отличие от «старой» модели, в условиях 2008 г. цепочка кризисных явлений развертывалась несколько иначе. Начавшись в США с проблем ипотечного кредитования, она вызвала значительные потери банковского сектора и лишь затем кризис стал угрожать всем остальным сегментам экономики. Причины этого — в специфике сегодняшнего капитализма. В частности, в развертывании процесса так называемой «финансиализации». Но об этом — в следующем разделе.

Невозможность прибыльно реализовать свой капитал можно расценивать как *перенакопление капитала*: появляется масса капиталов, которые не в состоянии приносить прибавочную стоимость (тем более — среднюю прибыль), а потому являются относительно излишними. Множество капиталистов вынуждено сокращать, приостанавливать или вообще ликвидировать свою деловую активность. Вместе с излишними капиталами образуется и относительно излишняя рабочая сила. Растет резервная армия труда. Вместе с ростом безработицы падает заработная плата тех, кто удержался на своих рабочих местах. Капитал идет на урезание всех и всяческих расходов, чтобы возможно более сократить издержки производства и поднять норму прибыли (или вообще получить хоть какую-нибудь прибыль).

Падение доходов, как капиталистов, так и основной массы населения (наемных рабочих) ведет к падению нормы сбережения. Население сокращает сбережения для поддержания уровня потребления. Капиталисты-предприниматели для поддержания текущих расходов отказываются от долгосрочных инвестиций. Одновременно сокращается и предложение ссудного капитала, и спрос на него. Происходит дальнейшая декапитализация банковской системы.

Такое развитие событий переводит капиталистический цикл в *фазу депрессии*. Производство медленно сокращается или стоит на одном уровне, безработица весьма высока. За счет «выведения из игры» перенакопленных капиталов (то есть тех, которые не в состоянии найти прибыльное применение) постепенно восстанавливается нарушенная сбалансированность капиталистического хозяйства. «Выжившие» капиталы — как правило, наиболее эффективные с точки зрения производства прибыли, а также принявшие экстраординарные меры для восстановления своей прибыльности, — начинают медленно расширять производство. Восстанавливается связь промышленного, торгового и ссудного капитала, однако при более низком объеме операций, чем в период предшествовавшего подъема. Рынок фиктивного капитала стабилизируется, но его активность и уровень цен на нем стоят на очень низком уровне.

Вместе с начавшимся ростом производства начинает понемногу снижаться уровень безработицы. Сохранившийся в банках ссудный капитал не может лежать без движения — он также ищет прибыльного применения

и начинает предлагать действующим промышленникам и торговцам займы по более низкой ставке процента. Начинается *оживление производства*. Постепенно оживление производства распространяется на все большее число индивидуальных капиталов и целых отраслей хозяйства. Оживление перерастает в *фазу подъема*, и весь цикл повторяется сначала.

Отличие современного капиталистического цикла от того, который сложился во времена К. Маркса, заключается в том, что в XIX – первой половине XX вв. кризис проявлялся, прежде всего, в *перенакоплении товарного капитала*, а потому выступал как *кризис перепроизводства*. Современные методы изучения рынка и учета движения товаров позволяют гораздо более оперативно реагировать на заминки со сбытом и даже прогнозировать их. Поэтому перенакопление товарного капитала хотя и происходит, но в гораздо менее значительных масштабах, и происходящее перенакопление капитала проявляется в первую очередь как *перенакопление производительного капитала*, выражающееся в растущей недогрузке производственных мощностей.

Кроме того, вместе с сокращением длительности цикла обновления основного капитала постепенно сокращается и длительность делового цикла. Если во времена Маркса кризисы наступали с периодичностью примерно в 10–12 лет, то сейчас промежуток между циклами сократился до 7–8 лет.

Еще более значимые изменения цикла и, прежде всего, кризиса, связаны с приоритетным развитием финансового капитала.

Но обо всем по порядку.

Начнем с проблемы *материальной основы кризиса 2008 г.* Здесь все далеко не очевидно, ибо нет ни сколько-нибудь завершенных статистических исследований, ни (сколько известно авторам) общепринятых решений проблемы цикла обновления основного капитала и смены технологических укладов в современную, переходную к «обществу знаний», эпоху. Однако выглядит достаточно обоснованным утверждение (оно базируется на известных фактах приоритетного развития и последующего кризиса ряда значимых фирм в области high tech'a), что к середине 2000-х гг. стала завершаться волна перехода к качественно новым производственным системам во всех основных секторах экономик развитых стран. В частности, к настоящему времени оказался близок к завершению процесс экстенсивной экспансии компьютерных технологий, Интернета и телекоммуникаций (мобильной связи, кабельного телевидения и т. п.).

Значительное отличие эволюции материальной основы современного цикла от классического проявилось в том, что, по меньшей мере, в двух предшествующих циклах страны развитого капитализма (прежде всего США), не смогли эффективно утилизировать возможности новой технологической волны. Как показали расчеты М. Хазина на основе данных

межотраслевого баланса США²³, лишь на начальной стадии волны компьютеризации и развития современных средств телекоммуникаций (до начала 90-х гг. XX в.) эти новые технологии сравнительно легко находили для себя расширяющийся рынок сбыта. В дальнейшем эта проблема резко обострилась, поскольку новейшие технологические достижения оказались не в состоянии серьезно повлиять на рост производительности труда в подавляющем большинстве секторов материального производства и сферы услуг. На этот счет существуют различные, подчас противоречивые данные²⁴, но все они так или иначе свидетельствуют, что так называемая новая экономика не обеспечила рывка производительности в общественном производстве в целом.

В результате реальный спрос на продукцию отраслей, связанных с информатикой и телекоммуникациями, оказался ограничен. Для того, чтобы стимулировать рост в этом секторе экономики и вместе с этим — рост в смежных отраслях, были предприняты меры по искусственному раздуванию спроса на их продукцию и услуги. Тенденции к «финансиализации» экономики и к раздуванию превратного сектора (на чем мы остановимся ниже), оказались тут как нельзя кстати, позволяя искусственно раздуть потребность в информационных и телекоммуникационных услугах и в производстве соответствующего оборудования.

Таким образом, с точки зрения материальной основы цикла современный капитализм пришел к 2008 г., не сумев существенно использовать плоды компьютерной революции, которая на деле не стала двигателем экономического прогресса, а сама обеспечивалась за счет изъятия ресурсов из всех остальных секторов экономики. *Надежда на то, что «новая экономика» в ее позднекапиталистическом исполнении создаст возможности для бескризисного развития капитализма, оказалась грандиозным блефом.*

Между тем никаких принципиально новых технологий, способных серьезно преобразовать материальное производство, транспорт, связь и т. д., в настоящее время нет. Те же действительные возможности, которые созданы в сферах формирования творческого потенциала человека, современный капитализм использует крайне ограниченно и отнюдь не торопится развивать далее. *Тот небольшой рост удельного веса специалистов и профессионалов общей массе занятых, который был действительной основой прогресса позднего капитализма, уже натолкнулся на внутренние пределы, диктуемые логикой производства прибыли.*

²³ См.: Хазин М. Теория кризиса. Доклад на конференции в г. Модена, Италия. 9 июля 2008 г. С. 9–10. — http://worldcrisis.ru/files/473153/Теория_кризиса.doc

²⁴ Анализ этих данных см. в: Антипина О. Н. Что такое «новая экономика»? // Инновационное развитие экономики России: национальные задачи и мировые тенденции. Материалы конференции 23–25 апреля 2008 г. Сборник статей в 2-х томах. Т. 1. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 14–23.

Капитал, во-первых, должен подчинять и контролировать этот социальный слой, поскольку от него существенным образом зависит воспроизводство капитала, и для этой цели создает специалистам и профессионалам привилегированные условия, нередко делая их мелкими совладельцами капитала и привязывая тем самым к своим интересам.

Во-вторых, капитал уравнивает рост удельного веса этого слоя параллельным ростом занятости в сфере малоквалифицированного труда, нередко покоящегося на доиндустриальных технологиях. Понятно, что дальнейшее увеличение удельного веса высококвалифицированных работников, занятых в значительной мере творческим трудом, ставит капитал в крайне неудобное положение — надо либо идти на дальнейшие материальные уступки, либо делиться контролем над производством

Поэтому выход из нынешнего кризиса будет происходить, вероятнее всего, на принципиально той же технологической базе, что будет сужать спрос на новое оборудование и сделает более трудным и менее выраженным переход к оживлению и подъему.

Все это можно считать такими признаками материальной основы циклического кризиса, которые позволяют оценить его не как рядовой цикл в числе прочих, а как чреватый глубокими системными напряжениями.

И если в прежние десятилетия эти процессы сглаживались государственным регулированием, то в нынешнюю эпоху повального торжества неолиберальных стратегий это регулирование оказалось на задворках. Зато на крыльце появился иной процесс, оказавший не тормозящее, а стимулирующее влияние на развертывание процесса перенакопления капитала.

Речь идет о том, что авторы этого текста еще в конце прошлого века назвали *приоритетным развитием превратного сектора*.

Несколько пояснений. В своих работах последнего десятилетия мы постарались показать, что для позднего капитализма вообще и его неолиберальной фазы в особенности, стало характерен перелив наиболее производительных ресурсов (человеческих, финансовых и т. п.) из сферы материального производства и того, что принято называть «человеческим развитием», в иные сферы. Это такие области, где не создается ни материальных благ, ни средств развития человеческих качеств: финансовые спекуляции и многообразные формы посреднической деятельности — раз; «индустрия досуга» и в особенности отрасли масс-культуры — два; переразвитая сфера военно-промышленных расходов — три; гипертрофированно переразвитая сфера бюрократического государственного и корпоративного управления — четыре... Перечень можно продолжить, но читателю и так, мы думаем, понятно, о чем идет речь.

Во всех этих сферах (во всяком случае, с точки зрения марксистской теории, а именно ее правоту мы сейчас и стремимся показать) не создается

стоимости. Создаются лишь превратные формы (отсюда и имя — «превратный сектор») богатства, ложная социальная стоимость.

Как этот процесс связан с перенакоплением капитала? А очень просто: он сам по себе стал следствием фундаментального (выходящего за масштабы циклического) перенакопления капитала в «реальном секторе». Уже много десятилетий назад капитал оказался ограничен своими собственными пределами развития. Он не мог далее эффективно применяться, принося хотя бы среднюю прибыль, в отраслях, содействующих прогрессу производительных сил, человека. И он выплеснулся в превратные сферы. Этот «выплеск», с одной стороны, открыл новые сферы экстенсивной экспансии капитала, а с другой — частично «разрядил напряженность» в реальном секторе. И хотя все последние десятилетия норма прибыли в отраслях превратного сектора, как правило, превышает ту, что характерна для реального (что подтверждается все большими инвестициями в эту сферу со стороны даже производственных кампаний), последний продолжает развиваться.

Следовательно, перенакопление капитала в условиях позднего капитализма конца XX – начала XXI вв. результируется едва ли не главным образом в приоритетном развитии превратного сектора, прежде всего, финансовых спекуляций и других форм спекулятивной посреднической деятельности.

Подытожим: теоретически картина перенакопления капитала в условиях приоритетного развития превратного сектора должна была бы выглядеть следующим образом. Капитал в реальном секторе встречает все большие затруднения в прибыльном вложении и все активнее устремляется в сферы финансовых спекуляций и посреднической деятельности. В этих сферах разворачивается ажиотажный спрос и происходит искусственное нагнетание конъюнктуры. В надежде на ее дальнейший рост в эти области устремляется все большие капиталы, которые идут на все более и более рискованные вложения. Далее все как в классическом цикле: перегрев конъюнктуры и кризис перепроизводства, банкротства и т. п.

А теперь давайте посмотрим на процесс разворачивания кризиса-2008 в эпицентре этого феномена — в США. С чего начался этот кризис? С затруднений фирм, осуществлявших по сути дела спекулятивное ипотечное кредитование (как еще можно оценить кредитование очевидно не качественных заемщиков в надежде на конъюнктурный рост цен на недвижимость?). Что стало следующим шагом в разворачивании кризиса? — Банкротство финансовых корпораций. Что делается в течение последних месяцев правительством США («План Полсона»)? — Скупка «плохих долгов» (прежде всего, связанных с ипотечным кредитованием), т. е. спасение экономики от лавинообразного процесса распространения перенакопленного капитала превратного сектора на все остальные сферы экономики.

Но это еще не вся марксистская теория кризиса даже в ее самом простом изложении. Эта теория будет очевидно не полной, если мы не обратимся к анализу фиктивного капитала. Последний был исследован Марксом в III томе «Капитала», став одним из завершающих аккордов его исследования капитализма, и с той поры, превратившись в финансовый капитал, стал едва ли не господствующей формой этого производственного отношения.

Фиктивный капитал: финансиализация как мультипликатор кризиса

Одна из интереснейших и относительно мало привлекающих внимание тем «Капитала» — фиктивный капитал. Показав природу кредита как средства экстенсивной и интенсивной экспансии капитала, Маркс из анализа этого явления выводит образование акционерного капитала и, как следствие, появление фиктивного капитала — капитала, который «живет» исключительно как некоторый знак возможного получения прибыли и имеет свою стоимость только как производная нескольких параметров, весьма далеких от процесса создания стоимости. Это ожидаемые дивиденды (которые лишь косвенно зависят от успешности процесса извлечения прибыли фирмой, выпустившей акции), ставка процента (т. е. параметр функционирования общественного ссудного капитала) и конъюнктура фондового рынка²⁵. Все это параметры, непосредственно являющиеся субъективными, зависящие, прежде всего, от случайных соотношений и поведения рыночных агентов. Здесь характерный для рынка вообще отрыв цены от стоимости как бы «возводится в степень». Материальная основа — движение общественного абстрактного труда, стоимости — оказывается столь далека от непосредственного процесса «оценки» [фиктивного] капитала (величины капитализации), что играет уже незначительную роль. И только в период кризиса, в период когда «будят спящую собаку» и докапываются до действительных основ — только в этот период выясняется, что этот капитал — фиктивен. И выясняется это в совершенно очевидной и brutальной форме — резком падении котировок акций, спаде на фондовом рынке. Последний недвусмысленно говорит обладателям казавшегося огромным фиктивного капитала: Ваши акции — фикция. Бумага. Некие виртуальные файлы. Это не товары. Это не стоимость. Это не капитал. Ибо «это» нельзя продать и «это» не приносит прибыли.

²⁵ Сегодня к этому следует добавить инсайдерскую информацию и другие параметры, позволяющие, например, «рейнмеркерам» (reip-makers — те, кто «делает погоду» на финансовых рынках, непосредственно управляя потоками активов; термин введен профессором Университета штата Массачусетс в Амхерсте Дж. Р. Кротти) получать (в отличие от «обычных» акционеров) сверхприбыль; государственное регулирование; рыночную власть и другие формы не-рыночного воздействия крупнейших корпораций и т. д.

Итак, в рамках логики Маркса то, что сегодня называют «капитализацией фирмы», есть косвенная оценка фиктивного капитала, находящегося в собственности того или иного лица (персоны или корпорации). И этот капитал именно фиктивен. Не в том смысле, что он не реален — он вполне реален. А в том смысле, что это реальность особого рода. Этот капитал по своей природе количественно и качественно неопределен. Он не может быть определен *количественно*, ибо в принципе не известно и не может быть даже приблизительно известно, какова его действительная величина, т. е. стоимость (выраженная, естественно, в денежном эквиваленте). Известна лишь *постоянно изменяющаяся* оценка, зависящая не от стоимости данного «товара» (товара-то как такового нет — есть лишь фиктивная производная от функционирующего капитала), а от производных второго, третьего и т. д. порядка факторов. Отрыв «капитализации» от стоимости столь велик, что он делает сомнительным и *качество* этого феномена как капитала: принципиально неизвестно, принесет ли он прибыль или убыток.

И именно эта неопределенность делает фиктивный капитал особенно чувствительным к кризисным явлениям.

Прошедшие после написания «Капитала» эпохи существенно изменили фиктивный капитал. Он стал основной формой *финансового капитала*, который превратился в господствующий вид капитала в прошлом и особенно нынешнем веках.

Эти изменения носили двоякий характер.

С одной стороны, как форма господствующего вида капитала, опирающегося на власть гигантских (распоряжающихся объемами общественного богатства, сравнимого с потенциалом средних государств) корпораций, сращенных к тому же с мощнейшими государствами мира, фиктивный капитал обрел гораздо большую устойчивость.

С другой стороны, он еще более оторвался от своей материальной основы, капитала тех сфер, где создается стоимость. Он стал *виртуальным*. Прежде, чем дать его теоретическую характеристику, заметим, что на практике это превращение приняло вид явления, названного на Западе «финансиализацией»²⁶.

Последняя характеризуется многими специфическими чертами, среди которых наиболее значимыми стали следующие. Во-первых, качественный и количественный сдвиг в пользу финансового сектора (растущие опережающими темпами объемы транзакций, более высокая норма прибыли, отток в эту сферу человеческих и иных ресурсов, образование новых ин-

²⁶ Основные характеристики финансиализации авторами даны на основе работы: *Levina I. What is Financialization: New Phenomenon, or Periodically Occurring Process? (Manuscript)*, в которой обобщен широкий круг зарубежных исследований по данной проблематике.

ституты и т. п.). Во-вторых, едва ли не определяющее влияние этого сектора на всю систему аллокации ресурсов и координации (направления потоков инвестиций, принятие решений, структура цен и т. п. во *всей* экономике определяется ныне во многом конъюнктурой финансового сектора...). Кроме того, приоритетное развитие финансового капитала вызвало волну де-регулирования; финансовые спекуляции стали «регулятором»-субститутом государственного воздействия на экономику. В-третьих, существенно изменились отношения собственности (система прав собственности на постоянно «странствующий» фиктивный капитал — тема особого исследования) и распределения дохода. Наконец, вся система общественного воспроизводства приобрела многие специфические черты, среди которых резко возросшая зависимость этого процесса от случайных факторов, рисковость, нестабильность экономической системы, шот-термизм и т. п. черты, давшие содержательные основания для того, чтобы назвать эту систему «казино-капитализм». Результатом этого процесса стало формирование особого типа человеческого поведения, ориентированного на финансовые транзакции как главный способ жизнедеятельности и модель поведения. По мере развития финансиализации «Homo finansus» становится едва ли не господствующим типом личности (причем это характерно не только для предпринимателей, но и для потребителей).

Даже этот краткий и неполный перечень основных черт процесса финансиализации позволяет зафиксировать некоторые качественные изменения в природе капитала. Прежде чем сформулировать их, заметим, что существенным для понимания образовавшегося в последние десятилетия нового вида капитала является и развитие качественно новой технологической базы его функционирования. Процессы компьютеризации и развитие телекоммуникационных сетей создало новые возможности для *развития финансового капитала как виртуального*.

Капитал отныне живет в виртуальной среде, оторван от любого материального носителя. Он постоянно движется, это «капитал-странник» (термин Л. Игониной), причем движется со столь высокой скоростью (миллиарды долларов сменяют своих собственников каждую *секунду*; триллионы — каждый день), что это существенно изменяет самую природу капитала.

Вследствие этого виртуальный финансовый капитал стал капиталом, для которого характерна постоянная смена субъекта собственности и размытость, диффузия прав собственности. Как следствие он потерял такую характерную черту капитала как управляемость, плановость процесса внутренней жизнедеятельности капитала (управление фирмой для виртуального капитала заменяется игрой на биржах, где господствуют не собственники акций, а «рейн-меркеры»...). Результатом этого становится относительное «выключение» этого капитала из процесса рыночного са-

морегулирования *производства*. Его величина, эффективность зависят в первую очередь не от качества продукции и издержек на ее производство, а от случайных факторов, от постоянно изменяющейся конъюнктуры рынков фиктивных «бумаг». Он отрывается от реального процесса поиска наиболее эффективных решений производства товаров и услуг и превращается в относительно самодостаточный мир спекуляций. Этот капитал не имеет более некоторой локализации в пространстве и времени экономической жизни. Он, выражаясь на языке постмодернизма, «де-терриализован» не имеет «прописки», «земли», к которой он был бы хоть как-то привязан. Как таковой он легко уходит из-под любого — национального и международного — государственного регулирования. И в то же время он оказывается виртуален двояко. Он виртуален с «технологической» точки зрения (живет в компьютерных сетях). И он виртуален во втором значении этого слова — он «вероятностен». Виртуальный финансовый капитал — это, *возможно*, деньги. А может быть и просто фикция. Денежные агрегаты (особенно М3), становясь чем-то производным от виртуального финансового капитала, перестают быть всеобщим эквивалентом и превращаются в особый рискованный капитал, «*капитал-риск*».

Безусловно, все сказанное выше — лишь одна сторона реального процесса общественного воспроизводства. Другая его сторона — «старые» функции финансового капитала, связанные с осуществлением кредитных операций, инвестиций и т. п. средств развития производства товаров и услуг.

Вот это-то *противоречие двух сторон жизнедеятельности современного финансового капитала как капитала виртуального, «капитала-риск» и как средства развития системы общественного воспроизводства (ссудный капитал и т. п.) и проявляет себя особенно явно в период кризиса.*

Виртуальный финансовый капитал, достигнув невероятных еще двадцать лет назад масштабов (сейчас он составляет более 500 трлн долл.), превратился в своеобразный «черный ящик», живущий относительно независимо от системы общественного воспроизводства. Это именно «черный ящик»: он столь масштабен, изменения в его структуре и величине происходят столь быстро, он столь всемирно, что познание его внутренней структуры, системы взаимодействий и т. п. представляет собой принципиально неразрешимую задачу. Известно лишь, что он некоторым образом, как правило (но не всегда) реагирует на некоторые внешние «раздражители» (регулирующие меры крупнейших государств и международных финансовых институтов). Но не более того. Теоретически и практически выверенной модели жизнедеятельности этого «ящика» нет. Как такой «черный ящик» он способен как породить гигантский финансовый коллапс, так и «самоуспокоиться». Система не познаваема и не регулируема.

Монетаристы до недавнего времени считали, что эта система гарантированно способна развиваться на основе саморегулирования и, как ныне уже всем очевидно, несколько «ошиблись». Их оппоненты (в том числе — марксисты) совершенно строго могли сказать только одно: с большой (но не 100 %) вероятностью можно было ожидать наступления кризиса этой конструкции, этого виртуального финансового ящика. Мы говорили, что этот кризис *может* разразиться в *любой* момент (но в том и дело, что «может» и что «в любой» — никто в принципе не мог сказать, когда именно это произойдет и обязательно ли произойдет; мы могли утверждать и утверждали на протяжении последнего десятилетия лишь то, что *скорее всего* и в *ближайшее время* такой кризис может случиться).

В этих условиях mainstream'у кажется возможной только одна стратегия взаимодействия с этим монстром: «кормить» его (как в страшных сказках, в которых жители кормят нависшего над городом дракона, отдавая ему самых красивых девиц).

Впрочем, если использовать образы, то мы бы сравнили нынешнюю финансовую надстройку скорее даже не с драконом или «ящиком», а с *пузырем* (благо этот термин стал для финансистов уже строгой категорией). Гигантским черным пузырем, нависшим над человечеством (без преувеличений).

Кризис 2008 г. обнажил огромные прорехи в этом пузыре и оттуда пошел зловонный, душащий экономику и жизнь газ «плохих долгов», банкротств, увольнений и т. п.

Так что же делать с этим ящиком-драконом-пузырем?

* * *

Прежде чем ответить на этот вопрос суммируем наши выводы.

Мировой экономический кризис, равно как и кризис в России, разразившиеся в 2008 г., стали, как мы показали в первом тексте, следствием ряда фундаментальных причин. Среди основных:

Дерегулирования и де-социализация экономики, которые подарили «второе дыхание» внутренней закономерности капитализма: периодически повторяющимся кризисам;

Перенакопление капитала, усилившееся ростом превратного сектора — сектора, в котором производятся бесполезные для развития производства и прогресса человеческих качеств продукты и услуги: от масс-культуры до гигантского транзакционного сектора, ставшего рассадником посредничества и спекуляций;

Опередивший за последние десятилетия в 10 (!!!) раз объемы реального производства гигантский «финансовый пузырь», надутый спекулянтами на финансовых рынках;

Общая неспособность позднего капитализма найти новый, не связанный с пределами капитала и рынка, путь развития «экономики знаний».

Кризис стал реальностью и стал вопрос о том, как искать пути выхода из него. Почти все экономисты — и теоретики, и практики — заговорили об усилении роли государства. Вот только вопрос: какого регулирования и в чьих интересах?

Для ответа на этот вопрос обратимся вновь к марксистской теории, неслучайно ставшей столь популярной в условиях кризиса.

Марксистская теория государства и программы выхода из кризиса

Критика классической марксистской трактовки государства как машины по реализации экономических, социальных и политических интересов буржуазии общеизвестна. Несколько менее известно то, что эта характеристика — лишь малая толика марксистской теории государства как института капиталистической общественно-экономической системы (о государстве вообще мы в данном тексте речь вести не будем). *Марксистская теория государства, во-первых, фиксирует противоречие функций государства как «комитета по управлению делами буржуазии» (политический орган, реализующий интересы капитала как конкретно-всеобщего отношения буржуазной системы), с одной стороны, и органа обеспечения стабильного функционирования социума в целом — с другой.*

Это противоречие имеет разные формы своего проявления. В условиях относительной стабильности и прогресса системы, при усилении активности граждан и, прежде всего, наемных работников, на первый план выходит последняя функция и государство эволюционирует в сторону большей социальной ответственности. В условиях кризиса же наиболее ярко проявляется его первая ипостась: государство начинает непосредственно проводить в жизнь интересы капитала. И только рост социальной активности граждан и/или угрозы самому существованию системы (как в случае Великой депрессии, развертывавшейся на фоне ускоренного роста СССР) заставляет буржуазное государство идти на компромиссы.

Ниже мы покажем, что именно делали в условиях кризиса-2008 президенты и правительства таких стран как Россия и США, а сейчас пойдем дальше. *Марксистская теория государства, во-вторых, развиваясь на протяжении последних полутора веков, показала, что внутренние противоречия капиталистического способа производства обуславливают объективную необходимость включения государства в экономическую деятельность.*

Причем приоритет в обосновании этого вывода принадлежит именно марксистам, а отнюдь не Кейнсу. Еще в самом начале XX в. эту законо-

мерность выделили марксисты России (в том числе, В. Ульянов), затем Р. Люксембург и многие другие. Позднее идеи косвенного государственного регулирования товарно-капиталистического сектора уже на практике были реализованы в период новой экономической политики (20-е гг.) в СССР — за десятилетие до Рузвельта и Кейнса.

Эти теория и практика марксизма показали, что государство в условиях позднего капитализма выступает как не только «ночной сторож» (субъект, устанавливающий «правила игры» и обеспечивающий их стабильность, в частности, гарантии прав собственности, устойчивость денежной системы и т. п.), но и как (1) капитал особого рода (государственная собственность и государственное предпринимательство, государственные закупки и трансферты и т. п.) и (2) субъект сознательного регулирования экономики, ограничивающий и корректирующий механизмы саморегулирования, характерные для рыночной системы.

При этом марксизм четко зафиксировал противоречие между объективной необходимостью развития такого регулирования и незаинтересованностью (в «обычном», стабильном состоянии экономики) капитала в развитии таких ограничений и регулирования.

История 2008 г. оказалась на удивление близка к указанной модели. После падения СССР и резкого ослабления давления в сторону развития регулирования экономики со стороны социал-демократии и гражданского общества в 90-е гг. в большинстве стран Севера началось некоторое свертывание государственного регулирования, обусловленное, кроме того, развитием глобализации и транснационального капитала. Все больше надежд возлагалось на механизмы саморегулирования рынка и так продолжалось вплоть до 2008 г. Если бы еще год назад кто-то сказал, что Дж. Буш распорядится увеличить государственные расходы ни много ни мало на 700 млрд долл., то этого эксперта сочли бы... не будем использовать выражений, не подходящих для научного текста. Однако эта сумма уже ассигнована. То же (и в масштабах не меньших, если учитывать размеры экономики) делают и В. Медведев — В. Путин в России.

При этом по видимости парадоксальным выглядит то, что сторонники социально-ориентированной, регулируемой экономики и в США, и в России, и в других странах выступили против этих мер. Но этот парадокс относится именно к сфере видимости. На самом деле здесь перекрещиваются две разных, хотя и взаимосвязанных проблемы: вопрос о необходимости регулирования экономики со стороны государства и о том, в чьих интересах и за счет кого это регулирование будет осуществляться.

Антикризисное регулирование: какое и в чьих интересах?

Кризис 2008 г. вновь резко актуализировал старый добрый вопрос, которым при решении социальных проблем советовали задаваться еще

авторитеты античности: *qui prodest?* (кому выгодно?). Марксизмом это известное положение было развито вплоть до *акцента на исследовании социально-экономических интересов конкретных общественных групп* (в частности, классов, но не только: современный марксизм много тоньше и конкретнее, чем учебник сталинских времен с его проповедью вездесущего «классового подхода»), *скрытых за теми или иными экономическими действиями или решениями тех или иных экономполитиков.*

В частности, нынешний кризис и программы по его элиминированию показали, что *нарастание государственного вмешательства в экономику не всегда отвечает интересам большинства граждан* (а его составляют, как известно, наемные работники). Так, в последние месяцы *триллионы долларов, выделяемые из средств, полученных от граждан, направляются правительствами США и ЕС (не забудем и о России) на поддержку прежде всего частных финансовых институтов, т. е. именно тех экономических агентов, чья спекулятивная деятельность и чьи сверхвысокие доходы стали непосредственным спусковым крючком кризиса.*

Анализ социальных интересов, лежащих в основе выработки *программ выхода из кризиса*, позволяет выделить две (против активизации государства в условиях кризиса не выступают даже крайне правые) основных группы решений.

Первая: необходимо поддержание финансового сектора экономики с целью (естественно!) обеспечения стабильности финансовой системы для предотвращения кризиса экономики, что отвечает интересам всех граждан страны (предотвращение обесценения вкладов, сохранение рабочих мест и т. п.). То, что для этого требуется поддержать собственников финансового капитала и возместить им потери от их неудачных спекуляций — это вопрос «технический», это вопрос *средств* выхода из кризиса, а не социальных (а уж тем паче классовых) приоритетов. С точки зрения сторонников этого решения другого выхода из кризиса просто нет. Самое смешное, что они правы: сохраняя их правила игры, выйти из кризиса иначе, чем путем вливания «нового вина» (огромных ресурсов, полученных от налогоплательщиков), в «старые меха» стоящих на грани банкротства финансовых корпораций невозможно.

Другое дело, что можно изменить правила игры.

Но это уже *вторая группа* решений. Оно предполагает более или менее (в зависимости от объективных предпосылок и субъективных условий) радикальное изменение сложившейся финансовой системы, выход из кризиса за счет сокращения не только доходов, но и богатств (собственности) всех тех, кто активно инвестировал в финансовые спекуляции на протяжении последних десятилетий: те, кто включился в азартные игры казино-капитализма XXI в. должны расплачиваться (по правилам всякого честного казино) не только текущим доходом, но всем своим состоянием. А если не-

чем платить — идти в долговую яму. Общество за проигрыш в финансовом казино никому ничего компенсировать не должно — таковы правила рынка (ни о какой социальной справедливости здесь речь не идет вообще). Средства госбюджетов в рамках этого сценария пойдут не коммерческим банкам, а *непосредственно* на поддержку производства, общественных работ, решение социальных проблем, *не опосредуясь частными финансовыми институтами* (пример такого решения — прямое выделение в Китае более 500 млрд долл. на развитие инфраструктуры, строительства, решение социальных, экологических и т. д. проблем).

Наиболее радикальный путь (мы в своих решениях остаемся в рамках капиталистического способа производства; социалистическая революция пока что не имеет достаточных предпосылок ни в России, ни в США) — социализация финансов. По сути дела — хирургическое вмешательство в финансовую сферу — удаление раковой опухоли (финансовых пузырей) при сохранении общественно-полезных функций финансовой системы. Эти шаги предполагают, в частности, но не только, национализацию крупнейших банковских институтов при гарантиях неприкосновенности вкладов и постепенной компенсации акционерам банков стоимости их акций в размере, который они имели *в результате* кризиса (ответственность за неудачные спекуляции должен нести спекулянт, а не общество), принудительное слияние в несколько крупных структур и передача под общественно-государственный контроль средних и мелких банков и т. д. Что касается гарантий вкладов, то они могут и должны быть осуществлены в полном масштабе только для мелких и средних вложений, связанных с получением заработной платы, пенсионными сбережениями и т. п. Вклады тех, кто хотел нажиться на спекулятивном финансовом буме, вкладывая крупные капиталы под высокие проценты гарантировать не логично: отправляясь в казино, каждый должен знать, что он может и проиграть и компенсировать потери от этой страстишки общество не обязано...

Для поддержания производства материальных благ и услуг могут использоваться механизмы прямого государственного кредитования и финансирования, жесткого привязанного к реализации производственных программ. В России в первую очередь — так называемых «национальных проектов» (они должны иметь на порядок большие масштабы, чем сейчас) и программ перехода на инновационный тип развития.

Сказанное — не только авторская позиция. Эксперты, работающие с международными НПО (в частности, международной сетью АТТАК, поставившей своей целью сокращение финансовых спекуляций еще в начале 90-х гг. прошлого века) и социальными движениями (мировые сети «Интеллектуалы и художники за гуманизм», Всемирный форум альтернатив и др.) в течение последних месяцев не раз формулировали требования выхода из кризиса не за счет граждан.

Выделим только два аспекта.

Требование № 1. Отвечать — причем не только своим доходом, но и своим капиталом, своей собственностью, своим положением — за кризис должны те, кто виновен в его инициировании. Виновны же в этом, во-первых, все инициаторы и участники безудержной экспансии виртуального фиктивного финансового капитала (очень упрощенно их можно назвать финансовыми спекулянтами в самом широком смысле этого слова) — все те, кто «надул» огромный пузырь фиктивных финансовых ресурсов, Во-вторых, в этом виновны все те политические структуры (от президентов и правительства, до партий, одобрявших и поддерживавших эту политику, включая их идеологов, экспертов и т. п. лиц), которые проводили по сути дела монетаристскую политику безграничного доверия «невидимой руке» рынка, характерной для большинства стран и «несвятой троицы» (ВТО, МВФ и МБ) в последние десятилетия. Соответственно, кризис можно и должно преодолевать за счет резкого сокращения их доходов и собственности (уже упомянутые социализация и национализация банков, но не вкладов), расширения и ужесточения общественно-государственного контроля за финансовой сферой при полной прозрачности финансовых транзакций, закрытии оффшорных зон и т. п., при социальном ограничении инвестиций в финансовые спекуляции и выдавливании капиталов из этой сферы (за счет прямых институциональных ограничений, специального повышенного налогообложения и т. п.).

Требование № 2. Открытость, гласность и прозрачность обсуждения и принятия решений по проблемам выработки, принятия и реализации антикризисных программ. Да, финансы — это дело профессионалов, но профессионалы уже привели мировую экономику к вполне «профессиональному» кризису. Кроме того, есть разные профессионалы, предлагающие разные модели выхода из кризиса. Наконец, люди, гражданское общество каждой из стран и мировое гражданское сообщество должны знать и понимать, кто и какую цену заплатит за выход из кризиса, что, как и в чьих интересах (и за чей счет) будет сделано, кто и какую конкретно ответственность на себя принимает.

Возможны и более мягкие шаги, связанные исключительно с общественно-государственным контролем за финансовой сферой, ограничением спекулятивных финансовых операций и доходов от них и т. п. меры.

Все эти предложения не являются чем-то новым. Эксперты и интеллектуалы, принадлежащие к кругу противников неолиберальной, монетаристской политики и в России, и за ее пределами уже давно и детально прописали эти альтернативы, много более десяти лет назад показав, что финансовый кризис в условиях безудержной «финансиализации» возможен в любой момент. Поэтому у нас сейчас есть немалые основания для того, чтобы потребовать от тех, кто делает «реальную политику»: прислушайтесь к голо-

су тех, кто в отличие от вас показал, почему и как может наступить кризис и давно предложил пути выхода из него за счет тех, кто его породил, а не тех, кто страдал и страдает от финансовых спекуляций.

Впрочем, сам по себе этот призыв — глас вопиющего в пустыне.

А теперь о сценариях посткризисного развития.

Сценарии посткризисного развития как пространство социально-политической борьбы

Начнем с констатации: если баланс общественно-экономических сил не сложится в пользу большинства граждан, то выход из кризиса будет идти по сценарию усиления концентрации капитала и дальнейшего укрепления некоторых крупнейших финансовых институтов (кто-то из них, конечно же, проиграет) при резком ухудшении положения большей части предпринимателей в реальном секторе и существенном ухудшении качества жизни практически всех слоев наемных работников (в том числе занимавшего до кризиса явно привилегированное положение слоя «профессионалов»-финансистов). И этот сценарий пока что наиболее вероятен, судя по тому, на какие меры по «оздоровлению» экономики нацелены программы правительств ведущих стран мира.

В случае реализации этого сценария мы можем прогнозировать появление новой модели капитализма — реверсивной даже по отношению к неолиберальной модели глобального капитализма начала этого века. Это будет выход из тупика, в который в очередной раз уперся (и кризис тому свидетельство) глобальный капитал. Но выход назад и в сторону.

Конкретные черты этой посткризисной модели мы прогнозировали еще до кризиса. Ныне они становятся все более рельефными.

В экономике на смену внешнему торжеству свободного глобального рынка будет все более идти имперский протекционизм и все более активное использование государствами-метрополиями и контролируемые ими наднациональными институтами (типа ВТО, МВФ, НАТО или их преемников) различных рычагов того, что можно условно назвать в духе неоклассики «рыночной властью» для обеспечения своих экономических преимуществ. Отношения наемного труда и капитала будут характеризоваться дальнейшим ослаблением профсоюзов, растущей дифференциацией доходов внутри социального слоя наемных работников (все более уходящего от классического состояния однородного класса) при дивергенции его на узкий слой высокооплачиваемых «профессионалов» и большинство индустриального и доиндустриального пролетариата, а то и прекариата²⁷).

²⁷ Термин, который на русский язык, наверное, лучше всего перевести как «отверженные». Это те жители (преимущественно городские) в странах третьего и, отчасти, первого

Концентрация капитала продолжится, равно как и развитие новых форм фиктивного виртуального финансового капитала (можно, правда, прогнозировать его большую связанность с государством и еще меньшую прозрачность трансакций плюс развитие некоторых встроенных демпферов, парирующих чрезмерный «перенадув» пузырей; пар перенакопленного капитала можно спускать и вовремя, заранее перераспределяя триллионы долларов в пользу неудачно спекулирующих финансовых институтов).

Для обеспечения такой экономической модели потребуются про-имперская геополитика и еще более манипулятивная политико-идеологическая система.

Для стран периферии (полупериферии) останутся сценарии полукolonий («периферийных империек»). Возможно так же образование мощных анти-имперских союзов (то же, впрочем, довольно реакционного толка).

Идеологически все это будет сопровождать мощная волна правого неоконсерватизма.

Потенциал альтернативных сценариев (скажем, новой глобальной экономической сети с «правилами игры», аналогичными тем, что сегодня есть в Норвегии или Венесуэле: приоритет социально-экологических целей, ограничение крупного бизнеса, социализация образования, здравоохранения, финансов...) зависит от того, окажется ли достаточно мощным потенциал мирового гражданского общества и ряда государств, уже сейчас проводящих такую политику...

Впрочем, этот сценарий, на наш взгляд, маловероятен, хотя мы считаем важным его всяческую поддержку. Хотя бы для того, чтобы обозначить идейно-теоретические альтернативы, а так же побороться за компромисс или, крайне мере, соревнование в недалеком будущем двух предложенных выше крайних сценариев пост-кризисной эволюции/развития.

мира, а также России, кто «исключен» из сферы «легитимного» социально-экономического бытия. Их созидательный, позитивный потенциал прекрасно показан британским социологом Дж. Лестером на основе многомесячного встроенного наблюдения (См.: Философия хозяйства, 2008. № 6).

Современные экономические кризисы и «антикризисное управление»

В общем смысле «кризис» обозначает решение, приговор и употребляется в ряде секторов общественной практики: медицине, политике, психологии, обществоведении и, собственно, в экономике. Причем в каждой из них он носит специфический характер, что зачастую игнорируется отдельными исследователями данного явления, приводя к предельно абстрактному использованию данной категории со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Характерно, что подобная методика исследования публикуется на страницах ведущих экономических журналов. Следует учитывать, что исследование кризиса в области экономической должно не только конкретизировать его путем учета характерных черт, придания им количественной определенности, т. е. всего того, что делается для изучения его параметров¹, но, в первую очередь, выявить качественные характеристики, детерминированные его внутренней природой, сформировавшейся в определенных, специфически исторических общественно-экономических условиях. Представляется, что только в этом методологическом ключе возможна плодотворная постановка и решение вопроса о данном социально-экономическом феномене как одной из фаз промышленного цикла.

К сожалению, в современной экономической литературе, как отечественной, так и зарубежной, переведенной на русский язык, утвердилось едва ли не как единственная категория экономического цикла, которую, на наш взгляд, нельзя признать правомерной с точки зрения точности отражения процессов, происходящих в объективной действительности. В самом деле, появление категории «экономический цикл» в отечественном научном обороте необходимо, по-видимому, отнести к 30-м гг., когда в СССР была переведена на русский язык и издана книга

¹ На чем вполне обоснованно настаивает ряд ученых, в частности, директор НИИ Статистики Роскомстата РФ В. М. Симчера.

представителя негативной школы раннего институционализма Уэсли Клер Митчелла «Экономические циклы», которая на английском языке, если переводить дословно называлась «Деловые циклы» (Business Cycles). Объяснение столь вольного перевода названия книги переводчики пытались представить в подвальной сноске в середине книги, указывая, что ими понимается разница между более широким понятием «экономический» и «деловой», но вразумительного ответа на вопрос, почему они это сделали, они не давали. Основной причиной, по их версии, являлась трудность перевода.

Вместе с тем, с их легкой руки, в отечественный научный оборот вошло данное понятие, которое впоследствии, при переводе иностранной экономической литературы воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Так название книги Э. Хансена «Business Cycles and National Income» в русском переводе стало «Экономические циклы и национальный доход», а при переводе фундаментального труда по истории современной экономической мысли Б. Селигмена² фактически весь перевод, как названий книг, так и их содержания, исходил преимущественно из понятия «экономический цикл». В предметном указателе, приведенном в книге Селигмена, экономический цикл, по версии переводчиков, — это единственно возможный аналог понятия «деловой». Понятие «промышленный цикл» упоминается едва ли не единственный раз при переводе раздела, посвященному Т. Веблену. Аналогичный перевод можно встретить в новейшей литературе, например, книге японского экономиста Такаши Негиши³ или американского учебника по экономике С. Фишера, Р. Дорнбуша и Р. Шмалензи. Вместе с тем, в западной практике традиционным является использование понятия «деловые циклы». Книга шведского экономиста Э. Лундберга «Деловые циклы и экономическая политика» (1957), Э. Хансена «Фискальная политика и деловые циклы» (1941), книга американского экономиста Дж. М. Кларка «Стратегические факторы в деловых циклах» (1934), свидетельствуют о широком распространении именно такой трактовки цикла. Если обратиться к современным трактовкам, описывающих понятие цикла, то обнаружится, что в Интернет-странице американского книжного магазина широко представлена литература, посвященная деловому циклу, незначительно — торговому циклу⁴, и вообще не представлены книги, в названии которых фигурирует экономический цикл. Хотя в последнее время предпринимаются попытки объе-

² Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: «Прогресс», 1968. 600 с.

³ Негиши Т. История экономической теории: Учебник / Пер. с англ. Под ред. Л. Л. Любимова и В. С. Автономова. М.: АО «Аспект Пресс», 1995. 462 с.

⁴ Например, работы Hicks J. R. The Trade Cycle, 1950; Matthews R. S. O. The Trade Cycle. Cambridge Economic Handbooks, 1959.

динить понятия делового и экономического циклов в переводной экономической литературе⁵, но именно последний в отечественной научной экономической литературе приобрел весьма широкое распространение в конце XX – начале XXI вв.

Если же обратиться к учебной отечественной экономической литературе, то выяснится, что понятие «экономического цикла» в советские годы, хотя и не могло вытеснить множественность трактовок цикла, которые были представлены в учебниках, но существовало наряду с ними⁶.

Так, в учебнике «Политическая экономия» указывалось, что «период от начала одного кризиса до начала другого кризиса называется экономическим, или промышленным циклом»⁷. Фактически у авторов «экономический» приравнивался к «промышленному», что являлось шагом назад по сравнению с переводчиками книги Митчелла, которые подчеркивали разницу между экономическим и деловым циклами.

С приходом экономической теории mainstream на образовательное и научное пространство постсоветской России экономический цикл окончательно вытесняет из научного оборота понятие «промышленный цикл», становясь едва ли не единственной среди множества категорий, используемых для отражения особенностей развития капиталистического производства⁸.

В чем же причины такого явления и насколько безобидными являются подобные подмены в категориальном аппарате политической экономии?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к содержанию понятий «экономический цикл» и «промышленный цикл».

⁵ «Краткосрочные колебания деловой активности принято называть циклами деловой активности, или экономическими циклами». Самуэльсон П., Нордхаус В. Д. Экономика, 18-е изд. Пер. с англ. М., 2007. С. 858; «Термин „цикл деловой активности“, или „экономический цикл“, означает...» Макконнелл К., Брю С. Экономика, С. 159. Попытки отдельных авторских коллективов скрестить эти два понятия в единое целое лишь только подчеркивали их непонимание различий между этими понятиями.

⁶ Эволюцию использования термина можно проследить по учебникам политической экономии различных авторов: «промышленные (производственные) кризисы» (Железнов В. Я., 1919. С. 1187), «промышленный цикл» (Тузан-Барановский М. И., 1894. С. 333; Дашковский И., 1924. С. 262; Брегель Э. Я., 1969, Цаголов Н. А., 1970. С. 540), «хозяйственный цикл» (Ф. Михайлевский, 1928. С. 317), цикл (И. Лапидус, К. Островитянов, 1933), капиталистический цикл (Леонтьев А., 1936. С. 270; Цаголов Н. А., 1970. С. 534; «Экономическая энциклопедия. Политическая экономия», 1975; Сидорович А. В., Волков Ф. М., 1993. С. 388); экономический цикл (Э. Я. Брегель, А. Д. Смирнов, 1972. С. 290; Смирнов И. К., 1990. С. 325).

⁷ Политическая экономия / под редакцией Э. Я. Брегеля и А. Д. Смирнова. М.: Высшая школа, 1972. С. 290.

⁸ В паспорте специальностей научных работников ВАК РФ, шифр 08.00.01 — экономическая теория, в пункте 1.3. указаны «теория деловых циклов и кризисов». Таким образом, составители паспорта специальностей более точны в отражении терминов экономической теории, чем авторы многих учебных и научных трудов.

В известном американском учебнике по экономике указывается, что «экономический цикл — это периодически наступающее расширение (подъем) и сокращение (спад) реального объема производства на фоне среднего экономического роста (общей тенденции роста)»⁹, и там же «экономический цикл имеет две фазы ... спад ... и подъем». Во французском учебнике по политической экономии, несмотря на вывод о необходимости включения кризиса в состав периодически повторяющихся изменений, характеризующих чередование фаз развития и фаз сокращения экономической активности, автор в итоге заявляет о наличии двух фаз цикла: «выявилось наличие циклов или циклических колебаний... у них были фазы спада или более или менее четко обозначенного интенсивного развития»¹⁰. Обобщая традиционный для западной экономической науки подход к периодизации экономических циклов, Нобелевский лауреат П. Самуэльсон пишет: «традиционно экономисты различают в экономических циклах две основные фазы: спад (рецессия) и подъем. Пик и дно отмечают поворотные точки циклов»¹¹.

Таким образом, вместо промышленного цикла появляется экономический цикл, или просто цикл, вместо четырех фаз промышленного цикла — две фазы экономического цикла¹². Экономический кризис как фаза исчезает из научного оборота и вместо него появляется спад, рецессия¹³ источником происхождения которого может быть все что угодно, вплоть до солнечной активности (Джевонс), кроме основного противоречия капитализма, который и является основной причиной экономического кризиса. Различие в *причинах происхождения* спада и экономического кризиса не дает нам возможности установить между ними знак равенства, как это делают некоторые авторы. Другими словами, собственно *экономический кризис* как фаза цикла исчезает!!! Но означает ли исчезновение экономического кризиса как фазы экономического цикла его

⁹ Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М.: «Дело ЛТД», 1993. С. 416. Характерно, что данный учебник являлся едва ли не вторым, переведенным на русский язык после учебника по экономике К. Макконела и С. Брю на постсоветском пространстве, и в совокупности оказавшем значительное влияние на формирование образовательных стандартов. Попытки отдельных авторских коллективов скрестить эти два понятия в единое целое лишь только подчеркивали их непонимание различий между этими понятиями.

¹⁰ Барр Р. Политическая экономия: В 2 т. Т. 2: Пер. с фр. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 478.

¹¹ Самуэльсон П., Нордхаус В. Д. Экономика, 18-е изд.: Пер. с англ. М., 2007. С. 858.

¹² Идея не новая, она присутствует еще у У. К. Митчелла.

¹³ Официальные даты «бизнес-циклов» в США устанавливает Национальное бюро экономических исследований (NBER). ... определением рецессии считается сокращение ВВП в течение двух кварталов подряд. Однако NBER определяет рецессию как «значительное снижение экономической активности, которое длится более нескольких месяцев и отражается в показателях производства, занятости, реальных доходов и других индикаторах» // Ведомости 02.12.2008.

исчезновение вообще из современной экономической теории? Отнюдь. Это было бы слишком одиозно. Кризис как категория остается, но он приобретает совершенно другой формат, другое смысловое наполнение: не кризис как экономический кризис, (тот вариант рассмотрения термина, который можно было бы ожидать от учебника по экономической теории), не кризис как фаза цикла, а кризис как кризис вообще, в самом общепотребительном, житейском, обыденном значении, смысле. В экономической теории кризис был низведен до уровня бухгалтерского учета, хотя и применяемого в международных отношениях. Так, в учебнике Фишера кризис используется в двух форматах: кризис платежного баланса и кризис задолженности экономически отсталых стран. В учебнике Р. Барра кризис как «конец роста и начало сокращения», но не являющегося фазой цикла.

Задача «уничтожения» собственно экономических кризисов решена путем введения 2-фазной модели экономического цикла.

Итак, от промышленного цикла к экономическому циклу, от 4-х фаз к 2-м фазам, от экономического кризиса к кризису платежного баланса и кризису задолженности экономически отсталых стран, то есть чисто бухгалтерскому его пониманию.

Почему представители современной вульгарной экономической теории, как на Западе, так и в России пытаются путем внедрения термина «экономический цикл» устранить из научного оборота термин «экономические кризисы»?

Это можно понять из марксистского анализа экономических кризисов, определение которых К. Маркс дает на основе анализа всех противоречий капиталистического общества. Как верно подметил И. Г. Блюмин, кризис, по Марксу, это «специфический способ разрешения или уравнивания ...противоречий, способ, который не ликвидирует противоречия, а, наоборот, создает предпосылки для нового, еще более сильного взрыва»¹⁴.

Представляется, что название цикла как «промышленный» был определен марксизмом специально для промышленности, поскольку отражал специфику движения процесса воспроизводства в промышленности. Вот что пишет по этому поводу Ф. Энгельс: «с начала этого столетия в положении промышленности беспрестанно происходили колебания между периодами процветания и периодами кризиса...»¹⁵. А вот уже фраза Маркса: «В политической экономии в принципе никогда нельзя вывести общих законов на основании сводки данных, относящихся к одному только году. Нужно всегда брать средние цифры за *шесть или семь лет*

¹⁴ Блюмин И. Г. История экономических учений (Очерки теории). Под ред. проф. Ф. Я. Полянского. М., 1961. С. 102.

¹⁵ Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4. С. 328.

(выделено мною — *П. П.*), то есть за тот промежуток времени, в течение которого современная промышленность проходит через различные фазы — процветание, перепроизводство, застой, кризис, — совершив таким образом свой неизбежный цикл»¹⁶.

Отсюда и название цикла. Дополнительным подтверждением того, что цикл связан с промышленностью и должен называться промышленным циклом, подтверждает название одной из его фаз — промышленный подъем. Если же выйти за пределы собственно промышленности и обратиться к сельскому хозяйству, картина существенно менялась, поскольку условия воспроизводства в аграрном секторе экономики испытывают влияние на себе ряда дополнительных факторов, усугубляющих протекание цикла, которые приводили к появлению особых типов кризисов — аграрных, рассматривавшихся и как «момент циклического кризиса», и как специфический отраслевой кризис¹⁷.

Преодолевая внеформационный, внеисторический изъян «экономического цикла», авторы «Экономической энциклопедии. Политическая экономия», обобщая наиболее распространенную практику применения категории «капиталистический цикл» подробно раскрывают в энциклопедии данную категорию, отсылая всех, кто интересуется промышленным циклом, к статье «капиталистический цикл»¹⁸.

Вместе с тем понятие «промышленный цикл», по нашему мнению, остается более точным, поскольку точнее фиксирует специфику цикла, указывая на промышленность как сферу его зарождения, развития и источник распространения (не путать с причинами, порождающими кризис!). Воз-

¹⁶ Маркс К. Речь о свободе торговли. Т. 4. С. 410. Это высказывание, сделанное более 160 лет назад указывает на то, что кризис 2008 г. является классическим экономическим кризисом произошедшим в полном соответствии с законами движения капиталистической промышленности. Действительно, предыдущий экономический кризис наблюдался в США в 2001 г., т. е. семь лет назад. Могут возразить, что экономический кризис 2001 г. разразился не в соответствии со сценарием великого экономиста: предыдущий промышленный цикл длился почти 12 лет. Действительно, последний цикл XX столетия начался в 1989 г., казалось бы отрицая общий закон движения промышленности. Но, если учитывать, что причиной столь продолжительного цикла явился развал СССР и всего блока СЭВ, о чем, разумеется, Маркс знать не мог, и что позволило мировому капитализму двинуть товарные массы на восток и частично снять всю остроту проблемы реализации, а также наличие вполне полноценных промышленных циклов до 1989 г. (1973–1980, 1982–1989), то едва ли можно утверждать, что прогноз продолжительности промышленных циклов, сделанный 160 лет назад потерял свою актуальность. Хотя, конечно, увеличение скорости оборота основного капитала за последние полтора столетия увеличивает частоту появления экономических кризисов.

¹⁷ Курс политической экономии: В 2 т. Под редакцией Н. А. Цаголова. Изд. второе, дополненное. М.: Издательство «Экономика», 1970. Т. 1. С. 535–536.

¹⁸ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Гл. ред. А. М. Румянцев. М.: «Советская энциклопедия». Т. 3, 1975. С. 387.

можное указание на внеформационный характер категории «промышленный» не имеет под собой достаточных оснований, поскольку промышленное производство и является той материальной технической базой, на которой основана капиталистическая форма общественного производства, детерминирующая появление промышленных циклов и экономических кризисов. Не случайно на титульном листе первого тома «Капитала», продаваемого в настоящее время в Нью-Йорке, изображен гигантский прокатный стан, на котором лежит раскаленный кусок металла, предназначенный для дальнейшей обработки.

Восстановление точности общеупотребительного категориального аппарата политической экономии является условием возможности ведения научной полемики на одном языке — языке науки.

Мировой экономический кризис и широкое распространение *main-stream* в России привели к необходимости инвентаризации и последующей корректировке теоретического багажа знаний, не являющихся очевидными. В экономической науке это проявилось в том, что ряд категорий, считавшихся ранее неприемлемыми с точки зрения традиционных для обществоведения представлений, при переходе к институционально эволюционной парадигме теперь рассматриваются как вполне адекватные, если иметь в виду суть происходящих процессов.

К ним можно отнести категории «антикризисное управление», «созидательную функцию кризисов», «санационность банкротства», «позитивные аспекты конкуренции», «преодоление экономических кризисов», «экономический цикл», «предотвращение экономических кризисов».

В качестве примера мы можем обратиться ко все более входящему в оборот в настоящее время, но так и необоснованному с научной точки зрения термину «антикризисное управление». О степени его распространенности свидетельствует образовательный стандарт высшего профессионального образования по антикризисному управлению, отделения в вузах и даже названия вузов с аналогичным названием, а предложения по антикризисным мерам озвучивает лично глава правительства РФ. Вместе с тем, если иметь в виду содержание этого понятия, то обнаруживается ряд проблем, не получивших пока своего решения.

Во-первых, обращает на себя внимание, что антикризисное управление не является собственно управлением, поскольку противоречит научному пониманию данного термина. Как известно, в науке термин «управление» — элемент, функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию их программ и целей. По всей видимости, антикризисное управление необходимо отнести к одному из видов управления. Вместе с тем, если рассматривать вышеуказанное определение с точки зрения предприятия,

то антикризисное управление не является в строгом смысле слова управлением, поскольку в подавляющем большинстве случаев не обеспечивает «сохранение структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программ и целей» предприятия, которые в подавляющем большинстве случаев ликвидируются. Наличие диаметрально противоположной целевой направленности антикризисного управления и собственно управления оставляет место для известных нареканий в адрес антикризисного управления, общий смысл которых заключается в необходимости выведения данной дисциплины из круга управленческих дисциплин. Такое предложение не лишено оснований.

Во-вторых, необходимо определиться, насколько возможно использование данного словосочетания в качестве научного, а не обыденного понятия. Проблема здесь заключается в том, что управление реализуется посредством субъективной деятельности людей, а экономические кризисы объективны, т. е. не зависят от воли и сознания людей. Конечно, объективность экономических законов не тождественна объективности законов природы, поскольку сама экономическая деятельность осуществляется при непосредственном участии субъективного фактора. Эту особенность объективности экономических законов подчеркивал К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «люди сами делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали...»¹⁹. В отличие от законов природы экономические законы, действуют и проявляют себя лишь через трудовую и производственную деятельность членов общества. Это, разумеется, не означает, что объективность может существенно менять свою определенность, поскольку это означало бы отказ от научности данного термина, переход его в разряд понятия, оперируемого на уровне обыденного сознания. Речь идет о конкретизации объективного применительно к экономическим законам. В литературе кризисы определялись как явление, а позднее их формальное определение исчезает из специализированной литературы, хотя собственно статьи, связанные с ними весьма обширны. Можно вспомнить, как трактуется «преодоление кризисов» в работе «Экономические проблемы социализма в СССР». В политическом отчете XVII съезду ВКП(б) указывалось, что кризисы преодолеть, т. е. победить нельзя в пределах капитализма, поскольку причины их возникновения сводятся к основному противоречию капитализма, которое является антагонистическим, т. е. неразрешимым в рамках данной специфически исторической формы общественного хозяйства.

¹⁹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. соч. Т. 8. С. 119.

Может возникнуть вопрос о том, какова роль субъективного фактора в уничтожении капитализма? Если завершение существования капитализма является объективным процессом, то зачем нужна партия, собственно захват власти и тому подобные мероприятия, ведь они должны свершиться объективно, т. е. независимо от воли и сознания людей? Специфика в данном случае заключается в том, что объективные процессы совершаются при участии субъективного фактора. Но, как известно, «люди не могут ни уничтожить, ни изменить или преобразовать законы, действующие независимо от их воли и сознания»²⁰. Фактически речь идет о границах объективного и субъективного в общественных преобразованиях. Вопрос об этих границах в отношении экономического кризиса был поставлен и достаточно тонко решен И. В. Сталиным. Так, анализируя ход начавшегося в передовых промышленных странах экономического кризиса 1929 г., он писал: «измышляются самые разнообразные теории „кризиса“. Предлагаются целые проекты „смягчения“, „предупреждения“, „ликвидации“ кризиса...». И далее: «за этот период буржуазные правительства всех рангов и цветов пытались пробовать свои силы на предмет „предупреждения“ и „уничтожения“ кризисов. Но все они терпели поражение. Терпели поражение, т. к. нельзя предупреждать или уничтожить экономические кризисы, оставаясь в рамках капитализма»²¹. Подобную трактовку можно встретить и в более поздних его работах: «можно ограничить сферу действий тех или иных экономических законов, можно предотвратить их разрушительные действия..., но нельзя их „уничтожить“»²².

Вместе с тем, если исходить из буквального, дословного смысла термина «антикризисное управление», получается, что данное управление направлено против (анти) экономических кризисов.

Таким образом, субъективным фактором мы пытаемся воздействовать, и не просто воздействовать, а не допустить появление и развитие экономического кризиса, что невозможно с точки зрения экономической науки, поскольку неправильное управление является не причиной, а следствием объективно существующих противоречий. Это предопределяет появление необходимости корректировки указанного словосочетания и приведение его в лоно научного понимания явлений. Характерно, что противоречие между обыденным и научным пониманием данного словосочетания интуитивно улавливалось и его создателями. Об этом свидетельствует трансформация данного словосочетания, первоначально зафиксированного в названии вузовских дисциплин, учебно-методического объединения, специальности, вузов, аттестата специалиста, выдаваемого ФСФО РФ. Обра-

²⁰ Философский энциклопедический словарь, М., 1989. С. 194.

²¹ Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). М., 1950. С. 23, 25.

²² Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 23.

щало на себя внимание, что экономистам, окончившим учебное заведение по специальности «антикризисное управление», вручался диплом с квалификацией «экономист-менеджер».

Характерно, что ни в одном из четырех Федеральных законов, регулирующих отношения несостоятельности и лежащих в основе антикризисного управления, данное словосочетание не упоминалось. Речь идет о трех законах «О несостоятельности (банкротстве)» и законе «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций». Первыми от использования данного словосочетания отказались законодательные органы власти: в 1999 г. аттестаты специалистов по антикризисному управлению были заменены лицензиями арбитражных управляющих. Но к цепной реакции это не привело. Вузы продолжали выпускать специалистов по антикризисному управлению. Таким образом, возник разрыв между образовательным сектором экономики, который использовал данное словосочетание, и нормативно-правовыми актами, данное словосочетание не использующими. Вполне вероятно, что это обстоятельство явилось одним из факторов, ограничивающим развитие специальности антикризисное управление в регионах. Так, если сравнивать количество выпускаемых специалистов одного из московских вузов по трем специальностям — финансовый менеджмент, банковское дело и антикризисное управление, то выяснится, что удельный вес последних длительное время стремился к нулю. Дальнейшая эволюция понятия «антикризисное управление» привела к тому, что в последствии лицензия арбитражного управляющего стала именоваться лицензией арбитражного антикризисного управляющего. Но развитие этого процесса не произошло, поскольку функции по осуществлению процедур банкротства были переданы саморегулируемым организациям арбитражных управляющих, наличие лицензии у членов которых не являлось критической величиной для осуществления функциональных обязанностей.

Таким образом, возникновение словосочетания «антикризисное управление», было продиктовано по большей части политическими и идеологическими интересами, которые привели к копированию западных аналогов типа *anticrisis management*, *turnover management* и т. п.

Все вышесказанное указывает на настоятельную необходимость: а) более взвешенного, научного отношения к западным понятиям; б) корректировке данного словосочетания. Важность этой проблемы обусловлена тем, что неточное название явления дезориентирует путем искажения предмета исследования²³. Вполне вероятно, что именно этим обстоятельством

²³ «Разделяя трактовку предмета антикризисного управления данную П. Покрытаном, полагаем, что в предмет исследования антикризисного управления также должны включаться формы и методы элиминирования кризисных ситуаций на различных уровнях хозяй-

обусловлено традиционное отсутствие в учебниках по антикризисному управлению темы «предмет и метод», что значительно облегчает работу авторских коллективов.

Проблема усугубляется тем, что в практике советского периода хозяйственного строительства такое словосочетание не использовалось по причине отсутствия экономических кризисов в качестве системных, хотя возможность кризисов, вытекающих из субъективной деятельности людей, предполагалась. «Ни одна сколько-нибудь крупная ошибка и сколько-нибудь крупное перепроизводство или серьезный отрыв производства от всей суммы спроса не обходится в странах капиталистических без того, чтобы промахи, ошибки и отрывы не исправлялись в порядке того или иного кризиса. Так живут в странах капитализма. Но мы так жить не можем. Там мы видим кризисы хозяйственные, торговые, финансовые, задающие отдельные группы капиталистов. У нас — другое дело. Каждая серьезная заминка в торговле, в производстве, каждый серьезный просчет в нашем хозяйстве кончается не тем или иным отдельным кризисом, а бьет по всему народному хозяйству. Каждый кризис, будь то торговый, финансовый, промышленный, может превратиться у нас в общий кризис, бьющий по всему государству»²⁴.

В политической экономии советского периода в части критики буржуазных учений использовались близкие по значению термины, в частности, антикризисное регулирование или антикризисные мероприятия, например, правительства Д. Ф. Рузвельта. Их содержание и критическая оценка приведены в трудах известных советских экономистов, поэтому едва ли требует дополнительного освещения.

Данное словосочетание не входило в оборот и в дореволюционной России, хотя экономические кризисы были известны русскому обществу. Так, по данным Лаборатории этимологических исследований филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова слово «кризис» вошло в отечественный оборот с первой половины XVIII в. и на первых порах употреблялось в значении «резкого, крутого перелома; тяжелого переход-

ствования. Таким образом, антикризисное управление изучает условия возникновения, сущность, формы проявления, этапы, динамику развития и периодичность появления кризисов, а также совокупность форм и методов элиминирования кризисных ситуаций и меры по ликвидации последствий экономических кризисов на различных уровнях хозяйствования.» *Заремская Н. В.* Управление предпринимательскими структурами в условиях кризиса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Великий Новгород, 2006. С. 9. Попытка разделения кризисной ситуации и кризиса широко распространенная в литературе как способ протаскивания возможности ее уничтожения, что невозможно в случае кризиса, едва ли является плодотворной, если иметь в виду выявление качественного различия в содержании явлений.

²⁴ Из Политического отчета Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б), 18 декабря 1925 г.

ного состояния общества». Но уже со второй половины XIX в. оно стало использоваться в смысле тяжелого положения общества, «ведущее к расстройству экономической жизни, безработице и нищете; острый недостаток, нехватка чего-л.»²⁵. В русский язык слово пришло из немецкого, в котором оно употребляется с 1519 г.²⁶ А в немецкий язык из греческого через латинский. Именно в греческом оно обозначало суд, спор, переломный момент, исход.

В отечественной дореволюционной литературе фиксировались не только кризисы как явление, но и давалась их классификация: денежные, кредитные, торгово-промышленные, сельскохозяйственные. Так, «кризисы хозяйственные — разного рода экономические потрясения, зависящие от нарушения равновесия между спросом и предложением товаров или капиталов»²⁷. Отмечая отсутствие общепризнанной теории кризисов, поскольку «это один из самых сложных экономических вопросов»²⁸, в России издавались фундаментальные научные труды, посвященные теории кризисов. Достаточно вспомнить работу русского марксиста М. И. Туган-Барановского, переведенную на французский, японский и английский языки или заведующего кафедрой политической экономии Московского университета А. И. Чупрова²⁹.

В словаре «научных терминов, иностранных слов и выражений» (1905 г.) кризис — «тяжелое, переходное положение в торговле и промышленности и временный упадок их»³⁰.

Вместе с тем, если иметь в виду содержание той области знаний, которое в настоящий момент вбирает в себя «антикризисное управление», то оно изучалось в рамках конкурсного права, относившееся не к управленческим дисциплинам, а к правовым. В настоящее время конкурсное право восстанавливается в вузах.

Каким видится решение данной проблемы?

Представляется, что решение данной проблемы должно исходить из двойственной природы дисциплины антикризисное управление: экономической и юридической. Приведение данного словосочетания к научному

²⁵ Эрудит: Толково-этимологический словарь иностранных слов / Н. Н. Андреева и др. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 137.

²⁶ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. С. 376.

²⁷ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь, Т. 32., СПб., 1895. С. 743.

²⁸ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний. Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1903. Т. 11. С. 542.

²⁹ См.: Туган-Барановский М. И. Промышленные кризисы в современной Англии; Чупров А. О характере и причинах современных промышленных кризисов в Западной Европе, М., 1889.

³⁰ Словарь научных терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык. Под ред. В. В. Битнера. СПб.: Изд. «Вестника Знания» (В. В. Битнер), 1905. С. 420.

знаменателю видится на путях выделения юридической составляющей в плоскость конкурсного права, а экономической составляющей в плоскость теории экономических кризисов. Это, разумеется, может и должно привести к упразднению антикризисного управления как дисциплины, как специальности, как названия УМО³¹, вузов и т. п., т. е. оно по праву перейдет в разряд исторических курьезов.

Вполне возможны и другие предложения решения данной проблемы; для этого требуются объединения усилий теоретиков в области экономической теории, юриспруденции, истории и методологии науки.

³¹ УМО по специальности «антикризисное управление» называется «антикризисное бизнес-регулирование».

Мировые экономические кризисы XX и XXI веков и их причины

XX и XXI вв в дополнение к кризисам, имевшим место в XIX в, принесли новые кризисы — экологический и нынешний глобальный. Рассмотрим их последовательно, начав с экологического, возникшего во второй половине XX в.

Многие исследователи полагают в связи с этим, что основной причиной разрыва и противопоставления человека и природы служит классовая дифференциация общества. С ее обострением и накоплением социальных противоречий росло отчуждение человека от человека и параллельно ему отчуждение от природы. В итоге, «только при капитализме природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодовлеющей силой, а теоретическое познание ее собственных законов выступает лишь как хитрость, имеющая целью подчинить природу человеческим потребностям, будь то в качестве предмета потребления, или в качестве средства производства»¹.

Буржуазная ориентация на покорение природы, гарантом правильности и безошибочности которой служит гегелевская философия, становилась, по мере роста технических возможностей человека, все более агрессивной.

Аналогичные тенденции развивались в политэкономии. По А. Смиту, богатство народов определяется совокупной ценностью ежегодно вновь производимых материальных благ. Здесь ясно проступает узость классической политэкономии, упускающей из виду богатство природы и самого человека.

Понимание богатства в узкоэкономическом смысле привело к воспеванию разделения труда на том основании, что при разделении операций может быть произведено гораздо больше изделий, чем без него. Разделение труда, доходящее до тейлоровской системы, давало воз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. Т. 46. Ч. I. М., 1968. С. 386–387.

возможность заменить человеческий труд машинным, вело к разорванности человеческого бытия и, как следствие, упущению из виду целостности природы и человека.

Общему динамическому характеру западной души соответствовала и трудовая теория стоимости, если учесть, что труд ставился Смитом и Рикардо почти исключительно в зависимость от наличия капитала. Само по себе природное богатство объекта оказывалось чем-то несущественным для его стоимости, а вместе с тем падало и значение природы как таковой.

В основе экономической эйфории А. Смита лежало убеждение в целесообразности организации человеческого общества подобно тому, как таковая существует в мире физических явлений. Смит говорит о «естественной гармонии», хотя здесь мы имеем дело со своеобразным политэкономическим вариантом «предустановленной гармонии». А. Смит не исследовал взаимоотношения экономики с другими отраслями человеческой деятельности. Если все целесообразно, то и развитие каждой части целесообразно. А. Смит не замечал, что экономика может подавить другие виды человеческой активности, и оказался, таким образом, проводником концепции обособленного экономического роста.

Экономисты до недавнего времени в силу самого характера их профессии и специфики общества ставили во главу угла материальное производство (не включая в него производство самого человека как личности). «Подлинная сила предпринимателя связана с тем, что Гобсон называл „сферой прогрессирующей промышленности“, т. е. с его способностью изыскивать новые способы изготовления товаров»². Капиталист спешит получить прибыль, так как действует принцип «все или ничего», и он преуспевает в этом, воздействуя на производство и психологию масс. Капитализм вовлекает всех в безумную гонку производства и потребления. Предприниматель стремится производить все, обеспечивающее прибыль; потребитель — потреблять нечто новое, считающееся престижным. В итоге получается, что в так называемых развитых странах производится масса ненужного, в развивающихся и наименее развитых отсутствуют товары первой необходимости.

У А. Смита интересы общества на стадии капитализма автоматически совпадают с интересами отдельной личности. Как же иначе, если «богатство страны складывается из суммы богатств отдельных лиц». Классическая западная политэкономия — апология производства и капитала, и зиждилась она на «процветании» до поры до времени капиталистической системы с ее пониманием богатства. Предостережения Т. Мальтуса и некоторые осторожные высказывания Рикардо и других экономистов склонны были рассматриваться ею как курьез.

² Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 128.

Обосновывая принцип экономического либерализма, А. Смит писал, что в человеческих делах надо только дать полный простор природе. Это верно, но природу Смит понимал на свой лад, по существу, оправдывая ею анархию производства. В то же время Смит прав, когда, рассматривая капиталистическую экономику и имея дело с капиталистом, пишет, что товарная экономика основывается на эгоизме. Действительно, при существующих свойствах капиталиста экономика развивается, разделение труда прогрессирует и вместе с тем приближается кризис человека и окружающей природы.

Человек в капиталистическом обществе — источник рабочей силы, а природа — источник сырья. «Выжимание пота» и «выжимание ресурсов» идут рука об руку. Господство одних над другими стимулирует стремление к господству над природой всех. Кризис во взаимоотношениях человека с природой есть отражение кризиса в отношениях человека с человеком, и экологическое отчуждение есть отражение социального отчуждения.

Социальная несправедливость влечет за собой и отрицательные экологические последствия, и если бы это было своевременно замечено и исправлено, многие экологические трудности были бы преодолены в своем зародыше. Приведем пример, в простой и явной форме иллюстрирующий связь социальной несправедливости с экологическими трудностями. С вредными последствиями применения новых синтетических веществ, служащих источниками загрязнения природной среды, сталкиваются прежде всего рабочие, изготавливающие их. Они получают так называемые профессиональные заболевания. Вследствие социальной несправедливости это расценивается как нечто естественное и неизбежное, и только тогда, когда экологически негативные последствия применения данного вещества начинает чувствовать на себе большинство населения, общество бьет тревогу. Наличие социальной справедливости не дало бы возможности выпускать эти вещества или потребовало бы проведения детальных предварительных исследований. Забота о рабочих и их участие в выборе того, что производить, было бы не только актом социальной справедливости, но имело бы и важные положительные экологические последствия.

Углубляющееся обострение противоречий между человеком и природой во второй половине XIX в. вело к тому, что оптимизм западной философии стал сменяться пессимизмом. В противовес гегелевской вере в диалектическое восхождение от низшего к высшему, Э. Гартман называл органическую эволюцию вырождением, и животное царство в целом паразитом растительного (хотя и с оговорками).

По мнению А. Бергсона, в процессе развития единство не устанавливается, а, наоборот, разрушается. Он отрицал возможность взаимного

приспособления частей в процессе их развития и считал, что гармония бывает полной только вначале и происходит из первоначального тождества. Данное положение соотносится с общей гносеологией А. Бергсона, согласно которой подлинное знание достигается не наукой, а погружением в жизнь, развитием в человеке того, что тождественно жизни как предшествующему этапу становления человеческого создания. По А. Бергсону, имеются два движущихся в противоположных направлениях взаимопроникающих друг в друга потока — жизненный и материальный, и жизнь не что иное, как творческое преобразование материи через компромисс с ней, который выражается в становлении организма. Если бы Бергсон дожил до экологического кризиса, то, исходя из своей концепции, объяснил бы его легко: интеллект приспособлен лишь для изменения мира, но изменение без внутреннего постижения жизни чревато катастрофой.

В своих преобразовательных устремлениях западный мир остался глух и к пессимизму Э. Гартмана и к соображениям А. Бергсона. Преобразовательные тенденции нарастали, достигнув наивысшего выражения в философии Ф. Ницше, представившего волю к власти в качестве фундаментального принципа жизни, которому подчинены и познание, и практика.

«Добиться власти над природой и для сего известной власти над собой», — так представлял себе цель развития человечества Ницше. По существу, эта программа и реализовалась в западном мире. Заслуга Ницше в том, что ясно выразил противостояние человека и природы, которое имело место и до него.

Воля к власти выступает как следствие обособления человека от природы и себе подобных, от породившей его целостности. Обособившийся человек пытается познать и преобразовать целое с помощью редукционистских и экспансионистских методов. Воля к власти — способ борьбы обособившегося от природной среды и собственной природы человека.

Ницше, а также З. Фрейд много сделали для анализа подсознания человека и идущих от него скрытых мотивов деятельности. Благодаря их исследованиям стало яснее видно, что одна из причин нынешнего экологического кризиса заключается в стремлении человека к власти над природой. Человек разрушает мир идеально в процессе познания, а затем материально в процессе преобразования. Вряд ли справедливо представлять страсть к разрушению и стремление к власти в качестве основополагающих особенностей природы человека, но несомненно, что они в большой степени присущи западной цивилизации и выходят на первый план в эпоху перерастания капитализма в империализм. Стремление к власти над природой ведет к экологическому кризису именно потому, что природа есть порождающее человека начало и разрушение ее подрывает основу существования общества.

Переход от традиционного капитализма к современному, в котором власть принадлежит не владельцу средств производства, а управляющему, менеджеру, ничего не меняет по своей сути. «Эта система (индустриальная система развитого капиталистического общества — А. Г.) требует, чтобы люди работали как можно больше для производства возможно большего количества товаров. Если бы они прекращали работать по достижению определенного достатка, это поставило бы пределы расширению самой системы. В этом случае рост не мог бы служить целью... реклама и связанные с ней виды деятельности выполняют, очевидно, весьма значительную общественную функцию. Эта функция простирается от управления спросом, являющегося необходимым дополнением к контролю за ценами, до формирования психологии общества, необходимой для деятельности и престижа индустриальной системы»³. Расширяясь, индустриальная система выходит за рамки отдельных государств, формируя транснациональные корпорации, которые распространяют экологическое давление на весь земной шар.

Имеет смысл говорить о трех типах эксплуатации и извлечения прибавочной стоимости. Причина того, что благосостояние трудящихся развитых капиталистических стран не уменьшалось, а росло, заключалась в том, что правящий класс, снизив нормы присвоения прибавочной стоимости рабочим, усилил эксплуатацию идей и природы.

Иногда утверждается, что причина роста уровня жизни в развитых странах заключается в использовании достижений научно-технического прогресса. Если разделить этот довод на его составляющие, то и получится, что рост благосостояния правящего класса достигнут за счет, с одной стороны, эксплуатации новых научно-технических идей, а, с другой стороны, — природы, поскольку новые идеи воплощаются в жизнь для увеличения эксплуатации природы, на что и нацеливался научно-технический прогресс.

Еще в начале 60-х гг., когда экологический кризис только начинался, американский ученый Б. Коммонер привел данные о том, что наибольшие прибыли капиталистам приносят наиболее загрязняющие среду производства, от которых не отказывались именно потому, что они приносили сверхприбыль. Развитым капиталистическим странам удается избегать крупных экономических кризисов ценой увеличения эксплуатации природы и извлечения сверхприбыли из нее. Это, однако, и привело к глобальному экологическому кризису. Глобальному, так как многие страны бросились вслед за Западом использовать достижения НТР для эксплуатации природы. Не секрет, что экономика СССР в 70–80 гг. жила во многом за счет экспорта нефти и природного газа, т. е. за счет природных ресурсов, которыми богата наша страна.

³ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 257, 258.

Утверждают, что развитым капиталистическим странам удалось улучшить экологическую ситуацию благодаря огромным капиталовложениям и ужесточению законодательства в области охраны окружающей среды. При этом упускают добавить, какой ценой. Улучшение экологической ситуации в развитых странах Запада произошло также за счет перенесения наиболее загрязняющих производств в страны третьего мира и экспорта в них отходов экологически вредной деятельности. Сейчас делаются попытки превратить в такой же экологический отстойник развитых стран Запада территории бывшего СССР.

Это не решение экологических проблем, а их сдвиг. Остается справедливым, что классовые противоречия, проецируясь, перекладываясь на природу и разрешаясь за ее счет, только переходят из разряда социальных в разряд экологических, даже если имеется в виду природа не данной страны, а других стран.

Часто также спорят о том, на чем надо сосредоточиться в первую очередь: на решении социальных или экологических проблем. Эти споры лишены смысла. Решать и те, и другие проблемы надо в комплексе.

К такому выводу приходишь и, анализируя нынешний кризис, с которым человечество столкнулось уже в XXI в.

Кризис бродит по планете. Останавливаются предприятия, лопаются фирмы, девальвируются валюты. Русского человека кризисом не удивишь. После бед, свалившегося на него в XX в. — империалистической, отечественной и гражданской войн, революций и репрессий, национализаций и приватизаций, коллективизаций и разрушения колхозов, дефолтов и девальваций ему, кажется, уже ничего не страшно. Оporоченная эпоха застоя представляется теперь, пожалуй, единственным спокойным временем в XX в. Конечно, приходилось стоять в очередях за продуктами, но, согласитесь, все-таки застой лучше шоковой терапии.

Вернемся к нашим временам. Как ни хвали или ругай прошлое, а думать-то надо о том, как жить сейчас. Встают два обычных русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?» Конечно, можно думать, что кризис пришел откуда-то издалека, и мы здесь как бы не при чем. Можно критиковать власть, забыв, что никто никогда серьезно против нее не выступал, за исключением расстрелянных в Белом доме и около Останкино. Можно сказать, что правительство не оправдало наших ожиданий, забыв ответ Печорина на вопрос Грушницкого: «Зачем она подавала надежды?» — «А зачем же ты надеялся?» Можно удовлетвориться мнением официальных экономистов о том, что в этом году будет трудно, но в следующем все станет нормально. Разве мы не слышали таких обещаний всю нашу жизнь? Единственно, что трудно признать — что в этом кризисе есть доля и нашей вины.

Конечно человек всегда потреблял, как и растения и животные. Но Homo consumers — **Человек Потребляющий** — отличается от обычного

человека тем, что структура его личности смещена по оси «производство — потребление» в сторону потребления. Он уже не хочет производить, работать, творить, а хочет только потреблять, и если соглашается что-то производить, то неважно, что именно, лишь бы потом, получив за свою работу соответствующее вознаграждение, использовать его на потребление. Человек с такой потребительской структурой личности начал преобладать именно в XX в. в западных странах, а в России в последние 20 лет, и общество, в котором большинство людей имеют такую структуру личности, получило название **общества потребления**.

Возникает вопрос, насколько понятие «общество потребления» применимо к нашей стране, в которой треть населения находится за чертой бедности, да и основной массе далеко до стандартов среднего класса? Но помимо того, что главным в характеристике общества потребления является структура личности большинства населения, следует отметить, что даже в бедных странах существуют «островки перепотребления», формирующиеся за счет наживающихся на спекуляциях банках, всевозможных посреднических фирм, коррумпированного чиновничества и т. п. Расширяясь, они образуют «архипелаг перепотребления», который подминает под себя производство и начинает рассматриваться в качестве эталона потребления, на который ориентируется остальная масса населения. Так создается парадоксальная ситуация, когда и бедный может стать Человеком Потребляющим.

Человек Потребляющий не возникает стихийно, он создается господствующей идеологией. Зачем ей это нужно? Во-первых, структура Человека Потребляющего проще, и, стало быть, таким человеком легче управлять. Во-вторых, такую структуру личности имеют власть имущие и они тем самым создают себе подобных. Трудно заставить человека производить, если сам не производишь. Легче заставить его на собственном примере стремиться потреблять. Дать стремление, но отнять разум, потому что иначе человек поймет, что на него воздействуют, и попытается, освободясь от воздействия, получить те блага, которые его заставляют желать.

Структура создания Человека Потребляющего такова. Сначала проводится компания по девальвации высших человеческих ценностей созидания и производства. Цель — изменить сознание человека, уничтожив в нем высшее измерение и превратив в одномерное существо, массового потребителя, алчущего и глупого. Воспитание алчности само по себе приводит к дебилизации и таким образом убиваются сразу два зайца.

Проводится гигантский эксперимент по превращению человека в алчущего дебила, и за 20 лет получены впечатляющие результаты. Из всех искусств, важнейшим для творцов Человека Потребляющего, является телевидение. В новом, информационном обществе действует и новая форма насилия — информационное насилие. Инструментом его является телеви-

дение. На ниве производства оболваненного потребителя успешно трудятся выпускники «фабрик звезд» и создатели мыльных сериалов. Потребители телевизионного «мыла» становятся питательной средой для создания «финансовых пузырей». За 20 лет в России произошел духовный переворот по известным рекомендациям А. Даллеса. Еще недавно на экране преобладали люди труда — шахтеры, трактористы, сталевары. Теперь пространство экрана заняли бизнесмены, звезды кино и спорта, бандиты и следователи. На смену героям производства пришли герои потребления. Еще недавно был почетен труд. Теперь почетна собственность, и чем она больше, тем лучше. В моде не ученый, а олигарх, банкир, топ-менеджер и другие порождения общества потребления.

Главным двигателем потребления становится реклама. Она не только прерывает сериалы, но образует с ними одно целое в системе производства Человека Потребляющего. Реклама — торжественный гимн идее потребления, и ей принадлежит главное место в процессе производства желаний.

Телепушка действует в интересах эксплуататорского (по Л. Н. Толстому, насилующего) класса. Этим объясняется тот факт, что все разговоры о необходимости изменения содержания телепередач ни к чему не приводят. Но почему же человек раскрывается перед этим оружием, а не нажимает кнопку, выключая телевизор? Что заставляет его становится жертвой ТВ-пушки? Человек выталкивается из реального мира — из политики, управления производством, но хочет хотя бы вида участия в мировых делах. В этом проявляется его общественная сущность. И телевидение дает ему иллюзию участия. Чем сильнее он выталкивается из реальной жизни, тем более беззащитен перед **телевизионным оружием**.

«Современный человек проводит все менее и менее свою жизнь в труде на производстве, а все более и более он проводит ее в производстве и непрерывном обновлении своих собственных потребностей и своего благосостояния»⁴. Производство становится для него все менее значимым. Удалось найти работу, за которую много платят, и прекрасно. Какие обязанности нужно выполнять неважно, лишь бы хорошо платили. Человек Потребляющий не рассматривает в качестве необходимой предпосылки своего потребления общественное производство, которое создает потребляемый продукт. Так, маленький ребенок не задумывается над тем, что игрушку, которую ему подарили, кто-то изготовил. Подросший ребенок не спрашивает у родителей, за что им платят деньги, на которые родители их содержат. Родители радуются, что их выросшее дитя устроилось на высокооплачиваемую и, стало быть, престижную работу, не спрашивая, за что же ему платят большие деньги.

⁴ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 110.

Мы хотим добра нашим детям и заботимся о том, чтобы они развивались творчески: занимались науками, рисовали, пели, плясали. А свои собственные задатки губим, стараясь устроиться в фирмы, где больше платят. Чтобы привлечь людей в нетворческие учреждения, надо платить им больше, чем платят на работе творческой. Но где взять деньги для привлечения сотрудников фирме, которая сама ничего не производит? Взять кредиты, обеспечивая работой еще и банки. Но чтобы выплатить эти кредиты, надо взять еще большие. И растет финансовый пузырь до тех пор, пока не лопнет. Жизнь в кредит характерна в настоящее время и для отдельных индивидов, и для фирм и для целой страны — эталона потребления. Не случайно кризис начался именно в США.

Отношения работодателя и наемного служащего упрощаются до предела: сделал — получил, вне всякого отношения к сути работы. Наемный рабочий предстает в виде слуги, выполняющего любую работу. **Забыто понятие служения, осталась служба**, которая отличается от служения тем, что выполняется исключительно ради денег, а не ради осуществления иных, неденежных, ценностей. Вот он критерий, отделяющий обычного потребителя от Человека Потребляющего. Если человек работает только ради денег, не думая о том, что он производит — перед нами Человек Потребляющий.

Потребление, при котором забыто производство, удачно названо «головокружительным потреблением». Мы выносим за скобки главное — производство. В результате — «головокружительный кризис», кризис не перепроизводства, как на классической стадии капитализма, а **кризис перепотребления**, суть которого в том, что потребляют больше, чем производят. Перепотребление — это не только излишнее потребление, но потребление, превышающее производство.

Общество устойчиво, когда его экономическим основанием является расширенное производство. Часть прибыли, остающейся от продажи произведенного, используется как капитал для расширения основных фондов. Если же потребляется больше, чем производится, капитал не только не образуется, но общество проедает основные фонды. Потакая желанию не производить, но жить в достатке, пытаются обеспечить это с помощью печатного станка, что ведет к инфляции и девальвации. Экономическая пирамида становится все более неустойчивой и наконец обрушивается, подминая под собой все население.

Кризис напоминает рак: чудовищное разрастание бесполезных клеток, которые работают не на общественный организм, а на самих себя, и используют полезные силы организма для своекорыстных нужд. Животное потребляет столько, сколько нужно для насыщения; человек в принципе может запасать бесчисленное количество материальных предметов или их знаков. Раньше крестьянин мог прокормить только себя, теперь, возможно,

1000 человек. Тут и таится опасность. Оставшиеся 999 могут начать вести паразитический образ жизни вместо того, чтобы развивать новые виды производства, высокие технологии, науку и т. д. И рано или поздно система рухнет, погребая под собой того одного, «который с сошкой».

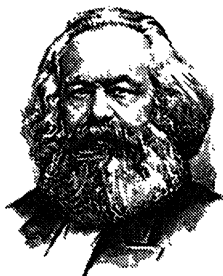
Чтобы преодолеть глубинные причины нынешнего кризиса, необходима переоценка ценностей, отказ от ложных, навязываемых ныне потребительских ценностей ради ценностей творчества, производства, труда, справедливости, родины, семьи, познания себя и мира, любви и заботы о ближнем, милосердия — высших духовных ценностей, соответствующих природе человека и обеспечивающих эволюцию *Homo sapiens*.

Каждый должен спросить себя: кто я — производитель или потребитель? Когда человек устраивается на работу, он прежде всего должен интересоваться, чем будет заниматься. Не будет ли он заниматься созданием финансовых пирамид и тому подобной псевдодеятельностью. Этот вопрос важен для каждого отдельного человека и для страны в целом. Как Советский Союз в конце 1920-х гг. свернул НЭП и начал развивать крупную промышленность, так сейчас в России надо вместо нынешней потребительско-сырьевой экономики создавать такую, которая основана на высоких технологиях. СССР смог решить поставленную задачу в кратчайший срок и победил во Второй мировой войне. Если не сделать аналогичного рывка сейчас, мы проиграем следующую, поистине глобальную войну. Осуществить необходимый подъем могут культурные и высокодуховные люди, поднявшиеся к вершинам созидания.

Постоянно функционирующий в Институте философии РАН открытый академический теоретический семинар «Марксовские чтения». Группа комплексных проблем национальной политики при дирекции ИФ РАН. Межведомственный научно-учебный центр комплексных проблем национальной политики РАН (Центр «Нации»). Высший институт управления. Российское философское общество (РФО). Общероссийская общественная организация «Российские Ученые Социалистической Ориентации» (РУСО). Международный журнал «Марксизм и современность» (Киев). Общероссийская общественная организация «СОЮЗ». «Экономическая и философская газета». Некоммерческий Фонд «Центр марксистских исследований»

**Программа
Международной
научно-практической конференции**

«Учение Маркса в XXI веке»

**Посвящается 190-летию
со дня рождения Карла Маркса
(5.5.1818 – 5.5.2008)**

Москва

**Институт философии РАН, 25–26 апреля 2008 г., 10⁰⁰–19⁰⁰
(ул. Волхонка, 14, 2-й этаж, Красный зал), ст. м. «Кропоткинская»,
выход к ГМИИ им. А.С. Пушкина**

25 апреля**Утреннее заседание — 10⁰⁰–14⁰⁰****Открытие конференции — Д. В. Джохадзе****Пленарные брифинги-доклады и выступления в дискуссиях:**

Багатурия Георгий Александрович — д-р филос. н., проф. философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, пред-ль редакционной комиссии международного ныне издаваемого Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала — *Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA)* — «Теория Маркса и наша реальность».

Хорхе Марти Мартинес — чрезвычайный и полномочный посол Республики Куба в Российской Федерации — «Социально-политическое и культурно-историческое значение кубинской революции и перспективы дальнейшего развития Республики Куба».

Алексис Новарро Рохас — чрезвычайный и полномочный посол Боливарианской Республики Венесуэла в Российской Федерации — «Боливарианская Республика Венесуэла сегодня: перспективы социалистического развития»

Ключаев Феликс Наумович — д-р экон. н., проф., Лауреат государственной премии СССР, зав. лабораторией Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН — «Маркс и теория социализма в XXI веке».

Косолапов Ричард Иванович — д-р филос. н., проф. философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова — «О логике исторического процесса».

Гобзов Иван Аршакович — д-р филос. н., проф. философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова — «Легко ли быть марксистом?»

Сычев Николай Васильевич — д-р экон. н., проф. ин-та экономики РАН — «Капитал» К. Маркса и экономика: “к вопросу теории и методологии”.

Орлов Владимир Вячеславович (Пермь) — д-р филос. н., проф., зав. каф. философии Пермского госуниверситета, заслуженный деятель культуры — «Капитал» Карла Маркса и современность».

Плетников Юрий Константинович — д-р филос. н., проф., главн. науч. сотр. ИФ РАН — «Социализация капитала: проблемы и перспективы».

Гриффен Леонид Александрович (Киев) — д-р техн. н., проф., акад. АН высшей школы Украины, акад. Академии инженерных наук Украины и инженерных наук РФ — «Марксов «Капитал» и реальный капитализм».

Трушков Виктор Васильевич — д-р филос. н., проф., зав. каф. философии Московского государственного института электроники и математики (технического университета).

Яброва Тамара Иосифовна (Киев) — канд. экон. н., доц., гл. ред. международного журнала «Марксизм и современность» — «Значение жур. «Марксизм и современность» в разработке и распространении актуальных проблем аутентичного марксизма».

Солопов Евгений Фролович — д-р филос. н., проф., проректор Института управления — «Философские открытия марксизма и современность».

Гросул Владислав Якимович — д-р ист. н., проф., главн. науч. сотр. Ин-та российской истории — «Маркс и формационный подход к историческому процессу».

Дробан Александр Терентьевич — д-р филос. н., проф. Московского государственного института электроники и математики (технического университета) — «Теория формаций — бессмертный вклад Карла Маркса в науку».

Антипенко Леонид Григорьевич — канд. филос. н., доцент, ведущий научный сотрудник Института философии РАН — «От Маркса к Хайдеггеру: критика предметной теории антропогенеза».

Келле Владислав Жанович — д-р филос. н., акад. РАЕН и академии гуманитарных наук, главн. научный сотрудник Института философии РАН — «Маркс и марксизм сегодня».

- Шевелуха Виктор Степанович* — академик РАСХН, председатель общероссийской общественной организации «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО) — «Роль «РУСО» в распространении и развитии марксистской теории социализма в России и других странах СНГ».
- Горлов Владимир Николаевич* — д-р ист. н., профессор Московского областного государственного университета — «"Красный май" 1958 года: особенности социально-политической активности молодежи Франции».
- Писчиков Владимир Степанович* (Украина) — канд. филос. н., доцент Криворожского государственного педагогического университета — «Марксова концепция исторического процесса и идея постэкономического общества».
- Ходин Михаил Максимович* (Украина) — канд. филос. н., доцент Криворожского государственного педагогического университета — «Марксова концепция исторического процесса и идея постэкономического общества».
- Чекалин А. Н.* — гл. ред. «Экономической и философской газеты» — участие в дискуссии.
- Проскурин А. П.* — зам. главного редактора «Экономической и философской газеты» — участие в дискуссии.
- Марков Владимир Семенович* — канд. филос. н., зам. председателя Международного Союза славянских журналистов — «Марксизм: история его осмысления и современность».
- Ермалавичус Юозас Юозасович* — д-р ист. н., проф. Российского государственного социального университета — выступление в дискуссии.
- Перфильев Марат Николаевич* — д-р филос. н., профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН — «Предпосылки и факторы развития общества. Идеология XXI века».
- Пятрикус Эдрик Адамо* (Вильнюс) — 1-ый секретарь литовской социалистической партии — «Карл Маркс и современная европейская социал-демократия».
- Метлов Владимир Иванович* — д-р филос. н., проф. философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова — «Современные проблемы марксистского метода».
- Рубикс Альфред Петрович* (Рига) — академик Международной академии информатизации, 1-ый секретарь социалистической партии Литвы — «Идеи Маркса в современном мире».
- Братищев Игорь Михайлович* — д-р экон. н., проф., акад. РАЕН, проректор по научной работе Международного славянского института — «Глобализация противоречий монополистического капитализма в контексте марксистско-ленинской теории».
- Суименко Евгений Иванович* (Киев) — д-р филос. н. проф., главный научный сотрудник Института социологии НАН Украины — выступление в дискуссии.
- Сухов Андрей Дмитриевич* — д-р филос. н., проф. ИФ РАН — «Маркс и Ленин о религии и современность».
- Ацеюковский Владимир Акимович* — д-р техн. н., акад. РАЕН, проф. Государственного университета управления — «Эволюция общественно-экономических формаций».
- Бузгалин Александр Владимирович* — д-р экон. н., проф. экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, гл редактор жур. «Альтернатива» — выступление в дискуссии.
- Булавка Людмила Алексеевна* — д-р филос. н., старш. науч. сотр. Российского Института культурологи РАН — выступление в дискуссии.
- Денисов Владимир Васильевич* — д-р филос. н., проф. ИФ РАН — Гуманистическая парадигма марксизма».
- Самарская Елена Александровна* — канд. филос. н., вед.н.с. ИФ РАН — «Маркс как создатель индустриального социализма».

Вечернее заседание 15⁰⁰–19⁰⁰

Пленарные блиц-доклады и выступления в дискуссиях:

Межуев Вадим Михайлович — д-р филос. н., проф., главный научный сотрудник Института философии РАН — выступление в дискуссии.

Воейков Михаил Илларионович — д-р экон. н., проф., зав. сектором Института экономики РАН — «Теоретическое противоречие марксизма и его современные интерпретаций».

Орлов Борис Сергеевич — д-р ист. н., проф., главн. науч. сотр. ИНИОН РАН — «Маркс в теоретической и практической деятельности в социал-демократии».

Кукушкина Ирина Анатольевна — к.ист.н., старш. науч. сотр. Ин-та Всеобщей истории РАН — «Австромарксизм на практике (опыт Красной Венy)».

Любин Валерий Петрович — д-р ист. н., проф., вед.н.с. ИНИОН — «Маркс и итальянские левые».

Пригарин Алексей Алексеевич — канд. экон. н., доц., заслуженный деятель науки РСФСР — «Марксизм в XXI веке — между ревизионизмом и догматизмом».

Бурдюгов Владимир Викторович (Москва) — гл. ред. Жур. «Коммунист» — «О необходимости разработки коммунистической идеологии XXI века».

Алексеева Галина Дмитриевна — д-р ист. н., проф. Института Российской истории РАН — «Почему мы плохо защищаем марксизм».

Миличевич Юлия Иосифовна — канд. техн. н., доцент Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе (МАИ) — выступление в дискуссии.

Жирнов Валентин Данилович — канд. филос. н., доц. Московской медицинской академии им. Сеченова — «Философия Карла Маркса — учение об объективной истине».

Парцвания Вахтанг Важаевич (Грузия) — д-р филос. н., проф., зав. каф. философии Зугдидского университета «Марксовское понимание проблемы отчуждения».

Островский Андрей Владимирович — д-р экон. н., проф., руководитель Центра экономических и социальных исследований Китая Института Дальнего Востока РАН — «Маркс и социализм с китайской спецификой».

Смирнов Дмитрий Анатольевич — канд. ист. н., руководитель Центра современной истории и политики Китая Института Дальнего Востока РАН — «"Китаизация" марксизма: история и современность».

Кондрашева Людмила Ивановна — д-р ист. н., профессор Института Дальнего Востока РАН — «Социализм с "китайской спецификой" как один из вариантов реализации марксистской теории социализма».

Антоновa Ирина Константиновна — канд. филос. н. «Марксизм вне политики».

Катков Виктор Иванович — зам. главного редактора «Экономической и философской газеты» — участие в дискуссии.

Новиков Борис Алексеевич — д-р социол. н., проф., декан социологического факультета Киевского политехнического института «Маркс о глобализации в контексте интеграции народов бывшего СССР».

Баранов Владимир Евгеньевич — (С.-Петербург) — к.ф.н., доц. С.-Петербургского политехнического университета — «Маркс, Энгельс и Ленин о государственном капитализме как этапе строительства социализма».

Тажуризина Зульфия Абдулхаковна — д-р филос. н., профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова — «Религия и революционная идеология».

Жеф Боссойт — сотрудник международного отдела Рабочей партии Бельгии ПТБ — участие в дискуссии.

- Головки Жанна Сергеевна* (Белгород) — аспирантка кафедры социальной работы Белгородского госуниверситета — «Опыт истории и языковая ситуация в постсоветском славянском пространстве».
- Султанов Шукур Малладаевич* (Таджикистан) — д-р ист. н., проф. госуниверситета права, бизнеса и политики
- Бранко Китанович* (Белград) — Генеральный секретарь Новой коммунистической партии Югославии (НКПЮ) — «Карл Маркс и капиталистическая глобализация в XXI веке».
- Черкавец Виктор Никитич* — д-р экон. н., проф. Экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова — выступление в дискуссии.
- Пименов Н. Н.* — студент 5-го курса Московской медицинской академии им. Сеченова
- Васина Людмила Леонидовна* — к.ф.н., руководитель группы международного издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала — Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA) — «О значении издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала».
- Герасимов Евгений Николаевич* (Киев) — канд. филос. н., доц. Киевского ин-та инженеров гражданской авиации — «Диалектика — научная основа доказательства неизбежности гибели капитализма и торжества социализма в XXI веке».
- Адуло Тадеуш Иванович* (Минск) — д-р филос. н., проф., зав. Отделом истории философии Института философии Национальной академии наук (НАН) Республики Беларусь — выступление в дискуссии.
- Хомерики Гиви Вениаминович* — д-р экон. н., проф. Московского университета МВД России — «Экономическое содержание марксизма и современность».
- Волченко Анатолий Васильевич* — д-р ист. н., профессор Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе (МАИ) — «Маркс о России и русском народе»
- Карилло Р. (Мадрид)* — 1-ый секретарь Испанской коммунистической партии народов Испании — «Манифест Коммунистической партии Маркса и Энгельса и современность».
- Беньяминов Армен Иосифович* — аспирант Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН — «Маркс и Ленин о буржуазном парламенте и парламентских выборах в аспекте современности».

26 апреля

Утреннее заседание — 10⁰⁰–14⁰⁰

Пленарные бриф-доклады и выступления в дискуссиях:

- Иванов Владимир Александрович* (Ярославль) — д-р филос. н., проф. кафедры гуманитарных и социально-политических наук Ярославского сельскохозяйственной академии — «Идеологические мифы как средство опровержения марксизма».
- Беляев Геннадий Юрьевич* — к.пед.н., старш. науч. сотр. Центра теории воспитания Ин-та теории и истории педагогики — «Марксизм как символ научной рациональности в эпоху глобализма».
- Бородин Евгений Тимофеевич* — д-р филос. н., проф. МГУ приборостроения и информатики — «Маркс гениальный ученый, но не Бог».
- Мартин Крамер-Лин* (Берлин) — д-р ист. н., проф. Института социологии Свободного университета в Берлине — «Маркс и марксизм в современной Европе».
- Закариадзе Нодар Эпифанович* (Тбилиси) — д-р филос. н., проф. философского факультета Тбилисского госуниверситета- «Маркс и марксизм сегодня».

Колотыркин Виктор Степанович — ведущий инженер ОАО корпорация Фазотрон НИИР — «Некоторые проблемы дальнейшего развития марксизма».

Портник Виктор Владимирович — 1-ый секретарь Ессентукского горкома КПРФ, помощник депутата Ставропольского края — «Конкретные исторические своеобразия марксизма в социалистической революции 1917 г.».

Балаклеец Людмила Ивановна — депутат Хурала Республики Калмыкия, 1-ый секретарь Городовиковского райкома партии КПРФ, кандидат в члены ЦК КПРФ — выступления в дискуссии.

Ермолаева Любовь Степановна (С.-Петербург) — д.филолог.н., профессор, руководитель картвелологического семинара С.-Петербургского лингвистического общества — выступление в дискуссии.

Кикнадзе Диана Васильевна — преподаватель кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского университета — выступления в дискуссии.

Вагенас Елисеос (Греция) — член ЦК Коммунистической партии Греции, зам. заведующего отделом международных отношений ЦК КПГ — «Актуальные проблемы реинтеграции народов бывшего СССР».

Москаленко Юрий Михайлович — старший преподаватель Института повышения квалификации и переподготовки кадров «Г.В. Плеханов в истории марксизма: к вопросу методологии и историографии проблемы».

Зернов Игорь Николаевич — канд. филос. н. Московского социально-экономического института — «Современные судьбы исторического материализма».

Пименов Николай Николаевич — студент 5-го курса Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова- «Идей коммунизма, социальной справедливости и гуманизма в учении Маркса».

Лизаков Борис Григорьевич — «Кризис не социализма, а нашего понимания его».

Юнусов Адхамжон Мамадалиевич — д-р филос. н., проф. Института социологии РАН — «Современные глобализационные процессы и учение Маркса о социальной справедливости».

Жан Люк Салле (Франция) — генеральный секретарь Союза коммунистов революционеров Франции — выступление в дискуссии.

Сосунова Ирина Александровна — д-р социол. н., проф., руководитель Центра социальной и прикладной экологии и *Манолаки Константин Михайлович* (Молдова) канд. полит. н., Советник министерства обороны Молдовы — участие в дискуссии

Борисова Елена Михайловна — канд. филос. н., доцент МГУ экономики, статистики и информатики — «Маркс и проблемы технического прогресса».

Джохадзе Наталья Игорьевна — канд. филос. н., доцент МГУ экономики, статистики и информатики — «Маркс и актуальные проблемы культуры».

Наумова Татьяна Владимировна — канд. филос. н., старш. науч. сотр. ИФ РАН — «К. Маркс и положение науки в современной России».

Баллаев Андрей Борисович — канд. филос. н., вед.н.с. ИФ РАН — «Маркс о среднем классе».

Архангельская Наталья Олеговна — ст. преподаватель кафедры Философии Московского государственного областного университета — «Некоторые аспекты учения К. Маркса о коммунизме в контексте опыта развития СССР».

Арсеенко Анатолий Григорьевич (Киев) — к.ист.н., ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Украины — «Новый мировой порядок» и глобализация империализма в современном капиталистическом мире».

Исаичиков Виктор Федорович — главный специалист Федерального агентства по атомной энергетике, гл. ред. жур. «Просвещение» и газ. «Марксистский листок» — «Освещение марксистской проблематики в жур. «Просвещение» и газ. «Марксистский листок».

Криштапович Лев Евстафьевич (Минск) — д-р филос. н., проф., зам. директора НИИ теории и практики гос-го управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь — выступление в дискуссии.

Бойков Анатолий Иванович (Тольятти) — начальник коммерческого отдела ОАО — «Маркс и современность».

Живица Виктор Игнатьевич — к.э.н, доц., старш. науч. сотр. Института проблем рынка РАН — «О новом взгляде на проблему заработной платы при социализме и не только».

Очкин Владимир Леонидович (Пенза) — доцент кафедры Пензенского педуниверситета им. В.Г. Белинского. — «Марксова критика идеологии и современность».

Котельников Михаил Евгеньевич — докторант ИФ РАН — «Проблема самоидентификации марксизма и логико-материалистические основания ее решения».

Суббето Александр Иванович (С.-Петербург) — д-р филос. н., проф. — выступление в дискуссии.

Ким Бойш (Испания) — ответственный за международные отношения ЦК Партии Коммунистов народов Испании — выступления в дискуссии.

Вечернее заседание — 15⁰⁰–19⁰⁰

Пленарные блиц-доклады и выступления в дискуссиях:

Сапрыкин Владимир Александрович — д-р филос. н., проф., зав. кафедрой культурологии Московского государственного института электроники и математики (технического университета) — выступление в дискуссии.

Корняков Василий Иванович (Ярославль) — д-р экон. н., профессор Ярославского Технического университета — «К.Маркс и В.И. Вернадский о мировой линии человечества».

Горбачев Николай Иванович — канд. экон. н., доц. С.-Петербургского университета экономики и финансов — «Развитие трудовой теории стоимости при формировании и реализации современных стратегии социально-экономического развития России».

Ищенко Тамара Владимировна (Беларусь) — канд. филос. н., доц. Витебского филиала Белорусского госуниверситета — «Постижение марксизма как фактор научного прогресса».

Краузе Сергей Петрович (Тульская область, Ясная Поляна) — «В защиту марксизма».

Осичнюк Ефим Вениаминович (Киев) — д-р филос. н., профессор Национальной Академии Управления — «Собственность: прошлое, настоящее, будущее».

Корсаков Сергей Николаевич — канд. филос. н., доцент, старш. науч. сотр. Института философии РАН — «Советская (марксистская) философия во второй половине 1920-х гг.».

Ильченко Артем Михайлович — аспирант кафедры экономической теории Ярославского технического госуниверситета — «Идеи Маркса в современном мире».

Гребенщиков Владимир Александрович — (пенсионер) — «О перспективных направлениях марксизма».

Федотов Александр Михайлович — зам. начальника отдела МЧС Большого театра — «Критерий оценки и бытие у Маркса».

Чижиков Александр Васильевич — «Некоторые проблемы теории социализма в контексте современности».

Соколова Зоя Ивановна (пенсионер) — д-р ист. н., проф. — выступление в дискуссии.

Зверева Ольга Васильевна (г. Пятигорск) — сурдопереводчик Российского благотворительно-го общественного фонда — «Марксизм и проблема прав человека в современном мире».

Бураков Владимир Михайлович (Пятигорск) — философ, секретарь РК КПРФ — «Марксизм и перспективы социалистического развития в России».

Бурик Марина (Киев) — член редакции молодежного научно-популярного журнала «Пропаганда» — «Современное состояние и перспективы марксистской теории. (Из опыта работы молодежных марксистских кружков в Киеве)».

Самарский Андрей (Киев) — член редакции молодежного научно-популярного журнала «Пропаганда» — «Общегосударственные автоматизированные системы управления экономикой — научно-обоснованная альтернатива рыночной анархии (на материале ОГАС и Киберсин)».

Пономаренко Виталий (Киев) — член редакции молодежного научно-популярного журнала «Пропаганда» — «Диалектика и педагогика. Педагогические идеи А. С. Макаренко в свете марксистского учения о человеке».

Ивашикевич Леся (Киев) — член редакции молодежного научно-популярного журнала «Пропаганда» — «Интернационализм как теоретическая установка марксизма и как политическая стратегия современного революционного движения».

Ивашенко Игорь (Киев) — член редакции молодежного научно-популярного журнала «Пропаганда» — «Революция или профанация? (К 40-летию студенческих выступлений 1968 года)».

Жолобек Максим (Киев) — член редакции молодежного научно-популярного журнала «Пропаганда» — «Гносеологические корни рецидивов богостроительства в коммунистической среде».

Руденко Дарья (Киев) — член редакции молодежного научно-популярного журнала «Пропаганда» — «Марксистское учение о сущности человека и проблема становления личности в современных условиях».

Пухарович Владимир Дмитриевич (Киев) старший преподаватель кафедры философии Киевского политехнического института, зам. главного редактора международного жур. «Марксизм и современность» (Киев).

Егоров Сергей Алексеевич — корреспондент «Экономической и философской газеты» — выступление в дискуссии.

Тихонов Георгий Иванович — Председатель Всероссийского общественно движения «СОЮЗ» — выступление в дискуссии.

Джохадзе Давид Викторович — «Теоретико-познавательное и практическое значение Манифеста Коммунистической партии Маркса и Энгельса в XXI веке».

Подведение итогов и принятие резолюции — 18⁰⁰

Заккрытие конференции — 19⁰⁰

Концерт студии патриотического искусства «СОЮЗ» — 19⁰⁰–20⁰⁰

Оргкомитет конференции: Багатурия Г. А., Джохадзе Д. В. (председатели оргкомитета), Беньяминов А. И., Гобозов И. А., Гросул В. Я., Дмитриев А. В., Денисов В. В., Дробан А. Т., Ключов Ф. Н., Косолапов Р. И., Орлов В. В., Орлова Л. В., Плетников Ю. К., Перфильев М. Н., Пригарин А. А., Рудинский Ф. М., Сапрыкин В. А., Солопов Е. Ф., Сухов А. Д., Шевелуха В. С., Шевченко В. Т., Яброва Т. И., Цыплаков В. И. (уч. секретарь).

Регламент: блиц-доклады — 10 мин., выступления в дискуссиях — 7–10 мин.

Перерыв: 14⁰⁰–15⁰⁰.

Столовая в здании Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ГМИИ), буфет на первом этаже ИФ РАН.

Тексты докладов и выступлений строго по теме конференции для публикации объемом до 15 страниц (1800 знаков на 1 стр.) в распечатанном виде и на дискете через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер шрифта 12, отступы со всех сторон по 2 см, (в формате Word) представляются по адресу: 119992, Москва, ул. Волхонка, 14. Институт философии РАН, Д. В. Джохадзе (тел. (495) 935-29-57 / 203-92-17; моб. 8-916-965-56-96).

Все расходы иногородних и иностранных участников конференции на проезд (до Москвы и обратно) и проживание в Москве покрываются самими участниками; регистрационные взносы не взимаются; размещением в гостиницы оргкомитет не занимается. Командировочные удостоверения будут отмечаться в оргкомитете.

Настоящая программа является официальным приглашением для участников конференции, зарегистрированных в оргкомитете конференции.

Оргкомитет

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Из наследия мировой политологии»

Черчилль У. Мировой кризис. 1918—1925.

Ллойд-Джордж Д. Мир ли это? Европейский кризис 1922—1923 годов.

Гобсон Дж. Империализм.

Самуэль Г. Либерализм: Опыт изложения принципов и программы либерализма.

Шпрингер Р. Национальная проблема: Борьба национальностей в Австрии.

Фаге Э. Политические мыслители и моралисты первой трети XIX века.

Чичерин Б. Н. Политические мыслители: От Древнего мира до эпохи Возрождения.

Гофман В. А. Слово оратора: Риторика и политика.

Куницын А. П. Энциклопедия прав: Изображение системы политических наук.

Данте Алигьери. Монархия.

Серия «Из наследия мировой философской мысли: социальная философия»

Новгородцев П. И. Об общественном идеале.

Богданов А. А. Новый мир; Вопросы социализма.

Писарев Д. И. Очерки из истории труда.

Ткачев П. Н. Анархия мысли.

Фулье А. Современная наука об обществе.

Берг Л. Сверхчеловек в современной литературе.

Фогт А. Социальные утопии.

д'Эйхталь Е. Алексис Токвиль и либеральная демократия.

Николаи Г. Ф. Биология войны. Мысли естествоведа.

Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления.

Курчинский М. А. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии.

Морлей Дж. О компромиссе.

Серия «Будущая Россия»

Малинецкий Г. Г. (ред.) Будущее России. Вызовы и проекты. Кн. 1, 2.

Арутюнов В. С. и др. (ред.) Наука России. От настоящего к будущему.

Осинов Г. В. (отв. ред.) Глобальный кризис западной цивилизации и Россия.

Ильин В. Н. Манифест русской цивилизации.

Геловани В. А. и др. СССР и Россия в глобальной системе (1985—2030).

Серия «Размышляя об анархизме»

Кропоткин П. А. Речи бунтовщика.

Боровой А. А. Анархизм.

Реклю Э. Эволюция, революция и идеалы анархизма.

Грав Ж. Будущее общество.

Лурье С. Я. Антифонт — творец древнейшей анархической системы.

Маккей Дж. Г. Макс Штирнер: Его жизнь и творчество.

Моррис У. Вести ниоткуда: Утопия.

Лебедев Н. К. К истории Интернационала.

Черкезов В. Н. Предтечи Интернационала: Доктрины марксизма.

Дамье В. В. История анархо-синдикализма: Краткий очерк.

Бученков Д. Е. Анархисты в России в конце XX века.

Рябов П. В. Краткий очерк истории анархизма в XIX—XX веках; Анархические письма.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Размышляя о марксизме»

Аксельрод Л. И. (Ортодокс). Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса.

Аксельрод Л. И. (Ортодокс). Философские очерки: Ответ философским критикам исторического материализма.

Тузан-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма.

Тузан-Барановский М. И. Социализм как положительное учение.

Юшкевич П. С. Материализм и критический реализм.

Дискуссия об азиатском способе производства: По докладу М. С. Годеса.

Хазанов В. Е. Основы социального оптимизма.

Здоров А. А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза.

Лозинский Е. И. Что же такое, наконец, интеллигенция?

Претель Д. От философии марксизма-ленинизма к философии Маркса.

Антонова И. К. Марксизм вне политики. Источники, генезис и структура работ Маркса и Энгельса по естествознанию.

Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках.

Клоцов Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы.

Сапегá В. М. Классовая борьба. Государство и капитал.

Паршаков Е. А. Экономическое развитие общества.

Корнфорт М. В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма.

Политология

Бузгалин А. В. Ренессанс социализма.

Бузгалин А. В. Социальное освобождение и его друзья («Анти-Поппер»).

Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал.

Бузгалин А. В. (ред.) Глобализация сопротивления: борьба в мире

Бузгалин А. В. (ред.) Альтерглобализм: теория и практика.

Булавка Л. А. Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в России.

Славин Б. Ф. Социализм и Россия.

Войков М. И. Предопределенность социально-экономич. стратегии: Дилемма Ленина.

Сорокин А. А. (ред.) Октябрь 1917: Вызовы для XXI века.

Чураков Д. О. (ред.) Рабочие в России: исторический опыт и современное положение.

Чураков Д. О. (ред.) Рабочий в XX веке (российский опыт).

Никаноров Г. Л. Надрыв: Правда и ложь отечественной истории XX века.

Наумов В. И. Преднамеренный развал СССР. Вселенская трагедия.

Тел./факс:

(499) 135-42-46,
(499) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

<http://URSS.ru>

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)

«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)

«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)

«Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)

«Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)

«Гнозис» (м. Университет, 1 г-м. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (495) 939-4713)

«У Невтавра» (РГГУ) (м. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (499) 973-4301)

«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Джохадзе Д. В. (отв. ред.) **Учение Маркса. XXI век. Кн. 1, 2.**

Джохадзе Д. В., Косолапов Р. И. (отв. ред.) **Сталин и современность.**

Серия «Маркс, Энгельс — творцы научного социализма»

Маркс К. **Капитал: Квинтэссенция ВСЕХ ТОМОВ «Капитала».**

Маркс К. **Нищета философии.**

Маркс К. **К критике политической экономии.**

Маркс К. **Труды по эпикурейской философии.**

Энгельс Ф. **Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса.**

Энгельс Ф. **К истории древних германцев. Франкский период. Марка.**

Энгельс Ф. **История Ирландии; Каутский К. Ирландия.**

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями.

Серия «Размышления о марксизме»

Ленин В. И. **Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения.**

Ленин В. И. **Государство и революция.**

Ленин В. И. **Империализм, как высшая стадия капитализма.**

Ленин В. И. **Две тактики социал-демократии в демократической революции.**

Ленин В. И. **Детская болезнь «левизны» в коммунизме.**

Ленин В. И. **Шаг вперед, два шага назад: Кризис в нашей партии.**

Богданов А. А. **Краткий курс экономической науки.**

Лафарг П. **Экономический детерминизм Карла Маркса.**

Бернал Дж. Д. **Марксизм и наука.**

Покровский М. Н. **Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.**

Чернышев И. В. **Памятная книжка марксиста.**

Каутский К. **Экономическое учение Карла Маркса.**

Каутский К. **Путь к власти; Славяне и революция.**

Каутский К. **К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»).**

Каутский К. **Очерки и этюды по политической экономии.**

Каутский К. **Американский и русский рабочий.**

Каутский К. **Этика и материалистическое понимание истории.**

Славин Б. Ф. **О социальном идеале Маркса.**

Павловский В. В. **«Гражданская война во Франции» К. Маркса и современность.**

Бузгалин А. В. (ред.) **Марксизм: Альтернативы XXI века.**

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:

тел./факс (499) 135-42-16, 135-42-46

или электронной почтой URSS@URSS.ru

Полный каталог изданий представлен

в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

**Научная и учебная
литература**

УЧЕНИЕ МАРКСА

XXI ВЕК

МАРКСИЗМ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ
КРИЗИС

Размышляя
о марксизме

URSS